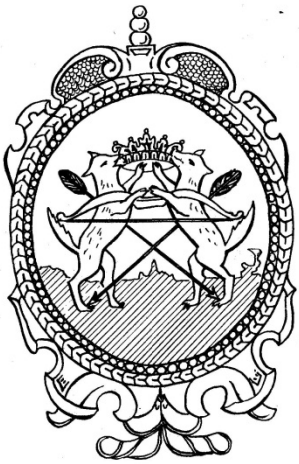
СЕРИЯ
«ПАМЯТНИКИ ПРИРОДНОГО
И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СИБИРИ»



НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОСТРАНСТВО СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА И СИБИРИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ XVIII в.

(ПО ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ ПУБЛИКАЦИЯМ Г.Н. ПОТАНИНА)

Составители:
Н.М. Дмитриенко, Т.В. Родионова

Издательство Томского университета
2013

УДК 94(574+571.1/.5)
ББК 63.3 (5Каз+253)
П 82

Научный редактор
доктор исторических наук *Э.И. Черняк*

Составители
доктор исторических наук *Н.М. Дмитриенко,*
Т.В. Родионова

Пространство Северного Казахстана и Сибири в истории
П 82 ческой ретроспективе XVIII в. (по документальным публика
циям Г.Н. Потанина) / Сост. Н.М. Дмитриенко, Т.В. Родионова;
науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 314 с.

ISBN 978-5-7511-2141-9

Представлена систематизированная выборка из археографического собрания, созданного Г.Н. Потаниным по выпискам из архивов Омска и Томска и опубликованного в 1866–1867 гг. в московском научном журнале «Чтения в Обществе истории и древностей российских». В документах отражена жизнь населения, хозяйственное освоение североказахских и сибирских земель, деятельность казахских и джунгарских владетелей, российских чиновников, исследователей – Аблай-султана, Абулхаир-хана, Галдан-Церена, И.И. Неплюева, А.В. Беэра, Т. де Вильнёва, Г.Ф. Миллера, повседневность сибиряков XVIII в.

Переиздание собранных Г.Н. Потаниным документов, давно ставших библиографической редкостью, будет полезно для профессиональных исследователей и для тех, кто интересуется историей России и Казахстана.

УДК 94(574+571.1/.5)
ББК 63.3 (5Каз+253)

На обложке карта, составленная И.И. Исленьевым в 1770-х гг.
Воспроизводится по: Сибирь. Атлас Азиатской России.
Новосибирск; М., 2007.

ISBN 978-5-7511-2141-9

© Н.М. Дмитриенко, составление, вступительная статья, комментарии, 2013
© Т.В. Родионова, составление, вступительная статья, 2013
© Э.И. Черняк, научное редактирование, 2013

О ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПУБЛИКАЦИИ Г.Н. ПОТАНИНА В «ЧТЕНИЯХ В ИМПЕРАТОРСКОМ ОБЩЕСТВЕ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ»

Вопросы взаимоотношения русских и казахов, русских и народов Сибири и Средней Азии, формирования экономических и культурных связей России и среднеазиатских и центральноазиатских государств в исторической ретроспективе издавна привлекают внимание исследователей. Дальнейшее развитие этой темы требует поиска и вовлечения в научный оборот новых исторических источников, в том числе и опубликованных, но по разным причинам забытых, ставших библиографической редкостью. Забытым оказался и комплекс документов, опубликованных Г.Н. Потаниным в 1866–1867 гг. и больше не издававшихся.

Об архивных занятиях молодого Потанина писали его биографы, но писали как-то вскользь, не придавая им особого значения. Так, А.М. Сагалаев и В.М. Крюков, используя свидетельство самого Г.Н. Потанина, отмечали, что во второй половине 1850-х гг. он работал в Омске, выбирал из областного архива сведения по истории отношений сибиряков с обитателями приграничных территорий в XVIII в.[1] Более обстоятельно этот момент осветил М.В. Шиловский, который со ссылкой на письма Г.Н. Потанина и некоторые его архивные публикации 1860–1880-х гг. сообщал, что, работая в Омске, он «снимал копии с наиболее интересных документов, начав собирать источники по истории колонизации Сибири». И далее привёл высказывание В.Г. Мирзоева о том, что «архивные изыскания и публикаторская деятельность Потанина представляют собой существенный вклад в источниковедение Сибири»[2]. Одновременно вклад Г.Н. Потанина в формирование источниковой базы отмечал

---

[1] *Сагалаев А.М., Крюков В.М.* Г.Н. Потанин: Опыт осмысления личности. Новосибирск: Наука, 1991. С. 10–11.

[2] См.: *Шиловский М.В.* «Полнейшая самоотверженность и преданность науке». Г.Н. Потанин: Биографический очерк. Новосибирск: Издательский дом «Сова», 2004. С. 29.

и В.А. Моисеев, сказавший, что «в «Материалах для истории Сибири» и ряде других публикаций Г.Н. Потанин ввёл в научный оборот большое число обнаруженных им в сибирских архивах интересных документов (подлинники которых до наших дней зачастую не сохранились) о вторжении маньчжуро-китайских завоевателей на территорию Горного (Русского) Алтая, мужественной, но неравной борьбе местных народов с иноземными захватчиками и деятельности сибирской администрации»[1].

Парадоксально, но другие авторы, изучавшие жизнь и деятельность Г.Н. Потанина, вообще не заметили его архивных интересов. Это явное невнимание и недооценка начатых молодым Потаниным трудов, которые имели значение не столько для источниковедения, сколько для археографии Сибири, поскольку он был первым в Сибирском регионе, кто начал заниматься этой дисциплиной, свидетельствуют о пробелах в изучении и потанинской биографии, и сибирской истории в целом. На наш взгляд, архивные, вернее археографические, занятия Г.Н. Потанина имеют самостоятельное и очень важное значение в становлении Потанина как универсального исследователя Северной и Центральной Азии и в изучении истории научного освоения этих обширных регионов.

Известно, что с отрочества Григорий Потанин испытывал большой интерес к путешествиям, сбору гербариев, к рассказам очевидцев о прошлом, к фольклору. Вспоминая свою учёбу в Омском кадетском корпусе и знакомство с сыном киргизского (казахского) султана Чоканом Валихановым, Г.Н. Потанин сообщал, что записывал увлекавшие его рассказы маленького Чокана о киргизском быте и вскоре составил из этих рассказов «толстую тетрадь»[2].

Формировавшийся в школьные годы интерес к изучению истории, если называть вещи своими именами, не исчез и после того, как, окончив в 1852 г. Омский кадетский корпус, Григорий Потанин получил чин хорунжего Сибирского казачьего войска и был направлен в 7-й казачий полк, расквартированный вдоль Иртыша, на североказахских территориях. Именно там, а чуть позже на Алтае, как свидетельствуют первые научные и публицистические выступления

---

[1] *Моисеев В.А.* Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983. С. 5–6.

[2] *Потанин Г.Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. Т. 6. С. 92; *Автобиографические* беседы Г.Н. Потанина. (Записано с его слов в 1905 г. в Москве М.Х. Свентицкой) // Северная Азия: Общественно-научный журнал. М., 1927. Кн. 5–6. С. 125.

Г.Н. Потанина, он стал собирать и записывать устные свидетельства, предания и рассказы местных жителей[1].

В 1856 г. Г.Н. Потанин добился перевода на службу в Омск и получил назначение в контрольное отделение войскового правления Сибирского казачьего войска, где ему поручали проверять шнуровые книги. Встреча с однокашником Чоканом Валихановым, служившим в то время при западно-сибирском генерал-губернаторе Г.Х. Гасфорде, позволила заняться более интересной работой, которая сначала предназначалась начальником Областного управления сибирских киргизов, полковником К.К. Гутковским, самому Валиханову. О полученном задании Г.Н. Потанин вспоминал следующее: «Это выписки из областного архива, первые акты которого относятся к половине XVIII столетия. В архиве много интересных сведений о сношениях русских пограничных начальников с киргизскими родоначальниками и с князьями соседнего Джунгарского ханства, а также о торговле между Сибирью и городами Восточного Туркестана. В этом архиве заключается документальная история последних дней существования Джунгарского ханства. При живом сангвиническом характере Чокана эта работа, сама по себе интересная, но требовавшая усидчивости, оказалась не в его вкусе, он передал её мне, и я успел пересмотреть архив от 1645 по 1755 год. Я делал выписки и передавал их Чокану, а Чокан отвозил их Гутковскому»[2].

Вслед за выполнением первого поручения Григорий Потанин обратился к разборке архива штаба войск Западной Сибири, к работе гораздо менее интересной для него, но, тем не менее, добросовестно им выполнявшейся.

Оценивая первый опыт архивоведческих занятий Г.Н. Потанина, нужно прежде всего отметить его необычайное трудолюбие, способность к кропотливой, требующей не только усидчивости и постоянного внимания, но и немалых знаний, работе. Ведь ему потребовалось прочитать огромное количество рукописных текстов XVIII в. с множеством забытых слов и выражений, переписать их вручную. К тому же, как позже выяснилось, он копировал документальные тексты в двух экземплярах, один передавал начальству, другой ос-

---

[1] См. напр.: *Потанин Г.Н.* Полгода в Алтае // Русское слово: Литературно-научный журнал, издаваемый графом Кушелевым-Безбородко. СПб., 1859. №9, отдел 1. С. 61–134; *Он же.* Юго-Западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. СПб., 1864. Вып. 6, отдел 1. С. 1–154.

[2] *Потанин Г.Н.* Воспоминания… С. 77.

тавлял себе. Не случайно видный российский путешественник, исследователь Азии П.П. Семёнов (будущий Тян-Шанский), находясь проездом в Омске, заинтересовался выписками Григория Потанина и посоветовал ему «выбраться в Петербург, в университет»[1]. Позже, возвратившись из Петербурга в Сибирь и работая в 1864–1865 гг. в Томске, Г.Н. Потанин вновь занялся архивными разысканиями, теперь уже в архиве Томской губернской казённой палаты[2].

Разумеется, собирая устные и письменные свидетельства, Г.Н. Потанин не мог не использовать их в своих публикациях. Самая первая из них была подготовлена сразу по окончании кадетского корпуса, когда Григорий Потанин принял участие в военной экспедиции в Семиречье. Во время зимовки на р. Иссык «у подошвы Тянь-Шаня» он принимал участие в выпуске рукописного журнала, в котором поместил статью «Бегство калмыков с Волги в Монголию в 1770 году»[3]. Ясно, что без знакомства с архивными документами или рассказами, записанными со слов Чокана Валиханова, такую статью он написать бы не смог.

И всё же первым и, наверняка, самым убедительным примером собирательской и публикаторской деятельности был отец, казачий офицер Николай Ильич Потанин. Об отце Г.Н. Потанин рассказывал, как тот по поручению командующего войсками Западной Сибири возглавил казачий отряд для сопровождения следовавшего из Петербурга посольства кокандского хана на пути от Семипалатинска до Коканда. Тогда же Н.И. Потанин подготовил записки об этом походе, опубликованные в 1831 г. в «Военном журнале»[4]. Позже,

---

[1] *Потанин Г.Н.* Воспоминания… С. 95.

[2] О любви Г.Н. Потанина к работе с документами свидетельствует и такой факт: переведённый в 1872 г. после Свеаборгской каторги на поселение в г. Никольск Вологодской губернии, он получил небольшую работу у местного лесничего – переписывать акты о продаже леса. «И, что вы думаете, прямо с удовольствием переписывал, ничего не понимая!» – рассказывал он позже (см.: *Свентицкая М.* Воспоминания о Г.Н. Потанине // Северная Азия: Общественно-научный журнал. М., 1927. Кн. 5–6. С. 116). Там же, в Никольске, Г.Н. Потанин продолжил работу с выписками из томских архивов (сохранёнными его друзьями), которые, по его воспоминаниям, «дали возможность засесть за работу для географического общества». В бытность на каторге и в первые годы после освобождения были изданы собранные Г.Н. Потаниным документы, среди них «Домовая летопись Андреева по роду их, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году. Начата в Семипалатинске» (См.: *Чтения* в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1870. Кн. 4), «Наши сношения с дзюнгарскими владельцами (сборник подлинных актов, выписанных из местных архивов)» (См.: *Сборник* историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875. Т. 2, вып. 1).

[3] *Потанин Г.Н.* Воспоминания… С. 56.

[4] *Потанин Г.Н.* Воспоминания… С. 24.

в 1857 г., записки Н.И. Потанина были перепечатаны по инициативе П.С. Савельева в «Вестнике Императорского Русского географического общества»[1]. Публикатор отмечал давность и «малоизвестность» записок, которые, по его мнению, «заслуживают известности по многим сообщаемым данным, которых нет в известиях других путешественников…»[2]. И действительно, они содержат интересные сведения об условиях перехода по среднеазиатским территориям, о столкновениях с кочевниками, о днях, проведённых в Коканде, о приёме в ханском дворце.

Характерно, что вскоре после отцовской публикации состоялись сначала в сибирской, а затем и в столичной печати первые публицистические и археографическое выступления самого Григория Потанина. В «Вестнике Императорского Русского географического общества» он опубликовал воспоминания казака Максимова о пребывании в Коканде[3]. Первая археографическая работа Г.Н. Потанин была снабжена комментариями, в составлении которых он не раз ссылался на публикацию своего отца, называя его «хорунжим Потаниным». Вслед за первой публикацией, вплоть до середины 1860-х гг., Г.Н. Потанин писал и публиковал статьи и справочные материалы о томской торговле XVII в., о численности сибирского населения в XVIII в., характеризовал природное и социальное развитие Сибири и североказахских территорий в различных журнальных и газетных изданиях Сибири и центра страны, и даже в знаменитом «Колоколе», который издавал в Лондоне А.И. Герцен.

По всей видимости, у Г.Н. Потанина скопилось немалое количество архивных выписок, источниковых материалов. Не случайно во время томских арестов в мае 1865 г., связанных с «Делом о сибирских сепаратистах», у томского губернатора имелось на руках пред-

---

[1] Эта публикация, подписанная только фамилией, без указания имени или инициалов, ошибочно приписывалась Г.Н. Потанину (См.: *Указатель* сочинений Г.Н. Потанина // Письма Г.Н. Потанина. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. Т. 5. С. 215). Статья Н.И. Потанина была ещё раз перепечатана с некоторыми собственными примечаниями и комментариями географического характера Г.Е. Катанаевым в книге «Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т.38: Посвящается Григорию Николаевичу Потанину по случаю 80-летия его жизни (1835 – 22.IX.1915 г.)» (Омск, 1916).

[2] *Записки* о Коканском ханстве хорунжего Потанина (1830 года) с примечаниями П.С. Савельева // Вестник Императорского Русского географического общества за 1856 год. СПб., 1857. Ч.18, №6, пагинация 2. С. 255–289.

[3] *Потанин Гр.* Показания сибирского казака Максимова о коканском владении // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1860. Ч. 28, № 3, пагинация 2. С. 65–75.

писание из Главного управления Западной Сибири о том, чтобы «осмотреть бумаги у секретаря статистического комитета Потанина и у проживающего в Томске Николая Михайловича Ядринцева». Далее в предписании давалось распоряжение: «Потанина арестовать, Ядринцева арестовать, если в бумагах найдётся что-либо предосудительное. Отобранные бумаги представить». Несколько дней спустя в Томск пришла новая телеграмма с приказом: «Потанина и Ядринцева арестовать безусловно. Выслать под караулом в Омск тотчас с отобранными бумагами»[1].

Выполнив распоряжение об аресте, томские полицейские и жандармы произвели обыски на квартирах Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева и Е.Я Колосова, изъяли «все бумаги» и отправили их вместе с арестованными в Омск. В ходе следствия придирчиво рассматривалась потанинская корреспонденция, в ней искали «злонамеренное содержание», связи и отношения с «изобличёнными злыми агитаторами в государстве» М.А. Бакуниным, А.П. Щаповым, Н.Г. Чернышевским, а также фамилии тех, кого можно было привлечь к следствию. Внимание следствия привлекла статья Г.Н. Потанина о Сибирском казачьем войске (середины XIX в.), ему вменяли в вину «распространение идей, которые могли поколебать доверие к Правительству между казачьим населением», а выписки из архивов о событиях XVIII в. следователей не заинтересовали либо вообще ими не рассматривались[2].

С окончанием следствия 28 ноября 1865 г. все заключённые были переведены из Омской тюрьмы в Омскую крепость, где, по свидетельству самого Г.Н. Потанина, ему «позволили получать свои книги и рукописи». В числе их были «выписки из Омского областного архива, точнее из архива военно-походной канцелярии генерала Киндермана, томы которой были самые старые в этом архиве. В них заключались главным образом известия о сношениях с среднеазиатскими владениями, но были сведения и о внутренней Сибири»[3].

Пользуясь относительной свободой в ожидании судебного приговора, Г.Н. Потанин продолжил работу с архивными документами: по совету С.С. Шашкова он обратился к властям и получил разрешение западно-сибирского генерал-губернатора А.П. Хрущова делать

---

[1] *Государственный* архив Томской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1106. Л. 1, 5.

[2] *Дело* об отделении Сибири от России / Сост. Н.В. Серебренников. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 112–113, 138–139, 148–149, 159.

[3] *Потанин Г.Н.* Воспоминания… С. 214.

выписки из документов Омского областного архива за 1755–1765 гг. Кроме того, Г.Н. Потанин дополнил свои выписки материалами из архива томского Алексеевского мужского монастыря, которые предоставил ему находившийся в общей с ним камере Д.Л. Кузнецов, о чём позже свидетельствовал А.В. Адрианов[1]. Н.М. Ядринцев впос-ледствии вспоминал о том времени: «Потанин выхлопотал право разбирать областной архив; я, Шашков и он работали над ним. Шашков извлёк богатые материалы для своих исторических монографий. Потанин издал акты по истории Сибири XVII–XVIII вв., а я писал статьи «История сибирской женщины в XVIII столетии»[2].

При содействии С.С. Шашкова, которого Г.Н. Потанин высоко ценил как знатока сибирской истории, была подготовлена подборка документов, относившихся «до внутренней истории Сибири», и отослана в Москву, редактору журнала «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» О.М. Бодянскому. Там они, по свидетельству Г.Н. Потанина, «были напечатаны»[3]. В 1867 г. документальная подборка, озаглавленная как «Материалы для истории Сибири», вышла отдельным изданием[4].

Собранные и опубликованные Г.Н. Потаниным документы использовались в первую очередь им самим. Это хорошо видно по его статье о русско-джунгарской торговле, опубликованной в 1868 г. в «Чтениях…»[5]. Материалы потанинской документальной публикации привлекались в исследовании сибирской истории и библиографии его современниками А.В. Адриановым и В.И. Межовым. Фактические сведения из «Материалов для истории Сибири» были положены в основу рукописи «Очерков по истории Средней Сибири

---

[1] *Адрианов А.В.* Томская старина. Томск, 1912. С. 14.

[2] *Ядринцев Н.М.* К моей автобиографии / Публикация В. Семидалова // Русская мысль: Ежемесячное литературно-политическое издание. М., 1904. № 6, пагинация 2. С. 158.

[3] *Потанин Г.Н.* Воспоминания… С. 214.

Сведений о том, каким образом была отправлена объёмистая рукопись в Москву, не сохранилось. Однако, вспоминая о времени омского заключения, Г.Н. Потанин рассказывал о небольшой коллекции раковин и костей мелких грызунов, собранной им на берегу Иртыша во время разрешённых отлучек из тюрьмы, и о том, как обратился к однокашнику по кадетскому корпусу Георгию Катанаеву, который отправлялся в Москву для поступления в Петровско-Разумовскую земледельческую академию, и тот доставил коллекцию в Московский университет. Вполне возможно, Г.Е. Катанаев привёз в Москву и архивные выписки и передал их О.М. Бодянскому.

[4] *Материалы* для истории Сибири / Собрал Г.Н. Потанин. М., 1867.

[5] *Потанин Г.Н.* О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1868. Кн. 2, пагинация 5. С. 21–113.

XVII–XVIII столетий», подготовленной томским историком И.И. Тыжновым в 1930-х гг.[1] На документальную подборку Г.Н. Потанина ссылались и ссылаются российские и казахстанские историки, в частности В.Я. Басин, В.А. Моисеев, Л.И. Шерстова, С.З. Раздыков[2].

Современная историографическая ситуация в Сибири характеризуется однако тем, что многие молодые исследователи, обращающиеся к изучению «инородческого» вопроса, к истории казахов, джунгаров и других азиатских народов XVIII в., даже не упоминают потанинскую документальную публикацию. А между тем документы, собранные и опубликованные Г.Н. Потаниным, содержат уникальную информацию о распространении русского влияния на казахов и многие сибирские народы, о направлениях, путях и результатах восточной политики российского государства в 1730–1760-х гг. Они привносят много нового в познание истории XVIII в., дают возможность увидеть, что утвердившееся в исторической литературе мнение о мирном освоении русскими Сибири и территории Северного Казахстана далеко не соответствует историческим реалиям. В опубликованных Г.Н. Потаниным документах зафиксированы и случаи сопротивления сибирских и казахских аборигенов желанию русских властей их объясачить, и кровопролитные бои, и нападения некоторых воинственно настроенных сибиряков и казахов на русские укрепления, а также и захваты заложников, пленных, торговля пленными. В то же время по документам видно, как, спасаясь от жестоких преследований, бежали на русские территории зенгорцы, обитатели разгромленного маньчжурской армией Джунгарского ханства, как сибирские управители стремились отыскать и выкупить или отобрать силой тех русских, кто находился в плену у джунгаров и др.

---

[1] Машинописный вариант этих очерков был передан в 1990-х гг. племянником И.И. Тыжнова Е.К. Гречищевым на хранение в Государственный архив Томской области, фрагмент рукописи со ссылками на потанинскую подборку документов был впервые опубликован в 1999 г. (см.: *Тыжнов И.И.* Падение Джунгарии // Сибирь и Центральная Азия: Проблемы региональных связей. XVIII–XX вв. Томск, 1999. С. 5–21).

[2] Следует заметить, что библиографическое описание потанинской публикации в трудах современных авторов, к сожалению, грешит ошибками и неточностями, в них перепутаны годы издания, номера книг «Чтений в Императорском Обществе истории и древностей российских», а В.Я. Басин исказил и название, обозначив его, как «Материалы для истории России» (См.: *Басин Н.Я.* Россия и казахские ханства в XVI – XVIII вв. Алма-Ата, 1971. С. 215).

Собранные Г.Н. Потаниным документы позволяют проследить вовлечение северо-казахских территорий в сферу российской экономики, хозяйственное освоение русскими территорий Сибири и Северного Казахстана, в частности организацию добычи и поставки соли из казахских соляных озёр в сибирские города, формирование торговых отношений, превращение Ямышевской и Семипалатинской крепостей в центры русско-джунгарской торговли, разведку рудных месторождений, планировку и прокладку дорог, строительство крепостей, распашку земель и т.д.

В документальной публикации, осуществлённой Г.Н. Потаниным, содержатся весьма ценные материалы Коллегии иностранных дел о взаимоотношениях России и Джунгарии, России и Китая (после захвата им Джунгарского ханства), о казахских и джунгарских правителях – Аблай-султане, Абулхаир-хане, Галдан-Церене, Амурсане, а также русских военных и гражданских чиновниках – И.И. Неплюеве, К.И. Фрауендорфе, А.М. Сухареве, Т.Т. де Вильнёве, об исследователе Г.Ф. Миллере, сибирском митрополите Антонии (Нарожницком) и др. И всё же главной отличительной чертой потанинского собрания документов является его демократичность, в нём содержится информация о том, как казаки, крестьяне, сибирские автохтоны занимались охотой, промыслами, отыскивали озёра и речки с пресной водой, находили месторождения полезных ископаемых, о том, чем они питались и во что одевались, как уповали на Божью помощь и в то же время нарушали церковные каноны. Едва ли не первым в русской истории Г.Н. Потанин опубликовал ряд документов о положении русских женщин на колонизуемой окраине России.

Переиздание собранных Г.Н. Потаниным документов позволяет не только познакомиться с малоизвестными историческими реалиями XVIII в., но и оценить археографическую мысль середины XIX в. и по-новому взглянуть на самого публикатора. Можно согласиться с мнением М.В. Шиловского о том, что Потанин-исследователь главное внимание уделял проблеме народной колонизации. Но обязательно нужно отметить добросовестность и заинтересованность в фиксации самых мелких – вплоть до полушки – цен на жизненные припасы, в выпис-ках самых незначительных утрат имущества, детально перечисленных в документах, в выявлении бесправности и казахов, и русских казаков, и сибирских кочевников, и джунгаров перед захватчиками, грабителями, государственными служащими.

При этом Г.Н. Потанин соблюдал объективность, не становился ни на чью сторону, но замечал каждого отдельного человека, записал и сохранил их имена, будь то казахский хан, сибирский губернатор, мингат, торгоут, барабинский татарин, обдорский князец или русская крестьянка. Интересно, что в одном из документов он обнаружил и опубликовал сведения о своём прадеде, тарском разночинце Иване Потанине, собрал множество свидетельств о станице Ямышевской, месте своего рождения. Этот заинтересованный и, можно сказать, любящий взгляд Г.Н. Потанина на собранные им документы и заключённую в них разнообразную информацию определяет их непреходящее историческое значение. Но в силу того, что отдельное издание «Материалов для истории Сибири» превратилось в библиографическую редкость, а публикация в «Чтениях…» практически неизвестна, использование её богатых ресурсов крайне затруднено. Это и побудило нас обратиться к переизданию собранных Г.Н. Потаниным документов.

Для подготовки нынешнего издания потребовалась определённая работа по идентификации документальной публикации. Дело в том, что опубликованные в трёх выпусках (книгах) «Чтений…» 1866–1867 гг. документы и материалы имеют общий заголовок «Материалы для истории Сибири», помещённый только в начале подборки, а в двух последующих частях даны только заголовки разделов. При этом фамилия составителя документальной подборки указана только в оглавлении, помещённом в конце каждого отдельного выпуска (книги) «Чтений…». В оглавлении же первой части публикации (в 4-й книге за 1866 г.) дано общее название всей подборки и заголовки первых двух разделов, в оглавлении 1-й книги за 1867 г. – общее название публикации и заголовки 3–6-го разделов, во 2-й книге 1867 г. – общее название и заголовки 7–11-го разделов[1].

Потанинские «Материалы для истории Сибири» помещены под рубрикой «Материалы отечественные». Ни в одном из номеров «Чтений…» нет ни предисловия, ни вступительного или заключительного слова к документальной публикации. Это обстоятельство, несомненно, создаёт немалые затруднения в определении автора-

[1] Такая разноречивость оформления публикаций была характерна для издания. Так, в 1866–1867 гг. были подписаны составителями публикации иеромонаха Арсения «Доклады, грамоты и другие акты ирицкого Сергиева монастыря», составитель многочисленных документов «Приложения к запискам А.П. Ермолова» Н.П. Ермолов указан только в оглавлении. Так же с указанием фамилий составителей или публикаторов только в оглавлении помещён ряд других документальных подборок.

составителя документальной подборки. Ведь даже в примечаниях к потанинским «Воспоминаниям», опубликованным в многотомном издании «Литературное наследство Сибири», свидетельство Г.Н. Потанина о публикации собранных им архивных материалов в «Чтениях…» в 1866–1867 гг. скорректировано так: «Материалы по истории Сибири» Г.Н. Потанин издал в Москве в 1867 г., а в «Чтениях…» С.С. Шашков в 1864 г. опубликовал статью «Материалы для истории Северо-Восточной Сибири»[1].

Тем не менее факт публикации Г.Н. Потаниным рассматриваемых документов вполне точен и достоверен. Подтверждением тому служит протокол заседания Императорского общества истории и древностей российских от 15 октября 1866 г., в котором среди прочих записей значится следующая: «Гр. Н. Потанина из Омска от 28 мая, пол[учены] 19 июня “Материалы для истории Сибири XVIII века”»[2]. Эта протокольная запись позволяет полностью идентифицировать публикацию документов в «Чтениях…» с потанинской подборкой, а одновременно и восхититься организацией работы в редакции этого периодического издания. В июне 1866 г. «Материалы…» были получены, а уже в 4-й книжке «Чтений…», на обложке которой указаны месяцы октябрь–декабрь, начата их публикация, продолженная в 1-й и завершённая во 2-й книжке 1867 г.[3]

---

[1] См.: *Потанин Г.Н.* Воспоминания: Примечания // Литературное наследство Сибири… Т. 6. С. 323.

Действительно, за два года до появления потанинской публикации в «Чтениях…» были помещены представленные С.С. Шашковым три документа, а именно «Доношение Киндерману от капитана Шатилова из Анадыря», «К императрице Елизавете Петровне якутский князец Пётр Лаптев» и «Доношение в иркутскую провинциальную канцелярию из канцелярии Охотского порта. Сентября 16 дня, 1752 года» (см.: *Материалы* для истории Северо-Восточной Сибири в XVIII веке / Сообщил С. Шашков // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1864. Кн. 3, пагинация 5. С. 62–93). Ни предисловия, ни легенды, ни комментариев к этой публикации, как и ко многим другим подобным, в «Чтениях…» нет. Но ни по количеству, ни по содержанию документов эта шашковская подборка не может сравниться с той, какую подготовил и опубликовал в 1866–1867 гг. Г.Н. Потанин.

[2] *Протокол* заседания Императорского общества истории и древностей российских от 15 октября 1866 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1967. Кн. 4, пагинация 5. С. 209.

[3] *Материалы* для истории Сибири / Сообщил Г.Н. Потанин // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Повременное издание / Под ред. О.М. Бодянского. М., 1866. Кн. 4, пагинация 4. С. 1–128; *Материалы* для истории Сибири / Сообщил Г.Н. Потанин // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Повременное издание / Под ред. О.М. Бодянского. М., 1867. Кн. 1, пагинация 2. С. 129–230; *Материалы* для истории Сибири / Сообщил Г.Н. Потанин // Чтения в Императорском обществе истории

Присланные Г.Н. Потаниным документы помещались в отдельной пагинации, в которой – сплошная нумерация страниц, что впоследствии, сразу после выхода последней 3-й части документальной подборки, позволило выпустить их отдельным изданием, не внося никаких изменений в издательский макет.

Тот факт, что собранные Г.Н. Потаниным документы о событиях XVIII в. были изданы в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», говорит о многом. Это одно из самых авторитетных археографических и исторических изданий своего времени обеспечивало возможность широкой коммуникативности документов, т.е. возможность взаимодействия документа и пользователя. Впервые история Сибири и северных территорий современного Казахстана была представлена столь обширной подборкой документов. Важно помнить, что во время публикации документов Г.Н. Потанин находился в Омской тюрьме, а затем, обвинённый в намерении отделить Сибирь от России, был приговорён к каторжным работам, которые отбывал в течение трёх с половиной лет в Свеаборгской каторжной тюрьме, затем около трёх лет находился в ссылке в Вологодской губернии. Публикация материалов подследственного, а затем и каторжника – свидетельство независимости научного издания и смелости издателей «Чтений…».

Публикация документов, собранных Г.Н. Потаниным, несёт на себе все особенности российской археографии своего времени. Она опирается на предметно-тематический принцип, согласно которому все документы систематизированы по определённым темам. Все документы и выписки, сделанные Г.Н. Потаниным, распределены по 11 разделам: Состояние укреплений и войск; Пограничные дела и положение инородцев; Цены на разные предметы; Невольничество, кабала и полон; Торговля и промышленность; Беглые; Преступления; Болезни и скотские падежи; Заселение; Разные известия; Церковные дела.

Характерно, что структура документальной публикации, подготовленной Г.Н. Потаниным, перекликается с тематикой лекций С.С. Шашкова, прочитанных зимой 1865 г. в Томске. Об этих лекциях сам Г.Н. Потанин писал в одном из писем А.Д. Шайтанову: «Содержание лекций: инородцы, ясак, повинности, службы, сифилис, оспа, голод, бунты; русская колонизация в сравнении с американ-

---

и древностей российских при Московском университете. Повременное издание / Под ред. О.М. Бодянского. М., 1867. Кн. 2, пагинация 2. С. 231–324.

ской; история администрации; анекдоты о воеводах и губернаторах; нужды Сибири; богатство природы, сравнение Сибири с Америкой; недостаток народонаселения и умственного развития; необходимость университета»[1]. Темы лекций С.С. Шашкова были указаны в особой афише, сохранившейся в фондах Государственного архива Российской Федерации и опубликованной в 2002 г.: «Завоевание Сибири и историческая судьба сибирских инородцев; Русские на Восточном океане и Российско-американская компания; О колонизации вообще. Колонизация Сибири; История сибирской администрации; Производительные силы Сибири. Нужды и потребности Сибири. Университет»[2].

Думается, что такая перекличка не случайна, она только подтверждает сообщение Г.Н. Потанина об участии С.С. Шашкова в отборе документов и подготовке их к отправке в московское издание. Нужно, однако, заметить, что темы лекций С.С. Шашкова привлекали пристальное внимание следователей по «Делу о сибирских сепаратистах» и вызывали их недовольство, поскольку в них звучала критика в адрес чиновников, в частности «анекдоты о воеводах» и др. Ничего подобного в потанинской публикации нет, никаких порочащих государственных служащих материалов. Наверняка, это тот урок, какой усвоили и С.С. Шашков, и Г.Н. Потанин во время следствия, а возможно, и единственное условие, под каким разрешалась пересылка материалов в Москву. Однако, если учесть, что сбор архивных материалов Г.Н. Потанин начал задолго до приезда в Томск и знакомства с С.С. Шашковым, то следует признать, что группировка документов в потанинской публикации, которая не отвечает научной классификации, принятой в археографии и источниковедении, отражала общее довольно хаотичное состояние знаний по истории Сибири и сопредельных территорий.

Систематизация документов внутри тематических разделов вопреки сложившимся в современной археографии правилам осуществлялась не по хронологии, а по степени важности информации, как её, по всей видимости, понимал в то время Г.Н. Потанин, или же группировалась по отдельным сюжетам. Как следствие, встречаются повторы, например «Промемория Сибирской губернской канцелярии от 3 марта 1748 года» помещена дважды – в разделах «Цены на

---

[1] *Письма* Г.Н. Потанина / Отв. ред. Н.А. Флоренсов, Ю.П. Козлов. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск: Изд-во Иркут ун-та, 1987. Т. 1. С. 74.

[2] *Дело* об отделении Сибири… С. 86.

разные предметы» и «Болезни и скотские падежи». Точно так же «Прошение казаков Изылбашского станца 19 февраля 1750 года» опубликовано в разделах «Цены на разные предметы» и «О преступлениях». Кроме того, подготавливая выписки по отдельным сюжетам, например о ссыльных женщинах, о судьбе русских пленных в Джунгарии, Г.Н. Потанин ставил в названии таких подборок дату первого документа, что явно не соответствовало содержанию других выписок, в которых указывались более поздние даты.

В подготовке документов к публикации использовались сложившиеся к тому времени археографические наработки: был озаглавлен и в большинстве случаев датирован каждый документ, определён его тип или вид, например, промемория, письмо, доношение (то есть донесение), указано авторство. По содержанию и внешнему облику ряда документов хорошо видно, что часть информации давалась в изложении, в пересказе публикатора с сохранением первоначального заголовка, лексики и написания имён и географических названий. В тех случаях, когда текст документа воспроизводился дословно, он заключался в кавычки. Пересказывая или полностью воспроизводя документы, Г.Н. Потанин нередко их и комментировал, частью непосредственно в документальном тексте, частью – в подстрочнике[1]. В нашем переиздании все потанинские замечания и пояснения, данные им в круглых скобках или в подстрочнике, также как и поставленные им многоточия, вопросительные и восклицательные знаки публикуются без изменений и без дополнительных пояснений или оговорок.

Комплекс опубликованных Г.Н. Потаниным материалов и документов, как уже отмечалось, сопровождается оглавлением, включающим только заголовки тематических разделов, а не отдельных документов. В потанинской публикации нет предисловия или введения, отсутствует легенда, нет никаких указаний, откуда, из каких архивов извлечена информация. Судя по содержанию «Чтений в Императорском обществе истории и древностей российских», а также и других изданий, например «Вестника Императорского Русского географического общества», так же неполно оформлялись в то время и другие документальные публикации. Правда, некоторые из них, в том числе более ранние или более

[1] Такое смешение подходов к оформлению документа, по мнению современных археографов, говорит о неравновесности (или недостаточной степени зрелости) документальной публикации (См.: *Козлов* В.П. Основы теоретической и прикладной археографии. М.: РОССПЭН, 2008. С. 53–54).

поздние публикации и самого Г.Н. Потанина, содержат всё же отдельные элементы легенды, комментарии[1].

В подготовке переиздания собранных и опубликованных Г.Н. Потаниным документов была проведена специальная археографическая обработка. Прежде всего, была осуществлена своеобразная экспертиза ценности документов, или, говоря языком современной археографии, фильтрация документов, критерием которой стало содержание документов, территориальное и событийное ограничение документной информации темой настоящего издания. Как следствие, были опущены те документы, в которых сообщалась не имеющая отношения к истории сибирско-казахских отношений информация, например о калмыках, поселявшихся на Волге и др. В отдельных случаях документы подвергались сокращениям, которые показаны отточием в угловых скобках.

Согласно современным археографическим правилам в данном переиздании все документы и выписки систематизированы с опорой на предметно-хронологический принцип по двум разделам. Первый из них «Сибирско-казахское порубежье в ретроспективе XVIII в.» включает документы по истории взаимоотношений русских, казахов, джунгаров и других азиатских народов; во втором разделе «Сибирские селения» освещается историческая ситуация в Сибири XVIII в., жизнь сибирских насельников. Все документы внутри каждого раздела расположены строго по хронологии описываемых в них событий, а отдельные датированные фрагменты из комплексных выписок выделены как самостоятельные и озаглавлены, например «Из документа от 26 января 1745 года», «Из документов 1757 года» и т.д. Такое обновление структуры позволяет избежать допущенных в публикации 1860-х гг. повторов, увидеть многообразие событий в исторической

[1] Так, в 1875 г. вышла очередная подборка собранных Г.Н. Потаниным документов, к которой приложена легенда: «Прилагаемые материалы обязательно доставлены нам Г.Н. Потаниным. Они извлечены из архива бывшего пограничного управления сибирских киргизов». Далее каждый документ сопровождается ссылкой с указанием даты документа и номера описи в архиве (См.: *Наши* сношения с дзюнгарскими владельцами (сборник подлинных актов, выписанных из местных архивов) / Сообщил Г.Н. Потанин // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875. Т. 2, вып.1, пагинация 1. С. 1–64). Рассматривая упоминавшуюся статью Г.Н. Потанина о русско-джунгарской торговле, можно предположить, что часть её подготавливалась как комментарии к комплексу опубликованных в 1866–1867 гг. документов. По вполне понятным причинам (составитель в тюремном заключении) пояснительные материалы не были использованы в публикации, а изданы через год, в 1868 г., в тех же «Чтениях…».

динамике, последовательность или непоследовательность действия властей и населения сибирско-казахстанского пространства[1].

В ходе работы над переизданием была изменена орфография, то есть исключены буквы І (десятеричное и), ѣ (ять), ѳ (фита), ѵ (ижица), которые исчезли из русского алфавита после реформы орфографии в 1918 г. Использованы современные правила написания падежных окончаний: -аго, -яго заменено на -ого, -его, убрана буква Ъ (ер) в окончании существительных мужского рода. По возможности применена современная пунктуация. В то же время сохранены характерные для рассматриваемого в документах периода лексика и терминология. Характерно, что в ряде случаев Г.Н. Потанин использовал разные варианты написания одного и того же слова или понятия, например, ноён и нойон, ясачный и ясашный, урунхайцы, а также уранхайцы и урянхайцы, ячменя и ячменю, закащик и заказчик, салтан и султан, сохранил слог «чю». В тексте встречаются такие слова, как умертвие, претерпенный глад, зверные промыслы, усилование, репорт, сюргуч, анбар, провиянт, рудоищики, о смысле некоторых из них приходится догадываться или даже делать оговорку «так в тексте». Встречаются и явные или предположительные опечатки, исправления которых даны в постраничных примечаниях[2]. Но все варианты, разночтения и вышедшие из употребления слова и выражения сохранены как отражение особенностей русского языка и делопроизводственной документации XVIII в., а также и неустоявшейся грамматики. Точно так же в документах присутствует вариантность географических названий и топонимов. Например, сложные названия в опубликованных Г.Н. Потаниным документах даются то слитно, то через дефис: Устькаменогорск и Усть-Каменогорск, Колывано-Воскресенский и Колывановоскресенский, Усть-Тартас-

---

[1] Первым опубликованные Г.Н. Потаниным документы по хронологии систематизировал В.И. Межов в ходе подготовки указателя источников и материалов по истории Сибири (см.: *Сибирская* библиография: Указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания. Т. 1: Источники и материалы для истории Сибири: библиографические указатели, исторические и историко-юридические акты и документы, письма и мемуары / Сост. В.И. Межов. СПб., 1891. С. 145–164).

[2] Причинами таких опечаток, скорее всего, были условия публикации документов, когда публикатор не имел возможности держать корректуру. Аналогичный случай произошёл с другой публикацией Г.Н. Потанина, о которой он сообщал в 1872 г. в одном из писем Н.М. Ядринцеву вскоре после освобождения от каторжных работ: «В «Чтениях» [Общества истории и] древностей [российских] напечатана моя статья о бухарской торговле, и 100 экземпл[яров] я получил и только наплакался с ними, пока не бросил в Петербурге» (см.: *Письма* Г.Н. Потанина… Т. 1. С. 80).

кий и Устьуйская. В данном переиздании документальной подборки большинство топонимов и гидронимов даны в современном написании. Однако сохранены некоторые бытовавшие в XVIII в. названия и производные от них, которые отражают особенности лексики, раскрывают процесс становления и развития языка и передают колорит эпохи. Так, в документах на равных встречаются Тобольный и Тобольский, Ялотуровский и Ялуторовский, Пачинное, Починное, Починское и Пачинское село, Чеуский и Чауск, Телецкое и Телеское озеро. Даются без исправления и различные формы некоторых топонимов, например Семипалатинск, Семипалатинская, а также Семипалатная крепость и, судя по всему, изначальное – Семь Палат. Название Ямышевская крепость нередко передаётся, как Ямышев или Ямышево. Сохранена распространённая в описываемое время такая форма топонима, как Томской город, Ачинской острог, а также падежное окончание – в Уртамску, в Томску и т.д.

Часть нерусских имён в документальном тексте склоняется, часть даётся только в именительном падеже, титулы и звания иногда написаны слитно с именем, например Авазбай, иногда – через дефис. Все эти слова даются в современном написании, независимо от того, как это было сделано публикатором: Аваз-бай, Аблай-салтан, Абулхаир-хан.

Составляя документальную подборку, Г.Н. Потанин использовал сокращения некоторых слов, например ч. как число, рч. – речка, т.е. – то есть, г.-м. – генерал-майор, кр. или креп. – крепость, арш. – аршин, св. – святой, л. – лет, пуд. – пудов, ф. – фунтов. Такие сокращения расшифрованы и даются полностью без каких-либо оговорок. Слова «рубль» и «копейка» в ряде случаев написаны полностью, иногда, как р. и к. или рубл., согласно современным правилам археографии в тексте везде исправлено на руб. и коп., кроме тех случаев, когда употребляется старинная форма «рублёв». Сохранены характерные для времени публикации сокращения: т. д. – так далее, г. – господин, проч. – прочее. В потанинской подборке даты указаны то полностью, например 1748 год, то сокращённо – 756 г., в данном издании все даты без особых оговорок даются в современном написании, слова год и годы пишутся без сокращений, поставленные кое-где падежные окончания при обозначении дат удалены. Изменения и дополнения в заголовках документов, а также введение некоторых необходимых по смыслу слов или дат в тексте документов заключены в квадратные скобки.

В публикуемых документах нередко встречаются слова и выражения, вышедшие из употребления, описаны люди, события, факты, забытые или практически не известные в исторической литературе, поэтому Н.М. Дмитриенко подготовила комментарии и словарь устной и письменной речи XVIII в., Т.В. Родионова составила географический и именной указатели.

В завершение предисловия хотим высказать искреннюю благодарность Е.Н. Красовской, Д.М. Кижнеру, Е.Ю. Ретюнской, профессору Л.И. Шерстовой, оказавшим помощь в подготовке собранных Г.Н. Потаниным документов к переизданию. Особая благодарность научному редактору этой книги, профессору Э.И. Черняку, который первым поддержал идею издания и сделал всё возможное для её осуществления.

Н.М. Дмитриенко, Т.В. Родионова

Раздел 1

СИБИРСКО-КАЗАХСКОЕ ПОРУБЕЖЬЕ В РЕТРОСПЕКТИВЕ XVIII в.

[Из рапорта вахмистра Черных 1743 года]

Ему сказывали в орде[1], что киргизской волости ведомства Аблая[2] Худой Берди ходил воровать в 1743 году летом под ишимские слободы и привёз 20 человек пленных да 80 лошадей. На дороге Черных со своими спутниками увидел русскую бабу, гнавшую коров: хотели к ней подъехать, но провожавший их Илыметев* племянник схватил за его повод, а сам Ильмеш бросился на его спутника с ружьём; они не противились, а бабу киргизы тотчас прогнали... На обратном пути они видели другую бабу, с которой даже разговаривали. Оказалось, что её зовут Федосьей, [она] из Тары. Аблай же объявил, что у них нет никаких русских пленных.

[Из показания казака Бердюгина, 11 мая 1743 года]

Бердюгину киргизы в орде говорили о калмыках, что «еже ль, де, полону от вас им, зайсанам, не отдадут, то, де, от них непостоянство будет». В киргиз же кайсаках[3] имеется живущих башкирцев немалое число, также несколько чуваш и других подданных Её Императорского Величества[4] иноверцев, и оным, де, житье от кайсаков весьма плохое.

[Из письма султана Аблая к Павлуцкому, август 1743 года]

Просит снова о возвращении пленных, особенно о возвращении холопов и детей уже возвращённых в орду пленников. «Отец о детях тужит такожде. Детищей ко отцам своим сообщите, как оргамака

---

* Скорее всего Ильмешев.

с табуном сообщить. И которые крещёны и некрещёны, извольте к нам прислать; и наши, которые воры ваших в полон брали, привезя к себе обусурманить, и наших ваши такожде воры, увезя, да окрестят, это хорошее ли дело?»

Экстракт о числе форпостов, крепостей, людей в них и артиллерии, 25 августа 1744 года

Тобольные форпосты, в коих стоит Сибирский драгунский полк, под командою Павлуцкого: 1. Царёво Городище, войска 951 человек, пушек с припасы 28. 2. Форпост Утяцкий, в нем 131 человек, 5 пушек. 3. Форпост Иковский, 48 человек, 2 пушки. 4. Форпост Верх-Уерский 53 человека, 2 пушки. 5. Емуртинский, 87 человек, 1 пушка. 6. Форпост в Усть-Суерской слободе, 81 человек, артиллерии нет. Да для нынешнего летнего времени в степных опасных местах при защитах имеется войска: 7. У Лебяжьего озера 35 человек. 8. У Нижнечерковской речки 148 человек. 9. У Верхнечерковской речки 71 человек. 10. У речки Верхний Утяк 70 человек. 11. У Маркова озера 74 человека. 12. У Максимова озера 71 человек. 13. У Моревского озера 67 человек. 14. В деревне Верх-Лагульской 46 человек. 15. В слободе Суерской 60 человек. 16. В деревне Усть-Малокызацкой 135 человек. 17. В деревне Маинской 26 человек.

Ишимские форпосты: 1. Форпост в слободе Коркиной, 287 человек, 19 пушек. 2. Форпост в Безруковой деревне, 92 человека. 3. Форпост в деревне Кошкаргайской, 78 человек. 4. В Фирсовой деревне форпост, 80 человек. 5. Форпост в Абацкой слободе, 113 человек, 2 пушки. 6. Форпост в деревне Правской, 129 человек. 7. Форпост в деревне Усламинской, 77 человек, 2 пушки. 8. Форпост в деревне Омутной, 76 человек.

Тарского ведомства: 1. Форпост в деревне Зудиловской, 36 казаков. 2. Форпост Юсский, 72 казака, 1 пушка. 3. Форпост Усть-Тартирский, 50 казаков, 1 пушка. 4. Форпост Большерецкой, 70 казаков, 1 пушка. 5. Пустынский, 22 казака. 6. Форпост Бетеинский, 72 казака.

Верхиртышские: 1. Крепость Ямышевская, 303 человек, 12 пушек. 2. Семипалатная крепость, 204 человека, 8 пушек. 3. Крепость Усть-Каменогорская, 141 человек, 9 орудий. 4. Крепость Железинская, 72 человека, 6 пушек. 5. Крепость Омская, 267 человек, 20 пушек. 6. Форпост Коряковский, 48 человек. 7. Форпост Чернорецкий,

59 человек. 8. Форпост Селлиярский, 51 человек. 9. Форпост Новопостроенный на реке Убе, 50 человек. 10. Форпост Осморыжский, 52 человека. 11. Форпост Ачаирский, 54 человека. 12. Форпост Черлаковский, 55 человек. Во всех этих форпостах артиллерии не было.

Томского ведомства: 1. Форпост Калиский, 152 человека, 2 пушки. 2. Форпост на реке Кургане, 51 человек.

Кузнецкого ведомства: 1. В Колывано-Воскресенских заводах 270 человек. 2. Бикатунская крепость, 74 человека. 3. Форпост Белоярский, 109 человек, 2 пушки. 4. В Малышевой слободе 92 человека, 2 пушки. 5. Берский острог, 50 человек, 2 пушки. 6. Бийская слобода, 253 человека, 6 пушек. 7. Деревня Кузедеева, 31 человек. 8. Кузнецк, 460 человек, 7 пушек.

Красноярского ведомства: 1. Форпост в Абаканском остроге, 102 человека, 5 пушек. 2. Форпост в Саянском остроге, 60 человек, 6 пушек. 3. Форпост в Карасульском остроге, 17 человек, 2 пушки. 4. В Убинском остроге, 21 человек. 5. В Канском остроге, 15 человек. Всего же во всех названных укреплениях войска… человека, пушек.

Письмо к Галдан-Чирину[5], 5 октября 1744 года

В Сибирскую канцелярию из Колывано-Воскресенской заводской конторы писали[6]: «Сентября, де, 5, прошлого 1743 года, состоящие под командою вашего зайсана Омбы[7] калмыки Келиш да Чадыр с товарищи на Чарыше реке убили русских людей 3 человека, и украдено калмыками на Чагырском руднике и из того сыскано и имеется у того зайсана Омбы под охранением, а именно: 3 лошади, 3 котла, 2 кафтана, 1 рыболовная сеть, две казённые железные лопаты, 1 коса. А из товарищей его Келишевых, Чадыра с товарищи, оный зайсан Омбо сыскивал, и по посланному отсюда указу велено означенному Омбе из того Колывано-Воскресенского завода писать, чтобы он трёх калмык, Чадыра и прочих, которые приличились по объявленным смертным убийствам и в грабительстве скота и пожитков, и велел сыскивать всякими сыски накрепко и, отыскав, прислать их в Колывано-Воскресенские заводы для чинения следствия. Да той же конторе велено требовать от показанного зайсана Омбы пограбленное у русских людей и к тому ему, зайсану, объявить, что показал по допросу означенный калмык Келишей о слышании им от калмык в Кану[8], что в том же году калмыки Качай с товарищи убили русских купцов 6 человек, которые, де, шли для купечества в Ургу[9], по

ту сторону реки Иртыша, да (сказывал) об убитии русских же людей Малжаком с товарищи на реке Еланге 3 человек, да об отгоне калмыками же Дотой с товарищи у русских людей 12 лошадей; и чтоб он, зайсан Омбо, тех воров отыскав, к следствию в Колывано-Воскресенские заводы выслал. И на оный посланный указ в присланном сюда мая 20 из Колывано-Воскресенской конторы доношении написано, что, де, по объявленному указу посыланный в местечко Кан к зайсану Омбе сержант Рескин в той конторе доездом объявил: оный, де, Омбо обще с зайсаном же Менку сказали ему: покраденное, де, Чадыром с товарищи отдадут, из которых ему, сержанту, и отдали одно железное веретено, 1 лопату, а за прочее отдали 1 соболий хвост да иркетскую хамскую бязь, да из пограбленных пожитков 2 тренога, 2 кафтана, 5 лошадей; а в прочих, де, увезённых калмыками инструментах и в убийстве заперлись; да оный же де, сержант, означенному зайсану предлагал о взыскании с калмыков, приличившихся в воровствах, издержанных из заводской конторы сумм во время воровских подбегов и затем в посылках и на корму содержащихся команды его калмыках, 23 руб. 29 коп. с денежкой, которых, де, денег ему, сержанту, не отдано.

И ради того, Вы, зенгорский владелец[10] Галдан-Чирин, прикажите вышеписанное пограбленное калмыками и издержанные на воров деньги, для отдачи обидимым, отдать посланным к Вам с сим листом прапорщику Подзорову и при нём будущим неудержно. И о том, тако ж и в убийстве русских людей, как о том выше сего показано, произвесть следствие и за то ворам указ учинить и впредь того чинить запретить.

Тобольск, октября 5, 1744 года. Губернатор Сухарев[11]».

[Из донесения Павлуцкого Киндерману[12] 1745 года]

Минувшего января 20, сего года, в присланном от Вашего Превосходительства секретном ордере того ж января от 15 числа между прочим написано: «Весьма, де, потребно Вашему Превосходительству узнать, имеется ли в Омске и в прочих здешних местах, и где сколько, для возки провианту судов, и сколько возможно на них класть провианта, и в целости ли оные; да велено справиться, имеются ли здесь у обывателей или казённые какие водяные и ветряные мельницы, также и ручные, что рожь и прочее мелют, жернова, и сколько именно, и где, и о

том Вашему Превосходительству рапортовать. И, по силе вышеприведённого Вашего Превосходительства ордеру, наперёд сего, того ж января от 27 числа, покорнейше от меня донесено, что в Омской крепости водяных судов не имеется, а о мельницах же было объявлено, что имеется ветряных: казённая одна, казачьих 5, рукомолотных жерновов: солдатских собственных 18, казачьих 86 пар, а в прочих же крепостях коликое число водяных судов, а также мельниц и рукомольных жерновов имеется, за неведением тогда, было обстоятельно донесть не с чего, о чём, по силе Вашего Превосходительства ордеру, тогда ж в крепости к командующим штаб- и обер-офицерам от меня было предложено, на которые ордеры в присланных из Железинской, Ямышевской, Семипалатной и Усть-Каменогорской крепости рапортами ко мне представлено: «имеется, де, водяных судов, а именно: в Ямышев-ской казённых шесть, в Усть-Каменогорске одно, итого семь дощаников, в которые может вместиться в каждый провианту, в ямышевские – по 400, в усть-каменогорской – 320 четвертей», а в прочих крепостях оных дощаников и больших зайсанских лодок не имеется; на ямышевских же дощаниках, по силе полученного минувшего февраля 19 дня сего году из Сибирской губернской канцелярии указу, велено пред будущим самым вешним временем нагрузить казённою солью в полный груз и отправить в Тобольск за льдом в самом скором времени, дабы оные с тою солью прибыть в Тобольск и, нагрузя провиант, в оную Ямышевскую крепость обратно с тем провиантом возвратиться и сюда дойти сего 1745 году по летнему времени могли. А как оные дощаники и коликое число на них погружено соли и снастей каких порознь в Тобольск отправлено будет, о том в Сибирскую губернскую канцелярию рапортовать, и оные дощаники, по силе того указу, во время случаю, должно нагрузить солью и отправить в Тобольск; из Усть-Каменогорской крепости имеющийся дощаник предложено от меня к капитану князю Девлет-Килдееву, чтоб отправить за льдом до Ямышевской, который потому ж, как и ямышевские, имеют быть нагружены солью и отправлены будут, по силе ордеру Вашего Превосходительства, до Омской крепости; токмо оных дощаников с солью весьма потребно дойти до Тобольска, для того по все годы оная соль, как и выше упомянуто, отправлялась, по силе указов, для продажи в город, без которой обойтись никак не можно, и не изволено ль будет оные дощаники по первой полой воде отправить до Тобольска, а оттоль имеют быть отправлены сюда с провиантом, и более оная состоит в рассмотрении Вашего Превосходи-

тельства. Лодок же хотя и во всех крепостях по нескольку имеется, однако оные к возке провианту быть неспособны, а употребляются только при тех крепостях на пропитание команды, для ловли рыбы и для переезду в летнее время за рекою к поставке сена и в разъезды. Мельниц же ветряных имеется в Омске казённых одна, казачьих пять, в Железинской одна, в Ямышевской одна, в Семипалатинской одна, в Усть-Каменогорской одна, итого десять мельниц; жерновов рукомолотных в Омске солдатских собственных 18, казачьих 86, в Железинске казённых один, казачьих 25, в Ямышевской казённых 48, казачьих собственных 21, в Семипалатной казённых 10, казачьих 2, в Усть-Каменогорске собственных казачьих 5, итого 222 жёрнова.

[Из рапорта Павлуцкого Киндерману 1745 года]

В Ямышев 22 февраля прибыли юлбар* в числе 6 человек других киргизов с письмом от Аблая о выдаче пленных, захваченных в 1743 году. Полковник Зорин объяснил ему, что в 1743 году было захвачено 46 человек, 955 лошадей, 22 верблюда, 4 турки, 6 сёдел. А так как они были розданы по разным рукам, то Зорин посылал до Чернолуцкой слободы собирать их поручика Проскурякова, которым, де, собрано 382 лошади, кои им, полковником, и отданы присланным от Аблай-салтана киргизам прошлого 1744 года, в декабре, в Железинской крепости, да тогда ж отдано присланных из Сибирской губернской канцелярии 5 человек, кои в Тобольску содержались. Так как об остальном скоте Зорин донёс, что некоторые лошади и верблюды пропали, другие убежали в степь, иные проданы, отосланы солдатами домой, уведены служилыми в Тару, то Павлуцкий для сбору их послал поручика Ростовского до Тары.

Донесение Павлуцкого Киндерману 1745 года

«В присланном мне от Вашего Превосходительства секретном ордере предложено мне, чтобы уведомить, как скоро можно надеяться, по нынешним малым снегам, что лошадей в степи имеющимися под снегом травами довольствовать можно, чтоб, де, малейшего время опустить не можно; ибо, де, не токмо яицкие казаки, но

* Возможно, это название рода.

и знатные команды сюда отправлены были имеют*. А за дальним расстоянием между крепостьми по реке Иртышу и за малоимеющими форпостами намерены, де, Ваше Превосходительство между крепостей по 2 главных форпоста сделать, и к тому ещё на обе стороны по 2 малых заставы сделать же, для лучшей коммуникации и разъездов; сверх же того у главных форпостов по 1 пушке определить, чтоб по нужным случаям сигналы и в краткие часы об осторожности известие о наступлении неприятельском давать можно. Также, чтобы сыскать секретно у здешних жителей, или которые знают, или бывали в степи между от Семипалатной или Усть-Каменогорской, какие рощи и вершины или какие реки и удобные места к реке Ую или Яику, и как, де, примером, дальнее расстояние от Иртышу до оных рек, о чём Вашему Превосходительству весьма, де, потребно и желательно ведать. И на то покорно доношу, что снег здесь, по объявлению знающих, ежели коей весны климат не отменится, то в половине апреля сходит, и ныне снегов здесь не довольно и не глубоки, токмо ныне подкрепило случившимися морозами марта 16 и 26 чисел; однако ежели климат тёплый будет, то апреля в последней половине лошадям в поле ходить и кормом в день довольствоваться можно будет, а совершенный корм бывает мая с первых чисел, а по нужде, где на форпостах и станцах сен не довольно, тут и в первой половине апреля лошадей пущать будут за сторожею в поле, а к ночи на корм в форпосты загонять. А что же о форпостах между крепостей соизволите, Ваше Превосходительство, предлагать, что надлежит вновь построить, на то покорнейше доношу: между всех 5 крепостей и имеющих форпостов, также и от Омской крепости и от Чернолуцкой слободы от Иртыша степью к Ишиму, а от Ишиму к Тоболу, рассмотря удобные места и угодья, для многих резонов, в прибавок к прежде построенным крепостям и форпостам, ещё несколько, а в других местах между оными и редутов построить весьма надлежит. Они служить могут: 1) для скорой и удобной коммуникации, так как на дальном расстоянии весьма оную продолжать трудно и невозможно, и в перевозке фуражу немалый труд людям и лошадям происходит, а паче зимою; 2) для проходящих войск и переезжающих с припасами обозов немалый способ быть может; 3) и для приуготовления по тому тракту фуража весьма построить надлежит на первый случай хотя небольшие деревянные крепостцы и форпо-

* Так в тексте

сты, в которых были б стены или полигоны сажень по 40, а другие, яко редуты, по 25 сажен палисадом, надолбами и рогатками укрепить, а буде возможно, то и рвы выкопать и по нескольку в них казарм сделать, и пушкам быть по 2, для лучшего от неприятеля охранения, также для сигналу, понеже для пребывающих не в дальности у работ для добычи лесов и в сенокосное время и прочих нужд оные быть потребны, как то учреждено по Уйской и Оренбургской линии, тако ж и по Тобольской линии[13] от Верхнего Утяцкого форпоста по за Тоболу реке, по степи, на 200 вёрст 11 защит, для охранения границы и для безопасности команды построены, между коими расстояния вёрст по 30 и 25 и менее. А между оных верхиртышских крепостей и форпостов какое расстояние и где сколько построить, по мнению моему, на первый случай форпостов и редутов, по объявлению знающих и по собственному моему наблюдению, о том покорнейше при сём сообщаю. Ныне, следуя к Ямышевской, мог я усмотреть, что к охранению границы и к пресечению перелазов неприятельских и к усмотрению трактов их воровских весьма надлежит частым и повседневным разъездам быть, токмо частых разъездов было не учреждено за дальним расстоянием крепостей и форпостов и за малолюдством конных, а паче за худобою лошадей драгунских и казачьих, многие и бесконные казаки имеются за упадком у них лошадей, другие ж определены по указу губернской канцелярии у разных дел в целовальниках. А понеже когда чаще будут форпосты построены и между крепостей и форпостов расстояние ближе будет и команды конные поумножатся, тогда разъезды повседневные содержать за возможное и за способное признавается. Того ради весьма нужно конной команды в здешние крепости прибавить, а для возки лесу и вспоможения в работе не соизволите ль, Ваше превосходительство, из крестьян с лошадями, колёсами и топорами несколько определить прислать, и на содержание оной прибавочной команды надлежит несколько завезть сюда провианта, понеже оного в здешних крепостях на обретающиеся здесь команды не более будет, как на 4 месяца; при оных же прибавочных сюда командах должно иметь патронов с пули с удовольствием, ибо в крепостях верхиртышских пороху и свинцу не весьма довольно. Мне от прежде командовавшего в Омской крепости капитана Быкова рапортовано, что от Омской [крепости] разъезд посылался через неделю вниз по Иртышу до Бетеинского форпоста, коей под ведением Татарской воеводской канцелярии и состоят тут 80 татарских служилых; расстоя-

ние от оного до Омской [крепости] по степной стороне Иртыша 95 вёрст; и для того Омским и Бетеинским [укреплениям] определил я разъезды иметь чаще и съезжаться на половине, на речке Воровской*, где и наперёд сего, в 1723 году, бывал съезд оных казаков. И ныне от меня определено ордером осмотреть тут удобные места майору Нелюбову с обер-офицерами, какие при той речке Воровской имеются удобности, и об оной речке объявлено от капитана Быкова и от знающих, казачьего сотника Дорохова с прочими казаками, сказкою[14], что при означенной речке весьма форпосту быть место удобное и от неприятеля безопасное. И ежели в том месте форпост повелится сделать, то оный содержать надлежит, до большего усмотрения, по способности тарскими казаками, из которых наперёд сего по указам губернской канцелярии посыланы были погодно в Железинскую крепость по 25 человек, а ныне к Железинской и Омской крепости определено из тобольских служилых 50 человек, а тарских в Железинской крепости нынешней зимой было 8 человек, и те за долговременным неполучением провианта выведены в марте в Омскую [крепость]. К оным же тарским казакам в тот построющийся [форпост] при Воровской должно несколько служилых прибавить из Омской крепости, также солдат с обер-офицером надлежащее число. А понеже, по общему определению превосходительных господ Неплюева[15] и Сухарева, учинённому при съезде в Шадринске в 1743 году, посылан был от Сибирской губернской канцелярии в летнее время нарочный для осмотру и описания под крепости и редуты удобных мест капитан Новосёлов и с ним за геодезиста тобольский дворянин Макшеев, который и осматривал удобности мест, где застроить надлежащую Сибирскому и Новоучреждённому драгунским полкам линию, а именно, Сибирскому полку от верхнего тобольского Утяцкого форпоста по-за Тоболу степью, наченьши от Лебяжьей защиты даже до ишимского Коркинского форпоста, а отсюда Новоучрежденному полку по-за Ишиму степью ж прямо к Иртышу до Чернолуцкой слободы, кои места описали и ландкарту сочинили. Ежели всё это состоится, то граница будет в безопасности, ибо слободы Ялотуровского и Ишимского дистриктов, Тарского и Томского ведомства и барабинские татары[16] останутся от киргизкайсаков и от прочих степных народов в закрытии, то есть внутри линии. К тому имеющиеся в Тарском ведомстве 6 форпостов останутся внутри же линии, из которых служилые люди могут тогда на

* Встречается также Варовская речка.

оную же учреждённую линию выведены быть, также в удовольствие тех уездов обывателям несколько удобных мест к пропитанию внутри же линии будет, яко-то: рыбные озёра и горные и звериные промыслы, от коих оные обыватели довольствоваться пищею и на платёж подушных денег[17] доставать могут, и в тех их промыслах от неприятелей помешательства, как прежде чинилось, быть уже не уповается. Что же, Ваше превосходительство, изволите упоминать между Семипалатной и Усть-Каменогорской крепостями, какие удобные места к реке Ую или Яику, и как, де, примером дальное расстояние от Иртышу до оных рек, на то доношу: о вышеписанном имел я крепкое старание и с крайним моим прилежанием знающих об оном сыскивал, токмо таковых людей, что от Ямышевской и Семипалатной и Усть-Каменогорской и от прочих крепостей, прямо чрез степь и реку Ишим бывают к рекам Тоболу, Ую и Яику, таких точно знающих не сыскалось, и удобных всех мест точно никто не знает; также между теми крепостьми рек, впадающих в Иртыш со степной западной стороны и напротиву того в близости Иртыша, чтоб вершины рек, текущих из оных к реке Ишиму, которые бы для коммуникации служили или способны были к рекам Ую, Тоболу и Яику, никто не знает же, а, например, признавают сотник Ерофеев, казак Бердюгин, разночинец[18] Булычёв и некоторые старые Сибирского полку драгуны, от Ямышевской крепости до реки Ишиму повыше Коркинского форпосту вёрст за 100 на Красный Яр степью, оставя Камышловые Займища (впадающие ниже Омской крепости в Иртыш) в правой руке, Айтык-Камень высокий в левой руке, а потом вверх того Камышлова Займища, перешедши его, идти на Красный Яр, на нижнее Ишимское Хмелёвье, и уповают дойти верховым ходом до Красного Яру, или до Нижнего Хмелёвья, недели в 2½ или в 3, а от Ишиму на устье реки Уя, где в 1744 году построена Усть-Уйская крепость, идти мимо Предеинских и Борового озёр с неделю; от Ишиму же, от Верхнего Хмелёвья, к Ую-реке степью, уповаемо, что знают Сибирского драгунского полку старые драгуны Барашев, Букин, Катанаев, Водеников, слесарь Шкоцкой и др.; токмо от Ишиму к Тоболу и Ую имеются степи сухие и высокие и, кроме озёр, речек удобных к коммуникации не имеется, а кои и есть, впадающие в Тобол, и те вершинами близки от устья. От Уйской крепости по линии вверх по реке Ую до крепости Верх-Яицкой 340 вёрст, и тут на верховых лошадях перейти можно дней в 5. За Ишимом же по степи речки имеются в разных местах, токмо они к коммуникации и

к Ишиму течение способное имеют ли, точно об них не знают. Я же уповаю, что таковые знающие есть из промышленных мужиков или из казаков, в Омской крепости и в Чернолуцкой слободе, также и в городе Таре из служилых, бывающих в летних и зимних партиях, также надеятельно и в Ишимском дистрикте такие знающие мужики сыщутся, а от Коркиной и Абацкой до Чернолуцкой слободы и до Омской крепости важивали в прошлых годах провиант и припасы, и тут недальнее расстояние степью от Коркиной на Иртыш до Чернолуцкой, например, вёрст 300, а от Абацкой с небольшим 200 [вёрст]. И не соизволите ли, Ваше превосходительство, из оных тарских и ишимских к себе призвать, а в Омскую крепость майору Нелюбову предложено от меня, что в Омской и в Чернолуцкой секретно наведаться, кто именно из казаков и крестьян в тех местах бывал, и кто таковы буде сыщутся, то лучших человека два велено послать немедля для представления Вашему превосходительству».

Рапорт воеводе Шапочникову казаков Шорохова и Пойлова 1745 года

«По силе Её Императорского Величества указу, зенгорского владельца в канскую Каракальскую волость ходили мы и из той волости возвратились в Кузнецк сего июля 5 дня; всё благополучно, а что там слышали, о том доносим нижеследующее: 1. Из города Кузнецка поехали мы чрез кондомские ясашные волости[19] и прибыли в Кумандинскую волость[20], где, при самой переправе за Бию-реку, встретились мы канских волостей с калмыками с 24 человек, которые шли из тех канских зенгорских волостей в ясашные Её Императорского Величества кондомские волости для смены тулупов и войлоков на котлы и железные абылы, чем землю копают, при которых было при каждом лошадей по 3, 4 и по 5; и переправились они на сю сторону Бии и, переправясь, спросили нас: «Куда мы едем, и есть ли у нас указ?» – на что мы им сказали, что посланы по указу Её Императорского Величества из Кузнецка в канские зенгорские волости для сыску беглых из кондомских волостей ясашных татар и взятья с таутелеутских ясашных татар[21] на сей 1745 год доимочного ясаку. И они нам сказали: «Когда, де, есть указ, поезжайте!» 2. Прибыв в Таутелеутскую волость, сыскали мы беглых кондомских Её Императорского Величества ясашных татар 4 человека, которые от Таутелеутской волости живут в бегах у двоеданцев[22], таутелеутских луч-

ших татар, которых до возвращения нашего отдали тем татарам на руки. И как мы, из Каракальской волости возвратясь, прибыли в ту Таутелеутскую волость и тех ясашных 4 человек спросили, и нам сказали, что, де, их увёз в кондомские волости для отдачи зенгорский сборщик Дюрен, однако, не утверждая на те их слова, паки мы у тех татар тех людей просили налицо или за них ясаку, на что они об людях объявили то же, что и прежде, токмо за одного человека татарин Куруска отдал ясак. И ехавши обратно, о тех 4 человеках сборщика Дюреня спрашивали, который нам сказал, что он тех людей не бирал и в кондомские волости не важивал; и так оные 4 человека беглых остались знатно у тех татар. 3. Из той Таутелеутской волости поехали мы в канскую Каракальскую волость и, будучи в пути, не доезжая до Каракальской волости, близ речки Ненги, на солонцах, наехали на нас зенгорские каракальские калмыки 4 человека, и, наехавши на нас, взявши наших лошадей, один калмык взял за поводья и повёл в сторону, в горы, а другой сзади тех лошадей погонял и нас, сидящих на них сзади, плетью бил, а другие два калмыка ехали перед нами наперёд, из которых один говорил нам: «Дайте, де, нам китайку[23] (которую мы возили тюк для мены), и, как, де, китайку дадите, и мы вас отпустим». И видя мы себе тот страх и от них побои, из имеющейся при нас китайки дали им 7 концов да 50 иголок, и оттудова они нас отпустили. 4. По прибытии в Каракальскую волость, явились мы начальному человеку, Кутагулину, который у нас спросил: «Для чего мы в ту волость приехали?». И на то мы сказали, что посланы для сыску беглых ясашных татар, живущих в канских волостях, и для взятья с таутелеутских двоеданов доимочного ясаку; и он нам на то сказал: «В Кану, де, и Каракале главных зайсанов нет, а имеются в Урге, и оттуда еще не бывали, и мне без них тех беглых отыскать негде». В Каракальской волости жили мы 4 дня и ходили по всем юртам, которые стоят не в одном месте, и оных юрт будет с 40. 5. Будучи в той волости, на показанных в 3 пункте калмык 4 человек, в стегании нас плетьми и во взятьи китайки 7 концов, мы просили, и ноён, по нашей просьбе, собравши калмык и взявши нашего проводника, татарина Коочака, для указания тех калмык 4 человек, ездил к тем калмыкам сам, и съездил в одну ночь и, приехав оттуда возвратно, взятую от нас китайку 6, а не 7 концов и 10 игол, привёз с собою, и сказал нам, что тех 4 калмык бил он плетьми. А той китайки ноён до отъезду нашего не давал нам, а при отъезде просили мы его отдать, и он дал нам только

2 конца, а 4 удержал у себя. 6. Будучи мы возвратно на пути, видели в Кумандинской ясашной Её Императорского Величества волости зенгорского ясашного сборщика Дюреня, который ездит по тем волостям, по прежнему обычаю, для сбора на зенгорского владельца алману[24], и с ним 30 человек калмык. 7. Будучи возвратно по Биереке в кумандинских волостях, виделись мы с бийским крестьянином Быковым с товарищи двумя человеками, которые ходили в рудоищиках с рудоискателем Петром Шелигиным по реке Чулышману, в зенгорское владение, для прииску, от порученной Её Императорского Величества бригадиру Бееру комиссии[25], руд. И Быков сказывал нам: «Ходило, де, нас рудоищиков 120 человек, для прииску руд по Чулышману, и доходили близ бугров[26], и в том, де, месте навстречу им вышло зенгорских калмык с 400 человек и сказали им: «Ежели вы станете бугры копать, то мы станем воеваться* и по вас стрелять». И, видя, де, то к себе запрещение, поехали они оттудова по-прежнему в домы, и бугров не копали».

О числе находившихся в разных местах нерегулярных войск [1745 год]

В августе 1745 года генерал-майор Киндерман требовал от подведомственных ему начальств ведомостей о числе и состоянии нерегулярных войск. В присланных ему ведомостях значится, что в Томске, по расписанию Сибирского приказа 1737 года, по штату определено и состояло дворян 20, детей боярских 80, конных казаков 219, чацких мурз 52, эуштинских татар 9, выезжих белых калмыков[27] 16, всей конницы 396. Пешего полку 146 человек, всего же конницы и пехоты 542. Из них умерло и бежало дворян 7, детей боярских 28, казак беглый 1, всего 36. Да из наличных дворян в расходе в Кузнецке, для охранения от неприятелей, 4, усмотрения над подводными станциями 2, у сбора подушных денег 1, у крепостных дел 1, в Чеуском и Сосновском острогах на приказах 2. Детей боярских у приему казённого провианта в Томске 1, в Кузнецке 20, в Колыванно-Воскресенских заводах 10, в Томске у продажи казённого гороха и конопляного семени 2, послан в Иркутск за ясашною рухлядью 1, в разных острогах заставщиками и приказчиками 7, в Томске у сбора с разных статей канцелярских оброчных денег 2, в барабинском Кар-

* Так в тексте.

гацком форпосте командиром 1, у раздачи ясашным казённого корму и питья 1, по указу из губернии отлучать никуда не велено 1, содержится в Томской канцелярии под караулом в утраченном у томских служилых людей жалованье 1. Из служилых людей в расходе: в барабе на службе 183, в Кузнецке 25, в Колывано-Воскресенском заводе 32, послано за разными делами в Иркутск, Тобольск, Енисейск, Ачинск 17; в Томской канцелярии рядовых для письменной работы 3, в сторожах 1, расходчиками 3, у казённой мельницы мельник 1, у полковых дел в писчиках и слесарях 2, в деньщиках и барабанщиках 7, строят таможню 6, на карауле у ревизии и полковых дел 7. Из пешего полка: в Тобольске 8, в Иркутске за казною 4, в Енисейске за колодниками 4, в Кузнецке 26, в Красноярске за колодниками 9, у раздачи жалованья 1, у казённых мельниц в целовальниках 1, за покупкой провианта 1, в Колыванском заводе для отдачи провианта 1, в Чеуском остроге на заставе, для смотрения воровской продажной соли 1, в Томске в бронниках и кузнецах 2, при воеводском дворе в ходоках 3, в городовых плотниках 3, в Томской канцелярии в сторожах и на карауле 11, в городовом замке на карауле 15, у ревизионных дел на карауле 15, в других караулах 11, больных 5. Затем в Томске ни у каких дел дворян и детей боярских 6, полковников 2, нижних чинов 29.

В Кузнецке по штату состоит дворян 5, детей боярских 25, конных казаков 219, пеших 146, абинских служилых татар 20, всего 415 человек. В расходе между прочим значится: у винной и пивной продажи в откупщиках, из дворян 1, во обучении слесарском 1, в заплечных мастерах 1, для вождения часов (?) 1. Всем дворянам, детям боярским и казакам выдано казённого пороху по 1 фунту и свинцу по 1 фунту. У конных казаков, у всех 219 человек, свои лошади и конской убор, какой у кого по своей возможности случится. А платье у всего войска своё, какое у кого по своей возможности случится.

В Тюмени состоит дворян 1, детей боярских 11, конных казаков 92, пеших 104, служилых татар 97, всего 305 человек.

В Таре по штату состоит русских казаков 472. Им даётся жалованья денежного в год по 6 руб. 16 ½ коп., хлебного конным 111 человекам ржи по 3 четверти 5½ четверика, овса по 2 четверти и 3½ четверика; пешим 166 человекам ржи по 3 четверти и 1½ четверика, овса по 2 четверти по 3½ четверика. А затем конных 87, пеших 108, всего 195, за хлебное жалованье служат с пашен[28]. В Таре у разных дел 74 человека, между прочим часовщиком 1, переписчиком 1,

фельдшером 1, у торговой бани 2, за городничого 1, лекарем 4 и т.д. Кроме того, в расходе в форпостах в Усть-Тартаском 25, Кутурлинском 53, Ейском 37, Нехоловском 35, Большерецком 40, Айбиренском 52, Бетеинском 40. Командировано в кормщики 46, для управления на казённых местах командующими 2 и т. д.

В Тобольске по штату 1725 года дворян 40, детей боярских 77, служилых 583, служилых татар 228. Денежные оклады были дворянину 17 руб., сыну боярскому 8, рядовому 6 руб. 16 ½ коп.

В Туринске детей боярских 2, служилых 35; первые получали по 7 руб. 4 коп., вторые 3 руб. 52 коп.

В Верхотурье детей боярских 5, служилых 71; жалованье то же.

В Пелыме детей боярских 5, служилых 42; жалованье то же.

В Берёзове детей боярских 6, служилых 165; первые получали по 7 руб. 4 коп., вторые по 6 руб. 16 коп.

В Сургуте служилых 126.

В Енисейске дворян 10, детей боярских 20, конных казаков 72, пеших 147; первые получали по 8 руб. 81 коп., вторые по 7 руб. 4 коп., третьи по 6 руб. 16 коп., четвёртые по 4 руб. 40 коп.

В Красноярске детей боярских 30, казаков конных 219, пеших 276.

В Мангазее детей боярских 4, рядовых 96.

В верхиртышских крепостях — 489 человек, в том числе в Омске 197, в Железинской крепости 55.

В Нарыме и Кецком дворян 1, детей боярских 5, служилых 57.

По указу Её Императорского Величества инструкция вахмистру Савве Соболеву [1745 года]

Посылаешься ты, Соболев, за границу до крайних зенгорских улусов[29] под видом купца для секретных разведываний о тамошних обращениях; чего ради и ехать тебе в те улусы чрез Семипалатинскую крепость, и, прибыв туда, чрез всякие искусные поступки, секретно примечать и разведывать следующее: 1. Зенгорский владелец Галдан-Чирин и его владения нойоны-зайсаны[30] и другие знатные люди в каком намерении ныне находятся, а паче к российской стороне с доброжелательством ли обращаются? 2. Зенгорские войска где ныне обретаются, и в каком числе людей, и обратно из абдулкаримского походу прибыли ль; и буде возвратились, то не распущены ль по улусам, яко в дома, или расположены по их границам и в кото-

рую сторону более, по чаемой ими опасности, тех войск состоит? Буде же то их войско из походу еще не возвратилось, то чего ради, о том вам всеприлежно наведаться. 3. Ныне у зенгорцев с какими землицами война имеется, и нет ли пришедших каких от персидской или от абдулкаримской стороны войск, а буде есть, то сколько их прибыло и давно ли и в коих местах ныне оные состоят, и какия действия чинят? 4. Также разведывать, что киргиз-кайсацкие владельцы Абулхай-хан[31] и Абуль-Мамет-хан[32], Аблай-салтан и Барак-салтан[33] и прочие владельцы, в каком же намерении состоят и одинаково ли намеренье быть у Её Императорского Величества в непременном подданстве, или которое имеют особливое рассуждение, а паче, не склонны ль кто из них к зенгорскому владельцу, и от них, также и от каракалпаков, не отправлено ль сколько людей в прибавок к зенгорскому войску; и живущий в кайсаках, бывший в Башкирии возмутитель вор Карасакал где именно и в каком состоянии ныне находится?[34] Ибо об нём, по прежним известиям, значилось, что назван он Карахан. И будто состоит с несколькими тысячами киргиз-кайсаки под протекцией зенгорского владельца, а по другим известиям, что он кочует близ кайсацкого Барак-салтана. 5. От киргиз-кайсацких или каракалпацких владельцев дети или другие нарочитые люди не отданы ль сколько человек в аманаты к зенгорскому владельцу, как прежде между ними чинилось; а буде отданы, то для чего, для того ли, чтоб им на зенгорцев набегов не чинить, или в знак их невольной склонности, или сами желают у него, Галдан-Чирина, находиться в протекции для своих каких-либо легкомысленных польз? 6. При том же и на их поступках недрёманным оком тебе примечать, как будут к вам склонны и вновь, что к военным случаям не заготовляется ль, и о прочих тамошних обстоятельствах, елико возможно, вам смотреть и разведывать через всякие посторонние разговоры, а паче оное вымогать, под искусным приласканием, от имеющих там разных землиц пленников, также и их народу от подлых людей[35], скрытно от прочих, однако. И у тех людей, во-первых, точно ни о чём не выспрашивать, но, рассмотря прежде из побочных разговоров состояние его, и буде словоохотно начнёт что о тамошнем разговаривать, тогда уже, хотя чем и подарить, токмо при том накрепко наблюдать и оных людей утверждать, дабы о сём прочие зенгорцы, а особливо знатные, не уведали и вам несчастья от того не причинили. Подарки же оные позволяется вам давать весьма не напрасно, дабы можно было чрез то что-нибудь к ведению российкому выве-

дать. И при всём оном разведывании поступать вам с великою осторожностью и с крайним прилежанием, употребляя к тому всевозможные способы и разъезжая из улуса в улус, а в одном месте долго не жить, дабы о вас что, зачем именно ездите, дознаться не могли. А ежели уведаете о движении их войск к российской границе или хотя о таковом владении, то вам, не мешкав там, ехать обратно в крепости в самой крайней скорости и потому ж объявить секретно и искусно. 7. Для вышеписанных нужд посылаетесь вы под видом купцов, чего ради и дано здесь тебе потребного на их татарский обычай товару из казённого сукна, бобров и юфтей. Из оных же товаров на 5 или на 4 руб. можешь ты употребить на упомянутые тамошним людям подарки. И что вы посланы для разведывания, о том не точию иностранные, но и русские люди не могли бы знать. А в конвой велено тебе из Семипалатной крепости дать 3 казаков и из казённых крепостных 3 лошадей, с исправными сёдлами и войлоками. 8. Вам же, быв там, обид никому и непорядочных поступков отнюдь не чинить и казённых лошадей беречь под опасением жестокого наказания. 9. Прилежно же вам примечать и разведывать, какая ныне осторожность на их границе от российской стороны употребляется и против прежнего есть ли прибавочные караулы. И вам между разговорами представлять зайсанам и прочим знатным учтиво в рассуждение, чтоб они от российской стороны нимало опасения не имели и пустым разглашениям всемерно не верили. Прежде же посланный отсюда поручик Аблязов, где и в каком состоянии обретается, о том вам разведать же. 10. Разглашать там, что в России продолжается по-прежнему тишина и о войне никакого слуху нет и быть оной не уповаемо. 11. Ежели зенгорцы будут выспрашивать, чего ради российское войско в верхиртышские крепости прибывает, на то сказывать, что некоторая часть пришли* ныне для смены прежних и давно имеющихся там команд, из коих уже и престарелых людей немало есть, и оные сменяются и отправляются на судах в Тобольск и соль препровождают; к тому же ныне, как в здешних, так и в других пограничных местах, для осторожности от киргиз-кайсаков войска имеются. И ныне у Российской империи со шведами, турками, персами и с прочими государствами мир, и затем на тамошних границах в довольных войсках дальней нужды не имеется, и для того несколько команд для довольствия провиантом и фу-

* Так в тексте.

ражом в Сибири расположены. 12. О Его же Превосходительстве, генерал-майоре Киндермане, объявлять, что слыхали мы в разговорах от командиров, что ныне повелено быть в Сибири двум генералам: одному, яко губернатору в Тобольске недвижимому над внутренними городами и слободами, а другой ныне, г. генерал-майор Киндерман, определён командиром над пограничными местами и войсками и имеет квартиру в Тобольске же. 13. О их зенгорских посланных сказать, что подлинно, где ныне обретаются, не знаете. Тебе ж, Соболеву, для отличности от служащего чина, взять на себя от Семипалатной платье и ружьё казачье, а регулярного прибора для предписанного приличества ничего с собой не брать, по тому же и будущим при вас казакам.

Полковник Иаков Павлуцкий.

Реестр, при каких местах определены Киндерманом почтовые дворы, защиты, маяки и прочие построить [1745 года]

1. Урочище Варовская речка: выбрано место под редут, и его строят 50 казаков. 2. Деревня Большие Кулачи, назначен редут. 3. Крепость Омская, между Омском и Узкозаостровским назначен маяк. 4. Станция Ускозаостровская, назначен редут. 5. Между последней и форпостом Ачаирским назначен маяк; между последним и станцией Изылбашской назначен маяк. 6. Изылбашская, назначен редут и почтовый станец, затем по дороге маяк. 7. Урочище Солёный Поворот, почтовый двор, маяк*. 8. Форпост Черлаковский перенесли на другое место, ниже по Иртышу, за 3 версты, маяк. 9. Урочище Татарка, редут, маяк. 10. Урочище Урлютюп, почтовой двор и форпост, маяк. 11. Крепость Железинская, маяк. 12. Урочище Пятой Рыжко, почтовый двор и редут, маяк. 13. Осьмой Рыжко, форпост, маяк. 14. Урочище Песчаное Озеро, редут и почтовый двор, маяк. 15. Форпост Чернорецкой, назначены новые казармы, маяк. 16. Урочище Черноярское, форпост и почтовый двор, маяк. 17. Форпост Коряковский, казармы, маяк. 18. Подстепная, почтовый двор, маяк. 19. Крепость Ямышевская. 20. Урочище Чёрная Речка, редут и почтовый двор. 21. Лебяжье Озеро, редут и почтовый двор. 22. Урочище Копёел, маяк. 23. Урочище Спуск, маяк, защита и почтовый

* Все маяки назначены были посреди дороги, между укреплениями (прим. Г.Н. Потанина).

двор. 24. Урочище Кривое Озеро, редут и почтовый двор. 25. Семиярский станец, форпост и перенести на другое место. 26. Урочище Грачи, маяк. 27. Урочище Черемхова Забока, почтовый двор. 28. Урочище Долоин Карагал, защита и почтовый двор. 29. Урочище Белый Камень, редут и почтовый двор. 30. Урочище Глухая Старица, при маяке изба с надолбами и рогатками. 31. Крепость Семипалатная. 32. Урочище Озёрки, почтовый двор и маяк. 33. Урочище Талица, защита и почтовый двор. 34. Урочище Табачное, маяк и изба с надолбами и рогатками. 35. Шульбинский завод, маяк. 36. Урочище Ударково, маяк и почтовый двор. 37. Убинская застава, строением умножить. 38. Урочище Барашково, маяк и изба с надолбами и рогатками. 39. Урочище Красный Яр, защита и почтовый двор. 40. Урочище Уварово, маяк и изба с рогатками. 41. Крепость Усть-Каменогорская, близ неё назначен маяк.

Примечание: во всех местах, где назначены редуты, замечено: «а на первый случай построить почтовый двор»; там же, где назначены почтовые дворы, значатся прежде тут построенными «станцы и избушки для перевозу писем».

[Из рапорта майора Бобровского Киндерману 1745 года]

По указу Сибирской губернской канцелярии Бобровским посланы были в барабу Тарской воеводской канцелярии копиист Лебёдкин и татарский толмач Данила Рудов, которые, возвратясь в Тару, 27 марта подали следующую ведомость: «Трунуской волости деревни Угуйской ясашные татары, Тойга Абышаков да Кулметь Кабаев, между прочим, в разговорах объявили: «В прошлом, де, 1744 году, в августе месяце, из Зенгорской землицы Галдан-Чирина приехало в их барабинские волости, для сбору на оного Галдан-Чирина алману, калмыков 22 человека, при которых имеются главными два человека, Дебедень да Баяр, который, де, Баяр напередь сего повсегодно приезжал для того алману, и имеет, де, он у себя в Барабинской большой волости жену барабинской природы и дом. И по приезде оные калмыки разъехались и живут у них по разным их деревням и требуют с них алман, и некоторые, де, уже и уплатили, а другие, за скудостью, еще не отдали; а того, де, алману платят они повсегодно с каждого человека по 1 лисице, а буде лисицы нет, то по 1 бобру или по полукоже красных, а буде и того не имеется, то по 20 стрел без перьев и к ним по 5 крылов орлиных. И оные калмыки из барабинских волостей намерены вы-

ехать в Зенгорскую землицу сего году в мае месяце, как прорастёт трава. А чтоб оные барабинцы с зенгорскими калмыками какое согласие и возмущение к злому намерению имели, того из их разговоров не признавается и не присмотрено».

Той же Любейской волости Алдаровой деревни татарин Итбакмас Андаров, Кулебинской волости Бурнат Макин, Барабинской [волости] Чекула Иркин, есаул Булат Кулматаев, Чайской волости Алексей Кумышев, Буруль Уктеев, в разговорах о приезде в их барабинские волости, тако ж и о выезде обратно в Зенгорскую землицу упомянутых калмыков и о платеже алману, объявили, между разговорами, точно ж так, как и преднаписанные Тунуской волости татары объявили: «А согласия, де, и возмущения ко злому намерению с помянутыми калмыками от них, барабинцев, как по разговорам их видно и по всем минам познать бы можно, не признавается».

Теренниской волости есаул Агыдот Каратаев, между прочим, в разговорах объявил: «В прошлом, де, 1744 году, в августе месяце, из Зенгорской землицы от Галдан-Чирина прибыли в их барабинские волости для сбору на оного их Галдан-Чирина алману калмыков 22 человека. И ныне, де, объявленные калмыки поступают с ними, барабинцами, со всякою ласкою, а наперед, де, сего чинили им всякия обиды и требовали на зарезь скотину и лошадям корм. Да при том оный есаул Каратаев толмачу Рудову говорил: «Не имеется ли, де, такого с вами указу, чтоб им, барабинцам, платить уже один ясак Её Императорскому Величеству, а Галдан бы Чирину алману уже не платить?». На что оный толмач Рудов ему сказал, что «такого, де, указу у него не имеется, и как, де, прежде вы платили, так и ныне платите». А чтоб оные барабинцы с зенгорскими калмыками какое согласие и возмущение к злому намерению имели, того из разговоров не признавается и не присмотрено.

Да и окроме оных татар, об их барабинском возмущении через других надёжных русских людей, которые находятся при форпостах проведывано, токмо ничего того не оказалось».

Промемория из Сибирской губернской канцелярии в военно-походную [канцелярию] генерала Киндермана от 21 января 1745 года

Справкой в Сибирской губернской канцелярии оказалось, что провианта с казённой десятинной пашни[36] и покупного в магазины хотя и заготовлено, но весьма мало, особенно в Таре и в верхнеир-

тышских крепостях. К тому ж из Тарской воеводской канцелярии представлено прошение города Тары и подгородных погостов и от слободских старост Ивана Тараторина, Петра Евгоштина, Григория Бражникова, Василья Киселёва и других о том, что «ежели драгуны будут расставлены в этих местах по квартирам на пропитание, то все жители придут в крайнее разорение и нищету, для того что, де, у многих пашенных земель и сенных покосов не имеется, к тому же, де, в Таре и Тарском подгородном уезде хлебу и травы имеется недород уже на третий год; за неспособными во время хлебу и трав рождения погодами и нынешнего лета немалое число кошеного сена, за неспособною ж погодою, не собрано и осталось под снегом, и заготовленное, де, для тех драгунских и других лошадей обывателями сено уже на корм всё и употреблено, а на пропитание, де, пашенным жителям оставлено хлеба самое малое число, не больше, что будет на три месяца, и из того, де, они довольствуют кормом расставленных по их квартирам драгун и их лошадей, а на семена и в продажу непахотным жителям ничего не оставлено, и овёс во многих местах весь скормлен, и непахотным, де, жителям за оным уже ныне и есть нечего, и многие, де, таковые, за неимением в торгу провианта, едва питаются мирским подаянием, и за недостатком, де, многие ж жители рогатый чистый скот уже бьют». Января 17 генерал Киндерман с сибирским губернатором имели совещание, на которое первый прислал промеморию от 18 января следующего содержания: «В сообщении Сибирской губернской канцелярии (января 15) о довольствии Сибирского корпуса показано, что ныне в сборе и в покупке не больше ржи и муки 14139 [четвертей] и круп 78 четвертей имеется. А понеже на каждый месяц в даче надлежит на упоминаемый корпус муки 4876 четвертей 6 четвериков, круп 208 четвертей 7 четвериков, сена 112890 пудов, итого с небольшим им на три месяца, а круп и сена почти в сборе не имеется, от чего не иного может быть недостаток, и каким случаем тем ускорить и спомоществовать за недавним г. генерал-майора Киндермана прибытием и не довольно знанием здешнего обстоятельства, к тому никакого способа не находит, кроме, чтоб во всех городах и сёлах обывательский хлеб и сено описать и, оставив только на семена и на собственное пропитание, остальное взять за указную плату в магазины, в винокурнях также описать запасный хлеб, и вино курить на время отказать; описать хлеб у хлебных продавцов. Тайного советника Неплюева: «Чтоб провиант был доставлен из Исецкой провинции, чтоб в Тару по

10000 [четвертей] муки и овса свезти зимою и по первой весенней воде сплавить в верхнеиртышские крепости, ибо в сообщении Сибирской губернской канцелярии объявлено, что суда с провиантом, которые отправляются отсюда в мае и июне месяце, в дальние крепости прибывают в сентябре и октябре; чтоб из Томска и Кузнецка хоть до 1000 четвертей зимним путём было доставлено в Семипалатинск и Усть-Каменогорскую крепость; наконец, в Тобольске вновь заготовить до 50000 четвертей».

16 января Исецкая провинциальная канцелярия сообщила, что в остатке в её провинции имеются ржи с мукою 21158 четвертей 7 четвериков 5 гарнцев, овса с крупою 24264 четверти 2 четверика 5 гарнцев. И Сибирская губернская канцелярия ради того учинила следующее: 1. Имеющийся в городе Тобольске продажный у партикулярных людей всякий хлеб в амбарах и в лавках велено переписать в самой скорости от тобольской полиции полицийместеру Ивану Новосёлову и с ним определённому к полиции унтер-офицеру, коликое число оного порознь четвертей или пудов имеется и у кого именно, а сверх того у тех хозяев взять, под смертною казнью, подписки, в какую цену оный хлеб ныне в продажу они употребляют. 2. На винокуренных каштаках, кои имеются в Тобольской ратуше и у подрядчиков и у откупщиков[37], а именно: ведомства Тобольской ратуши на Сузгунском, на Кундумском, итого на двух, при речке Аремшянской, у тобольского купца Михайла Корнильева, при той же речке у архиерейского сына боярского Ивана Заровнятного, итого на 4 каштаках, рожь, муку ржаную и овёс, велеть весь, что есть, переписать и запечатать до указу и вино курить запретить и у приказчиков или целовальников, кому те каштаки от ратуши приказаны, также, призвав в Сибирскую губернскую канцелярию Тобольской ратуши судей и старост, а у Корнильева и у Заровнятного, у самих взять сказки, под смертною казнию, коликое число у них ныне при тех заводах имеется и какова порознь хлеба, и из оного вино курить до указу им потому ж запретить. И для той описи на объявленные каштаки послан секунд-майор Яков Томилов и с ним писарь и дана ему секретная инструкция, дабы оной описи ныне познать никто не мог и того хлеба расхоронить, и что по описи его, Томилова, всего оного хлеба явится, о том подать ему ведомость в самой крайней скорости. 3. В подгородный дистрикт, к управителю Молокову, послан Её Императорского Величества указ: велено ему в том подгородном дистрикте всякий хлеб и сено у обывателей переписать, ко-

ликое число и у кого именно и какого хлеба имеется, также и сена, и из того числа оставить тем обывателям, что им потребно для их пропитания и на семена и сена скоту, а достальной затем весь запечатать и в расход никуда употреблять отнюдь не велеть, под смертной казнью, и проч. 4. В Ишимский дистрикт, в Тару, в Томск и в Кузнецк послан нарочный дворянин Иван Замощиков и дана ему секретная инструкция, по которой велено ему в оные места ехать в самой крайней скорости, не объявляя оного никому, зачем он из Тобольска послан, и прибыв первее в Ишимский дистрикт, на каштаке Петра Подольского, в Таре у откупщиков тобольского купца Фёдора Кирилова с товарищами, в Томске при речке Ушайке, который имеется по отдаче кабацких сборов на Томской ратуше, в Кузнецке, который близ города и содержится на ратуше ж, против вышеписанного, переписать весь хлеб и перепечатать своею печатью и вина на оных каштаках до указу курить не велеть. 5. В Краснослободский дистрикт и в Верхотурье послан нарочный же дворянин Алексей Вакулин и дана ему, против вышеписанного, секретная инструкция и велено ему Краснослободского дистрикта в чертежу Угецкой слободы, при речке Талице, бывшего тюменского купца Григорья Перевалова, на поварне, да в Верхотурье содержащийся на ратуше, да посадского Максима Походяшина каштаков, против вышеписанного, хлеб переписать и опечатать своей печатью и вино до указу курить не велеть. 6. Для довольствия следующих в Сибирь драгунов и пехотных полков и яицких казаков велено перевезти из Краснослободского дистрикта в Тару по зимнему пути овса 10000 четвертей, муки ржаной 10000 да круп овсяных или яшных 630 четвертей на крестьянских подводах, которые собрать в Краснослободске 970, в Тюмени 747, в Туринске 510, в Ялуторовске 1316, итого 3543, и отправить его через Тюмень и Ялуторовск до Коркиной слободы Ишимского дистрикта, накладывать на подводу муки ржаной по 3 четверти, круп по тому ж, овса по 5 четвертей. А для свозу от Коркиной слободы нарядить из Тобольского подгородного дистрикта 1170 подвод, в Ишимском дистрикте 1062, в Таре 1311, всего 9540, за возку же будет выдана плата вперёд по плакату. 7. По тем же посланным указам велено во всех оных городах и дистриктах велеть у обывателей хлеб переписать и сена против вышеписанного ж, оставя тем обывателям, что им потребно, без излишества, для их пропитания и на семена, а сена скоту, а достальной затем весь запечатать, и что оного в котором ведомстве по описи

явится, о том из тех мест прислать сюда ведомость. 8. Для драгунских лошадей перевезти на крестьянских подводах сена в Тару из Ишимского и Ялотуровского ведомств и поставленного по форпостам Сибирского и Новоучреждённого полков драгунами до 100000 пудов, и класть на подводу не более 20 пудов на лошадь. 9. Разосланным дворянам для описания хлеба и собрания подвод сделано наставление, дабы они обывателям никаких обид не чинили и взяткам не касались под смертною казнию. 10. Просить генерала Киндермана об отряжении конвоя из драгунского полка, расположенного в Краснослободском уезде, за провиантом до Тары. 11. Понеже к свозу вышеписанного провианта и фуража нарядить определяется с подводами из крестьян и разночинцев из Ялотуровска 1316, из Ишимска 1062 человека; а в тех дистриктах из крестьян и разночинцев имеется выписных казаков, а именно в Ялотуровске 800, в Ишимске 660 человек, которые все ныне по тобольным и ишимским форпостам, в предосторожность от неприятельских людей, в команде премьер-майора Пекарского состоят; и как под своз вышеписанного провианта и фуража в тех ведомствах подводами исправится в скорости Сибирская губернская канцелярия не уповает, того ради от оной военно-походной канцелярии требуется, дабы оная благоволила вышеречённых имеющихся из крестьян казаков из тобольских и ишимских форпостов отпустить в домы, дабы к свозу оного, объявленное войско, провианта и фуража, могли оные крестьяне быть в исправности, а вместо их крестьян по тем тобольским и ишимским форпостам расположить из прибывшей из Оренбурга яицкой тысячной команды, кои ныне имеются в расположении в Ялотуровском дистрикте. 12. Напольные два полка расположить на винтер-квартиры: Ширванский – в Тобольске, Нашебургский – в Тобольском подгородном дистрикте. 13. Сибирской губернии, как тобольским, так и городовым дворянам и ружникам, кроме рядовых казаков, во всех городах до указу и до будущего определения провианта, дачи не производить, ибо оного потребно на прибывшие, тако ж и следующие в Сибирь драгунские и пехотные полки и яицких казаков и на прочее нерегулярное войско, немалое число, понеже имела о том Сибирская губернская канцелярия рассуждение, что тем дворянам и детям боярским и без выдачи хлебного жалованья не на долгое время пробыть можно, ибо они не так, как казаки, хотя и посылаются в осторожность от неприятельских людей, токмо самое малое число, понеже их имеется малолюдно. 14. В Томскую и Куз-

нецкую воеводскую канцелярию предписано: отправить заготовленный там провиант, оставив только на семена, остальной в Семипалатинскую и Усть-Каменогорскую крепости. 15. Требовать остаточный в Исецкой провинции провиант и остаточный провиант отправить на подводах по зимнему пути в Тобольск. 16. Починить магазины и построить новые в Таре и верхиртышских крепостях. 17. Купить по тобольским уездам провианта, что поручено дворянину Александрову, с выдачею ему денег 1000 руб.

Промемория Сибирской губернской канцелярии, 23 января 1745 года

Экстракт, что генералом Киндерманом одиннадцатью пунктами требовалось, и что на оные в Сибирской губернской канцелярии по справке явилось.

Требование

По присланному приговору, от 11 декабря, от полковника Павлуцкого в Сибирскую губернскую канцелярию, в котором представлено о недостатке в пяти крепостях, тако ж, в Таре, провианта и фуража, и о опасении в провианте недостатка, чтоб не так последовало, как то было в прежнем Оренбурге, что ныне Омская крепость, в 1734 и 1735 году, за неимением провианта и фуража, померло людей и лошадей немалое число, а особливо:

1. По рапорту полковника Зорина имеется во всех крепостях муки только 2050 четвертей, и только может достать на тамошнюю команду, а овса нисколько нет.

Справка: Для довольства Сибирского корпуса отправлены дворяне закупить провиант в Тюменском, Ялотуровском и Краснослободском уездах.

2. Тарская воеводская канцелярия объявила Павлуцкому, что в Таре покупной ржи 563 четверти, овса 306 четвертей, ячменя 49 д-*, в Аевской и Татмыцкой слободах оброчного хлеба ржи 131 четверть, овса 131 четверть; с десятинной же пашни в Омской и Чернолуцкой крепостях хлеба в умолоте за недородом весьма мало. В уезде же Тарском расположены два драгунских и один пехотный полк.

* Так в тексте.

Справка: Оные полки будут довольствоваться из местных магазинов. На покупку же провианта в Тару и Ишим послано по 5000 руб.

3. В Ялутуровском дистрикте, где ныне стоит яицкая команда, провианта и фуража достанет только на месяц.

Справка: В Ялотуровскую канцелярию писано, чтоб недостающий провиант покупать от окружных жителей, расходуя на это деньги из четырехгривенного сбора; овёс же брать у них под квитанции; кроме того, велено перевезти из Краснослободска 3000 четвертей.

4. Вологодский полк, расположенный в Тюмени, в уезде которой не более 7000 душ, чувствует недостаток в провианте и фураже.

Справка: На покупку провианта послано в Тюмень 2969 руб. 13¾ коп.

5. В Туринском уезде, где стоит Луцкий полк, провианта довольно – 1852 четверти, овса же привезут из Верхотурья 4268 четвертей, но сена мало.

Справка: Сено велено брать у жителей, но не неволя, и тотчас выдавать им деньги; под квитанции же брать воспрещено Сенатом.

6. В Краснослободском дистрикте, где стоит Олонецкий полк, провианта и фуража довольно. Ширванский полк будет расположен в Тобольске, а Нашебургский в Тобольском подгородном дистрикте.

7. По недостатку провианта в Таре и верхиртышских крепостях нужно заготовить его зимой, чтобы ставить на судах по первой воде вверх.

Справка: Сделано распоряжение о подвозе провианта из Краснослободска.

8. Полки Сибирский и Новоучрежденный наставили сена по форпостам, но куда оно поступило, не известно.

Справка: В 17 форпостах и защитах осталось от них сена 37500 копен, каковые и определены на Уфимскую и Оренбургскую команды, стоящие ныне в тех защитах. В Тару же велено везти сена из Ялотуровска и Ишима.

9. В тех форпостах какие ныне караулы и кто командиры?

Справка: В тобольных и ишимских форпостах, где стояли Сибирский и Новоучрежденный полки, расположен присланный из Оренбурга с драгунским полком премьер-майор Пекарский, и к нему определены тех дистриктов выписные из крестьян казаки.

10. На имеющееся войско на каждый месяц следует ржи 4876 четвертей, круп 208 четвертей, овса 8583 четверти, сена 112890 пу-

дов, а в сообщении Сибирской губернской канцелярии объявлено провианта только 14139 четверти, круп 78, а сена 30400 пудов.

Справка: Велено, с целью закупа у жителей провианта, переписать у них весь хлеб, и посланы для того дворяне. Да Яков Александров получил 1000 руб. для закупа провианта в Тобольском дистрикте.

[Из документа от 26 января 1745 года]

По ведомости 26 января 1745 года, артиллерии было в крепостях: 1) Ямышевской 18 орудий; 2) Семипалатной 9 орудий; 3) Усть-Каменогорской 5 орудий; 4) Железинской 6 орудий; 7) Омской 19 орудий.

Доношение Павлуцкого Киндерману, 26 января [1745 года]

Форпосты в Кузнецком ведомстве имеются по Оби в трёх местах, да в Колыванском заводе. Бикатунский форпост, в нём войска 147 человек, да из крестьян казаков 50 человек. Белоярская крепость, в ней рядовых 56, из крестьян казаков 50; в Малышевской слободе рядовых 43, казаков 50, в Колыванском заводе рядовых 56.

Промемория Киндерману из Сибирской губернской канцелярии, февраль 1745 года

По определению Сибирской губернской канцелярии послан в Тарскую канцелярию указ Её Императорского Величества, по которому «велено всякими пристойными образы наведываться секретов чрез добрых и надёжных и знающих людей, коликое число ныне из Зенгорской землицы от Галдан-Чирина в барабе имеется для сбора на оного владельца алмана калмык, и кто у них начальники или башлыки имеются и когда оные прибыли в барабу и нет ли у тех зенгорских калмык с барабинскими татарами неприятельскому нападению на российския жилища какого общего согласия к возмущению. И для того во все те барабинския волости послать нарочных людей самых добрых и к тому делу искусных, и что по тому наведыванью явится, о том в Сибирскую губернскую и в военно-походную канцелярии рапортовать».

Рапорт капитана князя Девлет-Колдеева, 9 февраля [1745 года]

Убинская застава строена была Семипалатной крепости солдатами и казаками, которая и обнесена палисадом и рвом, надолбами и рогатками. А в оном палисаде построены 2 казармы и конюшни. И на оной заставе имелись для караулу семипалатинские солдаты и казаки, но потом они сменены 30 человеками конницы из Усть-Каменогорска, а зимой 1744 года 15 человек конницы взято обратно, а прислано 15 человек пехоты.

Промемория из Сибирской губернской канцелярии в военно-походную канцелярию Киндермана, март 1745 года

На требование Киндерманом сведений о позволении джунгарским купцам торговать во внутренних местах Сибири и о числе джунгарских купцов, пропущенных в Томск, посылается ему экстракт, составленный в Сибирской губернской канцелярии.

Экстракт

Прошлого 1733, августа 31 дня, по определению Сибирской губернской канцелярии, в Коллегию иностранных дел писано отпискою, в которой прописан Её Императорского Величества указ, из Коллегии иностранных дел прошлого 1732 года, сентября 8 дня, и по силе оного указу посланнику и майору Угримову[38] в поставлении написано и велено ему учинить договор, чтоб с российских купцов во владении Галдан-Чирина нигде пошлин не брать, на что, насупротив того, равномерно и в сибирских городах с его, Галдан-Чирина, купецких людей пошлин брать не будут. Когда же он, посланник майор Угримов, объявил Её Императорского Величества указ о торге, то оный Галдан-Чирин и его зайсаны объявили, якобы они тем недовольны, что у купцов их привозные и отвозные товары осматривать; а именно, будучи на конференции Галдана-Чирина мая 2, 1732 года, говорил ему Галдан-Чирин: «О купечестве, де, какой с ним указ?» – И оный посланник и майор ответствовал «о содержании указа». Да августа 9 дня, 1732 года, он же, Галдан-Чирин, говорил ему, Угримову: «Отправляет, де, он купецкий караван, чтоб отписал губернатору, дабы с них пошлину брать не велел; о том, де,

и письмо запечатав, пошлёт с посланцем до Её Императорского Величества». Угримов обещался писать, но только заявил, чтобы джунгарские купцы по приезде в крайние российские крепости, где иметься будут таможни, все свои товары объявляли, а потом, где оные товары будут продавать или менять, то б и купцов объявляли. И на это Галдан-Чирин говорил: «Коли, де, пошлины не брать, то, де, и товары у них, купцов, на что осматривать? Токмо, де, из того будет им немалая изневага и затруднение в том, что товары объявлять и купцов и продавцов объявлять и о прочем». Да того ж числа Батур-зайсан на съезде с посланником Угримовым, между прочими делами, говорил, что вместо осматриванья товаров у их купцов лучше, де, брать по-прежнему пошлины на обе стороны, на что он, Угримов, отвечал, что без досмотру, как в Российской империи издревле есть обычай, пропускать товаров привозных и отвозных из других земель невозможно. И по силе вышеявленного Её Императорского Величества указа, посланы в сибирские города и в Тобольскую ратушу и в таможню указы о том. А того 1733 года, июня 15, из Ямышева комиссар Сыромятников писал: «Прибыли, де, из Урги купцы бухаретин Мулла Назаров с товарищи[39], и при осмотре, де, их явилось у них еркецких товаров 45 тюков[40], которых разбирать и рассматривать таможенным служителям не дали, а сказали, что оные, де, товары посланы до Тобольска владетеля Галдан-Чирина казённые, для покупки на те товары и на мягкую рухлядь на собственные его нужды, Галдан-Чирина, российских потребных товаров; да и разбивать, де, оных товаров не для чего, понеже, де, мягкую рухлядь и товары объявит он, Назаров, в Тобольске. И по тому объявлению они, бухарцы, в Тобольск отправлены без досмотру, а тюки их запечатаны таможенною печатью и о пропуске им дан, бухарцам, паспорт. И по прибытии их в Тобольск послан был к ним Тобольской таможни комиссар Крупеников с бурмистром и ларёшным неоднократно, и велено ему требовать, чтоб оные зенгорские купцы объявили товары, а пошлина с них взята не будет, только надлежит, де, ведать, с какими они товарами приехали; и они состояли в великом упорстве и товаров своих объявлять не хотели, а показывали, чтооные товары самого Галдан-Чирина. Июня 27, того ж 1733 года, в Сибирскую губернскую канцелярию прибывшие от зенгорского владельца посланцы Зунду Зомсу с товарищи предлагали, что их, де, владельца такое повеление, что когда, де, пошлин с зенгорских товаров не брать, то, де, и осматривать нечего; на что им, посланцам,

ответствовано, что без осмотру пропускать невозможно для того, с чем их купцы приехали и сколько их товаров в Россию привезено будет, знать не по чему; и на то ответствовали: «Когда, де, усматривать у них товары и их объявлять, то, де, лучше пошлины им платить, и они товаров объявлять не будут, разве, де, будете смотреть силою»; и июля с 27 числа августа по 6 число те Галдан-Чирина купцы товаров своих не объявляли, а августа 6 числа сами объявили товарам своим роспись и те свои товары объявляли таможне; а по досмотру от Тобольской таможни явилось тогда в привозе от оных бухарцев товаров 2300 зенделей шанских, 600 корсаков, 600 хамов, 1100 выбоен, 100 лисиц, 90 волков, 22 кушаков, 500 зенделей малых, 70 занавес, 800 концов китаек[41], и с оных их товаров пошлины не взято, а велено брать, по силе Её Императорского Величества указу, с российских купцов. А по мнению Сибирской губернской канцелярии надлежит для прибыли Её Императорского Величества казны учинить следующее: чтоб постановить торг с владельцем Галдан-Чирином по-прежнему у Ямышева и Семипалатинска, как и прежде сего бывали и как ныне на китайской границе на Кяхте с китайскими купцами о продаже товаров и о взятье пошлин постановлено, и чтоб и его Галдан-Чирина купцам также бы и в Ургу российским купцам далее Ямышева и Семипалатной с торгом не ездить, и как оные Галдан-Чирина купцы в сибирские города ездить не будут, то у Ямышева и у Семипалатной и осматривать их товаров не надлежит, в чём они ныне упрямятся, понеже, как приедут русские купцы под Ямышево, тогда у них привозные товары таможенными служителями все осмотрят и настоящую пошлину возьмут; также как и отъезжать будут, то все выменённые их товары и которые остались за меною, все осмотреть же, и в пошлине никакой Её Императорского Величества казне траты не будет. А что их Галдан-Чирина купцов пропускать в Тобольск и другие сибирские города без осмотру с товары невозможно, того ради, что не токмо свои привозные товары и сибирских жителей, бухарцев и татар, распродадут беспошлинно товары тайно, что в прошлом 1732 году и явилось, что с Москвы повезли послы товаров на 20000 руб, что у них и в привозе в Сибирь не было, да и ныне в явке у них товаров малое число, а не объявляли много время, и в том, по мнению Сибирской губернской канцелярии, не распродали товаров тайно, и потом малое число сами объявили, а усмотреть за ними того никоторыми мерами невозможно, понеже у них, бухарцев, не токмо друзей в Тобольске и других сибирских

городах, но и свойственников много из бухарцев и из татар. Да и то мнится не хорошо, что они с сибирскими татары и бухарцы и посвоились и побрали дочерей у сибирских иноземцев всё чрез явленные торговые проезды бухарцев владения Галдан-Чирина, понеже во все сибирские города и в Иркутскую провинцию те Галдан-Чирина купцы непрестанно ездят и торгуют, а как назад возвращаются с товаром, и ежели их не осматривать, то могут тайно покупать у сибирских иноземцев беспошлинно товары и привозить, да к тому ж могут провозить и заповедные товары, а именно ружьё, порох, свинец и панцири и прочие заповедные товары[42], и от оных торгов и о всём состоянии сибирском уже весьма они известны, в чём у них перед прежними ныне прибыло претензий о границах и о прочем; а русские торгуются с ними у Ямышева и в Ургу ездят торговать мало, и те посылают с приказчиками своими из таких же бухарцев и татар, живущих в Сибири, а без них и посылать в Ургу не смеют, и российским купцам всем, по мнению Сибирской губернской канцелярии, гораздо будет лучше, как обстоятельный торг будет у Ямышева и у Семипалатной в одном месте, как и ныне с китайскими, и все будут тем довольны, а от торгу российским купцам в Урге бывает разорение, как в прошлых годах контайша[43] купца Ярышкина казнил и на многие тысячи пожитков взял и поныне оное не возвращено, также и другие купцы в прошлых годах пограблены, а иные многие в Урге удержаны. Да и до Урги едучи от Семипалатной, в пути бывают сибирским купцам немалые опасности, и грабит казачья орда и побивает, что и в прошлом 1732 году учинено туринского купца Колмогорова с товарищи казачья орда пограбили. И ежели по нынешней склонности калмыцкого владельца указом Её Императорского Величества купцам его торговать в Сибири не запрещено будет, то, по мнению Сибирской губернской канцелярии, надлежит торг с ними постановить в такой мере, чтобы торговаться у Ямышева или в Семипалатной и пошлины бы с них калмыцкого владельца купцов не брать, а брать бы с российских купцов; а будет которые у Ямышева и в Семипалатной не исторгуются и похотят ехать в Тобольск и другие сибирские города, и с тех пор бы его, Галдан-Чирина, купцов, с товаров их пошлину осматривая, по-прежнему брать у Ямышева и у Семипалатной; а без осмотру ежели их пропускать, то будет казне весьма убыток, понеже и до городов не доехав, по волостям иноземским по дороге могут многие товары разменять беспошлинно, чего усмотреть меж ними будет невозможно; и народ калмыцкий,

особливый перед другими народы, а российским купцам в езде в Ургу всему обществу купечества пользы нет для вышеявленных причин, да и для того, что русские купцы в Ургу товары отпускают с бухарцами, и то немногие, и за теми еркецкие товары более и состоят, а другие купецкие люди, которые друзей себе бухарцев также возможности не имеют посылать в Ургу, те остаются бездовольны от иркутских товаров, а в Ямышеве и в Семипалатной как торг, так и пошлина от того умаляется; а как у Ямышева будет в одном месте торг, то все будут купцы российские довольствоваться еркецким товаром равно.

А в указе Её Императорского Величества из государственной Коллегии иностранных дел, сентября от 23, прошлого 1735 года, написано: зенгорского владельца, Галдан-Чирина, посланцы Зунду Зомсу с товарищи (которые ещё сюда в 1733 году с бывшим у того владельца посланником Угримовым прибыли) отпущены, августа 13 дня отсюда в Москву отправились и оттуда далее путь в Тобольск продолжать имеют. И по резолюции, состоявшейся в кабинете Её Величества, на все от зенгорского владельца представления, через Угримова и посланцев его, и претензии и прошения, здесь посланцем его в Коллегии иностранных дел ответ учинён, который был сочинён на калмыцком языке, купно с реестром обидам, учинённым со стороны того владельца российской стороне, каков от посланника Угримова, в бытность в улусах калмыцких, подаван с ними ж посланцы ко владельцу их в ответе на листы его отправлена Её Императорского Величества грамота в генеральных терминах, в которой о делах сослалось на означенный данный посланцам ответ и о прочем по приложенному при оной грамоте реестру, и со всего того, а именно с означенных Галдан-Чирина листов и чинимых от его посланцев представлений и данного им ответу и о прочем, что с теми посланцы в той коллегии происходило, каким образом содержаны, с сочинённых о том записок при том сообщены точные копии, чего здесь не распространяется, токмо вкратце выше упомянуто. И надлежит во всём том поступать и чинить по силе и содержанию оного ответа. А в оном же указе по 7-му пункту велено, по содержанию объявленной в оном резолюции об отправлении при Ямышеве и Семипалатной зенгорским и российским купцам коммерции немедленно учреждение учинить, и у зенгорских купцов товаров осматривать и с них пошлин брать всемерно не велеть, но, вместо того, те товары у российских купцов, которые оные купят, осматривать и пошлины

с них брать обыкновенные, и поступать во всем том таким образом, как с китайцами на границах российских купечество отправляется.

А в ответе, присланном ко двору Её Императорского Величества от зенгорского владельца, июля от 29 дня, 1735 года, написано, что по 7-му пункту со стороны зенгорского владельца, как напредь сего, так и ныне, представления учинены о взимании пошлин в обеих сторонах с купечества, и о том ещё, по прежним таким со стороны их предложениям, указ Её Императорского Величества состоялся и владельцу зенгорскому об оном через посланника и майора Угримова сообщено и требовано от их купечества только одного объявления товаров их, в чём со стороны их затруднение учинено. Её Императорское Величество, продолжая к зенгорскому владельцу свою склонность, всемилостивейше повелела: купечество подданным его, зенгорского владельца, отправлять в крайних сибирских городах, при Ямышеве и Семипалатной, и товаров их, зенгорских купцов, не осматривать, и торговать им тамо беспошлинно, только б зенгорские купцы далее Ямышева в другие сибирские города и волости с товарами не ездили, но в помянутых двух местах те товары свои продавали, тако ж и российские покупали. И российским купцам велено с ними, зенгорскими купцами, торг производить токмо в означенных двух местах, при Ямышеве и в Семипалатной, а далее того, в улусы зенгорского владельца, оным с российскими товарами уже не ездить, и о том указ Её Императорского Величества к сибирскому губернатору пошлётся.

А января 13 дня 1737 года, по определению Сибирской губернской канцелярии, отпусканы были из Тобольска с товары для купечества до Ирбитской ярмонки зенгорского владельца бухарцы купеческие люди Камалай-Ходжа с товарищи, всего 16 человек, и о пропуске их до Ирбити, с возвратом до Тобольска, дан им пашпорт, а на Ирбитскую ярмонку, к подполковнику и воеводе верхотурскому Воробьёву послан указ, и при том указе какие товары оные бухарцы с собою на Ирбитскую ярмонку взяли, тому сообщён реестр; и в том указе написано, чтоб с оных бухарцев, с их товаров, пошлин отнюдь не имать, а брать те пошлины с российских купцов, и с русских, и с иноземцев сибирских, и с прочих губерний с жителей, кто у них те товары купит, с купцов и за продавцов, по прежде посланным указам без упущения. И смотреть ему, воеводе, того накрепко, чтоб российские купцы без платежа пошлин тех товаров у них, бухарцев купецких людей, отнюдь никто не покупали, и оным бухарцам отнюдь никому озлобления никакого не чинить, а чинить им всякую

ласку и привет, и велено им, бухарцам, под оные их товары отвести лавки или амбары. А в Тобольске те товары велено в тюках запечатать тобольскою таможенною печатью, и послан с ними, бухарцами, солдат. А хотя, по силе Её Императорского Величества указу из Коллегии иностранных дел, ноября 2 дня 1735 года, и велено об отправлении при Ямышеве и Семипалатной зенгорским и российским купцам и коммерции немедленно учреждение учинить, и в том во всём таким образом, как с китайцами на границах российских купечество отправляется, токмо прошедшего 1736 года, февраля 7 дня, в бытность оным посланцам Зунду Зомсу с товарищи в Сибирской губернской канцелярии на аудиенции, и по силе оного Её Императорского Величества указу, об оном им было объявлено, и они, посланцы, ответствовали, что, де, собою они договору учинить не могут, а донесут, де, они о том по прибытии Галдан-Чирину, того ради о торгу с ними зенгорцами означенной коммерции и не учреждено.

А прошлого 1737 года, июля 10 дня, в поданном от прибывшего в Тобольск от зенгорского владельца купчины Аваз-бая листе написано: «Тобольскому князю дано, а вас в нескольких человеках для купечества на потребу, что угодно будет купить, а в том им купечестве никакого вспомешательства и обиды не учинить, чтобы всякое вспоможение чинить, о том просим, а прочие купцы ниже Ямышева о непропуске о том случае ещё, такожде и на словах речи будут говорить; в гостинцы один на золоте подстав, прозванием гужирот. Году Гильмогой[44], 3 месяца, по рождению 14 числа».

Да того ж июля 16 числа оный купчина Аваз-бай в Сибирской губернской канцелярии подал лист, в котором, между прочим, упоминает о непропуске мимо Ямышева и об остановке торгов.

И августа 7 дня, по определению Сибирской губернской канцелярии, в Коллегию иностранных дел с сержантом Лазаревым писано доношением и с поданного от Аваз-бая листа сообщена точная копия.

И декабря 15 того ж году помянутый купчина Аваз-бай приходил в Сибирскую губернскую канцелярию и на выше писанное непрестанно паки просил резолюции; того ради от Коллегии иностранных дел требовано доношением повелительного указу.

А прошлого 1738 года, по определению Сибирской губернской канцелярии, а по доношению помянутого Галдан-Чирина, помянутого посланца Аваз-бая, отпускан был он, Аваз-бай, из Тобольска до Ирбитской ярмонки с посланными от Галдан-Чирина товары, тако ж

и для покупки про домовой его обиход товаров же, что потребно, и при нём служителей 5 человек, и дан был прочётный указ[45], и под оные товары 8 подвод за его прогоны, и для препровождения и караулу солдат 2 человека. А товары, какие они с собою на Ирбитскую ярмонку берут, велено, осмотря, переписав все без утайки, запечатать тобольскою таможенною печатью; а на Ирбитскую ярмонку верхотурскому воеводе Воробьёву послан указ же, и при том указе, как товары он, Аваз-бай, и при нём служители с собою на Ирбитскую ярмонку взяли, тому сообщён реестр, а в том указе написано: «С оного Аваз-бая и при нём служителей с продажных их товаров пошлин отнюдь не брать». А для смотрения на ярмонке торгу, чтоб чинили по силе указов, посылан был при нем, Аваз-бае, толмач Девятияровский, и дана была ему секретная инструкция.

И декабря ж 30, в поданном доношении в Сибирскую губернскую канцелярию купчины Аваз-бая написано: «В письме, де, к нему, Аваз-баю, из Ямышева Урасан-бай писал, что, де, вышли они в караване от владельца своего для купечества с еркецкими товары и желали ехать в Тобольск, а прибыв, де, они в Ямышев, подполковник Лебедев их с товарами в Тобольск не пропустил и сказал, что, де, указ есть их в Тобольск не пропускать; и ежели, де, такой указ есть, то о том он, Аваз-бай, будет доносить владельцу своему».

А января 18 дня, 1738 года, по определению Сибирской губернской канцелярии, в Ямышевскую канцелярию к подполковнику Лебедеву послан указ, велено ему прибывших в Ямышев купчину Рукан-бая, а при нём бухарцев с товары их для купечества в Тобольск пропустить, по силе прежде посланных Её Императорского Величества указов и по таможенному уставу 207 года[46], пересмотря оные товары и запечатав таможенною печатью. А в Коллегию иностранных дел писано доношением, в котором объявлено «В указе, де, из Коллегии иностранных дел, сентября от 23 прошлого 1735 года, между прочим, в 7 пункте, написано о небрании с зенгорских купцов пошлин и о том, чтобы поступать во всём том таким образом, как с китайцами на границах российских купечество производится; при этом объяснено, что зенгорцы требуют постоянно пропуска во внутренние сибирские города и не довольствуются торговлею в Ямышеве и Семипалатинске. Сибирская канцелярия просит Коллегию иностранных дел известить, можно ли пропускать зенгорских купцов в Тобольск?».

А в указе блаженной и вечнодостойной памяти Её Императорского Величества[47] из Коллегии иностранных дел в Сибирскую губернскую канцелярию написано. В 1-м, от 9 февраля 1738 года: «В Коллегии, де, иностранных дел получено доношение о прибытии в Тобольск Аваз-бая для купечества с товары, и какое тот купчина предложение учинил, и какой ему ответ дан, то опробовано, и чаятельно было, что с тем тот купчина из Тобольска и отпустится. А ныне, де, из полученного ж доношения усмотрено, что по прошению того купчины, дано Её Императорского Величества жалованья против прежних дач, всего на 3 месяца на 20 дней, ему, купчине, со всеми при нём двадцатью человеки служителями, кормовых денег 56 руб. 50 коп., и впредь до отъезду того купчины из Тобольска кормовое жалованье ему давать ли, требовано указу; но зачем тот купчина так долго в Тобольске живёт и когда отъедет, о том ничего не упомянуто. По получении сего, того купчину, ежели он купечество своё отправил и более дела не имеет, из Тобольска отправить и ко владельцу его отпустить. А ежели тот купчина станет требовать на предложения свои ответы, и ему сказать, как говорено с ним и в записке, присланной июля от 10 дня. А о прочих делах и о границах сказать, что такие дела принадлежат трактованы быть чрез посланцев, а не чрез купчин, о чём уже в той коллегии с последними их бывшими посланники, Зундою Зомсою с товарищи, довольно говорено и сюда всё сообщено».

В 2-м, от 24 февраля 1738 года, доношение о прибытии купчины Русан-бая* и о пропуске его в Тобольск получено. И спрашивано на то указу, что с ними чинить и как поступать и прочее. И в Коллегии иностранных дел за благо рассуждено о том послать указ, «дабы с купчиною Русан-баем поступать во всём таким образом, как с купчиною же Аваз-баем».

А прошлого 1742 года, апреля 9 дня, по определению Сибирской губернской канцелярии, в Коллегию иностранных дел между прочим писано о происшедших зенгорского владельца калмыками, а особливо купчиною Аваз-баем, российским подданным, разных чинов жителям, обидах и непорядочных наглых поступках, и требовано Её Императорского Величества повелительного указа, не соблаговолит ли Коллегия иностранных дел для лучшего впредь порядка с обретающимися ныне при дворе Её Императорского Величества зенгорскими послами, Ламой Дашей, Наурус-Хаза и Аваз-баем[48], о том

* Скорее всего описки: один и тот же человек назван Рукан-баем, Русан-баем и Урасан-баем.

торгу оной коллегии утвердиться на выше писанном губернской канцелярии мнении, чтоб у Ямышева и Семи Палат им, зенгорцам, с российскими купцами вывозными из их землицы товарами торговать, и как оная коммерция учинится, то от того, кажется, быть порядочнее, да и от зенгорских калмык таким образом и затруднениям быть не чаятельно, понеже зенгорские купчины ездят в российские жилища с товары для купечества и, по своему варварскому упрямству, чинят с российскими народы великие ссоры, драки и обиды... Не соизволено ль при том будет, чтоб зенгорцам было не упорно вдруг пресечь торговать в Сибири, не соизволено ль им для подачи охоты и приласкания владельцу их, для собственной его только персоны, по некоторому умеренному числу в Тобольску товаров продать и купить, ибо он того, конечно, требовать не оставит, с тем выговором, чтоб не многолюдством от него прислано было, не больше 10 человек, а что меньше, то б удобнее, ибо от оных многолюдных их приездов и живых приметок, как тот народ к тем склонен, великие затруднения и убытки чинятся? Да не запотребно ль, для отвращения их упорных отговорок и несклонения к Ямышеву торгу, их обнадёжить, что при начатии торгов, ежели они не все свои товары купцам российским продадут, то в таковом первом случае такое вспоможение будет учинено, что остаточные их товары хотя на казённые деньги искупятся, а сюда привезши, можно оные променять или продать; однако ж, такие у них с рук сняты будут, чтоб на казённые деньги провоз и прочие протори возможно не только истинные, но и с прибылью получить, и ежели распространится торг и умножится в зенгорскую сторону купцов с товарами, тогда надлежит публиковать не только в Сибири, но и прочих местах, дабы российские купцы довольно с товары в те крепости ездили; осмотря, со времен[ем] можно учредить и несколько ярмонков в год в разные времена, и как оные товары, которые и на Ирбити продаются, от российских купцов к Ямышеву привожены будут, и от того тем зенгорцам в торгу чаятельно быть способнее, ибо они равномерно в тех крепостях так, как и на Ирбити, товар покупать имеют; к тому ж то им будет полезнее, понеже те крепости к владению зенгорскому ближе, нежели Тобольск и Ирбить, ибо от тех крепостей до Тобольска и до Ирбити более будет расстояния, нежель от Зенгорской землицы до крепостей. Да и сибирские купцы, 1742 года января 14 дня, как тобольские русские, так и бухарцы, подали в Сибирскую губернскую канцелярию прошение, в котором написали: «С прошлого, де,

1735 года, приезжают зенгорского владельца Галдан-Чирина калмыки и бухарцы, и отпущаются из Тобольска во время ярмонки на Ирбить с немалым числом конвоя, и, будучи в Ирбити, чинят им, как в продаже, так и в покупке товаров, великое отягощение и немалые убытки, для того, как продают товары, так и покупают, не платя пошлин, а они, тобольские купцы, товары продают и от российских купцов покупают с платежом пошлин и претерпевают они немалое разорение по многие годы». А против повелительного указу, по которому повелено в Ямышевскую крепость от зенгорского владельца людям и их купцам ездить для купечества, и как они со своим товаром, так из прочих городов до оной Ямышевской крепости заблаговременно и приезжают и ожидают по немногу времени чисел приезду оных калмык и бухарцев, которые признали, что им от Ямышева до Тобольска и из Тобольска до Ирбитской ярмонки проезд свободный, а в продаже и покупке велик прибыток, чего ради, с прошедшего 1739 года, с российскими купцами и с ними, бухарцы, мало и торгуются, от чего в оной Ямышевской крепости, как тобольские русские и бухарцы, так и других городов купеческие люди, живут и поныне с своими товарами, которым приключается крайнее разорение и отстатие торгов; и просили они, дабы указом Её Императорского Величества повелено было о великом их в купечестве и в несносном помешательстве милостивое рассмотрение учинить, как они, тобольские, так и прочих городов, купцы возвратятся с Ирбитской ярмонки, и оным зенгорского владельца калмыкам и бухарцам, ежели повелено будет удержанным им быть в Тобольску, то продать и купить по приезде с ярмонки, с великим удовольствием возможно, и возвращаются они, тобольские и прочих городов купцы, с той ярмонки с товарами в непродолжительном времени. А чтоб Сибирской губернской канцелярии о коммерции с зенгорцами какие способы здесь снискать, никоторыми меры не возможно, понеже и напредь сего многократно о той коммерции с означенными зенгорскими посланцы было говорено, и к нему, зенгорскому владельцу, писано, токмо на оное никакого ответу не учинено, да и впредь о том надежды нет, чтоб по здешним желаниям от Галдан-Чирина какая склонность показалась; да о чём же бы и надлежало к оному зенгорцу писать, или туды кого для разведыванья о тамошних обращениях послать, как то для здешней предосторожности и уведомления в Иностранную коллегию весьма потребно, и такого способного и искусного человека здесь нет, да и прежде отсюда не токмо мало, но поч-

ти никогда о таком разведываньи не посылались, а в том есть такая нужда; не соизволит ли Коллегия иностранных дел сюды такого способного и надёжного человека прислать для посылки в Зенгорскую землю о разведывании тамошних обстоятельств и намерений, ибо о том здесь так глухо, что ничего не ведаешь, хотя б его такие люди и близ здешних жилищ появились, разве что с форпостов осмотрят; а понеже некоторые форпосты от Тобольска имеются меньше 200 вёрст, да и те, для обширности, меж себя не часто состоят, а оная губерния по пространству и обширности её по большой части открыта, и обнять оную к осторожности здешними войски для пространства никак не в состоянии. В означенном же посланном доношении написано оного зенгорского владельца о посланце Аваз-бае, что он, «Аваз-бай, природный был российский, который и родился в Сибирской губернии, и всегда оный бывает в Тобольску и в других российских городах, как для купечества, так и для посланничества, почти безвыездно, и о сибирском состоянии довольно известен, да и тем, в Сибирской губернии, безвыездным житием, что чинится, извещается, понеже он к таким проискам способен и лукав; и дабы чрез какое ухищрение не привел Галдан-Чирина в злобу, и для того, ежели бы оный Аваз-бай под каким претекстом не скоро возвратился в свою землю, а хотя бы и вовсе не был; понеже он к России весьма недоброжелателен и ругатель, а паче Коллегия иностранных дел изволит усмотреть из приложенного экстракта о обидах от него; да и здесь об нём сказывают, что он совести худой; а оный Галдан-Чирин своими авантажами над китайцами и киргиз-кайсаками войска свои привёл в хорошую исправность и пред прежним оных больше прибыло; и о здешнем месте, как Коллегии иностранных дел известно, что состоит на великой обширности и имеет по выше объявленным обстоятельствам от оного зенгорского владельца опасность, ибо, хотя в Сибирской губернии форпосты по некоторым местам имеются, и то по большей части от набегов со стороны киргиз-кайсаков, а со стороны ж барабы и от их владения в Кузнецку, в Томску, Красноярску, почти и все места отверсты, а хотя и имеются некоторые форпосты ж да и те на великой обширности и меж себя в дальнем расстоянии, которые для обширности и расстояния мало способны. И о всём выше писанном оной коллегии предано на высокое рассуждение, будет ожидать Её Императорского Величества указу».

И на оное требование из Коллегии иностранных дел в Сибирской губернской канцелярии указу не получено и поныне.

А по справке в Сибирской губернской канцелярии, в прошлых 1732 января 22, 1742 января 12, 1743 января 25 и 1744 годах, января 12, по определению Сибирской губернской канцелярии, отпусканы были на Ирбитскую ярмонку с вывозными их еркецкими товарами зенгорского владельца купчины Нияз-бай, Ороха-бай, Сепер-бай, Азиафер, Мулла Наурус, брат его сродный Сулейман, с товарищи и служители их, с таким же наставлением, как и в прошлых 1737 и 1738 годах, отпусканы были купчины Каманай-Ходжа с товарищи и посланец Аваз-бай на Ирбитскую ярмонку.

А прошлого 1744 года, декабря 7 дня, из Ямышева было представлено, что, де, того ж году, в октябре месяце, отправились из Зенгорской землицы бухарцы с караваном, при котором башлыком купчина Нияз-бай, у которых будет зверей до 600, и идут, де, они для торгу до Ирбитской ярмонки.

А января 24 сего 1745 года прибыли в Тобольск от зенгорского владельца купчины Нияз-бай и Ираим-бай и в Сибирской губернской канцелярии предъявили на калмыцком языке лист за красною печатью, в котором, по переводу, показано: «Тобольскому генералу подать. Нияз-бай, Ираим, двое башлыки и несколько людей в Тобольск, надобно что взять, поехали; эти прежде за делом в город езжали; торг делался; по обычаю сделать в торгу, где лучше сделать же. Просим! В гостинцы одну парчу».

И февраля 6 дня вышеобъявленные купчины Нияз-бай и Ираим-бай и при них калмыки и бухарцы, всего 170 человек, по неоднократным их упорным требованиям из Тобольска до Ирбитской ярмонки для купечества отпущены, а для препровождения их в караул посланы с ними унтер-офицер, капралов 2, солдат 17, толмач 1. А чтоб оных купчин, по неоднократным их упорным требованиям, в Ирбитскую ярмонку с товары не отпустить, как то уже и прежде сего было чинено, такие ж купчины с товары отпусканы были, такой смелости, по нынешним экстрам Сибирской губернской канцелярии принять на себя было опасно, и оных в Тобольске удержать не смела, чтоб от того не подать к ссоре владельцам их причины. А помянутые купчины прибыли в Тобольск с Ирбитской ярмонки сего марта 4 дня 1745 года.

А по рапорту из Ямышевской канцелярии от 10 декабря прошлого 1744 года, что, де, отправились из Зенгорской землицы в Томск для торгу бухарцы через Семипалатинскую крепость 7 человек, при них 20 зверей вьючных; чрез Убинскую заставу бухаретин Адыл-бай, с ним бухарцев 60, калмык 4 человека, верблюдов 200, лошадей 300.

Из рапорта Павлуцкого Киндерману, март 1745 года

О получении ордера, которым приказано смотреть, дабы никто отсюда отнюдь, под смертною казнью, не дерзал, для добычи или воровства, за форпосты в кочующие близ границ российских киргиз-кайсаков, тако ж и Галдан-Чирина, улусы прокрасться или под каким видом пройтить, и оттого им обид и озлобления происходить не могло.

[Рапорт Павлуцкого Киндерману о получении ордера от 1 марта 1745 года]

«И в силу того Вашего Превосходительства ордера предложено от меня в Тарскую и Кузнецкую канцелярии, в Колывано-Воскресенские заводы, г. бригадиру Бееру, да и в Омскую крепость, майору Нелюбову, чтоб в тех местах, в каждом выбрав из казаков или из обывателей русских (а не татар) надёжных и совестных людей по 2 человека, знающих татарские разговоры, и из них, чтоб были по одному умеющих по-русски в грамоте, дабы нужное к ведению записать могли, и отправить их в барабу в самоскорейшем времени, токмо велеть им о себе объявлять, как русским, а паче иноверцам, что отпущены за своею нуждою для покупки или продажи, чего или нечто потерянное сыскивать, и для того дать им пашпорт и приказать им для того взять с собой своего, или у посторонних кого, возможное число товару, а между тем им о вышеозначенном обращении наведываться искусно, чрез посторонние разговоры, между партикулярными речами, а именно: 1. Сколько тех зенгорских калмык ныне в барабе имеется, и кто именно при них начальники? 2. Как давно они из землицы своей приехали и когда намерены обратно ехать? 3. Все ль поедут или несколько, ещё зачем, до которого времени имеют тут остаться? 4. Всего сколько те барабинские татары оного алману платят, и каким зверем или товарами и деньгами, и по чему с волости или с каждой мужской души? 5. В сборе того алману те калмыки справедливо ли с барабинцами поступают или какие излишества чинят, и в бытность свою тут сами и лошадей своих довольствуют от плательщиков барабинцев покупкою или без всякого платежа? 6. Напротив того те татары в сборе и в отдаче упоминаемого алману как охотны и старательны являются и теми зенгорскими сборщики довольны ль? 7. И о всём оном происхождении с обеих

их сторон по-прежнему ль поступается или в чём есть ныне какая отмена, о том с крайним прилежанием разведать? 8) Нет ли у часто упоминаемых барабинцев согласия с зенгорцами к каким злым намерениям противу России, то есть к неприятельским поступкам или особливой коммуникации и писем? 9) Буде же те, бывшие за алманом калмыки, по сборе оного, уже возвратились, то с ними не уехало ль сколько барабинцев в Зенгорию, и буде уехали, то кто именно, и из знатных или из простых людей и для чего именно и надолго ль? И оное всё разведывание тем посланным велеть чинить по разным местам, переезжая из деревни в деревню, а в одной деревне всего отнюдь не выспрашивать, дабы барабинцы не могли о том, что они за разведываньем ездят, дознаться, паче ж, чтоб чрез их об оном к зенгорцам в слышность не вошло, чего ради должно оным при всём том догадливые и искусные поступки употреблять. Да при сём же Вашему Превосходительству покорно доношу. По справке в Ямышевской канцелярии, в присланном в оную июля 29 прошлого 1744 года из Семипалатной крепости от капитана Карачинцова в рапорте написано, что 19 июля переправились близ Семиярского станцу через Иртыш на салах Зенгорского владения калмык 30 человек, башлык при них Тебендей, и пошли через степь к барабе, а о себе объявили имеющему на том станце капралу, что посланы они от владельца своего, Галдан-Чирина, в барабу для сбора алману, и чрез оное, де, место они ежегодно ходят, а обратно в свою землицу из барабы оные калмыки проехали ль, неизвестно».

Из рапорта Павлуцкого Киндерману от 20 марта 1745 года

У киргиз-кайсаков в улусах было много (пленных) воров башкирцев, из которых и бежали, а в других, де, улусах есть или нет, о том не знают. В их же улусах и русских пленных было довольно, токмо, де, оные собраны и отосланы якобы в Оренбург в разные годы, а последних, де, отдали в прошлом 1744 году, а в другие орды никуды их не продавали.

Экстракт, учинённый в Сибирской губернской канцелярии об обидах, нанесённых киргиз-кайсакам, 31 марта 1745 года

Декабря 1, прошлого 1743 года, в доношении полковника Зорина написано, что, де, «ноября 5 усмотрено было лошадей на заречной

стороне Иртыша, расстоянием от Железинской крепости версты с две, и по оных, де, был послан капрал Вершинин, и оных, де, всего 10 лошадей в крепость пригнали. Того, де, ради Вершинин был с 24 казаков и солдат послан для присмотру неприятельских людей и их трактов. И от крепости в 5 верстах напала, де, на них казачья орда, и сказывали те неприятельские люди: «Мы, де, мирные люди, и едем торговать в Железинскую крепость». И после того они, неприятельские люди, учинили с ним, Вершининым, бой, и того бою было со оными неприятельскими людьми того дни до ночи...». Казаки были осаждены и просили из крепости сикурсу[49]. На выручку их отправлен капрал Пузин с 42 человеками и одной пушкой, но Пузин киргизов уже не застал и их выследить не мог. А ноября 6 подъехали к Железинской крепости два киргиза, «и те, де, неприятели взяты в крепость».

Ноября 3 в Семипалатинске солдат Ромашёв сказкою объявил, что «видел он за Иртышом неведомо каких людей». За ними в погоню был отправлен капрал Сгибнев с 30 человек команды. Сначала он гнался за киргизами безуспешно и полонил только одного человека. Затем набежали на команду человек 20 в панцирях, но тотчас повернули в степь наутёк.

8 ноября из форпоста Черлаковского сотник Дорохов ездил с казаками по степной стороне для присмотра неприятельских людей и наехал на казачью орду на 30 человек; из оных, де, неприятельских людей 2 человек поймали, а за остальными погнались. В помощь им из форпоста было послано еще 31 человек. «Сотник Дорохов набежал на их казачей орды улусы и в оных мужеска пола бойцу человек 50, и от того, де, улусу верстах в 2 ещё человек 20, и в оных, де, улусах баталия была во втором часу ночи, а прибыл, де, с оной баталии он, Дорохов, в форпост Черлаковский в 7 часу ночи благополучно, и из оных, де, улусов привез 2 человек пленников, в том числе 1 называется русским, что де, малолетним взят в полон; да пригнано из кайсацких улусов многое число, а сколько, того, де, в ночных часах не исчислено...». По требованию Дорохова из Омска командировано ему в помощь для вторичного набега 117 человек да из форпоста Черлаковского взял 31 человека и, «соединясь всеобще, ноября 13 дня, в степь за Иртыш отправились. И шли до озера Теки денно и нощно 5 дней, а от того озера шли дня с полтора и нашли, де, в дубравах казачей орды на улусы, и из тех улусов через огненное оружие взято в полон мужского и женского пола 42 человека, и при

том же, де, взято 2 турки, 4 седла, жеребцов 20, меринов 60, кобыл 210, жеребят, лошаков и третьяков 280, селетовых 220, всего 790 лошадей, верблюдов 22. А сколько при том нападении неприятельских людей побито и ранено, о том подлинно в ночном времени познать было нельзя. И тот, де, полон за помощью божией вывел он с предписанною командою в Омскую крепость во всяком благополучии и в добром здравии. И требует, де, он Дорохов рапортом, дабы повелено было вышеписанную взятую им добычу людей, тако ж лошадей и верблюдов отдать ему с командою в раздел, дабы, де, впредь многие верноподданные к поиску неприятельских людей охоту и немалую ревность имели. А по справке, де, с присланным в прошлом 1735 году Её Императорского Величества указом, в котором, между прочим, объявлено, велено взятых в полон неприятельских людей выросльх в Сибирскую губернскую канцелярию под крепким караулом препровождать, а малолетних мужеского и женского пола и их багаж и скот делить, кто их в полон взял, и чтоб, де, служилые люди и татары к поиску неприятельских людей и впредь охоту имели. И по силе оного Её Императорского Величества указу преднаписанные завоеванные мужеска пола молодые, а женска старые и молодые, тако ж верблюды и кони разделены по тем, которые при взятье той добычи были, солдатам, драгунам и выписным казакам с распискою. Токмо оставлено из выше показанных лошадей выбранных лучших в Омской крепости меринов и кобыл 50, которые и содержатся впредь до указу из Сибирской губернской канцелярии на казенном корму. А из преднаписанных неприятелей 3 человека отосланы, а оставшийся четвёртый был увезен Дороховым в Железинскую крепость. Из 42 человек же в Омске капитаном князем Девлет-Гиреевым 4 были допрашиваны, которые допросы и неприятели 4 человека, при доношении в Сибирскую губернскую канцелярию посланы под конвоем на ямских до Тобольска подводах, за выданные прогоны из Ямышевской таможни.

А вышеписанные, присланные в Сибирскую губернскую канцелярию киргиз-кайсаки расспрашиваны и по тем расспросам в воровстве не винились.

А в промемории из канцелярии Оренбургской комиссии « »* декабря прошлого 1743 года, полученной 11 января прошлого 1744 года, на требование оной Сибирской канцелярии написано:

* В тексте дата не указана.

«Буде какие из киргиз-кайсаков захвачены будут, к действительному воровству неприличные, но в чём сумнительные, о таковых Сибирской губернской канцелярии надлежит иметь сношение с Оренбургскою комиссиею, яко всех их в своем ведомстве имеющихся, а их не разыскивая, содержать под караулом, почему в надлежащем сообщении преминуто не будет».

А июня 6 дня в присланной при указе из Коллегии иностранных дел с указу из Правительствующего Сената копии написано: «Правительствующий, де, Сенат, по доношении оной коллегии, приказали: киргиз-кайсаков тех, кои явятся хотя в смертных убийствах и воровствах и в подбегах под российские жилища, по розыскам всех из Оренбурга сослать в ссылку, в работу в Рогервик, а из Сибири на Нерчинские серебряные заводы, однако ж из них… (выкрошилось) смертные убийства…(выкрошилось... и высылку посыланы будут, о таких, не чиня им смертной казни, к рассмотрению велеть в Правительствующий Сенат присылать выписки, с прописанием указов и с приложением мнения».

И июня 22, прошлого 1744 года, по определению Сибирской губернской канцелярии, о упомянутых пленниках, девяти человеках, учинён в оной канцелярии обстоятельный экстракт и послан в Оренбургскую губернскую канцелярию, чтоб оная благоволила рассмотреть, надлежит ли с выше объявленными пленниками по силе вышеписанного указу здесь разыскивать? А без сношения об оном с Оренбургской канцелярией разыскивать Сибирская канцелярия сумнительна. И пока от Оренбургской канцелярии прислано уведомления не будет, покамест содержать их под крепким караулом и употреблять в городовые казённые работы.

А сентября 6 дня, прошлого 1744 года, в Сибирскую из Оренбургской губернской канцелярии в промемории написано: ...(из-лагается все предыдущее и ответы на допросы, снятые с пленников в Тобольске)... По справке в Оренбургской канцелярии августа 3 дня, с присланными к тайному советнику и оренбургскому губернатору Неплюеву письмами, киргизские владельцы Обомхаиз-хан*, Ерали- и Аблай-салтаны, Джанбек Тархан с немалою жалобою пишут и усильно просят, чтоб выше означенных пленных в Тобольске содержащихся киргиз-кайсаков, кои, де, владения Аблай-салтана, свободить, объявляя тех людей прошедшею зимою при разбитии ведомства оного Аблай-салтана улуса киргизкайсаченина Алымбета-

* Так в тексте, нужно Абулхаир-хан.

батыря, который, де, был весьма добрый человек, взято мужеска и женского полу 47 человек, кроме тех, кои до смерти побиты 11 человек, в то же время захвачено 20 верблюдов, 1000 лошадей. ...сверх же того Аблай-салтан объявляет, что его ж ведомства кайсаченин Иткара нынешнего году, когда он ездил за охотою, увезён российскими людьми, а затем, в его, Иткары, улус российские люди, приехав, увезли киргизца Уметя, его ж, Иткары, сына за одного ясыря и более 200 лошадей; ещё, де, российские люди отогнали табун лошадей, за которыми ездили два человека, Иштевлеть да Азат, но оных, де, удержали; да кочевавшего по Иртышу его ж, Аблаева ведомства, человека увезли, кои, де, и поныне не освобождены; и при том тако ж просит о свободе их, упоминая, что они не за злодейство какое пойманы, которые имена между вышеписанными, в Сибирскую губернскую канцелярию привезенными, значатся, и что они в допросах своих показали, то и сие его, Аблаево, письмо подтверждает. А по указам, присланным к тайному советнику Неплюеву, когда еще из киргиз-казацких орд от их плутов и своевольников самое злодейство происходило, подтверждено ему, тайному советнику Неплюеву, прилагать о успокоении оных народов старание, чтоб они, ежели возможно, без военных действ к успокоению приведены быть могли. В другом указе, от 8 марта состоявшемся, в апробацию представленного от него, тайного советника Неплюева, обще с генералом-майором фон Штокманом, плана об них, кайсаках, при всём том, что ко успокоению и приведению их в должное подданническое послушание за нужное принято и повелено накрепко наблюдать, чтоб прежде, пока об их, киргизских, противных и злых против России намерениях подлинно не уведомленнось* будет, с российской стороны действ не оказывать и регулярным и нерегулярным войскам до того времени не чинить, дабы не подать им, киргизцам, к противностям случая. И понеже из всего экстракта о причинах поимки тех кайсаков более не значится, как токмо сия, что первые два, когда они подъехали к крепости, для сыскания взятых на степи посланными из Железинской крепости их кайсацких 10 лошадей, что и Аблай-салтан письмом своим, сюда присланным, подтверждает, а более подозрения на них никакого нет. И тако из оных содержащихся кайсаков, первых трёх не токмо винности, но и сомнения никакого не видно и задержаны без всякой почти причины, а 4, 5, 6, 7, 8 и 9-й хотя из того улуса пойманные, в котором с помянутым сотником Дороховым драка была, и он, Дорохов, от кайсаков

* Так в тексте.

ранен, однако ж и они не только винны признаваются, сколько сами от тех посланных нападением на их улусы и поиском их обижены, ибо зачем та партия в их улусы ходила, тому настоящей причины не показано, пришествие которой в своё жилище они, кайсаки, увидели, то, яко степные и дикие люди, испужався, и поступить уже неприятельски отважились, а особливо видя на себя оружейного рукою нападение. А хотя у посыланного из Железинской крепости капрала Вершинина от кайсаков 1 солдат убит да 6 ранено, но и оная партия не столько справедливо, сколько азартно поступила, ибо ей не только не было нужды, но и не надлежало под самые киргизские улусы ходить, что и с предписанными Её Императорского Величества указами не согласно есть; почему их, кайсаков, как разыскивать, так и в ссылку ссылать, по мнению Оренбургской губернской канцелярии, резону не признавается, ибо владельцы киргиз-кайсацкие, как выше значит, и ныне жалуяся, немалое себе из того неудовольствие произносят, яко они, по таким с ними поступкам, как неприятели признаваются, что как спокойному их содержанию, так и выше изображенным Её Императорского Величества указам противно; ибо хотя в прошлом году и из них, кайсаков, немалые злодейства во всех сторонах показаны, однако ж они ныне не токмо все успокоились, но захваченных тогда в полон с довольным старанием выискивают и высвобождают и от времени до времени более верности Её Императорскому Величеству утверждают; при чём наипаче нужно, дабы им не только никакого ни в чём озлобления и неудовольствия впредь без причины не чинить, но и всякое возможное приласкание и снисхождение изъявлять.

И того ж 11 августа, по указу Её Императорского Величества, в Оренбургской губернской канцелярии определено: в Сибирскую губернскую канцелярию писать оную промеморию и требовать, что она тех содержащихся киргиз-кайсаков 8 человек, по выше изображенным резонам, благоволила отправить к полковнику Зорину, а при том, ежели где и сверх оных, при вышеписанных случаях, захвачены киргиз-кайсаки есть, то их также и лошадей их, собрав, к оному ж бы полковнику доставлять велено, а ему, Зорину, определить, чтоб он, во удовольствие кайсацких владельцев и народа, их, кайсак, отдал присланным от владельцев возвратно... Кроме того, в Сибирскую губернскую канцелярию представить и сие, чтоб от неё во все пограничные места наикрепчайше подтверждено было, дабы из оных крепостей и форпостов таких в самые киргиз-кайсацкие улусы партий отнюдь посылано не было... Что же касается ответу на прислан-

ные от Абулхаир-хана[50] и Аблай-салтана письма, то к ним ответствовать, уважая в прошлом годе происходившие от киргиз-кайсаков, как со здешней, так и с сибирской стороны (означа их имянно), многие злодейства, и что, по причине тех злодейств, принуждено было о наикрепчайшей предосторожности и о разъездах строгие указы разослать и воровских перебегов повсюду высматривать, а где оные усмотрятся, то над теми ворами воинские поиски чинить и затем объявить, что к показанному предписанные партии, по явным от киргиз-кайсацкой стороны неприятельским действам, имели довольную законную причину, и хотя все пойманные, по правам российским, помилования не достойны, но за верность оных хана и салтана, о свободе объявленных киргиз-кайсак писано, и обнадежить их, что им по справедливости удовольствие показано будет».

Сентября 9 1744 года Сибирская канцелярия сделала те распоряжения, которые были предложены ей Оренбургской канцелярией.

«А ноября 26 дня того ж года присланным в Сибирскую губернскую канцелярию доношением полковник Зорин требовал повелительного указу, чтоб соблаговолено было прислать известие, что с российской стороны в прошлом году ими, кайсаками, взято людей и лошадей в полон, и как оная резолюция об оном учинена и прислана будет, и показанные кайсаки при отправлении своём будут требовать в свою землицу российских людей для сыску и отсылки сюда взятого ими с российской стороны полона, то как об оном Сибирская губернская канцелярия соблаговолит? Тако ж и с каким резоном их, кайсаков, отправить, а которые восприявшие веру греческого вероисповедания, тако ж людей и лошадей, ежели кому по разделу достались, а они еже паче чаяния в другие города продали, о том как Сибирская губернская канцелярия соблаговолит. И декабря 1 дня из Сибирской губернской канцелярии в Ямышевскую канцелярию послан Её Императорского Величества подтвердительный указ, по которому велено речёных, посланных отсюда кайсаков, 5 человек, тако ж, что их взятого есть, отдать прибывшим от владельцев и с тем их отправить в их улусы неудержно. А ежели, паче чаяния, затем что ещё взятого российскими людьми будет им не отдано, то при том тем прибывшим в Ямышевскую крепость объявить учтиво, что оное всё будет отыскано и отдано им неудержно и что Российское государство весьма пространно и многолюдно, и ныне оного взятого отыскать и им отдать вскоре никоим образом невозможно».

О донесении Павлуцкого, 2 апреля [1745 года]

О том, что генерал Беер просит построить два судна, которые поднимали бы по 3 и 4 тысячи пудов. А по сказке ямышевского служилого Меньшикова и тобольского посадского Преснецова, суда эти, для поднятия такого грузу, должны быть 7 саженей длиною, 3 шириной, 1 вышиной. Лес для них велено заготовить в крепости Семипалатной, но для вывозу его казачьих лошадей употребить невозможно, ибо и без того они с трудом исполняют свою службу; к тому же у семипалатных казаков от частых разъездов, многотрудных лишений и посещением Божиим бесконных имеется довольно, а денежное жалованье получают они весьма малое, только по 1 руб. 52 коп. в год.

[Прошение тобольских служилых людей к генерал-майору Киндерману, 7 июня 1745 года]

Доносят г. Тобольска служилые люди, а вместо них выбранные челобитчики, Ст. Свашевский и Кирило Емелев: 1. Минувшего 1744 года, по определению Сибирской губернской канцелярии, посланы были мы, нижайшие, из Тобольска 100 человек, в ишимские форпосты в команду полковнику Деграве, и обретались во оных прошедшее лето в караулах и разъездах неотлучно.

2. И того же 1744 года, в декабре, из упомянутых форпостов командированы были мы полковником Павлуцким до Омской крепости, из которой и распределены во все верхиртышские крепости, и в тех обретаемся в бессменных караулах и работах.

3. И во оных одеждою весьма обносилися и обувью, а у прочих от воли Божией померло наших собственных лошадей 22, потому ж и в других крепостях знатно, что не без того ж; и для того во всем вышеписанном имеем всекрайнюю нужду.

4. А денежного жалованья получали мы от Сибирской губернской канцелярии сего 1745 года на одну половину года, которого получаем в год по 6 руб. 16 ½ коп.

5. И того ради, Ваше Высокопревосходительство, покорно просим, дабы повелено было нас, нижайших выборных челобитчиков, с принадлежащей оказией, для прошения вышеозначенного денежного жалованья в Сибирской губернской канцелярии отпустить и о пропуске дать пашпорт.

[Из рапорта Аблязова от 22 июня 1745 года]

Аблязов, командированный для разведок в Джунгарию, между прочим, доносит: «Купец Верхотуров видел пленных людей в городе Акса у Акимбека, который аксуцкий судья, тарского жителя Афонасия да тобольских слобод Ивана Волохова, и он, де, сказывал, что, де, когда был майор Угрюмов для вывозу пленных, тогда мы были выгнаны в Камень[51]; да в Иркене, де, живет ямышевского плену солдат Шейкин да кузнецкого плена Андрей Брагин да тарский татарин».

Из рапорта кузнецкого воеводы Шапочникова, июль 1745 года

Июня 10, пришед в Кузнецкую канцелярию, кондомской Борсояцкой волости ясашный татарин Шодаев, чрез толмача Максюкова, секретно объявил: «Был, де, он с посланными из Кузнецка в ясашные волости отставными казаками, Шороховым и Пойловым, в проводниках до Кумандинской ясашной волости, и при переправе через Бию-реку, приехали к той Бие канских зенгорских волостей калмыков 24 человека и означенным Шорохову и Пойлову объявили, что они намерены идти в кондомскую Итиберскую волость для торгу, и подумав, де, едва ль из них кто не поедет ли в город Кузнецк, и товару, де, при себе объявляли – соболи, волки, шубы и войлоки да лошадей со 100. И при том же, де, те калмыки у Шорохова и Пойлова спросили, куда они идут? На что, де, они объявили, что они посланы в канские волости для взятья с таутелеутских пограничных татар в казну долмачного ясаку*; и они, де, калмыки ему сказали: ежели у вас есть письма, поезжайте – ясак, де, вам отдадут. Ещё ж они, калмыки, в разговорах своих сказывали: скоро, де, из Зенгорской землицы в канские волости будут канские и каракальские калмыки, Онбо**, Кутук[52] и Мамьек, которые в Ургу уехали уже другой год. И того ж числа для разведывания оных калмык, для чего они в те волости подлинно приехали и не для ль присмотров по здешней границе происхождений, посланы были до той Кумандинской волости капрал Бызов, толмач да 4 драгуна. А 11 июня, пришед в Кузнецкую канцелярию, ясашный татарин Бакчараков объявил: «Из Кумандинской, де, волости прибыли в Итиберскую волость зенгорские калмыки 4 человека, которые, де, вышли в Кумандинскую в 24 че-

---

* Скорее всего, это опечатка, нужно читать – доимочного ясаку, то есть того, какой ещё не донят, не взят.

** Так в тексте, правильно – Омба.

ловеках, а в Итиберскую волость вышли они для торгу, а товару, де, при них войлоки да лосины да лошади, а меняют, де, они их на козлины да на железа». Да, по сказкам приехавшего с ними ясашного татарина Кызлакова, к Кумандинской же волости приехало, кроме прежних, еще 5 человек для торгу; да из тех же канских волостей прошло в Комлямскую волость 10 человек. А 17 июня вышеречённый капрал Бызов с командою в Кузнецк возвратился и объявил: «До Итиберской, де, и Кумандинской волости он, Бызов, ездил, и тех волостей у башлыков о вышедших из канских волостей калмыках спрашивал, и те башлыки ему сказали: оные, де, калмыки для торгу лошадьми, собольми и войлоками были и уехали в канские волости обратно».

Показание разночинца Пономарёва, июль 1745 года

«Видели мы в зенгорской Урге российского мастерового Ивана Михайлова и слышали, что он медный завод строит, и на оном, де, заводе имеет 2 человек товарищей себе».

[Из рапорта Павлуцкого, июль 1745 года]

С приложением инструкции премьер-майору Кенеману, сделанному начальником войск в Колывано-Воскресенских заводах и в пяти кузнецких форпостах, куда было определено послать весь новоучрежденный драгунский полк, 300 человек пехоты и 200 яицких казаков.

Инструкция: 1. Взяв команды из Шульбинского завода и Усть-Каменогорской крепости, идти через Змеевский рудник в Колывань. 2. Назначить места между Шульбинским заводом и Змеевским рудником для постройки на 84 верстах двух защит и почтовых дворов; да от Колывани до Бикатунской на 237 верстах назначить места для постройки 3 редутов и выстроить почтовые дворы. Акимов доносил Павлуцкому, что почтовых дворов там нигде нет, да и пограничные деревни ничем не укреплены. Редуты эти и почтовые дворы должно строить с бастионами по углам.

3 и 4. Исправить старые укрепления и вообще стараться, «дабы все причинные места закрыты остались, и вся бы тамошняя граница военными людьми была укреплена и в безопасное со-

стояние приведена». 5. Штаб свой составить из приличных персон. 6. Если придут зенгорские войска, то «искусных людей выслать спросить об их намерении, и, если они скажут, что намерены отобрать верхиртышские крепости и колыванские заводы, то отвечать, что вы будете рапортовать Её Императорскому Величеству, и представить, что пристойнее и лучше в договор вступить, нежели мир нарушить. 7. При разъездах и поисках за неприятелем не велено первыми вступать в бой, чтоб не произошло подобного же несчастливого нападения, какое было сделано в 1743 году из Омской крепости, «для одного только лакомства и добычи». Если зенгорцы будут приезжать с письмами или с торгом, то принимать учтиво, а не подавать повода к ссоре. 8. Разъездам съезжаться на средине, где, дав отдых лошадям в пригонах с крышами и покормив кошеною травою, отправляться назад. 9. В случае опасности дать знать и с сильнейшим неприятелем в бой не вступать. 10. В форпостах и защитах на каланче иметь часовых, конных вестовых и отъезжие караулы, которые к ночи ближе сводить. 11. На средине, между форпостами и защитами, поставить маяки о 3 портаментах «и чтоб оболочены были сухим хворостом, и верхний сноп был бы не малый мелкого хвороста, и при маяке иметь хвороста на три перемены в запас; и ежели откроется неприятель, то маяки жечь и из пушек стрелять холостым залпом. Поодиночке и без ружей людей не отпускать, и за травой ездить компанией».

Доношение Павлуцкого Киндерману 2 июля 1745 года

Из рапортов кузнецкого воеводы, майора Шапочникова, видно, что в 4 кузнецких форпостах имеется всего 47 пушек, и так теми пушками быть в тамошних местах довольно. Секунд-майору Беклемишеву и капитану Мурзину определено от меня при Убинской заставе строения примножить, а именно: стены или полигоны сделать по 40 сажен, офицерскую светлицу с чёрною избой и сеньми 1, казарм с сеньми 8, анбар и конюшню. Об урочище Космалах Ямышевской крепости казак Иван Шульгин и тарские разночинцы Безсонов и Скуратов объявили, что оная Космалинская деревня Кузнецкого ведомства, при речке Космале, впадающей в Обь, а от Оби вёрст с 6, до которой Космалинской деревни вёрст за 60, имеется деревня Барнаул, и кроме оной в проезде от Семипалатной деревень не имеется. От оной же Космалинской по правую сторону, едучи от Семипалат-

ной, обстоит Колыванский завод. А между им и Космалинской вёрст 200 и между ними деревни Алейская и Лютевка и других деревень кругом довольно, а оная обстоит внутрь тех деревень, в которую для приездов зюнгорских калмык и бухарцев с торгом присылаются из Кузнецкой воеводской канцелярии из дворян и таможенные служители, где собирается с российских купцов пошлина.

Промемория из Красноярской в Кузнецкую канцелярию [от 5 июля 1745 года]

Сего 1745 года, июля 5 дня, в присланном в Красноярскую воеводскую канцелярию от пограничных дозорщиков Ивана Азарутова и товарища его, Якова Саламатова, доношении написано: «Сего, де, 1745 года, по присланным из Красноярской канцелярии секретным указам, велено иметь от зенгорского владельца Галдан-Чирина крепкую предосторожность и частые разъезды. И по силе данной инструкции от Иркутской провинциальной канцелярии бывшему дозорщику, Кирилу Худоногову, который, де, ныне имеется в Енисейской провинциальной канцелярии под караулом, и велено, де, ему быть пограничным дозорщиком и, по данному, де, указу от Енисейской канцелярии, также и Якову Саламатову обще с ним разъезды чинить между Российскою и Китайскою империями, начиная от Кузнецкого ведомства, от контайшина владения, от первого гранёного маяка, где поставлен знак на хребте Шабина Дабага; также и к Иркутскому ведомству определённые на устье рек Чабашу и Чаган Махана, против вышеписанного знака красноярских служилых и Кузнецкого ведомства ясашных иноземцев Сагайского и Бельтирского[53] двух родов караульные есаулы Иптыш Аюжаков с товарищи (слово пропущено... и по осмотру, де, их в нынешнем 1745 году, июня 21 дня, вышепоказанный знак, при помощи Божией, состоит ненарушимо, и на означенном карауле всё благополучно, и от китайской стороны, также и от зенгорской войск, и от прочих неприятельских людей нападений и ненорядочных поступок, никаких не явилось. Токмо, де, сего 1745 года, июня дня, по объявлению вышепоказанных бельтирских татар от башлыка Маюгаша Меолокова и от есаула Иптыша Аюжакова, также и от прочих бельтирских татар по показанию явилось: с прошлых, де, лет платят они калмыцкому владельцу Галдан-Чирину по соболю с человека ежегодно, за которым, де, ясаком приезжали сборщики и, собравши ясак, им никаких больших обид не

делывали. А с прошлаго, де, 1742 года присылаются ясашные сборщики от вышепоказанного Галдан-Чирина, а именно: Кутук Катакулов сверх ясаку на себя сбирал сильно 10 соболей, которые, де, и взял; да взял, де, с собою в подводы 8 лошадей и не возвратил, а подводчиков отпустил пеших, также и многих бельтир мучил всякими нападками и вязал иных к юрте с пикой назад, и к колу, де, арканом, и брал по соболю и коньми. А в 1743 и 1744 г. приезжал другой сборщик, Мамант Катакулов, и взял же с оных татар в два года 22 коня, которых, де, и угонил с собою, да сверх ясаку взял с них 20 соболей, да также и, кроме того, своими нападками брал по коню и мучил всякими муками, также и прочими зверями брал. Кутук Катакулов с есаула Иптыша взял коня и с брата его Иптыша коня же, тако ж и другой сборщик, Мамант, у Тахмочи кобылу, да шубу камчатую, да зипун синий суконный, да 2 соболя, да у Табурчина соболя да выдру, от башлыка Масдакова соболя, у Колженяева кожу красную да выдру, с жены Иптыша Аюжакова соболя да выдру, у Чапгарака угонил 8 лошадей да взял 4 выдры, отчего, де, пришли во всеконечное разорение и от их ясаку на оного Галдан-Чирина, что, де, оные иноземцы показали, и в казну, де, Её Императорского Величества ясак, де платят с великою нуждою, от их разорения зверьми. И сего, де, 1745 года вышепоказанные бельтиры объявили, что, де, оные сборщики и по вышеписанное число не бывали, от чего, де, они от них грабежа опасны; а ежели показанные сборщики будут впредь для сбору ясаку с помянутых бельтир, повелено ли, де, им давать или запретить, и чтобы, де, их до разорения не допустить? А по силе, де, присланных Её Императорского Величества секретных указов, находится немалая опасность от таких вышепоказанных сборщиков и по усмотрению их, Азарутова и Саламатова, надлежит быть караулу, которой дорогой оные сборщики приезжают, а именно в урочище сверх по реке Таптышу, на устье речки Иси, служилых людей 5 человек с довольным оружием, запасом и на добрых конях (назначить), также по пристойному числу пороху, чтоб у каждого служилого было по две добрых лошади для разъезду по оной речке Исе, для смотрения воровских людей. Также в оных секретных указах велено от нападения неприятельского иметь вооруженною рукою отпор и поимки, а на вышепоказанном, де, карауле у служилых людей пороху не имеется, также и на Ое-реке у караульных 3 человек пороху не имеется, токмо, де, они с одним оружием, с винтовками, и просили, дабы Красноярская канцелярия благоволила прислать на оные караулы пороху в скорости, чтобы, де, без по-

роху какой причины не учинилося, а им бы не пришлось в неосмотрение. А по справке в Красноярской канцелярии, вышеписанные бельтирские иноземцы ведомства Кузнецкой, а не Красноярской, канцелярии, и (те) места, на которые требует он, Азарутов, служилых к караулу, ведомства Кузнецкого. И понеже оные бельтирские татары ведомства Кузнецкого, а не Красноярского, то дабы соблаговолила оная Кузнецкая воеводская канцелярия на показанный караул на Ису-реку из кузнецких служилых со оружием определить».

Рапорт Киндерману кузнецкого воеводы Шапочникова, август 1745 года

«По справке в Кузнецкой воеводской канцелярии оказалось: «Напредь сего кондомских волостей ясашные татары зенгорскому владельцу алман давали железными таганами и котлами; однако ныне, по силе Вашего Превосходительства ордера, в те кондомские волости ко отправленному из Кузнецка сборщику послан Её Императорского Величества указ, по которому велено ему ясашным башлыкам объявить, чтоб они зенгорскому владельцу алман давали зверем или чем иным, кроме железных котлов и таганов, а железо яко бы потребно в Кузнецк на котлы, таганы и к печам на связи и на прочее употребление ко вновь начинающим в Кузнецке строиться винным и пивным немалым заводам, чтоб в строении оных, за неимением в Кузнецке железа, не последовало остановки, ибо они, ясашные, и сами знают, что в Кузнецк железа на продажу ниоткуда не вывозят. И при том же велено их обнадёжить, что оное у них для той надобности примется в казну Её Императорскому Величеству по цене в ясак. А в кумандинские ясашные волости послан отсель нарочный и велено ему секретно в тех волостях справиться, чем с тех волостей зенгорский сборщик нынешний год алман собирал, и, что окажется, Вашему Превосходительству донесу».

[Из рапорта Шапочникова, 10 августа 1745 года]

По обе стороны Бии-реки, над самою рекою, живут ясашные двоеданцы в следующем порядке: 1. Волость Кумандинская, от Кузнецка 140 вёрст, дорога гориста и чернолесна, и потому переезжают это расстояние в 3–4 сутки, из Бийска же в 1 сутки; в этой волости

ясашных 110 человек; в год берётся ясаку разною мягкою рухлядью против 7 сороков, 17 соболей. 2. Выше по Бие – Вторая Кузенская волость, от Кумандинской в 20 верстах; в ней ясашных 46 человек, ясаку в год 1 сорок, 25 соболей. 3. Камляжская волость, в 50 верстах; ясашных 51 человек, ясаку в год 4 сорока, 4 соболя; 4. Кергешская волость, от Камляжской в 10 верстах, при самом Телеском озере; ясашных 43 человека, ясаку в год 3 сорока, 12 соболей; от Кузнецка до Кергешской волости будут 220 вёрст, а езды из Кузнецка 7, из Бийска 3 суток. 5. От Кергешской волости два дня ходу лодками до двоеданцев, живущих по ту сторону Телеского озера, вместе с зенгорскими калмыками; имён своих при платеже ясака не объявляют, ясаку в год платят 60 соболей и приносят ясашному сборщику, не объявляя, с кого ясак собран; при том их собирается до 100 человек и более. 6. От Кумандинской же волости 60 вёрст до Таутелеутской волости, которая кочует по берегам Катуни и по Найме, которая бежит из каменистых гор между Бией и Катунью и впадает в последнюю. Ясашных татар здесь 51 человек, ясаку в год 52 соболя. От них вниз по Катуни, в 80 верстах, на той стороне реки, русская пограничная деревня Иконникова. На здешней же стороне Бии, по черно-лесью, живут двоеданцы: 7. Итиберская волость: 34 человека, ясаку 2 сорока, 22 соболя; в Итиберской же волости 50 человек платят 3 сорока, 35 соболей. 8. Елейская волость: 31 человек, ясаку 1 сорок, 38 соболей. 9. Карачерская волость: 75 человек, ясаку 6 сорок, 14 соболей. 10. Каргинская волость: 7 человек, ясаку 14 соболей. 11. Шелкалская волость: 46 человек, ясаку 3 сорока, 20 соболей; 12. Юсская волость: 11 человек, ясаку 30 соболей; до них от Кузнецка езды 2–5 суток.

Рапорт премьер-майора Сташкеева генерал-майору Киндерману от 29 сентября 1745 года

По ордеру Вашего Превосходительства осматривал и описывал новую линию от Тобола до Ишима и исследовал, можно ли провести ее прямее. Доношу: против назначенной Вами с поручиком Шишковым новой линии лучших мест не найдётся; можно и прямее назначить линию, точию безводные и безлесные места пришли, в правую же сторону от Ишима киргиз-кайсаки кочевье своё имеют в близости, и когда я следовал с командою, оные киргизы видимы были, и для рассматриванья в сторону ездить было опасно, и опасно ж бы-

ло, чтоб от того осмотру оные киргизы не пришли в конфузию какую. По той линии, которую мы вели, будет ближе примерно на 100 вёрст. Но так как здесь никакой дороги нет, то и удобные места различать трудно. От Тобола до Ишима и от Ишима до Иртыша вправо и влево к поселению места осматриваны; были вправо от Тобола степные и безлесные места, а влево великие леса пришли и низменные места, а от Ишима до Иртыша вправо одна открытая голая степь и безводица, а влево леса непроходимые и мокрые низменные места; а где линия ведена, от самого почти Ишима одна река Камышловка, вода, лёд и к поселению весьма удобные места; и по всей назначенной линии от Тобола до Ишима и от Ишима до Иртыша дорога весьма сухая, и лучше этих мест не найти. А через реку Ишим брод Копчинский, от Коркиной слободы, сказывано, вёрст с 250.

Рапорт кузнецкого воеводы, октябрь 1745 года

«Сентября 2 в здешнюю канцелярию от Красноярской канцелярии промеморией представлено, чтоб для охранения Кузнецкого ведомства ясашных бельтиров на речку Ису определить из кузнецких служилых караул. А в Кузнецкой канцелярии, по справке, означенная волость имеется под Кузнецким ведомством, в которой имеется ясашных 48 человек; и оные в казну Её Императорского Величества платят ясаку в год по 4 сорока, по 11 соболей, также они и Галдан-Чирину алман дают; а чтоб алманные зенгорские сборщики им, ясашным, обиду чинили, о том от них от самих в Кузнецкую канцелярию письменного никакого в подаче известия не было. А в означенную Бельтирскую волость зенгорские сборщики приезжают прямою дорогою, а Телеское озеро, они, едучи, оставляют влеве. В той же Бельтирской волости напредь сего караулу не бывало, однако ныне, по мнению моему, надлежит на объявленную речку Ису определить с командиром караул; а паче вышеписанное всё предаю на рассуждение Вашего г. генерал-майора Киндермана превосходительства».

Донесение Павлуцкого Киндерману, ноябрь 1745 года

«В Семипалатинск прибыли из Джунгарии калмыки Курень с товарищи 6 человек, которые следуют от своего владельца с листом в Россию. А сего ноября 28 те калмыки сюда в Ямышев прибыли

и поставлены в построенный близ крепости особливой для приездов их дом. И по прибытии их вскоре, оный главный калмык, Курень Кучин и при нём 2 человека, призваны мною при штаб- и обер-офицерах в обывательский дом и приняты с пристойным почтением и ласкою, и между прочими разговорами мною искусно, о чем надобность требует, спрашиван с надлежащими резоны, и на то объявил, что их владелец, Галдан-Чирин, в минувшем сентябре умре, а по кончине его всё оное Зенгорское владение содержит сын его, Цебен-Доджи[54], коему, де, от роду 13 лет; и желает, де, тот их новый владелец пребыть к России в склонности и ненарушимой тишине, чего, де, ради он, Курень, с тем объявлением в Россию и отправлен, с листом до превосходительных г[оспо]д генералитетов. И оный лист Курень мне и показывал, писанный, по-видимому, калмыцким письмом, и в заключение того листа красная владельческая печать приложена. И желает оный Курень помянутый лист командующему генералитету подать сам. И Вашему превосходительству покорно доношу, что оные калмыки сего ж числа к Вашему превосходительству отсель отправятся, за конвоем Енисейского полка сержанта Паклина. У помянутых калмыков 16 лошадей, токмо оные весьма плохи, и сюда доехали они на оных с великою нуждою, чего для и отправлены они к Вашему превосходительству на четырёх подводах, с дачею за оные до городу Тары прогон, по тому и на довольствие их в пути выдано 2 руб., всего с прогонами 16 руб. 4 коп. Вышепоименованному же сержанту Паклину о поступании в пути дана, в пристойной силе, секретная инструкция, которою определено от места до места брать конвоя 8 человек. Быв же в пути, определено оных калмык, для лучшего их приласкания и доброго ночлега, сводить в состоящие на форпостах и почтовых станциях казармы, токмо до непристойных и лишних разговоров с ними русских, а паче татар, не допускать, дабы кто от безрассудности или в глупости своей или (паче чаяния) умышленно, чего им не надобно и пользе российской противного, не мог объявить. А напередь сего с вахтмистром Соболевым всем обретающимся в состоящих отсель вниз по Иртышу крепостях, форпостах и станциях командирам накрепко я о том же подтвердил, и при том объявлено, дабы во всех тех местах к прибытию оных калмык потщились употребить особливую осторожность – яко то: часовых в пристойных местах умножить и туточным военным людям ходить на то время приборно и при шпагах, и малолюдно, а паче

поодиночке и без ружья от крепостей отъезжать весьма не велеть, дабы те калмыки, усмотря оное, могли ведать, как в российских границах осторожность и порядок употребляются; и никакого бы озлобления ниже им отнюдь нигде ни чинили, но показывали б всюду, что иностранным людям всякое благодеяние и ласку, и в пище б они недостатка и жалоб не имели, и сверх той инструкции означенному сержанту о поступках с оными и словесно от меня с довольными наставлением приказано. И о вышеписанном Вашему Превосходительству покорно доношу, о прибытии ж оных калмык и о выгоде на них из ямышевской таможни на довольствие и на патроны казённых денег донесено от меня и в Сибирскую губернскую канцелярию».

Сказка Итиберской волости башлыка Боугитина, приложенная к рапорту Шапочникова, 8 декабря 1745 года

«Назад тому с месяц приходил к нему таутелеутский зенгорский калмык Ченка и сказывал: “Едет, де, от Галдан-Чирина зайсан Баян с 200 человек в канские и каракальские волости для высылки из тех волостей живущих в них калмыков, называемых мучатами, с жёнами, детьми и домами, всего 300 человек. Мучаты же, исстари подданные зенгорского владельца, жили прежде в самой Урге, а в Каракал переселились самовольно”».

Письмо Неплюева от 16 января 1746 года

Неплюев думает провести линию от Звериной Головы прямо к назначенному на ландкарте Сташкеева редуту под № 11, при Камышинском озере, а от него через Ишим на редуты под № 9 и 10, при Песчаном и Травяном озёрах, а отсюда прямо на Омск. При учреждении новой линии старые форпосты содержать будет излишне, а строить по предложению Сташкеева земляную линию, по мнению Неплюева, затруднительно; Оренбургская линия форпостов и редутов достаточна против степных народов. О содержании предположенной линии у Неплюева было рассуждение с Сухаревым и положено было вывести на неё служилых людей внутренних острогов и форпостов; Новоучреждённый драгунский полк расположить между Иртышом и Ишимом, а между Тоболом

и Ишимом старый Сибирский драгунский полк. Для назначения же линии от Иртыша к Телецкому озеру Сенат хотел послать инженера, но джунгарские дела остановили это предприятие. Около Звериной Головы можно построить крепость и 2 редута, и в оные перевести гарнизон из крепостей Байканской и Куртамышской, куда можно поселить крестьян. Оренбургская линия состоит из крепостей, состоящих одна от другой на 40 вёрст. Между ними редуты. Крепости эти выстроены, без всякого для казны расхода, людьми, которые и гарнизоны в них содержат, кроме Оренбурга. Только из казны отпускались для церквей иконы, книги, сосуды, колокола и жалованье священнослужителям. Да солдатам для обзаводства выдано было железо, топоры и косы, заработной же платы не было; вместо того они довольствовались остзейским жалованьем.

[Из рапорта Зорина, 17 февраля 1746 года]

Посыланный в канские и каракальские зенгорские волости драгун Давыдов разведал, что зенгорский зайсан Камка вывел из Кану в Зенгорию 140 семей мучатов.

[Из донесения Павлуцкого от 25 февраля 1746 года]

Аблай-салтан прислал еще письмо о возвращении полону и киргиза Юлберса для принятия его. Письмо Аблая писано на Высочайшее имя, а подать назначено полковнику Зорину. В этом письме Аблай считает за русскими полону 44 человека и 911 лошадей.

Рапорт Быкова, март 1746 года

Киндерман предписывал посеять во всех иртышских крепостях и форпостах ржи, овса и ячменю. Быков спрашивал, какими людьми? Киндерман предписал, чтобы казаки имели бороны и сохи в готовности и сеяли хлеб. Быков рапортует, что казаки постоянно в разъездах, а малое число остающихся – в канонёрской науке; при том многие из них не имеют лошадей, жалованье получают небольшое (3 руб. 52 коп.), а потому пришли в конечное разорение, да и к пашням непривычны, ибо всегда занимаются службой; а если

и есть из них пашущие, то это дети казаков, находящиеся в разночинцах и в платеже подушных денег.

Сказка купца Верхотурова, апрель 1746 года

Во время бытности его в Джунгарии там русских купцов 21 человек. Да, кроме того, в подданстве у Галдан-Чирина находится русских пленных 23 мужчины и 2 бабы, которые живут в Урге, Еркене, Аксе и др. местах. Один из пленных, Ефим Вяземский, в Еркене плавил серебряную руду, а потом оставил, и завод его стоит пустой. Иван Михайлов плавил в Урге медную руду и лил пушки.

[Из рапорта Беклемишева, апрель 1746 года]

Крестьяне Белоярской слободы, Берского и Чеусского острогов Максим Земляных и Василий Шибаев с другими, всего 29 семей, просились ещё в 1743 году для поселения при крепости Усть-Каменогорской. В настоящем году они возобновили просьбу.

Показание барабинских волостей есаула Кучука Мольбердеева, май 1746 года

Барабинских волостей состоит 7; Галдан-Чирину дают алману столько ж, как и Её Императорскому Величеству; платят лисицами или орловыми перьями и юфтами, для сбору которых приезжает каждогодно до 20 калмык. За 1746 год алману еще не брали.

По требованию военно-походной канцелярии Киндермана в Тарской канцелярии сделана справка, и оказалось, что число барабинских юрт не известно, а число душ переписано в 1741 году; с тех пор переписи не делано; сборщики, по просьбе барабинцев, не ездят в барабу, барабинцы сами привозят в Тару ясак лисицами, корсаками, горностаями, белками, лосиными кожами; кроме медвежин и русских товаров, Барабинская волость доставляет ясака на 156 руб., Чейская – на 44 руб., Теренинская – на 30 руб., Тунуская – на 65 руб., Туражская – на 57 руб. 50 коп., Любанская – на 27 руб. 50 коп. и Карагалинская – на 24 руб. Всего же с семи волостей – на 404 руб.

Реестр ясашным людям:

	Платёжные		Малолетки, написанные в ясак в 1741 году	Неплатёжные		Итого
	которые платят по 1 руб.	платят по 5 коп.		малолетки, ниже 18 лет	престарелые и больные	
Барабинская волость	156	–	4	97	11	268
Кулебинская	57	1	2	10	2	72
Тунуская	65	–	2	24	4	95
Теренинская	30	–	2	16	4	52
Чайская	44	–	2	25	5	76
Любанская	27	1	–	2	-	30
Карагалинская	24	–	2	13	5	44
Итого	403	2	14	187	31	637

Рапорт Павлуцкого от 19 августа 1746 года

Крестьяне Малышевской слободы Белоярского острога просятся на поселение на речку Кулунду, которая находится на 150 вёрст от Малышевой слободы, через неё идёт также дорога из Томска и Чеусского острога в Ямышев; по всей этой дороге нет никаких деревень, ни зимовьев и негде сделать ночлега. Крестьяне Налимов, Паршуков, Кирпичёв, Брызгалов и другие просили переселить их на эту речку, обязуясь содержать зимовье в 30 верстах ближе к Ямышеву, на устье речки Чумака, впадающего в Кулунду. На дороге же с Кулунды на Обь, у речки Черемшанки, селятся заводские крестьяне Берской слободы. Павлуцкий сам проезжал от форпоста Белоярского до Ямышева подле Касмалинского и Северного боров, и по измерению его явилось от Белоярского до колодцев, нарытых у конца Северного бора, 380 вёрст; по дороге есть пресные озёра и речки; от колодцев до Ямышева 70 вёрст степью, нет ни лесу, ни воды. Хотя для деревень по этому тракту угодьев нет, но для зимовьев лесов и покосов будет достаточно.

Из рапорта бригадира Якоби[55], сентябрь 1746 года

В Селенгинск прислан сюда из Пекина, из Трибунала внешних сношений, полоненник башкирец Ебусуков. В 1739 году взят он был на Ишиме казачьею ордою в 5 человеках и продан бухарскому купцу

зенгорского владения Хашхабаю, где и жил до 1746 года и ныне бежал на пограничный китайский караул, с которого доставлен в Пекин, а оттуда сюда.

Рапорт Павлуцкого Киндерману 8 сентября 1746 года

«В присланном ко мне от Вашего Превосходительства ордере написано о посылке в зенгорские крайние улусы под видом купца с довольным товаром для секретного о тамошних обращениях разведывания вахмистра Соболева, придав ему способных людей. И на оные Вашему превосходительству покорно доношу: для сопровождения обратно едущих в Зенгорию с российскими товарами бухарцев послан, вёрст за 50, капрал Ситников с пристойным письменным наставлением, что в бытность свою там в разговорах об обращениях их землицы разведывать. А между тем, для надобного о тамошних обращениях секретного разведывания послан от меня до крайних киргиз-кайсацких кочевьев из прежде посыланных туда ямышевский казачий капрал Савва Волков, с одним тобольским служилым татарином, кои оба грамоте и писать умеют. А вахмистр Савва Соболев и при нём для толмачества тарский разночинец Герасим Зенков по желанию его (ибо он несколько при себе товаров имеет) отправлены отсель до крайних зенгорских улусов нынешнего месяца 7 числа, и ему, Соболеву, для вышепоказанного купеческого вида, дано отсель из казённой солдатского пехотного батальона суммы разных товаров на 50 руб., с обыкновенным купеческим пашпортом, а что ему поручено о тамошних обстоятельствах секретно разведать, о том снабжён он пристойною инструкцией. А прежде посланный отсель в Зенгорскую землицу поручик Аблязов еще не возвратился, и где ныне обретается, неизвестно».

[Сообщение о беженцах из Джунгарии 1746 года]

В Усть-Каменогорск прибыло 12 человек с бабами и детьми, которые назвались киргиз-калмыками; они показали, что они первоначально [жили] около Краснаго Яру, близ Астрахани, своею киргиз-калмыцкою землицею под ведением Танбын-Батыря-Датжи; назад тому 40 лет контайша, отец Галдан-Чирина, захватил их всего

3000 [человек] с чёрными зайсанами Салдыком, Зухарем, Бинбелем и сыном прежнего хана Танбы-Батыря-Датжи Чайлышом, которые и ныне живут в Урге. А бежали эти люди из Урги затем, что были разорены алманом* и войной, которую вел Галдан-Чирин с Аббакарымом[56], в которой войском командовали Септень[57] и Хотола; война эта была неудачна, потому что прежде прихода калмыков под абдакарымский город[58] жители его были предупреждены об опасности калмыцким перемётчиком. На войну возили на верблюдах малых чугунных пушек 10. Ныне владеет Зенгорией младший брат Бичаган-Цаган[59] 13 лет; старший живёт с ним в дружбе; для утверждения его съезжались все нойоны и зайсаны; теперь при нём кочуют три зайсана: Годжа, Утджа и Начин (который был его дядькой и вскормил его); войска при нём нет. Зенгорское войско до 80000 или 70000 живёт по домам.

Из рапорта полковника Зорина, 5 октября 1746 года

Киндерман спрашивал, кто такие киргиз-калмыки, выбежавшие в Сибирь, и к какому племени они принадлежат. Они были распрашиваны и объявили: «Жительство, де, имели во владении Тангын-Батыр-Дамжи**, в здешнем сибирском крае, между Томским и Енисейским городами, против города Красноярска, в степи, на речке Белом Уюсе, от которого их жилища до Красноярска расстоянием тихой ездой дни с три; и платили ясак в казну Её Императорского Величества зверями с прочими калмыками, и ныне слышно, де, им, что из родственников и прочих киргиз-калмыков тамо в том же ясаке Её Императорского Величества состоят. И тому назад будет лет с 50 или более, а подлинно, де, объявить они не помнят, приходили, де, к ним из землицы контайши три зайсана [с войском] в 3500 человек; а стояли, де, они*** особливым кочевьем, всего мужеска и женска пола тысячи с три дымов[60]; и захватили, де, оные зайсаны войском своим внезапно и увезли в зенгорскую землицу сильно, токмо без бою. И жили тамо в Зенгорской землице в Большой Урге и платили, де, они Галдан-Чирину алман».

---

* Ясаком (прим. Г.Н. Потанина).

** В предыдущем документе он назван Танбы-Батырем-Датжи.

***То есть, не зайсаны, а киргиз-калмыки (прим. Г.Н. Потанина).

Рапорт полковника Зорина генералу Киндерману от 5 октября 1746 года

«В присланном от Вашего Превосходительства от 20 числа августа ко мне ордере предложено, что весьма, де, Вашему Превосходительству сумнительно, что какие киргиз-калмыки, чего нигде нет, чтоб киргиз-калмыки прозывались; к тому ж около Астрахани, кроме волжских белых калмык, не имеется. И в силу Вашего Превосходительства ордера в Усть-Каменогорской крепости было предложено, чтоб подлинно со всяким обстоятельством спросить, не из тех ли они волжских и белых калмык и не в то ли время взяты контайшею, когда он на ханской дочери женился. А сего октября 4 дня в рапорте от секунд-майора Беклемишева на предложение моё представлено, что жительство он имел с прочими киргиз-калмыками землицею во владении хана Тангын-Батыря-Датжи, в здешнем Сибирском крае, между Томским и Енисейским городами, против города Красноярска, в степи, на речке, называемой Белым Уюсом, от которого, де, их жилища до помянутого Красноярского города расстоянием тихой ездой дни с три, а платили ясак в казну Её Императорского Величества зверями с прочими калмыками, и ныне слышно, де, им, что из их родственников и прочих киргиз-калмык тамо в том же ясаке Её Императорского Величества состоят. И тому назад лет с пятьдесят или более, а подлинно, де, объявить они не помнят, приходили, де, к ним из землицы контайши три зайсана, Духар, Сандык, Чинбиль*, [с войском] в 3500 человек; а стояли, де, они особливым кочевьем, всего мужеска и женска полу тысячи с три дымов; и захватили, де, оные зайсаны войском своим незапно, увезли в Зенгорскую землицу сильно, токмо без бою. И жили там, в Зенгорской землице, в Большой Урге и платили, де, они Галдан-Чирину алман. А об Астрахани, де, и о Красном Яру, который на Волге, они не знают и там, де, не бывали, а что, де, прежде сего объявили об Красноярске** близ Астрахани, не вытолковав через толмача, дети его, Котоновы, понеже, де, он в то время весьма был болен. А контайша, де, женился на волжской ханской дочери до взятья их под своё владение».

---

* В предыдущем документе они названы Зухарем, Салдыком и Бинбелем.

** Так в тексте.

Рапорт Киндерману полковника Крафта[61] от 3 февраля 1747 года

Между Тарским и Усть-Лагатским форпостами находится изба почтовая, без защиты от неприятеля; при Усть-Лагатском форпосте 2 пушки, выписные казаки многие малолетние и оружием не исправлены. При Чалдатском форпосте 1 пушка и выписные крестьяне. Между Чалдатским и Провским изба почтовая, не обнесенная. Провский форпост, 2 пушки, выписные казаки, некоторые с ружьём, другие с копьями. Абацкий форпост 2 пушки, близ него защита Кукуйская. Близ форпоста Фирсовского Оташевская защита, изба, конюшня, вокруг рогатки. Фирсовский форпост 2 пушки; казаки неисправны. Кашкарагальский форпост, Коркинский форпост, 5 пушек. Близ него защита Карасья. Безруковский форпост, 2 пушки. Близ него защита при урочище Чёрный Колок, Услашинский форпост, 2 пушки. Ошутный форпост, 2 пушки.

[Из рапорта Зорина, 28 февраля 1747 года]

О том, что калмыки, прибывшие для сбора алмана с барабы, 18 декабря 1746 года пропущены через Семипалатинск, по силе ордера Киндермана от 30 ноября.

[Из рапорта Зорина от 27 марта 1747 года]

По ордеру Киндермана, киргиз-калмыки майором Беклемишевым тайно с их пожитками из Семипалатинской крепости обратно, откуда пришли, отпущены 21 марта.

[Из рапорта де Граве, 1 мая 1747 года]

От зенгорского владельца прибыли два зайсана на житьё, один в Каракал, к ноёну Тунбе в улус, другой в кондинские вершины, в Кондинский улус. И отдали им приказ, чтоб они ныне жили не так, как прежде сего: «Как, де, станут мясо есть, тогда бы, де, ножей не было, а егда поедут на степь, чтоб сайдаков не было».

Рапорт Бобрищева-Пушкина, июнь 1747 года

Прибывший из Тобольска дворянин Самойлов объявил в Каинском форпосте: «Слышал, де, от разночинца Почекуева, что выше крепости Ямышевской побито русских 60 человек, да угнано 160 лошадей. А по тому и дано для предосторожности знать об этом в Каинск, Каргацкий форпост, в остроги Чеуский, Верхотомский, Уртамский, Мелеский и Ачинский».

[Из рапорта Павлуцкого, июнь 1747 года]

На Чарыше пойманы два человека, Тургей и Цой Хотонов, которые назвали себя киргиз-калмыками. При рапорте приложено их показание: «Природы они киргиз-калмыцкой, ныне владения зенгорского владельца, а в прошлых давних летах отцы их кочевали на Сагайской степи, между Кузнецкого и Красноярского городов, а тогда, де, ясак платили Их Императорским Величествам, а владельцу зенгорскому платили или нет, того не знают. А ныне в помянутой Сагайской волости кочуют их два дяди родные и находятся в подданстве и ясак платят Её Императорскому Величеству. А когда отец их сошёл в Зенгорскую землицу, не знают; и жили они в том владении вниз по реке Или, на урочище Шарабе, у ноёна Зенго Бутуя в холопстве. В 1746 году отец их Хотоц (который сюда едучи умер в Алейском станце), видя себе от оного ноёна Бутуя многия обиды, пошёл, вместе с ними, в зимнее время явиться в российския места, дабы приняты были попрежнему в подданство Её Императорского Величества. Воевали они близ крайних зенгорских улусов в горах, а летом явились в Усть-Каменогорской крепости секунд-майору Беклемишеву, где и содержаны были 8 месяцев под караулом и потом отпущены в степь. И по отпуску жили они втроём по реке Ульбе в горах два месяца и паки приезжали в Усть-Каменогорскую крепость и просились, дабы их принять кочевать близ той крепости; токмо сказано им было, чтоб обратно шли в степь. И после того месяца два жили они паки по реке Ульбе и оттоль пошли степью, чтоб перейти к Кузнецку или Красноярску кочевать с прочими иноверцами; но между крепостями Бикатунской и Колыванским заводом отец их умер, и жили тут с неделю, и русские, наехав, их поймали».

Рапорт инженер-капитана Плаутина от 4 июня 1747 года

По ордеру Киндермана велено в Ямышевской крепости, при соляном озере, построить 1 амбар и 1 казарму, и июня 3 числа им заложено, где следует, 2 амбара и 2 казармы.

Рапорт Павлуцкого от 17 июня 1747 года

За отводом с Иртышской линии Сибирского драгунского полка в верхиртышские крепости определён из Кузнецка Новоучреждённый полк. Павлуцкий распределяет его в 5 крепостях, 11 форпостах и 21 станце. С нерегулярными в 4 форпостах было по 60, в 7 – по 50, а на станцах – по 25 человек. Казаки в разных многих трудностях, яко-то: в форпостах и станцах, в караулах и разъездах, а паче у хлебопашества и в посылках в Тобольск на дощаниках с солью, и в добыче соли, и в крепостные работы употребляются. Вместо Новоучреждённого полка от Бикатунской крепости до Шульбинского завода выслать из Кузнецка 50 казаков, да присоединить к ним 50 выписных казаков из крестьян с исправным ружьём и на добрых лошадях. При этом приложена промемория Кузнецкой канцелярии о невозможности выслать на Бикатунскую линию даже 50 казаков и ведомость людей. По расписанию Сибирского приказа следует быть в Кузнецке 415 человек, и хоть состоит 462 человека, но из них, за расходом в Кузнецке, остаётся только 118 человек.

Из приложенной к рапорту Карачинцова (1747 года) ведомости видно, что крепостные казаки получали жалованья в год 3 руб. 52¼ коп., а служилые русские и татары по 12, 7, 6, 5 и 4 руб.

Рапорт Крофта*, июль 1747 года

О том, что получил известие от Павлуцкого об отгоне от Усть-Каменогорской крепости казённых и частных 67 лошадей. Дано знать об этом командирам полков Луцкого и Вологодскаго, командиру Тобольских форпостов и казачьему голове Сереброву. При отгоне этих лошадей калмыки ранили двух солдат стрелами чуть не до смерти.

---

* Скорее всего, это Крафт.

[По показанию калмыка Хабана, сентябрь 1747 года]

Он ездил с товарищами торговать в Киргизскую степь, но их ограбили: товарищи его бежали, а он, будучи молод, остался и жил в работе пять лет в улусах Абулмамет-хана. Во владении Абулмамета пленных калмык было при нём 100 да 3 русские бабы.

[Из рапорта Павлуцкого, октябрь 1747 года]

Дворовые люди дворянина Полстовалова бежали из Окуневской стороны в низовые сибирские города; дорогой поймали их киргизы, взяли их в плен и хотели разделить между собою; но Аблай, проведав о том, велел их препроводить в Омск, куда они и прибыли 25 сентября.

***

Выбежавший из Киргизской степи барабинский татарин показал: жительство имел по реке Они, в Аютинских юртах, и был взят в плен; когда выехал на Иртыш для зверованья, киргизы увезли его в степь, и он находился в холопстве у Кутлубай-бия.

[Из рапорта Павлуцкому поручика Поливанова из Колывани, ноябрь 1747 года]

Драгуны, ехавшие с Чагырского рудника, на речке Суете встретили двух калмык, которые показали, что отпущены они из Хан-Сары от зайсана Омбы назад тому с месяц; ездят для звериного промыслу и по следам звериным и из степи пригнались к Колыванскому заводу и что увидя, что уехали не по степи, одумались, потому что от Омбы нам было наказано к российским жилищам, не явясь российским командирам, не ездить. Они тогда же были отпущены.

[Из рапорта Павлуцкого от 17 ноября 1747 года]

14 ноября явились к Чернорецкому форпосту барабинские татары, князь Манданов с другими, всего 6 человек, на 8 лошадях, вооруженные луками и сайдаками, и при спросе объявили, что «они жительство имеют в барабе Каинского форпосту,

князька Чукалы Ирынеева, а в здешние места прибыли для промыслу у реки Иртыша, вниз и вверх, понеже, де, в степи зверя не имеется, и ясаку в казну Его Императорского Величества платить нечего».

Опись назначенным на карте Барабинской степи построенным зимовьям, почтовым станцам и деревням [1748 года]

Деревня Артынска Подволожна, от неё до зимовья Буторина, где и почтовый станец, 31 верста, до зимовья Резина 27 вёрст, до почтового станца Новосёлова 17 вёрст, до зимовья Назарова (не означено вёрст), до зимовья Хохлова 16 вёрст, до зимовья Брязгова 20 вёрст, до форпоста Усть-Тыртаского (при нём слобода, в которой жительства имеют тарские служилые и отставные казаки и разночинцы; со оного форпоста служилые казаки сняты и артиллерия перевезена на новую линию) 22 версты, до станца Турумы 20 вёрст, до зимовья Ичинского 18 вёрст, до зимовья Антонова 25 вёрст, до зимовья Булаткова 22 версты, до форпоста Каинского (в слободе при нём живут томские служилые казаки, разночинцы и новопоселённые крестьяне; около оного форпоста, как вверх по р. Оми, так и вниз, строятся деревни для населения) 27 вёрст, до зимовья Осиновы Колки 38 вёрст, до зимовья Калмыкова 27, до зимовья Убинского 30, до зимовья Каргайского 27, до форпоста Каргатского (по указу Сибирской губернской канцелярии почтовую гоньбу здесь отправляют томские служилые казаки, с прошлого 1747 года, вместо чеуских крестьян) 28 вёрст, до зимовья Тарышкина 26, до зимовья Иткульского 26 вёрст, до зимовья Сетковского 26, до зимовья Овчинникова 18, до зимовья Крутые Лога 26, до дер. Подвологиной 20, до Чеуского острога 30 вёрст. Всего же от дер. Артынской, через Барабинскую линию, до Чеуского острога 581 верста.

Сверх того имеется по Барабинской степи 7 волостей кочевых барабинских татар: Теретинская, Чейская, Каргалинская, Барабинская, Кулебкинская, Любейская, Тунуйская. Жители оных звериные промыслы имеют за линиею даже до иртышских крепостей и по всей Барабинской степи. Что же касается по барабе давно поселенных деревень томских обывателей, как внутри, так и за линиею, коликое число в них мужска полу душ к поселению (какое число душ муж-

ского пола проживает в барабе) от томской воеводской канцелярии определено, о том не известно.

Промемория Сибирской губернской канцелярии 1748 года

По сношению тобольского губернатора Сухарева с генералом Киндерманом и генералом Беером определено послать на Колыванно-Воскресенские заводы казаков из разных мест, в том числе из Сургута 65, из Берёзова 56. Берёзовская воеводская канцелярия на это доносит, что в Берёзове состоит 165 казаков, но из этого числа раскомандировано: у содержания острогов для охранения ясашных остяков[62] от воровской самояди[63] – в Обдорске 16, в Казымской 4, в Ляпинской и Сосвинской волостях 6 человек, послано в Тобольск 3, у содержания арестантов 2, за сбором ясаку 16, в Обдорской волости при новокрещённом князце Василье Тайгаине, для охранения его и духовных дел заказчика[64] протопопа Максимова 8, в городе у разных дел 40. За тем остаётся 70 человек, из которых явилось старых и дряхлых и больных 15. И если откомандировать 56, то останется 14 негодных к службе людей, и охранять Берёзов будет некому. А город Берёзов стоит в отдалении от других российских городов, внутри ясашных остяков и самояди жилищ и весьма оными окружён. И не безуповательно есть по ныне видимому Берёзовского уезда Низовской стороны от ясашных самоядцев Тыжды Енисеева с товарищи более 200 человек в неплатеже ясака с 4 года непокорству, в грабительстве, в смертных убивствах и прочих воровствах винного, и имеет, де, Берёзовская воеводская канцелярия немалое от того опасение; ибо оные, видя, что при Берёзове, за разными командированиями, служилых людей в остатке малое число, не учинили бы какого нагло на град нападения, а паче Обдорской волости на ясашных остяков, кои платят ясак повсегодно без доимки. Понеже, де, и в прошлых годах, назад тому лет с 15, от той воровской самоеды Евы Ледова с товарищи, близ Берёзова многим ясачным иноземцам разграбление чинили и с превеликим поруганием подгородной волости князца Никифора Чурова до смерти убили и грудь вспороли и прочие непотребности чинили; да Кунаватской волости ясачного остяка до смерти ж убили. Самоед Тыжда Енисеев с своими сообщниками, не доехав 80 вёрст до Обдорена* и простояв тут 4 дня, возвратился и на обратном пути чинил грабительства, о чём 23 января 1748 года подробно доне-

* То есть до Обдорска.

сено и представлено, чтобы с 1 марта ехать берёзовским казакам к самоедам, для которого походу они и изготовились, почему Берёзовская канцелярия просит об отмене командировки 56 человек из Берёзова. Сургутская канцелярия доносит, что в Сургуте состоит 126 казаков, из них больных 21. Из остающихся 105 в расходе 62 человека; остаётся 43, из которых надлежит, по прежним примерам, будущей весной послать за провиантом, вином, солью и ясаком 30 человек. Останется 13, и таким малым числом не токмо в нужном случае город охранить, но и караулов содержать невозможно. А у оного г[орода] Сургута кочует иноземцев несколько тысяч человек, да сверх того по вся зимы приезжают близ Сургута дикой самоеды многочисленное число, чего, де, ради все тамошние сургутские казаки стоят на караулах бессменно, для того, что в 1729 году остяки хотели было город Сургут разорить, из которых по следствию несколько человек разыскано, которые и винились, а по объявлению, де, тамошних обывателей всегда надлежит опасаться в Масляную и в Светлую неделю и около Троицы, ибо весною, по вскрытии воды, приезжают те иноземцы в Сургут с ясаком по 1000 человек. А в 1746 году от приезжающих от посланных воров и разбойников был великий страх, которые бежали с дощаников от капитана Хрущёва и поручика Белявина. А остяки кочуют по Оби, а как оная река льдом покроется, тогда и остяки от той реки со своими жёнами и детьми отъезжают в дальние места. Кроме того, если бы и можно было отрядить несколько казаков, то, по сказкам обывателей, теперь до самого Нарыму дороги нет, и зимним временем никто не проезжает. Для поверки было послано из Сургута 3 человека, которые и показали, что не токмо конным, но и пешим, за великою пустотою, тако ж за снегами и морозами, пройти невозможно, что по дороге ни провианта, ни фуража невозможно достать, о чём и предъявили подписки, взятые по дороге с тамошних жителей, и с проезжающих, и с иноземцов. В прошлую зиму посланная с красноярских заводов медь замерзла от Сургута верстах во 100. Для осмотру её были посланы служилые люди, из которых один ознобил ноги, а другой утонул; понеже оная река такая опасная, что во многих местах имеет полыньи, которые сверху снегом занесены. За неимением дороги идти из Сургута служилым нельзя, да к тому ж лошадей в Сургуте всех 40, и из них к службе годных только 10, а ружей годных только 22 да негодных 15. А по справке в Сибирской губернской канцелярии оказалось: в Берёзов был послан указ для сыску и поимки самоядина Тыжды Енисеева и о посылке для того берёзовских казаков, но Берёзовская военная канцелярия, от 12 февраля

1748 года, донесла, что она имеет об этом такое рассуждение: так как Тыжда Енисеев, ведая себя в трёхлетнем неплатеже и во многих грабительствах винна, держит себя в крепком предостерегательстве, и потому для поимки его следует послать не менее 150 человек, хорошо вооружённых, а в Берёзове (17 ноября 1747 года) казаков в наличности имеется 42, и ежели оное малое число послать в их тундряные степные места, то им поймать будет тех самоедов невозможно, а они будут противиться, стрелять и могут убежать на оленях. Потому был послан секретно в Обдорск пятидесятник Поленов, которому велено, если туда Енисеев для платежа ясака прибудет, то, секретно потребовав от годовщика Первова там обретающихся 50 служилых людей и поймав Тыжду с сообщниками, привесть скованными в ручных и ножных смыках в Берёзов. А ныне из Обдорска в Берёзов донесено, что Поленов наведался от одного самоеда, что Енисеев стоит от Обдорска в 80 верстах. Будучи послан сборщиком ясака Лихачёвым, упомянутый самоед ездил к Енисееву для разведки, будет ли он в Берёзов для отдачи ясаку, и донёс, что Тыжда Енисеев бежал с того места обратно. Лихачёв послал за ними, для уговариванья к уплате ясака, атамана Лопотникова, переводчика Праздникова и самоеда Сезянова, но они их не нашли. Возвратившись из Обдорска, Поленов предложил Берёзовской канцелярии послать в марте 100 казаков, когда самоеды для своих промыслов жительства имеют в разницы, тогда как осенью и зимою все вкупе, к тому, в то вешнее время все их олени телятся. Предвидя со стороны их сопротивление, он просит позволения и с ними поступать, как с народными злодеи, стрелянием из ружей. Вследствие всех этих обстоятельств Сибирская губернская канцелярия просит военно-походную канцелярию Киндермана из Берёзова и Сургута казаков в Барнаульские заводы не посылать.

Письмо Аблай-салтана Павлуцкому [1748 года]

«Здравствуй, Иван Степаныч*, на множество лет! Пожалуй, пожалуй, не оставь, в чём я прошу. Как вы, подданные великой государыни[65], так и мы подданные; все у неё верноподданные радуются и веселятся, токмо один Алимбет-батырь изобижен, в печали всегда. У тебя, г. полковник, покорно прошу, чтобы ты за них был старатель завсегда; да ещё же покорно прошу отдать нам Алимбетев полон

* Так в тексте, Павлуцкого же звали Иаковом, или Яковом.

и живот, который взят был у нас, чтобы выслать. Который Вы изволили требовать у нас полон, ни прежде, ни после на всемилостивейшую государыню лиха не думаем, не токмо полону русского, которая есть у нас пленная баба, и та взята в давних годах; мы эту полонянку купили; которые в полон взяты у вас в давних годах, также у нас взята пленная баба в давних годах. Ещё у вас полону нашего людей 31, зверей 24, лошадей 765, 7 юрт с животом со всем у князя капитана, 2 кафтана бархатные и прочее».

Из рапорта Павлуцкого 1748 года

Вахмистр Волков, возвратясь из Джунгарии, подал рапорт и письмо Омбы, которое подало повод к некоторым справкам об обидах, причинённых русскими калмыкам и изчисленных в упомянутом письме. По справке в Колывано-Воскресенском заводе оказалось: драгун Сенотрусов и другие, 22 июля 1746 года находясь в карауле, в 8 верстах от Колывани, подверглись нападению калмыков, которые стреляли по ним из ружей; драгуны также начали стрельбу, но калмыки набежали на выстрелы, и драгуны убежали в главный караул; высланный для поисков прапорщик Попов с 40 человеками догнал калмыков в 60 верстах от Колывана, на речке Атей; было убито 1 калмык и 2 лошади, а другой пеший калмык с туркою скрылся неизвестно куда. Скарбу оказалось: русское железное точильное веретено, две козлиные яги, кожан, 2 кожаных штанов, 2 седла, 2 войлока, 1 турка и 2 лошади. Все это приложено в церковь; но когда одна из лошадей оказалась русскою казённою, ее отдали в Новоучреждённый полк. 3 сентября 1747 года потерялось из-под Иконниковой деревни 7 лошадей, прапорщик Таракановский ходил 70 вёрст и нашёл на реке Каменке, в густом тальнике, 2 калмыков, 3 детей и 1 бабу, которые убежали, оставя 4 лошадей. Итак, 6 лошадей, 4 пут, 1 собака и 2 баб, по рапортам, нигде не значится.

Письмо зайсана Омбы

«Омбо, вежливый зайсан, отдал с седлом коня, сайдак, две сети, энкуши. Два человека осенью поймали в урочищах Наэунгате, Эркеле-Хайсуне, из двух человек [одного] убили, другого взяли,

8 турки, 4 коня на промыслу; человек Хабанаев осенью голубого коня взял, Зашитурин человек 6 лосин, 4 коня, вьючных 1, добрую собаку взяли, 1 котел, 4 пута, степью (взяли) в жило 2 бабы, одна с парнем, одна старуха. Заячьего году увезли назад тому 14 лошадей Тарского города Татар-Хотон-Тохтохули, человечье имя Недер, в работе увёз; отдать по этому письму. В Куричьем году уехал человек тобольский татарин Номин, свидетель. Барсова году[66] 16 лошадей, Гришка Кириш 7 человек взял. Во заводе у Михайла этого сивого коня опознал я; того коня моего вышли! А и тех, отыскав, выслать же! Нацаганам торговал, 2 бабы, 3 мужика взяли ж, до крепости за ними гнались, ездили Самангуль, Абзис, гонялись.

Омбо, вежливый зайсан, почту посылал Келешь-Дзюгулту. Отыщите, отдайте! Обид и никаких ссор не чинить, добрым порядком жить!

Алексей, Михайло – двое, русый человек один, другой чёрный. Мухур, трое главных; они знают, проведают. Приедут, приезжайте! Руку приложил я. По-прежнему добрым порядком жить!»

[По промемории Сибирской губернской канцелярии, январь 1748 года]

22 января поданным доношением крестьянин Ремезов деревни Безруковой объявил, что в 1743 году казачья орда подбегала в страдное время под тою деревню, и, захватя, увезли в полон мужеска и женска пола оной деревни 22, да деревни Удошовой 4 человека. Того ж году в Коркиной слободе опять подбегали киргизы и захватили с дороги двух крестьян.

Промемория Сибирской губернской канцелярии от 22 января 1748 года

Вверенных генералу Киндерману [в] 3 армейских драгунских, в 2 пехотных и в 2 гарнизонных драгунских полках в прошлом году 1771 лошади, в замену которых следует купить новых; но купить их не из чего, и по справке оказалось в Тобольской рентерее десятинного сбора [за] разные товары, а именно: присланного из Иркутска в 1746 и 1747 годах чаю кирпичного 8314 кирпичей на сумму 2747 руб. 60 коп. и юфтовых кож 1794 на 3215 руб. 53 коп. да денег

1252 руб. 25 коп., всего 7215 руб. 8 коп.; товары эти должны [были] продаться с аукциона, но, несмотря на публикацию, никто не явился для покупки; вещи же эти идут на промен зенгорским купцам; а так как ныне в Ямышев пришел караван, то предлагает выменять у них некоторое число лошадей, для чего и товары отвезти в Ямышев и Семипалатинск, остальное же количество можно купить у киргиз, которые обещались привести лошадей.

Из рапорта Сташкеева, февраль 1748 года

2 февраля прибыл в Коркину слободу посыланный с 27 человеками для розыска беглых сотник Серебряников и объявил, что солдат Юда Копытов укрыт киргиз-кайсаками, уже их веру принял и стадо овечье пасёт, а пойманные в Ишимском дистрикте беглые ялуторовские жители «под пристрастием» показали, что в урочище Бурлуках живут 6 беглых солдат, о которых сотнику Серебряникову говорили и киргизы, но он, так как «они солдаты в дальном расстоянии себя укрывают, смелости не имел ехать».

Промемория Сибирской губернской канцелярии от 3 марта 1748 года

Вследствие свирепствовавшей в иртышских крепостях ветряной болезни, которая там бывает повсегодно и которую лечит казак Ямышевской [крепости] Бердюгин табаком и нашатырём, Сибирский приказ прислал указ, чтоб купить в Тобольске табаку и нашатырю и отпускать по мере требования генерала Киндермана. Потому и куплено в запас в Тобольском ряду табаку два пуда на 3 руб. 40 коп., нашатырю бухарского 1 пуд 30 фунтов на 28 руб. 88 ½ коп. и немецкого 10 фунтов на 6 руб. 50 коп., всего на 38 руб. 77 ½ коп.

***

В крепости Святого Петра на сатовке было выменено тюменскими и тобольскими купцами и бухаретинами: 7 аршин красного сукна, дана лошадь, 7 концов китайки, дана лошадь, 2 конца китайки, лисица, 1 пуд муки, армяк, 3 мотка шёлку, корсак, 1½ перца муки[67], армяк, 8 аршин голи двуличневой[68], лошадь, 1 выдра и 1 корсак, лошадь.

[Из донесения Павлуцкого от 9 марта 1748 года]

О том, что генерал-майор Беер требует от него постоянного сообщения сведений о числе войск на Иртыше, о числе торгующих, о сборе с калмыков ясаку, потому что все эти сведения, необходимые для соображений по охранению серебряных заводов от неприятельского вторжения, с какою целью и повелено сделать крепости на Убе, Алее, Чанырском руднике, Ануе, Катуни, Бие, Шульбе и Змеиной Горе, а при Колывано-Воскресенском заводе построить на горе три батареи, потому что, «хотя на некоторых местах от покойного Демидова[69] и сделаны крепостцы» и умножены Киндерманом, но их недостаточно.

[Из рапорта Павлуцкого от 13 марта **1748 года]**

С приложением показания мужика Фёдора Устюжанина, пойманного шатающимся около Красноярского станцу. Показания от него отобраны 26 апреля 1748 года: «Житель он города Тары, деревни Усть-Теши, приходу Знаменского погосту; от роду ему 28 лет, казачий сын, и прошлого 1735 года по просьбе его из Тарской воеводской канцелярии по пашпорту отпущен воеводою Алексеем Антоновичем Меникиным вверх по Иртышу для свидания к отцу его родному, Афанасию Устюжанину, на срок на три года, за поруками в платеже по нём подушных денег из тарских посадских Григория Мясникова. А отец его уже в те года был от службы уволен и прибыл выше Семипалатной, не доходя Усть-Каменогорской крепости, на россыпи, где ныне построен у тех россыпей Уваровский станец; в том месте отец его, Афанасий Устюжанин, промышлял в казну живых маралов, где и он с отцом своим на тех россыпях жил два года. И будучи на том промыслу, раскладен был огонь для варения каши подле стана, а их с отцом, за отлучкою на промысел, на стану не было, и от ветру тот огонь раздуло, трава загорелась, от чего стан их со шкарпом сгорел, в том числе и данный из Тарской воеводской канцелярии пашпорт сгорел же; после того срубили избушку. А 1737 году с того же стану ходил он, Фёдор Устюжанин, для ловли в казну живых маралов за реку Иртыш, под Камень, в урочище, называемое Монастыри, с товарищи, с тарским разночинцем Иваном Потаниным да крестьянами, пришедшими с Оби-реки, Яковом Белокрыловым, Карпом Шипуновым; из которых в то время по нападению ка-

зачьей ордой побиты до смерти помянутые крестьяне, Белокрылов и Шипунов, а тарский разночинец Иван Потанин взят был тогда в полон, который в девятый день от той казачьей орды вышел обратно к отцу его, Устюжанину, который ныне жительство имеет в городе Таре. Тако ж и он, Фёдор, в то число от тех неприятелей был заколот и брошен замертво, и казалось, что уже и ему, как и показанные крестьяне, живу не быть, понеже и ему, Фёдору Устюжанину, было от них копных ран 6, стрельных 3, и с того места шёл он до крепости Усть-Каменогорской 8 дней, которого места расстоянием вёрст будет, например, с 50, а отец его тогда оставался в помянутых россыпях на стану, в избушке, и как он вылечился и выздоровел, тогда уже пошли купно с отцом своим в Колывано-Воскресенские заводы, своевольно, для зарабатыванья подушных денег, и работал оный Фёдор Устюжанин в том заводе 5 лет, и каждогодно из того Колывано-Воскресенского завода, из работных денег их, по 1 руб. 10 коп. посылано было в Тарскую воеводскую канцелярию с иноземцем Филипом Христофоровым и тарским пятидесятником Иваном Винокуровым, а с прочими, с кем деньги отсыланы были или нет, того сказать подлинно не знает. А в 1742 году в том заводе он работать перестал, и съехали купно с отцом его на Чарыш, в деревню Качюсову, для поселения и пахотбы хлеба, в которой деревне по нынешней ревизии[70] написан он, Фёдор Устюжанин, в подушный оклад, а отец за старостью и утекшими годами, коему 105 лет[*], в подушный оклад не положен, кой ныне жительство имеет в той Качюсовой деревне. В 1734 году из оной деревни Качюсовой поехал он, Фёдор Устюжанин, в Малышевскую слободу для взятия пашпорта до колыванских и барнаульских заводов для оставшего его шкарпу, и по просьбе его из оной Малышевской слободы до выше показанных заводов пашпорт ему выдан от приказчика Петра Рыхлевского, который и ныне имеет при себе; токмо в те заводы он тогда и не заезжал, а прямою дорогою поехал на Убу-реку для хмелевого промыслу и прибыл вверх по Убе-реке на речку, называемую Лосиха, где наперёд сего стаивали промышленные ж, и в том месте построена избушка, токмо в оной тогда никого он живущих не нашёл; и быв в той избушке для промыслу один недели с две, то приехал к нему с товарищи тарской разночинец

[*] Следовательно, старику было в 1735 г., во время его охоты за маралами, уже 90 с лишком лет (прим. Г.Н. Потанина).

Иван Козлов, с коим и поныне купно для промыслу находились. А сего 1748 года пошёл Устюжанин с того места до Усть-Каменогорской крепости для лечения ноги и, будучи близ Красноярского станцу, увидел его на степи на речке Берёзовке за полверсты от станцу Новоучреждённого драгунского полка прапорщик Василий Третьяков, который его взял и привёз в Усть-Каменогорскую крепость. А по отбытии его из той промышленной избушки, помянутый товарищ его Иван Козлов остался, и с ним осталось собственно его, Устюжанина, шкарпу, из промыслу его: кож сохатых 3, маральих 2, итого 5 кож; котёл медный лужёный 1, топор 1 и 2 лошади, винтовка 1, пороху с ¼ фунта, свинцу 30 винтовочных пуль. И будучи в том промыслу сего 1748 года в вешнее нынешнее время, обыскал он, Устюжанин, два рудника, один медный, вверх по Убе-реке, на устье реки, называемой Лосиха, а другой серебряный, вверх же по Убе-реке, выше оной реки Лосихи, расстоянием версты с полторы; а ниже россыпей и лесов в оных местах по Лосихе осинников и березников же с довольностию; а вёрст с 30 от того места, вверх же по Убе-реке, и чернолесье имеется; и тех обысканных руд имеет он у себя опыты, которые остались в предписанной промышленной избушке. И оные рудники состоят в урочище на разломе от помянутых рек Лосихи и Убы, в близости той промышленной избушки, кое место в расстоянии от Убинского форпоста вёрст 60, а от Красноярского станцу вёрст 50; и оные места для поселения при рудниках удобные и пахотных с довольностию, также и в реках рыбы и в лесах зверей имеется с довольностию же. И будучи в том промыслу, а также и в Качюсовой деревне, подушных денег, как за прошлые годы, так и за нынешний 1748 год, ещё никуда он не платил, а в воровствах и разбоях он не бывал и с воровскими людьми ни с кем он знания не имел и подобных ему пришлых других, кроме Козлова, никого не знает».

Промемория Сибирской губернской канцелярии, 14 марта 1748 года

Об отправлении на подводах, командированных из верхиртышских крепостей в Иркутскую провинцию, вместо назначенных оттуда в Якутск, для защиты от немирных чукоч. Командировано всего с офицерами, писарями и деньщиками 136 человек.

[Из рапорта в Правительствующий Сенат от 17 марта 1748 года]

Отправлено в Тобольск заготовленной солдатами и казаками на Ямышевском озере соли в 1746 году 109761 пуд, в 1747 году 31447 пудов да ныне заготовлено 31500 пудов; Киндерман просит, чтоб Сибирская губернская канцелярия, на основании сообщения Соляной конторы от 11 июня 1746 года, выдала служилым по 2 коп. за пуд, «понеже оное заготовление с озёр соли, чтоб руки и ноги не вредило, без обуви и рукавиц добывать невозможно. Если же деньги выданы не будут, то людей в эту работу употреблять будет невозможно».

[По рапорту Павлуцкого от 9 апреля 1748 года]

С приложением копии с предложения Беера о высылке из верхнеиртышских крепостей иррегулярных и регулярных людей для засева хлебом при Алейском станце, Змеевском руднике, Колыванском заводе и других деревнях, по три десятины овса, ячменя и ярицы; что хлебопашество производить людьми, приписными для заводских работ, невозможно, а потому и определено общим решением генералов Сухарева, Киндермана и Беера произвести ту запашку, вследствие сенатского указа, регулярными и нерегулярными людьми, при заводах находящимися, с добавкою из верхиртышских крепостей. Павлуцкий просит выслать из другого места, потому что в верхиртышских крепостях нерегулярных недостаточно: из разных мест, несмотря на требование его, не все присланы.

Рапорт Волкова Павлуцкому, май 1748 года

«Сего 1748 года, февраля 25, командирован я Вашего высокородия зенгорского владения к зайсану Омбе для принятия и привозу сюда российских пленных 3 человек; тако ж при том дан мне, за рукою Вашего высокородия, наказ, в котором изображено: по прибытии в их улусы, через подлых тамошних народов, под искусным видом о тамошних обстоятельствах разведывать. И апреля 13 прибыл я в их крайние таутелеутские волости, и тамо у них, в тех пограничных местах, караулов никаких не оказалось; в тех же местах по речке Семе пашни пашут против прежнего весьма с удовольствием; не токмо тутошние обыватели, но из

дальних мест на то место многие приезжают. А 14 числа прибыл я зайсана Бакола к пятидесятнику Тукую, который нас принял весьма приятно и проводил зайсана Омбы на прямую дорогу и приказал в окольные волости, чтоб нам обиды и озлобления не чинили. 17 числа прислан был от зайсана Омбы для встречи брат его, который по всем же волостям приказывал, чтоб обид нам не чинили. 18-го прибыл я к Омбе и послал толмача Давыдова о прибытии приезду своего объявить и требовать от него квартиры, и оный зайсан, меж прочим разговором, ему сказал: «У вас, де, всё благополучно, а ныне, де, я через своих людей уведомился, что, де, и сего года у вас войско будет в завод». И того ж числа, как я прибыл к зайсану Омбе и посланное письмо в конверте от Вашего высокородия ему с почтением вручил, которое он тако ж с почтением и принял, и после того, между прочими разговоры, объявил, что владелец их, Цебен-Доджи Намжин, с братьями своими во всяком благополучии здравствует и с окольными государствами и с прочими ордами всякое благополучие происходит, а особливо с российским и китайским соседственная дружба ненарушима. Об абдакарымцах объявил, что, де, в прошедшем году с ними была война, и того ж году хан их умре, а дети, де, его, два сына, нашему хану платят дань. Того же числа Омба приходил в мою квартиру и между разговорами объявил, что, де, имеется в Урге у нашего хана ваших российских пленных до 300 человек, а другие, де, делают ружьё и панцыри, и тех, де, повелено всех собрать и выслать в Семипалатинскую крепость, понеже, де, есть указ, таков, де, и ко мне прислан: как будет сыщик Даралдай, то, де, и нам велено собрать пленных российских и двоеданцев к его приезду для отсылки к вам. Тако ж в разные числа он же, зайсан, объявил: «Ныне, де, ноёны и дербеты[71] живут вверх по Иртышу, на сей стороне (?), а ноён Дебачи[72] живёт на сей же стороне Иртыша, по реке Бухтарме (?!), и находится всё благополучно». А о заводах объявил: «В нашей, де, стороне никаких заводов не имеется и ничего в нашей земле не делают, а делается, де, в Наджианском ханстве золото, серебро и медь и сливают в каны (?), а они, де, неподсудны никому, живут собою между нашим и китайским государствами; тако ж делают и песочное золото и парчи дорогие, и то всё к нам оттоль идёт, а делают в их заводах не водою, по-вашему, а всё руками». Того ж числа посылан был толмач Давыдов к зайсану для проведыванья о написании письма, и он, зайсан, объявил ему: «Нет ли, де, у вашего государя богатых людей, а нищего обижают: как, де, мои люди поедут на соболиный промысел, то, де, их всегда около колыванских заводов грабят и обижают; знаем,

де, и мы про то, которое, де, дано добывать в горах: медь, золото и серебро, понеже, де, наш прежний хан дал вашему государю письма; есть, де, в нашей земле и не то, да не всё, де, отымут». И в бытность нашу там прислан был, для удовольствия нас, баран один. 22 числа, как мы отправились от Омбы, послан был для препровождения нас писарь калмык и, между разговоры, объявил: «Владелец, де, их с братьями в прошедшее лето кочевал на Ише-реке, по которой, де, и ныне кочует в одной урге с братьями, а Чири-Дундуковы дети ныне, де, оба бурханами[73], а владеет тем владением ноён Дебачи». Да по отбытии от зайсана Омбы словесно объявлял мне толмач Давыдов, что в ведении его, зайсана, против прежнего никого из молодых не имеется».

Рапорт поручика Белоусова [май 1748 года]

При Лебяжьем станце [посеяно] овса 1 четверть на 22 сажени длиннику и 15 сажен поперечнику. При Чернявском [посеяно] овса 5 четвертей 5 четвериков на 20 сажен длиннику 90 поперечнику. При Подпускном [посеяно] овса 5 четвертей на 33 длиннику и 67 поперечнику.

[Из рапорта Волкова Павлуцкому, 9 мая 1748 года]

Зайсан Омба объявил на требование об отпуске людей, что он этих людей держал под караулом, ожидая от русских приёмщиков, но, не дождавшись, отпустил их из-под караула для заработков, и они ушли в другие улусы. А потому теперь, без позволения хана, он отдать их не может, а просит, когда приедет сыщик Дарылбай, «для исправления всяких дел и сбору ясака», приехать вновь, и тогда можно будет не только этих трёх русских получить, но и всех татар и двоеданцев.

Из рапорта капитана Белевцева от 26 мая [1748 года]

У Горького озера, смежного с верхнею изголовью* Ямышевского соляного озера, в 9 верстах от крепости, посеяно на 22 десятинах (по 50 сажен длиннику и поперечнику) по 6 четвертей 5 четвериков, помногу от того, что овёс, из Тары привезённый, заключал много торицы и рыжику.

* Так в тексте.

Письмо Неплюева к Киндерману, июль 1748 года

«Вашего Превосходительства почтенные письма я получил, и что Вы изволили по письму Аблай-салтана о возвращении захваченных при верхиртышских крепостях российскими партиями Алымбетева улуса киргиз-кайсаков и скота определить, то сие изрядно; но понеже, как Ваше Превосходительство о том изволили объявить, что в ведомстве оного Аблай-салтана находится немало башкирцев, беглых туда, подданных Её Императорского Величества, которые оттоль возвращения желают, только кайсаками удерживаются. К тому ж из крепости Семипалатной киргиз-кайсацкой породы крещёный Василий Алексеев бежал, который, как сам Аблай-салтан посыланным от полковника Павлуцкого сказывал, находится у них в орде. И тако, по случаю тех захваченных возвращения, за особливый способ нахожу Вашему Превосходительству от помянутого Аблай-салтана требовать, чтоб он тех находящихся в орде их башкирцев высвободя всемейно, также и объявленного беглого поймав, к Вам прислал. А ежели вышеписанные захваченные кайсаки до сего (в орду) ещё не возвращены, то можно из них, кои лучше, несколько человек удержать до того времени, как то требование от них исполнено будет».

Доношение Киндермана в Правительствующий Сенат от 12 июля 1748 года

Казаки крепостные шлют мало лошадей, особенно после бывшего упадка, а жалованье получают небольшое; потому для увеличения пашен Киндерман нашел лучшим купить быков, тем более что и в зенгорской землице хлеб пашут быками, а не лошадьми, и поэтому Павлуцкой уже выменял на 174 юфтовые кожи столько же быков; так как кож было на 192 руб. 70 коп., то каждый бык обошёлся по 1 руб. 10 ¾ [коп.]. Киндерман просит соизволения на назначение в каждую крепость по 25 пар быков и по 5 или 7 пар в форпост.

[Из донесения Павлуцкого Киндерману, сентябрь 1748 года]

Аблай-салтан прислал к Павлуцкому письмо, в котором он просит о возвращении пленных. «Что же оный салтан просит прилежно,

особливо о родственниках старшины Алимбет-батыря, чтоб оных пленников отыскать и к ним прислать, а именно: бабу Аим, дочь её Сулучу да жену его, всего 4 человека; а по справке оные пленные в раздаче здесь значатся: женка Хурумза у превосходительного генерал-майора и губернатора Сухарева, жёнка Аим и дочь её девка у полковника Вендейга, жёнка Сулуча у секретаря Карташёва, и оные, уповательно, уже крещены. А о удержанных в Железинской крепости лошадях Бекберды и о прочем капитан Сергеев рапортует, что те лошади в прошлом году пали, а сёдла с войлоками увезла с собою в Тобольск поручика Соловьёва жена, и для того о отборе оного у речённой поручицы и о присылке сюда представлено от меня в Сибирскую губернскую канцелярию. А что оный Аблай-салтан от меня требует о уведомлении его о оных их пленных, о том, Ваше Превосходительство, что изволите мне определить, покорно требую резолюции».

[По показанию Бекберда Акмурзина, сентябрь 1748 года]

Аблай-салтан снова просил Павлуцкого через Акмурзина о выдаче пленных: «А буде тех пленных и ныне не отдадут, то будем, де, о том просить у самой всемилостивейшей государыни». А в их орде имеется во владении русская баба, и Аблай-салтан говорил: «Ежели, де, Алимбетевых пленников из России отдадут, то, де, и тоё бабу отдадим».

Письмо Неплюева к Киндерману 26 сентября [1748 года]

«Что касается до тех киргиз-кайсак, кои по поимке в разные руки достались и в православную веру приведены, следственно, как бы то сделано ни было, отпущать их в орду, яко крещёных, невозможно; и тако, в отговорку киргиз-кайсакам, по моему мнению, другого резону нет, как только сей, что по их собственному желанию оное восприняли, и по закону православному возвратить их уже не можно, да и они сами того ныне не желают; на котором основании и от меня, ежели Аблай-салтан ко мне о том же отпишет, будет к нему то же писано. Что же принадлежит до некрещёных и до лошадей, то за лучшее, мнится мне, возвратить, о чём от меня и в Сибирскую губернию писано, дабы хотя чрез то справедливость им показать, чтоб при настоящих конжектурах никакого чрезвычайного разврату не произошло. Что же изволите учинить, о том прошу меня безвестным не оставить».

Сообщение в Соляную контору от 5 ноября 1748 года

При нём ведомость, учинённая в Ямышевской канцелярии, по силе ордера Его превосходительства господина генерал-майора Киндермана, коликое число в прошлых 1745, 1746 и 1747 и в нынешнем 1748 годах отправлено казённой ямышевской соли, о том значит ниже сего. В 1745 году, апреля 25, отпущено в Семипалатинскую крепость на продажу ямышевской соли 105 пудов; апреля 30 отпущено в Тобольск на 6 дощаниках 25525 пудов 20 фунтов, мая 9 и 18 отпущено в Семипалатинск казённой ямышевской соли, июля 17 отправлено в город Тару на 2 дощаниках 2100 пудов, июля 21, по силе указов из Сибирской губернской канцелярии и требованию тобольских посадских людей, соляных подрядчиков Евсевья и Антона Медведевых и Фёдора Пушкарёва, выдано им заимообразно 12747 пудов. Июля 26 отправлено в Семипалатинскую и Усть-Каменогорскую крепость 250 пудов, июля 27 отпущена в Тобольск соль на 5 дощаниках 13387 пудов 20 фунтов, августа 2 отпущено в Тобольск на 1 дощанике 2100 пудов, сентября 20, по силе указов из Сибирской губернской канцелярии и требованию тобольских посадских людей Евсевья и Антона Медведевых и Фёдора Пушкарева, выдано им заимообразно 17850 пудов. Октября 10, по требованию Железинской крепости приказчика Бражинского, отпущено в ту крепость 500 пудов. В том же 1745 году выдано Сибирского и Новоучреждённого драгунских полков на полковых служителей и на яицкую команду в жалованье на разные времена казённой соли 296 пудов 18½ фунтов. Запродано в Ямышевской крепости казённой соли разным чинам по указной цене 230 пудов 20 фунтов. Итого в 1745 году в расход употреблено казенной ямышевской соли 45127 пудов 18½ фунтов. В 1746 году, мая 20 дня, послано в Семипалатинскую и Усть-Каменогорскую крепости казённой ямышевской соли 1000 пудов. Того ж числа отправлено в Тобольск на 10 дощаниках 42315 пудов. Июня 2 отправлено в Тобольск казённой ямышевской соли на 4 дощаниках 15435 пудов. Июня 29 отпущено в Тобольск на 7 дощаниках 21141 пуд. В оном же 1746 году выдано Сибирскому и Новоучреждённому драгунскому полку, полковым служителям в жалованье, 371 пуд 27 фунтов. Запродано в Ямышевской крепости разного чина людям 42 пуда. Сентября 5 отпущено в Тобольск на 4 дощаниках 11550 пудов; октября 4 отпущено на 5 дощаниках 17220 пудов, октября 9 отпущено в Тобольск на 1 дощанике 2100 пудов. Итого в 1746 году в расходе употреблено казённой ямышевской соли 171175 пудов 17 фунтов. В 1747 году, марта 22, отпущено в Тобольск на 11 дощаниках 31447 пудов 20 фунтов, мая

13 отпущено в Семипалатинскую и Усть-Каменогорскую крепости 1200 пудов. В оном же 1747 году в расходе употреблено казённой ямышевской соли Сибирского и Новоучреждённого драгунского полков, полковым служителям в жалованье, 538 пудов 20 фунтов. Запродано в Ямышевской крепости разного чина людям 367 пудов 20 фунтов. Итого в 1747 году употреблено казённой ямышевской соли 33553 пуда 28 фунтов. 1748 года, мая 24 дня, отпущено в Тобольск казённой соли, добытой при Коряковском форпосте на озере, на 4 дощаниках 9975 пудов. Мая 28 дня отправлено в Семипалатинскую и Усть-Каменогорскую крепости казённой соли, добытой с Корякова озера, 1200 пудов. Запродано в Ямышевской крепости разного чина людям 250 пудов. Итого в 1748 году в расход употреблено соли 11425 пудов. Всего в 1745, 1746, 1747 и 1748 годах в расход употреблено соли 231282 пуда 3½ фунта.

[Из рапорта Кнндерману из Тарской канцелярии, декабрь 1748 года]

Посыланный в барабинские волости казачий пятидесятник Безсонов, возвратившись, донёс, что «видел там зенгорских алманных сборщиков, Кидака и Баяра, которые ему сказали, что посланы они от самого владельца, из его собственного отоку[74], въехали они в июле месяце, переехали через Иртыш в своих улусах, повыше Бухтармы и Нарыма, в урочище под Камнем Чар, и прошли в Кан-Карагай, где жили 2 месяца, для отдыху лошадей; оттуда прошли меж Колываном и Усть-Каменогорскою крепостью, подле реки Алея; от Алея поворотили влево к Шульбинскому бору и в 40 верстах от Шульбинского заводу проехали в Барабинскую степь. Здесь они пробудут до мая 1749 года; сбирают они ясаку с каждого человека по корсаку или по полулисице или же по полукрасной коже; а сколько велено всего собрать, не знают, потому что листы владельческие отобраны у них в Томске».

[Из рапорта Ямышевской канцелярии от 15 декабря 1748 года]

Приложена ведомость купленным на товары лошадям, из которой видно: мерин один, за него дано сукна шлёнского 5 аршин

91½ коп., всего 4 руб. 57½ коп.; мерин один, дано за него купецкого товару: бязей шанских пять, каждая по 40 коп., и российского товару одна кожа ценою 1 руб. 84½ коп., всего 4 руб. 64½ коп.; меринов два, дано за первого иркетского товару зенделей 11, каждая по 40 коп., 4 руб. 40 коп., за второго – 3 чалдара, 7 бязей, 1 зендель[75], каждая голова по 40 коп., всего 4 руб. 40 коп.

Ведомость Сибирского гарнизонного драгунского полка о полковнике Якове Павлуцком, коя сочинена сего 1748 года, декабря 25 дня

1. Служит Её Императорскому Величеству с прошлого 1715 года, а определён из дворян в капитаны в Сибирский гарнизонный драгунский полк, в котором и поныне служит, и бывал во многих партиях и на боях против неприятелей, тогда оказуемых* киргиз-кайсаков и воров башкирцев, а особливо в 1720 году, с бывшим полковником Парфентьевым ходили в партию на киргиз-кайсацкие улусы, и во оных тех кайсаков побили и в полон взяли немалое число, причем и лучшего их Пахан-Шамаменя Мурзы улусы разбили, и сына его, Сам-Мурзу, в полон взяли. И от того полку с порученными ему командами и в других многих командированиях со оного 1715 года бывал.

2. В прошлом 1728 году, в июне месяце, был в летней партии за неприятели киргиз-кайсаками, а в 1759 году в марте и апреле был в зимнем походе с полковником Арсеньевым на киргизские кочевные улусы. И в обеих тех партиях побили и в полон взяли оных кайсаков немалое число. В 1732 году произведён в секунд-майоры, в 1733 году в премьер-майоры, а в 1735 году определён у смотрения над подушным сбором по вечным квартирам, где был более двух лет и ездил на своём коште чрез дальнее расстояние по тем вечным квартирам в Тобольской и Исетской провинциях. И по силе данной от Военной коллегии инструкции и указов, во установлении на полковых дворах доброго анштальту[76] и в сборе подушных денег и во взыскании немалой доимки (которой более 20000 руб.) взыскал, также и вновь взыскал на полковых дворах с прописных душ 7000 руб., и во всем том порученном деле имел прилежное старание.

* Так в тексте.

<…>

8. В марте 1743 года определён по-прежнему по сибирской границе ведомства Сибирской губернии в тобольные форпосты, для охранения пограничных мест от набегов неприятельских людей. По которым тобольным всем форпостам военные команды от него распределены и учреждены по степи отъезжие караулы и повседневные разъезды, и командующие офицеры снабжены пристойными инструкциями. И по Её Императорского Величества из Сибирской губернской канцелярии секретным указам, всё в тех тобольных форпостах вверено и поручено ему, яко пограничному командиру, в полное управление. А для лучшего охранения тобольной границы, по осмотру его, Павлуцкого, удобных мест, построено Сибирским полком и нерегулярными, состоящими в команде его, Павлуцкого, в 1743 году, со степной стороны по-за Тоболу, на 200 верстах 11 редутов, в том числе Лебяжий, на жилой стороне Тобола, по-за всем обывательским пашням и сенным покосам, от прежних тобольных форпостов верстах в 20, и 30, и в 50, и определены при них пристойные команды с обер- и унтер-офицерами. А в 1744 году уже и роты были выведены к тем защитам в компаменты, и имели отъезжие караулы и повседневные разъезды. А потом ему, Павлуцкому, определено, по должности инспекторской, осмотреть 8 полков, а именно: Сибирского гарнизона, драгунские – Сибирский и Новоучреждённый, пехотные Тобольский и Енисейский и батальон пехотный да обретающийся на китайской границе Якутский полк; токмо оный Якутский полк за дальностью смотреть ему отменено, а определено смотреть Оренбургской губернии полки. И все те полки он смотрел и мунстровал. А в октябре 1744 году секретным указом, по немаловажнейшим тогда объявленным экстрам, велено ему, с Сибирским и Новоучреждённым драгунским и из Томска с командированным пехотным полками, и с нерегулярными городовыми служивыми, следовать в верхиртышские крепости, в самоскорейшем времени, денно и нощно. И следовали денно и нощно до города Тары, и за неспособным и трудным тогда путём, за бесснежием, с немалым трудом. И в городе Таре получил из Сибирской губернской канцелярии от 12 и 25 декабря указы, по которым определено ему, по благополучным из Ямышевской крепости известиям ноября от 25, 26 и 28 числа, и за умалением в верхиртышских крепостях провианта и фуража, Сибирский и Новоучреждённый полки и 2-й пехотный батальон и нерегулярных тюменских и верхотурских казаков расположить до

указу на винтер-квартиры в городе Таре и ведомства оного в уездах и в Омской крепости, а ему, Павлуцкому, с 1 батальоном и с тобольскими казаками, с 270 человек, следовать в верхиртышские крепости и там иметь главную команду. И по принятии команды и канцелярии от г. полковника Зорина, имел он, Павлуцкий, в снабдевании оных крепостей артиллерией, порохом, свинцом, железом, провиантом, фуражом, и при строении во оных крепостях и форпостах вновь провиантских магазейнов и цехаусов и пороховых погребов и казарм, бастионов, надолбов и рогаток и прочего, и очищением рвов и в приготовлении довольного числа лесов и прочих надобностей, и в поставке довольного числа сена, и в расположении хлебопашества, и между крепостями в строении форпостов и станцов, коих и построено в 1745, 1746 и 1747 годах, наченши от Омской даже до Усть-Каменогорской и к Колыванскому заводу, форпостов 10, станцов 23, также и между оными маяков в каждом месте по 1 и по 2, для безопасности стоящим командам и лучшей коммуникации и чинение разъездов, и для доброго ночлегу следующим разным командам, и в том во всем к лучшей пользе Высочайшего Её Императорского Величества интереса и безопасности границы всеприлежнейшее старание имел. И притом секретные и заграничные и прочие дела с прилежностью отправлял, и во установлении в 5 крепостях доброго аншталь ту и в сочинении шнурованных книг прилагал надлежащие труды и старание, и ныне имеет неусыпное попечение.

9. Паки для осмотра разных полков... следования имел с 3000 воинов и по возвращении в Ямышев, паки команду по Иртышской и Кузнецкой линиям, канцелярию и разные дела принял, и имел, и поныне имеет он всеприлежнейшее старание по разным делам, яко-то приходу и расходу сумм, по артиллерии, также по добыче соли и отправлению в Тобольск на судах немалой суммы, коей и сего года и в прошедшее лето добыто до 16000 пудов. И старанием его ж, Павлуцкого, обыскано, кроме Ямышева, другое солёное озеро близ Коряковского форпоста, на котором в садке имеется соли более Ямышева озера, и соль в пищу годная. И произвождение хлебопашества и укомплектование команд ружьём, мундиром и аммуницией, и исправление в крепостях строений и гостиных дворов, и отправление дел с иностранными людьми, и с российского купечества взяты пошлины, и прочие порученные ему дела имеются, которые происходят с лучшею пользою и приращением интереса, и во всём том неусыпное старание и всеприлежные труды прилагает, о чём извест-

но в походной Его превосходительства генерал-майора Киндермана и в Сибирской губернской канцелярии. И сию ведомость оный полковник, и во свидетельство того Сибирского гарнизонного (то есть полка) штаб-офицеры подписуемся.

Полковник Иаков Павлуцкий.
Секунд-майор Григорий Васильев.

Письмо зенгорского владельца, привезённое из Урги прапорщиком Подзоровым в 1749 году

«Тобольскому генералу подать. Напредь сего отец мой ноён (князь или владелец) посылал Ламу Дашу с товарищи и Её Императорскому Величеству доносил о построении вашими людьми на нашей земле крепостей, о наших исках и происходимом нам препятствии в собирании ясака с тех улусов, с которых мы оный издавна собираем, и когда о всём том было обстоятельно донесено, и на то от Её Императорского Величества воспоследовал указ, что Её Величество ничего иного в мысли своей не соизволит иметь, кроме того, чтоб находящиеся в пограничных местах подданные Её Императорского Величества с нашими улусными людьми и с прочими им соседственными народы жили в добром согласии, дружбе и покое и что о земле надлежит разобраться добрым порядком, безсорно, а о возвращении всех наших людей, ежели сыщутся, крепкий указ дан губернатору сибирскому, а о прочих наших претензиях, яко же и о препятствии в собирании ясака, обстоятельная резолюция дана будет отправляющемуся оттуда к нам посланнику; да при том же объявлено, чтоб купцам нашим, за показанными от них в проездах внутрь Сибири обидами, торговать в пограничных Семипалатинской и Ямышевской крепостях, а для покупки б необходимо потребных вещей, посылать по небольшому числу купцов с письмом, и сколько будет их числом, тако ж сколько при них лошадей и верблюдов и всяких товаров, о том бы, с прописанием всего того, давать им письма за печатью, и что таким образом купечество с пользою обеих сторон и с приращением без всякого препятствия отправляемо быть может и что Её Императорское Величество для всего того и для выслушания обстоятельного доказательства на наши претензии и для разобрания оных обще с нами заблагорассудить и повелеть соизволила, отправить нам немедленно своего посланника.

Но по тому и доныне ответа не получено, а Семипалаты и Ямышев — наша земля; а почему оная к нам принадлежит, о том напредь сего было донесено, но в том и поныне ещё несоглашеность; а между тем слышно, что ваши люди повсегодно на границу прибавляются и вверх по Иртышу, и по Оби рекам уже за границею построили многие крепости. А понеже напредь сего, когда ваши люди на реке Оби, пониже устья Чёрной Оми, построили крепость, и как тогда посыланным нашим войском оная крепость взята, то от того произошла и умножилась ссора, почему отец мой князь четырёхкратно посылал людей своих с таким представлением, что ссору иметь неприлично, но и для того б вы людей своих оттуда свели, объявляя, что ему свою землю уступить трудно, а ныне и затем на границах ваших люди умножаются и вновь строят крепости, и потому и мне оную землю уступить трудно. Того ради, по мнению моему, весьма б было хорошо, ежели б о сём Её Императорскому Величеству было донесено, и ваши люди с земли нашей сведены были добропорядочно и безсорно; ибо когда два государства в добром согласии находятся, то весьма надлежит и пограничным обеих сторон людям ссор и задоров не чинить, а в происшедшем разбираться по справедливости и быть в добром согласии. Но противно тому, когда я в прошлом году, учредя посланцами двух человек, Абдураама и Харьянду, с несколькими людьми посылал на Ирбитскую ярмарку, для покупки тамо вещей, и им тогда объявлено было, что они приехали в многолюдстве и сколько с ними на продажу товаров было, тому они реестра не имели, а затем их и с данным от меня к тебе письмом из Ямышевской крепости возвратили. Когда же два государства в добром согласии состоят, то есть ли такое определение, чтоб в какое время и до которого места, по многому или по малому числу купцов посылать? А я ведаю, что в великих государствах такого обыкновения нет, чтоб купцов счислять и время им определять и места им назначивать; что же с вашей стороны остановлено, яко бы за тем, что наши купцы ездят многолюдством и чинят обиды, и для того бы посылать по 10 человек, означа именно в письме, сколько при них лошадей, верблюдов и товаров будет, и чтоб оное письмо было за печатью.

И ежели бы я на оное согласился, то бы оное за учрежденный устав служить могло, и потому я уповаю, что Её Императорское Величество, не выслушав о том моего мнения, такого установления учинить не соизволит, и не чаю я, чтоб наши купцы в проездах своих

внутри вашего государства чрез обыкновение какие обиды чинить стали, а ежели бы паче чаяния какую и обиду учинили, то каждый из нас не может ли в том учинить несправедливость? Ибо и напредь с обеих сторон учинённые обиды по сущей справедливости разбираемы были, и весьма б было хорошо, ежели бы и ныне от каждого из нас такия обиды чинить накрепко запрещено было.

Но что принадлежит до купечества, то хотя оно за нужное и необходимое и не почитаю, однако же, по мнению моему, за полезное признаваю, таким образом, и добропорядочно в том поступать, как от времен Великого Белого царя доныне, купцы наши в пожелаемый ими город, не имея термину, свободно ездили[77], и с обеих сторон обид не происходило, но добропорядочно купечество отправлялось. А какие напредь сего нашим улусам от ваших людей причинены были обиды, о том отец мой князь доносил Её Императорскому Величеству.

А потом нашим улусам причинены обиды следующия:

В драконовом году (1736[*]) бывшие в Семипалатинской крепости ваши люди нашего урунхайца Сурсуна с двумя товарищи убили до смерти и взяли у них 10 лошадей и багаж их. В лошадином году (1738) Чунгу с пятью кибитками, состоящими в 24 душах, 170 лошадей, взяли в крепость, находящуюся на заводах. В пёсьем году (1742) Менку и Мергеня с 2 кибитками, состоящими в 6 человеках, и 15 лошадей, взяли в город Кузнецк. В новом году (1739) Доуладу с 3 лошадьми взяли в крепость, находящуюся на заводах. В бобровом году (1746) пять человек с 10 лошадьми взяли в крепость, которая при медных заводах. В зайцовом году (1747) одну кибитку в 4 человеках да еще 2 человек с 5 лошадьми взяли в город Кузнецк. В вепревом году (1743) Ергиля с двумя товарищи и 5 лошадьми взяли в крепость, находящуюся на заводах. В драконовом году (1736) Тюлбара с 3 кибитками, состоящими в 7 человеках, и с 55 лошадьми, взяли в тоё ж крепость и ещё взяли Цуцулака с 2 товарищи и с 3 лошадьми; одному ясачному сборщику, едущему для сбора ясака, руку прочь отстрелили.

Еще слышу, что людей наших в те места, где они напредь сего зверей ловили, не пускают и взяли от них 23 лошади. Сверх того наших уранхайцев двух аймаков[78] людей побили до смерти, а жёнам их отрезали сосцы; а малых детей, взоткнув на колья, в огне сожгли, и все пожитки их взяли себе в добычу.

---

[*] Исчислено в Иностранной коллегии (прим. Г.Н. Потанина).

С Ламою Дашею бывшего нашего купца Халиндаря в Тобольску заарестовали и, на дерево повеся, умертвили. В прошлом драконовом году (1748) купцов наших Айд-Баку и Мар-Хамку, бывших для купечества с 1000 рублями в Томске, арестовали и отвезли в город Тобольск.

В нынешнем году нашего посланца, ехавшего в барабу для собрания ясака, ваши люди, находящиеся близ барабы, заарестовали и чрез 24 дня содержали его в тёмной избе и потом отпустили. Да и, кроме того, ваши пограничные люди непристойностей много учинили. И оное всё каким образом по справедливости окончать, состоит в твоей воле.

Что же принадлежит до присланных от тебя, Алексея и верхотурского Фомы, для взыскания долгов, и я их должников прикажу призвать и надлежащий суд произвесть.

А что касается до желания твоего, чтоб ваших купцов, не пропуская в другие места, отпускать к вам по-прежнему, и у нас издревле такое обыкновение есть, что мы никаких купцов, чьи б они ни были, не принуждаем, чтоб они ехали возвратно или б у нас жили, но они, купцы, каждый по своей воле и желанию у нас живут и возвратно отъезжают. А чтоб мы принудили их силою возвратиться или здесь жить, такого обыкновения у нас нет.

И понеже посланец мой с письмом моим не допущен, и для того сие послано чрез твоего посланца.

И ежели на сие вскоре ответа не будет, то я буду мыслить, что о сём Её Императорскому Величеству не представлено. Года землего* змия 8 месяца 20 дня».

Перевод сделан в Петербурге, в Коллегии иностранных дел.

Из рапорта в Главную провиантскую канцелярию [1749 года]

Будучи в 1745 году в Усть-Каменогорске, Киндерман видел, что некоторые офицеры посеяли несколько хлеба, из которого по урожаю по вымолоте явилось зёрен по 11 и по 12[79]. Это и было поводом к ходатайству Киндермана пред Правительствующим Сенатом к заведению пашни. В 1748 году посеяно ярового хлеба: ярицы 468 четвертей, ячменю 289, овса 379; в умолоте явилось: ярицы 1408, ячменю 888, овса 1071 да посевной 1747 года ржи 484. В 1748 году по-

* Так в тексте, возможно, надо читать – земляного.

сеяно ржи 393 четверти. В этом году и здесь во многих местах, за жарами и за морозами, хлебу был недород, а в других местах и едва семена возвратились.

Письмо Киндермана к Аблай-султану, май 1749 года

«Вам, почтенному владельцу, желаю благополучного пребывания!

При том же Вам объявляю: в прошлом 1748 и в нынешнем годах, в зимнее время, кочующие близ верхиртышских крепостей на заречной стороне Иртыша владения Вашего киргиз-кайсаки не только самовольства чинили проездом на здешнюю жилую сторону, но при том многие от них российским людям грабежи и увоз, яко неприятельский и воровский, последовал, а именно: капрал Иван Саранчин с жёнкою его, Авдотьей, да с драгунскою жёнкою, Акулиною, кои ехали из Шульбинского завода в Убинский форпост, взяты в плен и поныне не возвращены. Барабинских татар Албукова с товарищи 11 человеками, которые были в промыслу зверей, киргизы напали и отбили 23 лошади, сёдла и прочий шкарб, и оное отбитое к нам возвращено и тем татарам отдано. Из Подпускного станца киргизами украден тюменский служилый татарин Талаков да 2 лошади. У капралов Епанешникова и Хохрякова везённую ими на жалованье денежную казну 271 руб. киргизы отбили, тако ж 6 шляп казённых и их капральский шкарб, платье казённое ограбили и увезли и тех капралов и драгун весьма избили, которой денежной казны и прочего поныне не отыскано и не отдано, а егда отдастся, то Ярган-батыря 40 лошадей возвращены ему будут, которые поныне в целости находятся. В прошлом 1744 году Ишимского дистрикта деревни Безруковой в летнее время на крестьян в работе напали киргизы с 80 человек и убили двоих да 26 человек увезли в полон, в том числе крестьянина Ивана Ремезова двух родных братьев да жёнку, сына, сестру и сноху, из которых ныне, по уведомлению, поныне жительства имеет брат его Семён во владении Вашем; и для того означенный крестьянин Ремезов при сём к Вам, почтенному владельцу, и с письмом, данным ему от тайного советника Ивана Ивановича Неплюева для просьбы об отдаче тех его братей и сродников и прочих, взятых тогда неприятельски в плен, посылается. И ещё Коркиной слободы крестьянином Мальцовым ведомства Вашего толмачам Илюшке (?) и Сеньке (?) заложены два племянника родных,

и обещает он, Мальцов, толмачам за двух взятых от них лошадей привезти выкупу на кафтан кармазинного сукна.

Того ради Вам, почтенному владельцу, сим объявляю, чтоб благоволили своего ведомства от киргизов причинённые к российской стороне яко неприятельские поступки, воровства, грабежи и полонное, взятую денежную Её Императорского Величества казну, сыскав, возвратить, дабы от таких воровских и многоявляющихся киргизских поступков не подвигнуть на гнев Её Императорского Величества и невинные б пострадать не могли; чего для нарочных к Вам, почтенному владельцу, с сим письмом посылаю; тако ж и племянников Петра Мальцова посланным при сём отдать, а что за ним подлежит заплатить толмачам, меня уведомить, и своего ведения вотчинникам, батырям и всем народам накрепко подтвердить, дабы впредь воровских и неприятельских поступок к России не происходило и винные б тому без упущения наказаны были».

[Из сообщения Колыванской заводской конторы, 4 октября 1749 года]

Вахтмистр Терский, не доезжая 50 вёрст до кочевий Омбы, встретил Таутелеутской волости двоеданца, есаула Ренжена Тарханова, который в казну Её Императорского Величества платит по 1 соболю, а зенгорскому владельцу по 5 голов разных товаров.

Промемория Сибирской губернской канцелярии, ноябрь 1749 года

19 ноября в Сургут пришёл ясашный иноземец Юганской волости Герасим Сайготин и объявил, что 16 ноября приходил к нему Пимской волости ясачный иноземец Тагичев и объявил, что пришли в их Пимскую волость самоядь и намерены побить Пимскую и Юганскую волости. Сургутская воеводская канцелярия просит о присылке людей, потому что в Сургуте, за высылкою в Барнаул, осталось 96 человек; просит также прислать палашей, которых у казаков не имеется. Для проверки этих сведений послан в Сургут прапорщик князь Чегодеев.

Рапорт [Быкова] в Сенат 1750 года

По расписанию Сибирского приказа 1737 года, положено городовым казакам денежного жалованья по 6 руб. 16 коп., ржи по 3 четверти, овса по 2 четверти на год, а в верхиртышских крепостях крепостным казакам жалованья даётся по 3 руб. 52 ½ коп., ржи 3 четверти, овса 2 четверти в год; но в верхиртышских крепостях, за отдалением от жилья, харчи и одежда весьма дорогою ценою покупаются, к тому оные казаки содержат почты от Усть-Каменогорской до Омской, в каждом станце по 6 человек, всего 210 человек, тако ж в партии и разъезды, на провиантских досчаниках для возки провианта, и хлебопашества, и заготовления соли употребляются. А в городовых казаки живут в своих домах внутри, где харчи и одежда дешевле, и употребляются для сбору ясаку и прочих посылок от воеводских канцелярий, от которых посылок, еще сверх жалованья, могут иметь себе пропитание. «Чего для в Сибирскую губернскую канцелярию неоднократно мною сообщено было и требовано, чтобы о том рассмотрение учинено и куда надлежит представлено было, о чём и от оной канцелярии в Сибирский приказ представлено было, но токмо на то резолюции не последовало. И чтоб оные крепостные казаки, по многим их излишним трудам, против городовых казаков обижены не были и в доброе состояние и в исправность приходить могли, то не изволено ли будет и оным казакам равномерное жалованье приказать давать, а именно: городовым по 5 руб. 32 ½ коп., и тако от оной убавки и крепостным казакам по оной же даче достаточно будет, а в казне Её Императорского Величества никакого ущербу не будет, да оные казаки безобидно все равномерное жалованье получать будут».

Промемория из Сибирской губернской канцелярии в военно-походную канцелярию [1750 года]

Из Тобольской рентереи послано на лечение безызвестных болезней, на непредвидимый случай, 7 пудов 6 фунтов нашатырю, а табак рекомендуется покупать в Ямышеве у поверенного табачного откупщика.

[По прошению казаков Изылбашского станца 19 февраля 1750 года]

Каптенармус Безсонов обирал у них всю рыбу, которую они добывали в реке. Всего той рыбы взято им десять возов, по цене на 9 рублёв. «Во время снятия хлеба изловили мы рыбу, язей и щук две лодки, и, он, Безсонов, ту рыбу взял себе и нам ничего не дал, а по цене той рыбы было на 90 копеек».

[По рапорту полковника Сухотина от 6 апреля 1750 года]

Отобранные у разных обывателей подписки о неурожае: капитан Переводчиков купил в кладях ржи 4600 снопов, ярицы 2000, ячменю 2000. В вымолоте с одного овина ржи из 250 снопов 2 четверти 3 четверика и 2 четверти 4 четверика, ярицы с овину из 400 снопов 1 четверть 7½ четвериков, ячменю из 400 снопов 1 четверть 7 четвериков. Это должно быть в Усть-Каменгорске. Поручик Боровиков в 1749 году посеял ярицы 1 четверть, из снятых снопов вымолочено 1 четверть 4 четверика; ячменю посеяно 4 четверика, вымолочено 6 четвериков. Капрал Николай Пятков сеял в Усть-Каменогорске ярицу 1 четверть, снято снопов 325, обмолочено 2 четверти 6 четвериков. Ячменя сеяно 4 четверика, снято 125 снопов, обмолочено 1 четверть. Солдат Ф. Туголуков сеял в Усть-Каменогорске в 1749 году ярицы 6 четвериков, явилось 2 четверти, 2 четверика; ячменю 4 четверика, по урожаю явилась 1 четверть. Солдат Лазарь Казанцев сеял в 1746 году в Усть-Каменогорске ячменю 2 четверти, не явилось и 4 гарнцев. Разночинец Федор Шленьев сеял в Усть-Каменогорске ярицы 1 четверть, снято снопов 750, вымолочено 2 четверика; ячменю сеяно 1 четверть, снято 900 снопов, вымолочено 2 четверти; овса сеяно 3 четверти 4 четверика, снято 150 снопов, вымолочено 16 четвертей 4 четверика, в прибыли, следовательно, 6 зёрен. Неурожай же ярицы и ячменя от жаров произошел. Казак Ник.* Беляев сеял ячменю 4 четверика, явилась 1 четверть. Казак Иван Зенков сеял ячменю 4 четверика, явилась 1 четверть. Казак Семён Бражников [сеял] ячменя 4 четверика, явилась 1 четверть; овса – 4 четверика, явилось 7 четвериков. Казак Матвей Лосев сеял ячменю 4 четверика, явилась 1 четверть. Казак Иван Рыжиков [сеял] ярицы 4 четверика, явилось 1 четверик.

---

* Так в тексте.

[По рапорту полковника Сухотина, август 1750 года]

С показанием выбежавшей из плена из киргизской степи девки Татьяны, которая назад тому 20 лет была взята в плен с пашни из Вачайской слободы киргизами Барак-султана, причём бывшие с нею мужчины были побиты, а ребята и девки увезены. Татьяна досталась киргизу Ажаланаю, который выдал её замуж за сына своего; с ним она прижила троих детей. Но другая его жена, Бопа, детей этих убила до смерти и «была до неё, Татьяны, лиха». Во время кочевания в вершинах Ишима киргиз Найман-бай посоветовал ей бежать на русскую линию; она бежала ночью, пеша, без всякой пищи; шаталась два месяца, питаясь ягодами, и вышла наконец на Иртыш.

[Из рапорта Крафта, август 1750 года]

В деревню Новикову 26 августа прибежал Кумандинской волости татарин Урбек Урдоков, который и объявил: «Прибыли, де, в их улус алманщики из Урги, 10 человек, которые имеют следовать для сбора ясака вверх по Бие, в Кумандинскую волость. При них имеются также хамы и выбойки для мены. Башлык у них Тюрень; улус, в который они прибыли, в 40 верстах от деревни Новиковой».

[Из рапорта Крафта, август 1750 года]

На Таловский станец из-за Алея-реки прибыло 5 августа 13 калмык, старшина бурут Инигимов[80], 2 турки, 11 сайдаков и 73 лошади; они, чрез толмача, объявили, что едут в барабу, для сбору алмана, а посланы с Или-реки, от зайсана Запа.

Указ из Военной коллегии от 31 августа 1750 года

В 1748 и 1749 годах, по недороду хлеба, в Томске хлеб продаётся по 20 и 30 коп. за пуд, а к Колывано-Воскресенскому и Барнаульскому заводам приписано от Кузнецкого уезда 9000 душ, а потому для команды провиант достать трудно: Киндерман нашёл выгодным покупать хлеб в Красноярске, где в 1748 и 1749 годах рожь и мука по 40 и 50 коп. четверть обходилась, и в прошлом году несколько

тысяч и ныне более 6000 четвертей по той цене там куплено, и от Ачинского острога, по реке Чулыму до устья Оби, без дальнего убытка на плотах препроводится, а оттуда на дощаниках в Барнаул и Колывань. Кроме того, было посеяно для пробы в верхиртышских крепостях, на Кузнецкой и Колыванской линиях, и кроме семян, прибыли получено ржи и ярицы 7645 четвертей, а ныне хотя в Железинской и Усть-Каменогорской крепостях ярица не родилась, по вымолоте явилось ржи 1988 четвертей, ярицы 1812 четвертей, ячменю 1255 четвертей, овса 2117 четвертей, итого 7170 четвертей; также для пробы и в Тарской, Ишимской и Тобольных линиях посеяно было, и где по 5, по 7, а в некоторых местах и по 10 зёрен против посеву прибыли. Поэтому определено: дать в верхиртышских крепостях четыремстам казакам каждому по паре быков, несмотря на их собственных лошадей; да в Колыванской линии велено 200 человекам каждому по 3 десятины ярицы и 3 десятины ржи спахать, посеять, и тако в обоих местах 3600 десятин, а в Тарских, Ишимских и Тобольных [линиях] велено против прошлого года посеять вдвое. Как эти распоряжения генерала Киндермана найдены выгодными для казны, что ими избегается отдалённая перевозка провианта, потребность судов, а особенно без затруднения при покупке снастей, которые добывались из Казани, из Нижнего, Вятки и из Тобольска, то приказывается Киндерману стараться о распространении этого хлебопашества.

[Из рапорта Крафта, сентябрь 1750 года]

Драгун Давыдов, посыланный в Зенгорию, объявил, что на него среди степи нападали калмыки, вознамеривались зарезать ножом и, поймав его за волосы, два человека таскали его на лошадях по степи и притом, де, объявили, что он ездит к ним для обману, а товаров никаких не привозит; а зайсан их говорил: «Хотя бы на какое-нибудь место около Бикатунской крепости позволили приезжать с товаром, быками, коровами и овцами», в Семипалатинскую, де, ездить невозможно, за высокими горами. Особливо двоеданцы просят об этом; они ясак платят, а для покупки первых потребностей в крепости не допускаются. Все они просят об учреждении торжка при горах Кеспы и Тутджедебы, в 30 верстах от крепости Бикатунской, между Бией и Катунью.

[Из рапорта Крафта, 9 сентября 1750 года]

Прибывший в Бикатунскую крепость бухарец Сундук объявил, что он прибыл с русскими подданными, возвращаемыми из Зенгории в возмездие за возвращение зенгорских подданных. При том он говорил, что Омбо просил командира Бикатунской крепости выехать с военным прикрытием на реку Керексу, куда прибудет и Омба для совещаний о прекращении обоюдного пограничного воровства.

Рапорт капитана Дипенбрука (Diepenbrough), октябрь 1750 года

Об отправлении к Аблай-салтану сотника Серебреникова в 7 человеках, для доставки выкупу за крестьянина Мальцова: 5 аршин алого сукна, 330 марьяну, 1½ аршина золотой ленты.

Рапорт [Быкова] в Сенат, ноябрь 1750 года

«В верхиртышских крепостях из крепостных казаков в Ямышеве, Семипалатной и Усть-Каменогорской, более 30 человек ежегодно в бурмистры, ларёшники, целовальники и отчётчики к таможенным и питейным сборам определяются[81], от чего оные крепостные казаки всемерно в разорение приходят, ибо оные казаки безграмотные и к таможенным правлениям необычайны, и которые комиссары к тем делам хотя и определяются, токмо по окончании года их не считают, а считают оных казаков. И сверх того взятые из крепостей казаки жительствуют за счетами в Тобольску года по 2 и более, ибо за слабым смотрением тех определённых из дворян в комиссары, какие утраты и упущения и недоборы последуют, то не токмо на тех выборных казаках, но и на всех той крепости казаков, коих там и немного состоит, оные утраты, упущения и недоборы взыскиваются вычетом из их жалованья, отчего уже и при бытности моей в Усть-Каменогорской последовало, что за таким вычетом казаки целый год жалованья не получали».

***

В 1757 году* на Тобольскую и Ишимскую линию выслано городовых казаков тюменских 7, верхотурских 10, туринских 8, выписных ишимских 139, ялотуровских 150.

---

* Пример того, как Г.Н. Потанин подчиняет изложение материала избранной теме, нарушая хронологию.

В том же году из крепости Лебяжьей бежало 10 выписных казаков; один был пойман и при допросе показал, что хотел возвратиться на свою родину, в Абацкую слободу, и жить там тайно; о строгости же наказания за побег не знал и подтверждения о небегании от начальников не слышал, но под плетьми показал, что слышал. В июне из разных крепостей Ишимской линии бежало всего 44 выписных казака. В августе из Лебяжьей бежало 2 человека в лес, в жилую сторону. Из Пресногорьковской станицы бежало 5 выписных казаков. 17 сентября бежал еще 1, снёс шубу баранью, зипун серого сукна, шапку белчинную. Из станицы Пяторыжской бежало тарских выписных казаков 8 человек, которые, по распоряжению Тарской канцелярии, сысканы в Знаменском погосте, высечены плетьми и отправлены назад.

В Ишимском дистрикте, по распоряжению Киндермана, было назначено 900 человек выписных казаков, с тем, чтоб они были всегда готовы в 24 часа к выступлению на добрых лошадях, с ружьём, порохом и свинцом. Из этих 900 человек на Тобольской линии на действительной службе прежде было до 300 человек, а в 1757 [году] – 147 человек. Кроме того, из Тарской воеводской канцелярии потребовано 200 выписных казаков. По рапорту из Кузнецка (1757 год), кузнецкие выписные казаки находятся у расчищения черни[82] и весьма отягощены работою. В Кузнецке назначено их по списку 411 человек, из них 150 в Бийске, бежало 3, 90 оставлено за болезнью и неспособностью. Кузнецкая воеводская канцелярия просит прислать находящихся в Бийске казаков по миновании в них надобности для платежа подушных денег и исправления их домашних работ.

С 21 по 31 июля с Ишимской линии бежало выписных казаков 11.

***

По Высочайшему указу 12 мая 1747 года велено давать, по требованию Колывано-Воскресенской канцелярии, для горных работ 1210 солдат, с дачею им заработных денег, и в том только случае, если линии не угрожает опасность от неприятеля. Павлуцкий, для усиления линий, предлагает освободить от горных работ 600 солдат, а те работы производить приписными к заводам крестьянами.

Во время опасности от китайских войск упомянутые 1200 человек были потребованы из заводов начальником пограничной линии Риддером[83]; но Колывано-Воскресенская канцелярия уведомила (25 сентября 1757 года), что такого числа на заводах никогда не бы-

вало, а какие были, давно уже с Змеевского и Чакырского рудников «спущены», а более нет. В 1757 году на Колывано-Воскресенской линии было 221 кузнецких выписных казаков.

Прогоны командированным с делами казакам на 1 лошадь: от Тобольска до деревни Пустынной, на 682 верстах, по 3 коп. на 10 вёрст, 2 руб. 4 ½ коп. От деревни Пустынной до Омска, на 157 вёрст, на 1 обывательскую лошадь, 78 ½ коп.

Рапорт в Правительствующий Сенат от ноября 1750 года

«С 1745 по 1750 год отправлено из Ямышева в Тобольск 276450 пудов; а понеже в прошлом году и нынешней весне в соли в здешних местах великой недостаток был, и не токмо по пудам, но и по фунтам в продаже имелось, а в некоторых местах чрез несколько месяцев той соли и в продаже не было, о чём Правительствующему Сенату не безызвестно; чего для при нынешнем моём следовании в верхиртышские крепости, в оные солёные озера сам ездил, а именно в Коряковском, которое не доезжая Ямышева расстоянием 55 вёрст, а от реки Иртыша 21 верста, вокруг оного озера 24½ версты, в длину 8 вёрст 22 сажени, в ширину 3 версты 140 сажен, где, благодатию божиею, соль чрез всё озеро плотно села и рассолу на нём ничего не было; потому ж ездил на Ямышевское озеро и оное осмотрел, которое от Ямышева расстоянием 8 вёрст, а вокруг оного 8½ вёрст, в длину 3 версты, в ширину 1 верста 400 сажен, где так же, как и на Ямышевском озере*, соли для добычи достаточно, и время уже к добыче наступило, токмо в оном озере великий рассол имеется. Потому Киндерман определил на Коряковское озеро 100 человек, на Ямышевское – 50 человек. На 1-м заготовили к 31 августа 343350 пудов, на последнем 100000, с платою за кадь по одной копейке. Отправлено в лето 1750 года в Тобольск 76292 пуда; подрядчикам платится по 11 коп. за пуд, а соль, добытая служилыми, обошлась по 1 коп. за пуд. Сверх же сего, при следовании моём из Ямышева до Семипалатинска изыскано одно соляное озеро, называемое Лебяжье, расстоянием от реки Иртыша в 3 верстах, кое немало и чрез всё озеро соль села, весьма бела и чиста; тако ж посланный от меня офицер для осмотру через барабу форпостов наехал на одно соляное озеро, называемое Байхан,

* Скорее всего, опечатка, следует читать – на Коряковском озере.

которое вкруг версты на две, между Тарского уезду и Барабинской степи, с которого озера пробу ко мне привёз».

Из рапорта Сухотина от 13 ноября 1750 года

С ведомостью о больных в его ведомстве чинах болезнью, от которой лечили казаки и драгуны накалываньем иглою и прикладыванием нашатыря и табаку. В Ямышевской крепости – 69, в форпостах её ведения – 90, в Усть-Каменогорской крепости – 23, Семипалатной – 30, в форпостах её ведения – 19, Омской крепости – 4, форпостах, лежащих между нею и Железинской крепостью, и в Железинской крепости – 11, итого 241 человек. Из них никто не умер, все были излечены упомянутым средством. Пало неизвестною скоропостижною болезнью в Ямышевской, Железинской, Семипалатной, Усть-Каменогорской и форпостах Лебяжьем, Коряковом, Семиярском и Чернорецком 35 драгунских и собственных лошадей.

[Из промемории Сибирской губернской канцелярии от 28 ноября 1750 года]

С приложением экстракта о заготовлении провианта, 2-й пункт его: Киндерман предлагает учинить закупку в Томском и Кузнецком ведомстве, так как в Красноярском ведомстве был сильный неурожай. Сибирская губернская канцелярия отвечает: «Не в одном том городе Красноярске, но едва и не во всех местах, как о том и Походная канцелярия есть не безызвестна, против прочего в умолотах хлебу, по воле Божией, происходит с уменьшением на десять и более».

[Обращение сибирского губернатора А.М. Сухарева к джунгарскому владетелю, отправленное из Тобольска 29 апреля 1751 года]

«Сиятельный зенгорский владелец, Лама-Ирдене-Батур-Контаита![84]

Понеже от прошлого 1749 года, июля от 23 числа, получено в Тобольску, в Сибирской губернской канцелярии, от бывшего зенгорского владельца Цебек-Доржи-Намжи[85] письмо чрез прапорщика

Подзорова, которым он писал, якобы от российских подданных русских и ясачных татар вашего владения подданным причинены обиды, грабежи и смертные убийства и о прочем, как о том значит именно в том письме, которое получа и об оном обо всём ко двору Её Императорского Величества всеподданнейше от меня донесено, по высочайшему Её Императорского Величества указу на оное его, бывшего зенгорского владельца, письмо в ответ с посланным от меня сержантом Филимоновым писано обо всём обстоятельно. А что принадлежало до его представления, якобы об учинённых российскими людьми Вашего Сиятельства подданным обидах, о том объявить тогда обстоятельно было невозможно, чего ради от меня тогда ж к российским пограничным командирам писано и требовано, якобы о взятии у зенгорских подданных юрт, лошадей, жеребят и о прочем, имелись ли в тех канцеляриях какие известия и было ль о том какое взыскание и возвращено ль тем зенгорцам обратно и что кому за то учинено, о чём накрепко приказано было о том изследовать и справиться достоверно, и обещано от меня оному бывшему зенгорскому вдадельцу, по справке с теми пограничными командирами и по надлежащем изследовании и рассмотрении, в таких происходящих обидах надлежащая справедливость вашей стороне неотменно показать, о чём и сообщить тому бывшему зенгорскому владельцу от меня обещано ж. Напротиву же того от него, владельца, требовано, чтоб и со стороны его, владельца, подвластных людей российским подданным пограничным обывателям обид и грабительств никаких не чинили, тако ж, де, справедливость и управа во всем бы давана была и пограбленное возвращено б было обидимым.

И по тем посланным от меня указам пограничные российские командиры ответствовали ко мне, что в тех городах и местах, по подлинным их справкам, против оных претензий зенгорского владения подданным обид и разорения и смертных убийств чинено ими не бывало, а происходили вашего владения от зенгорских подданных калмык российским подданным русским и ясачным иноземцам великие разорения, то есть смертные убивства, грабежи пожитков, сожжение обывательских дворов и насевных хлебов и особливо сожжение одной святой церкви Кузнецкого уезду в подгородном Рождественском монастыре да в подгородных же двух деревнях двух часовен и взятье мужеска и женска пола в полон; и прочие многие от ваших подданных зенгорцев учинены разорения и отгон из русских сёл и деревень разного скота, а именно: в Кузнецке в 179 году (1671)

зенгорского владения князцом Матуром-Таши с калмыки под Кузнецким ведомством в Ошмариной деревне 12 дворов и насевные хлебы на пашнях выжгли без остатку и многих русских людей и ясачных иноземцев побили и в полон побрали, да отогнали скота 141 лошадь, 164 скотины рогатых, 104 овцы, 65 свиней закололи, и того пограбили на 1797 руб. 30 коп. В 1700 году князцом Тангустаем с киргизцы подгородный Рождественский монастырь, церковь с образами, с колоколами и со всею церковною утварью сожгли, по цене на 400 рублёв, также и ограду монастырскую с кельями и с образами, и анбары с хлебными и соляными и прочими припасы и с платьем сожгли ж без остатку, по цене на 300 рублёв, да монастырского скота 38 скотин рогатых, 42 овцы на 100 рублёв; в подгородных же деревнях у разных чинов пожгли 20 дворов со всяким заводом и со скарбом, да всякого хлеба пожжено 560 четвертей, да на полях жатой и нежатой хлеб выжгли ж и скотом потравили без остатку, да отогнали 255 лошадей, рогатого скота 1225, овец 99, свиней приколото 51, по цене на 5520 рублёв 50 коп.; у подгородных же выезжих ясачных белых калмык отогнали 577 лошадей, рогатого скота 122, и юрты их сожгли, и улусы разорили без остатку, по цене на 4071 руб. 48 коп., да в полон оных белых калмыков взято 97 человек, из оного числа отдано возвратно только 30 человек, а достальных, тако ж отгонного скота, не отдано. В 1709 году князцом Бадаем с товарищем во многолюдстве Калачёву, Бунгурскую, Шерапскую деревни сожгли и на полях людей во время жатва в полон побрали, хлебы и сена пожгли без остатку, по цене на 1000 руб., да кузнецких служилых людей они ж побили 4 человек до смерти, да 7 человек ранили. В 1710 году в приход князца Духара с чёрными* и белыми калмыками в четырёх тысячах подгородных 8 деревень, в них 94 двора, 2 часовни с святыми образами сожгли, и тех деревень и у городских обывателей по пашням насевные хлебы пожгли ж без остатку и многих людей побили и в полон побрали скота, отогнали 266 лошадей, 839 рогатых, 949 овец по цене на 8070 руб. В том же 1710 году Бикатунская крепость калмыками сожжена. В 1736 году, мая 15 дня, Кузнецкого ведомства подгородный ясачный татарин, Васки Елба, по прошению его, по таможенной выписи, для торгового промыслу отпущен был зенгорского владения в Канскую волость, который там зенгорцами ограблен на 900 руб. В про-

* То есть с джунгарами (прим. Г.Н. Потанина).

шлом же 1742 году, ноября 10 дня, Бикатунского ведомства деревни Иконниковой жители Кирило Черемнов, Яков, Никита Березоваковы объявили: будучи, де, они, Черемнов с товарищи, для звериного промыслу за Обью-рекою, вверх по реке Каменке, и с того промыслу калмыки 5 человек отогнали 3 лошадей зенгорского владения в Камень. Да в прошлом 1743 году, сентября 18 дня, Бийского ведомства деревни Иконниковой крестьянин Елисей Манаев просил, что он, будучи с братом своим Иваном да крестьянином Яковом Иконниковым в степи, для звериного промыслу, за Колывано-Воскресенским заводом, набежали на них зенгорского владения калмыки 20 человек, из которых убили до смерти Ивана Манаева, Якова Иконникова, а его, Елисея, ранили копьём в правую руку, в левое плечо и в бок и отбили у них 3 винтовки, пороху ½ фунта, 7 лошадей, из которых, де, калмык один по-русски говорил, что, де, их трое, сану-уранхаевы дети, а потом означенные калмыки напали на заводских крестьян, которые ехали из заводу по горновой камень, и отбили у них 61 лошадь, да ранили из тех крестьян одного, да с оного Елисея сняли кафтан, шубу, шапку да рукавицы. В 1743 году, февраля 21 дня, Канской волости зайсана Омбы брат Кача томских купцов 5 человек, которые ехали по указу из Москвы к зенгорскому владельцу в Ургу, на реке Коксе побил до смерти и пожитки их взял все к себе. В 1727 году зенгорского владения калмыки от Колывано-Воскресенского заводу в 15 верстах, на реке Белой, несколько человек Томского уезду чеуских крестьян побили до смерти, а других ограбили и коней отогнали. В 1728 году, июня, против 22 человек из-под Колывано-Воскресенского завода в ночном времени подъезжающими зенгорскими калмыками отогнато у заводских обывателей 255 лошадей. В 1738 году при следовании из Томска в Ургу зенгорских купцов, при караванном башлыке, знатном зайсане Юсупе Деркемове, покрадено зенгорцами, по приказу оного башлыка, у российских промышленных людей в тот караван 4 лошади, из которых по погоне одна хозяину возвращена, а достальные угнаны под вьюками оного башлыка Деркемова, и российские погонщики от них с битьём отогнаны. 1743 года, августа 30 и сентября 13 чисел, вверх реки Чарыша, свинечный Чакырский рудник, прибежав канских улусов калмыков 8 человек, и отняли у караульных служилых Михайла Соколова с товарищи железных инструментов: балду, молоток, 2 каплы, керочку, рыболовную сеть; да сентября 7 дня, в утреннем дневном рассвете, на посланных из Колыванского заводу солдата, Максима Тра-

пезникова, с заводскими жительми и работными людьми, всего 31 человеками, при горновом камне, незапно набежав в 20 человеках, чрез сильное нападение, с ружейной стрельбы из тех возчиков ранили, в том числе, одного, поймав, всё платье поснимав, отпустили, а сами, отбивши 62 лошади и прочего разного скарба, по цене на 481 руб. 28 коп., убежали; да того ж сентября 5 человек при Чарышской заимке заводских жителей, Осипа да Ивана Харловых, на речке Поперечной при работе вышеписанные ж калмыки заводского Ивана Гусева, томского обывателя Степана Суховых да работника Михайла Яковлева убили до смерти и бросили в помянутую речку; при том же нападении пограблено и отогнано 3 лошади с разным скарбом по цене на 41 руб. 40 коп., которых калмык было человек до 10 и приезжали из Кану. Да по показательству отысканной на зверином промыслу и привезённой в завод калманки канских же улусов ведомства зайсана Омбы, Чажагу, Намурашавой дочери Катановой, жены Бартаевой, Каранбакова утуку[86], и пойманных и привезённых Чакырского рудника калмыков, первого, калманкина мужа Катана[*], второго, Бартая Байдакова, третьего, сына его Биляка, и привезённаго, отпущенным из них калмыком Биляком, Бартаковым сыном, от зайсана Омбы, под караулом, настоящего вора и смертоубийцу, той же Канской волости Келеша Буянтунова, при Чакырском руднике в нападении на караульных служилых с толмачом да при Чарышской заимке Харловых, на Поперечной реке, при работе, грабительство трёх человек и смертное убийство, ездя за звериным промыслом сами собою, им, Келешем, с товарищи, той же волости с калмыками, в 12 человеках, которых звали именами: Чадыр, Барбагаш, Чанеси, Коби, Тарас Ганбай, Салажук, Дарбажи, Тарьягар, Туегум, Тюлемзей; а пограбленные лошади и прочее, что было ими, где пограблено, как о том уведано, собрано в содержание и хранение к зайсану Омбе ж; да сверх того он же, смертоубийца Келеш, показал: того ж, де, лета из товарищев его Барбагаш, Кобяй да Торган у чарышских жителей воровски отогнали 7 быков; он же Келиш[**] слышал от калмыков в Кану, что Канской же волости калмыки 12 человек, а зовут их: Качай, который зайсану Омбе брат, с сыном Тайдой, Курай, Даргай, Колочи с братом Бояном, Келе, Ингежа с сыном Куером, Кобун да Долчи с сыном Сурой убили русских купцов 6 человек, которые шли для купечества в ургу, по здешнюю сторону Иртыша-реки,

[*] Скорее всего, ошибка, Катан не муж, а отец калманки.

[**] Так в тексте, вероятно, нужно читать Келеш.

в урочищах по их называемых Шара Чамыген, и из тех же, де, калмык, называемый Мулжан, с товарищи на Елангае-реке убили русских людей 3 человека; калмык же Ботой с товарищи осенью у чарышских Кабановой деревни жителей отогнали 24 лошади, а оное пограбленное чрез посланный лист требовано было от зайсанов, токмо, де, ничего возвратно не отдано. Да в 1745 году, января 7 дня, явилось при Чакырском свинечном руднике построенная крепость и для житья работных квартиры и прочее разное строение, кроме одних надолоб и рогаток, которое ценою на 375 руб., выжжено канскими калмыками команды зайсана Омбы. И тако от российских подданных им, зенгорским калмыкам и бухарцам, грабежей, смертных убийств, как в вышеписанном листе показано, по справкам и по следствиям, не оказалось и чинено того от российских подданных не бывало, токмо по подлинным следствиям же оказалось, небольшие причинимые кражи и грабёж, а именно, в 1731 году, октября 8 числа, у проезжих торговых бухарцев башлыка Матвея Кечека, бывшие в работе томские обыватели Василий Воронов да Иван Маслов, покрали в пути из табора еркецких товаров только 3 кушака да 5 выбоек и 1 зендень, которое отыскано и башлыку отдано, и за такое их воровство Воронов и Маслов при нём же, башлыке, жестоко наказаны плетьми. Да в 1743 году при Колыванском заводе у прибывших зенгорской Канской волости за торгом калмык 6 человек при отъезде их от называемого Чекулая покрадено 5 лошадей бывшими в заводской работе Малышевой слободы деревни Марятной крестьянскими детьми Фёдором Серебренниковым, Верхосузунской – Афонасьем Портнягиным, Михайлом Плотниковым да пришлыми Тимофеем Нехорошковым, Иваном Кокориновым, кои лошади у них взяты и отданы для отводу хозяину присланным от него просителем, калмыком же, Темиру Кожи, с роспискою, а оным ворам, за такое их воровство, учинено наказание: при оных же калмыках биты плетьми нещадно. В 1745 году в Красноярской пристани отыскано покраденых же еркецких товаров 15 хамов, 3 выбойки, лук с сайдаками, 2 турки, которые покрадены были малышевским крестьянином Кирилом Кандаровым да заводских деревень Касмалинской сотни Иваном Рябовым, Иваном Шубиным, которые ж отданы самим хозяевам бухарцам Набразкину да Етигару сполна, а крестьянину Кондыреву* с товарищи за такое воровство учинено наказание, бит батожьём

* Так в тексте, скорее всего – Кандаров.

нещадно, и тако ж оные зенгорские подданные вышеписанным во всём удовольствованы и покраденное у них всё им возвращено. И хотя о вышеписанных учинённых от подданных вашего зенгорского владения российским подданным грабежах и смертных убивствах и церковном и дворовых пожогах и о прочем многократно было к бывшим зенгорским владельцам писано листами и чрез послов и посланцев и зайсанов приказывано, но токмо оного пограбленного обидимым не возвращено и никакой в том управы или сатисфакции не учинено и поныне, и те пограбленные и обидимые российские подданные и поныне остались без всякого удовольствия, в чём претерпевают от ваших подданных зенгорцев крайнее разорение иубытки. Того ради Вашему сиятельству о вышеписанном чрез сие объявляю, что здесь по претензиям показанного от бывшего зенгорского владельца Цебек-Доржи-Намжи, касающегося подданным бывшим зенгорцам обид и грабежей, по подлинным с пограничными городами справкам, кроме учинённых от оных зенгорцев российским народам обид, не оказалось. А хотя в означенных местах некоторые, и то самые малые, между собою кражи от российских подданных и были, и за оные, как выше значит, учинены им, российским подданным, жестокие наказания по важности вин их, и обидимые ваши подданные зенгорские удовольствованы, напротиву чего и от Вашего сиятельства об вышеписанном объявя, как на прежде посланные многие, так и с отправленным сержантом Филимоновым и по листам требую, чтоб и с вашей стороны подданным российским народам в вышеобъявленных многих причинимых им от ваших подданных разорениях и грабительствах учинена была справедливость и пограбленное обидимым приказать отвратить и удовольствовать, и впредь бы управа давана и справедливость чинена была и ни до каких ссор и грабительства, а особливо до смертного убийства ваших подданных к российским подданным впредь не допускать; чего ради благоволите, Ваше сиятельство, своим подданным, начальным и пограничным управителям, всем о том накрепко приказать и к нам о том письменно сообщить.

При заключении сего я желаю Вашему сиятельству доброго здравия и всякого благополучия. Её Императорского Величества, самодержицы всероссийской, генерал-майор и сибирской губернатор Алексей Сухарев».

[Из донесения в Правительствующий Сенат от 8 мая 1751 года]

Вымениваемые в Ямышеве быки обходились по 1 руб. и 1 руб. 50 коп., за которых потом маркитанты давали по 5 руб.; лошади армейские драгунские поставлены в 18 руб., а гарнизонные драгунские в 10 руб., а вымененные обходились по 3 и вступно по 4 руб.; таким образом, в казну приобретено прибыли; серебра чистого обменено 1 пуд 15 фунтов 39½ золотников, каждый фунт обходился по 9 руб. 60 коп.

Промемория митрополита Сильвестра[87] Киндерману, июнь 1751 года

Один барабинец, принявший православие и имеющий в барабе родственников идолатров, проезжая барабинскими улусами, слышал, что многие желали бы принять православие, если бы их освободили от платежа ясака джунгарскому владельцу. А большую, де, из них барабинцев половину, приезжая к ним в улусы из города Тары, татарский ахун, или мулла, Селтов из идололаторства совращая, приводит их в свою магометанскую веру, и, совративши, обрезывает в тот магометанский закон[88], который, де, уже иные из них, барабинцев, и содержат, а иные многие из них, не хотя того магометанского закона принять, противятся ему, ахуну, спорят и говорят: «Лучше, де, нам, креститься и быть крещёным, а нежели в магометанском законе». Означенные же из барабинцев, совращённые в магометанство, собирают с каждого улуса рублей по 10, да и по 20, и отдают оному ахуну за скверную, приносимую им Магомету, молитву, повсегодно. Сильвестр просит: от въезда в барабинские жилища татарским абызам для прельщения и обрезования барабинцев каким-либо пристойным образом приказать удержаться.

Доношение в Правительствующий Сенат от 4 ноября 1751 года

В лето 1751 отправлено с ямышевских озёр в Тобольск на барках и дощаниках 252038 пудов; затем от прошлогодней ломки осталось при озере 191491, да нынешнего 353314 пудов; итого 544785 пудов [соли].

[По Указу из Правительствующего Сената от 13 ноября 1751 года]

По отношению Сибирской губернской канцелярии о недостатке соли в сибирских городах делается распоряжение о распространении разработки соляных озёр. В Сибирской губернии к довольствию Тобольской провинции имеется изысканное и поставкою и добротою соли, из давних лет опробованное соляное озеро, называемое Ямышевское, лежащее близ реки Иртыша, расстоянием от берега 8 вёрст, с которого, как по делам прошлых лет явствует, показанною рекою Иртышом издавна ставлена соль в ближние от той крепости и в Тобольск на отправляемых из Тобольска в верхиртышские крепости с провиантом казённых дощаниках с служилыми людьми без платы. Кроме того, имеются и другие, изысканные Вашим превосходительством в 1747 году: 1-е имеющееся в расстоянии от реки Иртыша в 21 версте, называемое Коряковское, на котором, как в представлении Вашем показано, в садке соли бывает, по обширности оного, весьма довольно, с которого и подряд в Тобольск учинён, токмо против Ямышевского дороже, по 2 коп. с пуда; 2-е, при той же реке Иртыше, расстоянием в 3 верстах, называемое Лебяжье; 3-е, между Тарского уезда и Барабинской степи, называемое Баган, а в каком от рек расстоянии, неизвестно; с которых озёр в Соляную контору хотя и пробы присланы, токмо поставкою соли в оных не опробовано. Повелевается ныне при реке близ озёр выстроить магазины, вмещающие по 400000 пудов, а у озера сараи, и для ломки определить 100 человек. И понеже по апробации Вашей, в 1750 году определёнными казаками, 150 человеками, менее двух месяцев на озёрах соли наломано и заготовлено было более 400000 пудов; к возке же соли от озера до реки Иртыша определить 100 конных казаков, и стараться, чтоб в магазине менее 400000 пудов никогда не было. Хотя Киндерман и предпочитает по обширности Коряковское озеро; но, как видно, Ямышевское способнее, потому что коряковская соль 2 копейками дороже, от того, что оно будет дальше, и возка производится служилыми людьми, а не подрядом. А потому можно и с Ямышева ломать, ибо в прошлом 1750 году определёнными 50 человеками в 2 месяца наломано было 100000 пудов, а удвоенное число людей в более продолжительное время успеют наломать до 400000. За вывозку, ломку, складку в бугры давать рабочим по 1 коп. за кадь, вмещающую 10 пудов, как уже определено генералом Киндерманом в 1750 году, а за вывозку к берегу в зимнее время, за воз, то есть, 20 пудов, по 1 деньге на

версту; таким образом, с ломкою и вывозкою ямышевской соли пуд стоит ¼, ½ коп., коряковской – половина деньги, 1/8 коп. Кроме того, за доставку в Тобольск, давать служилым по копейке за пуд. Места, лежащие выше Тобольска, Тару, Ишим, продовольствовать прямо из озера, а прочие места из Тобольска, кроме Верхотурья, Екатеринбурга, Невьянских заводов и Енисейской губернии, довольствующейся собственною выварочною солью. В Нарым, Кецкой, Тюмень и Кузнецк была прежде ставлена ямышевская [соль], а потом стали добывать соль с ближних степных озёр. Если последнее признается удобным, то при тех озёрах также устроить магазины. Иркутскую провинцию довольствовать тамошнею выварочною солью. Екатеринбург, до умножения сибирских магазинов, довольствовать пермскою солью, Невьянские заводы – от чусовских [магазинов] баронов Строгановых, а Верхотурье – солью соликамской. Чусовская [соль] ставилась до сего времени по 15½ коп., в Верхотурье от 10 до 18 коп. пуд, в Невьянские заводы по 13½ коп. пуд. Ямышевская же в Екатеринбург обходится по 23¼ коп., коряковская по 25¼ коп., в Верхотурье ямышевская [соль] 20 коп., коряковская 22 коп. Для управления же учреждается в Сибири комиссарство из 1 главного комиссара и 3 помощников, главному комиссару и одному помощнику быть в Тобольске, другому при озёрах, третьему – в Иркутской провинции.

Доношение Правительствующему Сенату от 19 ноября 1751 года

Барки для перевозу соли сделаны в Семипалатинской крепости 10 на 188 руб. и в Долонь-Карагае 10 на 156 руб.; всего 20 барок на 339 руб.*, а соли в них нагружено 154892 пуда, а на 27 дощаниках в лето 1751 года – 97146 пудов.

Рапорт подполковника Кенемана, 30 декабря 1751 года

Татарские старшины Кондомской волости Боштин и Нижней команды Акучай Итигечев объявили ему: «Слышали они, что русское начальство намерено своих верноподданных, около Кузнецка живущих татар, крестить, отчего они, двоеданцы, имеют великое

* Ошибка, должно быть 344 руб.

смятение и многие удалились неизвестно куда», поэтому старшины просят от крещения народ их освободить.

Указ Сената Киндерману, 26 марта 1752 года

Так как хотя и были посланы для съёмки мест под линию капитан Новосёлов, подпоручик Кутузов и майор Сташкеев, но Вы, генерал-майор Киндерман, нашли её кривою и после своего проезда сами назначили линию, то и построить на ней «к лучшему защищению сибирской стороны от набегов киргиз-кайсацких и для обуздания тех орд, кочующих к сибирской стороне, от их своевольностей, и чтоб оный народ содержан был в подданнической должности, от Омской крепости до урочища Звериной Головы: 1. Две шестиугольные крепости, девять четырёугольных, 33 редута, 42 маяка. 2. Нарядить из тамошних войск 1290 человек регулярного, 2352 нерегулярного, всего 3642 человека, которым людям те крепости строить без заплаты из казны Её Императорского Величества заработных* денег. 3. Инструменты, заготовленные на екатеринбургских заводах, и железо отправить на новую линию заблаговременно. 4. Для прикрытия работ от набегов киргизов выставить на новую линию 1 из сибирских армейских полков. 5. Озаботиться о снабжении новой линии провиантом. 6. Для заготовления провианта на месте, согласно представлению Киндермана, заселить новые места поселянами из охотников обывателей сибирских городов, также отставных солдат, драгун и казаков, в каждую крепость по 50, в редут по 20 человек. Однако в таком случае поступать обще с согласия с сибирским губернатором, весьма с осмотрением, чтобы из того принужденного переселения (кроме охотников) народу не могло последовать крайнего изнеможения и убытка, и для того переселять из вышеупомянутых одних желающих».

Рапорт подполковника Самойлова, август 1752 года

«3 августа прибыли в Октяшеву волость из Зенгорской землицы Тархай Чюхай Часманов, с ним 17 калмык, 3 турка, 6 сайдаков, 38 лошадей. Они через своего толмача по-татарски объявили, что посланы прошлого лета из Урги для сбора алмана и зимовали в Каракале.

* Так в тексте.

Нынешнего лета сбирали алман с Бельтирской волости и в охрейских пяти местах, и в волостях Шерской, Каларской, Елейской, а ныне за тем же в Октяшев улус пришли. Тархай объявил жалобу, что Мраской волости башлык Ебога с своей волости алману за 7 лет не отдавал и бегает от них со своею волостью. Канской волости башлык Копышак не отдавал на нынешний 1752 год за 30 голов, и от того платежа бежал. 11 августа, по сборе алмана, калмыки возвратились в свою землицу».

Из рапорта капитана Ветберха, декабрь 1752 года

На Ишимскую линию явились два киргиза и объявили, что назад тому два месяца ехали они со своим улусом к реке Тоболу, где на них напали контайшинцы, 3 человека убили и 2 взяли в плен.

[Сообщение о женитьбе незаконнорожденного Максима Николаева летом 1753 года]

Поручик Давыдов купил в Ялотуровске у поручика Текутьева его дворовую девку Авдотью за 12 рублей в 1745 году. В 1753 году Царёва Городища незаконнорожденный Максим дал ему, Давыдову, запись, чтобы взять Авдотью замуж и за то находиться у Давыдова в услужении 20 лет. Вот эта запись: «Лета 1753, января 18 дня, Ялотуровского дистрикта Царёва Городища незаконнорожденный Максим, а по генеральной переписи в подушной оклад записан Царёва ж Городища за разночинцем Николаем Гавриловым, сыном Кайгородовым, дал сию запись по договору добровольно, а не из принуждения кавалерии Вологодского полку вахмистру Степану Алексееву, сыну Давыдову, жене и детям и наследникам его, в том что я, Максим, взять дворовую его, Давыдова, девку крепостную Авдотью, Иванову дочь, к себе в замужество, и жить мне, Максиму, за неё, Авдотью, у него, Давыдова, в доме и с нею, Авдотьею, 20 лет, и работать всякую работу и жить добропорядочно, и что от него, Давыдова, приказано будет, исполнять безотговорочно; а подушные деньги платить за меня, Максима, ему, Давыдову, а платье носить своё; а будущие впредь от нас с нею, Авдотьею, дети с ним, Давыдовыми, пополам. А сия запись писана в Царёвом Городище не у крепостных дел, понеже крепостных дел надсмотрщика не имеется, а за неимением здесь гербовой бумаги писана на простой. В сей части вместо записи давца, незаконнорожденного Максима Николаева,

просьбой его Царёва Городища конторский писчик Осип Могильников руку приложил. А сию запись писал Царского Городища* писчик Андрей Еврасьев Возмилов».

Донесение подполковника Колобового [1754 года]

«Фон Энден выступил из Бийска 28 июня. Всего с ним отправлено из крепостей и форпостов Кузнецкой и Колыванской линии, Бийской, Катунской, Ануйской, Николаевской, заводов Колыванского и Шульбинского, форпостов Убинского, Красноярского, Шеманаевского, Алейского, рудника Змеевского, Кабаковской защиты: семей 566, людей мужского пола 1106, женщин 1178, всего 2284. У них верблюдов 76, лошадей 3656, коров 157, баранов и козлов 31. В списке высланных поименованы зайсаны: Бурут Чекугалин, Кимык Яманаков, Кутук Кутуйгулин, Церень Уруков и семейства умерших зайсанов Гулчугая и Омбы. Кроме того, поименованы калмыки ведомства зайсана Буктуша[89], но ни его самого, ни его семейства в списке нет. Итак, в подданство вступило 7 волостей. Общее число не во всех волостях было описано по волостям; так, в форпосте Шульбинском, Шеманаевском, Казанском и заводе Колыванском, показано смешанно мужского пола 382, женского пола 616. Затем в остальных было:

Волости	Мужского пола	Женского пола
Омбы	112	133
Гулчугая	166	174
Бурута	203	186
Кимыка	9	9
Кутука	65	84
Буктуша	14	13
Церена	56	55
Бока Демечина	11	9
Дабачи	1	2
Кокшика	3	–
Телеутская	6	–
Урунхайская (?)	78	90
Киргизов	4	–

У зайсанов и других калмык показано по нескольку холопов; так, у семейства Омбы было 8 холопов.

* Так в тексте.

***

26 июля из Омска с Шестаковым было отправлено 107 калмыков; у них велено было отобрать ружья под предлогом, что они кажутся неисправны, нужно починить, и так как они теперь верноподданные, то ружья им починят даром. Но калмыки объявили, что их ружья исправны и они не хотят их отдавать. Ружья поэтому оставлены при них.

***

Китайское правительство требовало выдачи Омбы и сына его Болота, вступивших в русское подданство и еще прежде того вступивших в китайское подданство, и были поэтому от богдыхана разными знаками жалованы[90]. Русское правительство решило не отдавать их, думая, что им будут сделаны «тиранския мучения»; их отправили в Тару. Омбо умер 9 февраля 1757 года, Болот – 23 декабря 1756 года, при матери вдове остался младший сын Тюро.

***

Три калмыка, вышедшие из Зенгории, хотели из форпоста Убинского бежать в Монголию, потому что «им здесь жить худо». Чтобы они действительно не могли убраться «в мунгалы», их велено отправить под конвоем в Омск и там содержать под крепким караулом.

Фон Энден на пути из Бийска до Семипалатинска набрал к прежним еще новых калмыков и вышел из Семипалатинска с 3179 человеками. После выхода фон Эндена из Семипалатинска к августу месяцу накопилось вновь выбежавших калмыков 194 человека.

***

28 августа 1757 года в Усть-Каменогорск выбежал один калмык, который показал: 17 человек урунхайцев отправилось для отгона казённого табуна от Усть-Каменогорска. Но они были примечены, и посланная против них команда прогнала их; разбойники успели только увезти в плен крестьянина с пашни от деревни Прапорщиковой. За ними в погоню была послана команда из 56 человек. Вскоре из них возвратилось трое раненых с известием, что на их команду напала шайка, человек по 20 на каждого из них. Из Усть-Каменогорска послана вторая команда из 50 человек с мортирой. Капрал Мельчугов, начальствовавший над первою партией, показал, что при нападении на них разбойников несколько у русских было убито, остальные ранены. Бой происходил у мельницы на реке Глубокой и продолжался два часа. Команда его обратилась в бегство. Вторая партия не могла нагнать урунхайцев.

***

Де Вильнёв[91], начальник Колывано-Воскресенской линии, по предложению высшего начальства, посылал чиновников осмотреть близ Кузнецка, внутри границы, места, удобные для поселения двоеданцев. Таких мест не оказалось. Де Вильнёв предлагает двоеданцев не переселять, а оставить на прежних местах, построив для их прикрытия крепость, а отыскать место под неё послать геодезистов. Переселять же находит неудобным по следующим причинам: двоеданцы, по застарелому своему извычаю, к зимним временам для скота сен никогда не заготовляют, без чего оный и перепасть может; к тому и способных для звериных промыслов мест внутри российской границы, таковых, каковы у них ныне есть, не сыщется; а особливо, что уже оные на тех своих прежних местах обжились, и ежели переселять, то, по новости мест и вод, как то уже действительно видимо было, приходящие в российское подданство зенгорцы многие померли, и оным последовать может таковый же тогда случай; а понеже хотя оные и за российскою границею жительствуют, но в сборе с них ясаку в доимке не бывает. Всех двоеданцев де Вильнёв считает до 2200 человек.

***

В Кузнецке был устроен совет из полковника Колобового, воеводы Грязева и других дворян и офицеров о переселении двоеданцев. При этом часто упоминается следующая опись: «В прошлом 1744 году посланным от Кузнецкой канцелярии дворянином Мельниковым[92] по урочищам, рекам и прочим признакам, где надлежит быть российского владения границе калмыцкого владения Галдан-Чирина с пограничными волостями, по пограничным ясашным волостям и до Колывано-Воскресенских заводов и до Усть-Каменогорской описаны звериные промыслы и со всеми угодьями способные места».

По мнению де Гарриги[93] (27 июля 1757 года), вышедших в подданство двоеданцев держать при крепостях не для чего. Таутелеутских трёх волостей, Телеутской одной, издавна платящих ясак, по кузнецким сведениям, татар немноголюдно: больших и малых мужского пола 223 человека. Де Гаррига пишет, что приличных к их поселению мест нет. В этом рапорте де Гаррига оправдывается, почему он отпустил в горы не только вышедших, но и в давном подданстве обращавшихся двоеданцев, и ссылается на ордера бывшего сибирского губернатора Мятлева[94]. Помощник сибирского губернатора

Граблёнов просил фон Лориха, поступившего на место де Граве, в тонкости исследовать это дело, ибо в ордерах Мятлева и Риддера ничего нет о перешедших из Зенгории двоеданцах, назначенных на Волгу; напротив, велено было, чтобы они сомнения в переселении не имели, обнадёживать их, что все подвластные им люди (то есть, холопы) при них неотъемлемы будут; да и сам де Гаррига писал, что эти двоеданцы с тем взяты из Камня, чтоб всех пришедших в подданство зенгорских калмык удобнее было привесть к крепостям, и что до отправления последних на Волгу двоеданцам должно быть при зенгорцах.

Совещавшиеся приговорили: «Дабы Российская империя время от время на векославие Её Императорского Величества чрез всевозможные способы распространиться могла, приняв к тому и следующий случай, если уменьшение России учинить в силу государственных прав, за немалую опасность о том предпочитается, понеже именованные двоеданцы с давних лет и с самой природы, как опись дворянина Мельникова состоит, жительствуют на тамошних местах, натурально, кои к их жительству и по азиатской звычайности во всём угодны, и что они пропитание имеют от промыслу зверей, и как они скоту сен к зимнему времени не ставят, а довольствуется их скот подножною травою в лето и зиму, ибо к тому все тамошние места к их житию весьма угодны, понеже и справкою от Кузнецкой канцелярии оказалось, по окладной камер-коллежской книге показано телеских порубежных[95]: башлык Кулаш Кутеремов с товарищи платит вольный ясак по 4 сороку, по 26 соболей в год, а сколько их человек и кто по именам платит, не значится, кои в высочайшее подданство Её Императорского Величества империи приведены еще в прошлом 133 году (1625 год), всех тогда имелось их 200 человек. А жительством они показаны в волостях и улусах, в которых имеется князцом Коиндаркой Мандрачков; да во 160 году (1652) живущие по Катуни-реке верхние саянцы, князец Ерунтей с товарищи, платил в казну 7 пластин соболей. А по ныне учинённым переписям кузнецкими детьми боярскими Алексеем Бутримовым, Иваном Максюковым значится тех двоеданцев, прежде платёжных в казну ясака и вновь переписных с ними, обще до сущего младенца, телеских 339 человек, таутелеутских, канских и каракальских 541 человек, да сверх оных из древних лет платёжных в казну Её Императорского Величества ясак, кои кондонских в 10 волостях староплатёжных и подростков мужского пола до 1400 человек, всего оных староплатёжных

и по новым переписям имеется до 2220 человек, не в защите и ни каких около их крепостей и форпостов, по прежде учинённой кузнецким дворянином Мельниковым описи, яко границе, не имеется. А из тех двоеданцев, яко то таутелеуты и телесцы, имеют промыслы близ канских волостей, и оные промыслы против здешних ясашных добротою весьма лучше и дороже бывают; и за всеми вышепрописанными обстоятельствы всем двоеданцам жительствовать попрежнему, как и до сего находились. А что же нисколько они заграничные двоеданцы от стороны российской не защищены, и к переводу, если же бы всемерно угодные места внутри Сибири изыскаться хотя и могли, на которые оные двоеданцы к переселению и следовали, из оного рассуждается произойтить немалому затруднению, а паче интересу в таком случае приращения никакого быть не уповаем, и в прибыток оного интереса немалые недоимки последовать могут, затем, что тамо в платежу ясаку противу кузнецких самолучшие; того ради единственно полагается, где от Кузнецка, по описи дворянина Мельникова, где двоеданские татары жительством распространяются, учинить, кем принадлежит, окрестное осмотрение, и оный бы, определённый к осмотру, мог рассмотреть угодное место лесом и сенные покосы; а как довольно тамошние места каменисты, то б избрав к тому, какими местами проезд чинить будет свободно и когда удобное место лесом и лугами предусмотрено будет, тогда, для защищения тех двоеданцев, а наибольше для имевшего высочайшего Её Императорского Величества интереса и прибытка, где принадлежать будет, от российской стороны к защищению и к ним в помянутые волости неприятельского подбега и от них вреда, а паче и они б, двоеданцы, по легкомыслию их ухода и отвергательства от протекции Её Императорского Величества учинить не могли, построить, как из приложенного чертежа усмотрится, вновь крепость или ж како заблагорассудится и употребить военной команды в такое заграничное место пристойное число; а более всего о всём выше прописанном ниже подписавшиеся полагаются в волю главного рассмотрения. Учинено 1754 года, сентября 6 в городе Кузнецке. Дворянин Лев Мельников, Фёдор Мельников, секунд-майор А. Поливанов, коллежский ассессор Иван Грязев, подполковник Семён Колобовой».

***

В Колывано-Воскресенском заводе крещено зенгорцев 109 человек. Предписано переписать всех крещёных, находящихся в покупке для услужения (у русских).

Промемория Сибирской губернской канцелярии, 6 апреля 1754 года

По расписанию генерал-майора Киндермана, состоит в Сибири выписных казаков, кроме Ялотуровского и Ишимского дистриктов, в Тобольске 1000, в Томске 647, в Верхотурье 484, Туринске 380, Пелыме 100, Таре 669, Кузнецке 1000, Томске 1000, Красноярске 253, Енисейске 1000, Краснослободске 1000, Берёзове 16, Нарыме 119, Сургуте 28, Самарове 6, всего 7702 человека. Из них посылалось по 500 человек на работу при постройке Ишимской линии, со своими оружием, порохом и свинцом, и получали только солдатскую дачу провианта. Сменили их только в 1754 году; они вовсе разорились. При новом наряде заботились, чтобы управители в отправку людей не вмешивались, взяток не брали и чтоб для отвода выписных казаков на линию были назначены хорошие отводцы, которые не допустили бы их разбежаться.

[По указу из главной Соляной конторы в военно-походную канцелярию бригадира Крафта от 28 июня 1754 года]

Для довольствия Тобольска были подряжены тобольские и верхотурские купцы, с 1751 по 1755 год, по 125000 [пудов соли] в год. В Ямышевской пристани в 1754 году было заготовленной частными людьми 643075 пудов, да казённой, заготовленной казаками, 216782 пудов, всего 859857 пудов. По ведомости Сибирской губернской канцелярии, значится в городах Тобольской и Енисейской провинций, кроме состоящей в Ямышевской пристани, имеется соли 1380033 пуда. Этого количества должно достать на многие годы.

[Из рапорта подполковника Колобового, сентябрь 1754 года]

Вахмистр Беседный ездил в Зенгорию; там он видел 8 человек пленных невольников. В телеутской землице приходил к ним пленник, объявил себя уроженцем Ундостанской (Индии) земли, из г. Зова; завоёван был прежде китаями, потом калмыками; он просился на выкуп в Россию.

[Из донесения Тарской воеводской канцелярии, январь 1755 года]

В Каинском форпосте барабинец Кутес с товарищами объявили, что они, 10 человек, были на промысле на Солёном озере и были ограблены киргизами, которые отняли у них 10 лисиц и 2 топора.

Рапорт полковника Грана, январь 1755 года

Близ Кузнецкой линии, за Телеским озером, стоит мунгальского войска 70000[96], и ожидают тут летнего времени; они требуют от телеских татар подданства; но телесцы отвечают китайским посланным, что они не зенгорские, а русские подданные. Телесцы осаждены китайцами, и у них мунгальские люди взяли в плен 104 человека со всеми юртами, багажом и скотом.

Рапорт полковника де Гарриги, январь 1755 года

31 декабря 1754 года идущий сверху реки Кондомы в город Кузнецк Вергетской волости татарин башлык Тыштей Чиглеков объявил в Тузедеевском форпосте каптенармусу Гоголеву, что от Телеского озера, сверх реки Тонды, мунгальцы угнали 4 улуса, в которых считается 104 души, со скотом и всеми пожитками. Для разведок об этом Гоголев послал в тондомския волости драгуна Мендикеева, который возвратился 7 января и объявил, что был в волостях Шорской и Октешевой и слышал от башлыков, Туюка и Октема, что за Телеским озером стоит 70000 китайского войска. Когда телесцы ответили китайцам, что они русские, а не зенгорские подданные, то китайцы потребовали от них, чтобы они с этим объявлением послали трёх человек к Амуле-хану, и тогда от него последует решение – пленить их или освободить. Но телесцы на это не решились, а послали Кергенской волости татарина с известием об этом в Кузнецк и с просьбою оборонить их от китайцев, но тот татарин в Кузнецк не пошел. Сам же Мендикеев слышал, что прошлого лета китайцы Зенгорского владения жёлтых саян всех без остатку в плен взяли, молодых увели, а старых изрубили[97].

[По рапорту Тарской воеводской канцелярии от 20 ноября 1755 года]

Алманных сборщиков не бывало в барабинских волостях с 1753 года. В декабре 1757 года у четырёх крестьян Малышевой слободы, бывших на промыслу против станца Черемховой Затоки, киргизы отобрали 11 лошадей, 300 белок, 7 лисиц, 1 волка и 1 сохатину.

В 1758 году в слободе Черночуцкой зимовало несколько калмыков в избах; для варенья каш им были построены из соломы кибитки, в которых они допоздна сидели с огнём, и в избах также долго засиживались с огнём и по слободе ходили с головнями и не слушали приказов не ходить. Кроме того, они занимались кражей: у одного крестьянина украли 20 горстей конопли, плат белый холщовый и в двух мешочках льняное семя.

Показания разных обывателей, сеявших в Железинской крепости яровой хлеб [в 1756 году]

Сеяли овёс, ярицу и ячмень: оному хлебу всход от земли и был, но, за неимением дождей, от великих жаров, в вышину не поднялся и весь выгорел, а егда стали дожди перепадать, то оный только взошёл и в трубку не собрался, а овёс на брунь не вышел[98]. А хотя некоторые и собрались, но на колос не выметались, и жали с выбором, но в пищу человеческую хлеб этот оказался негоден и его в снопах скормили лошадям.

Священник Пётр Башлыков сеял в Железинской пшеницы 1 четверик, ярицы 1 четверть: оный хлеб выгорел «и ни единого снопа не снято». Приказчик Неворотов там же сеял пшеницы 1 четверик, ячменю 4 четверика: не родилось.

[О рапорте регистратора Девятияровского, январь 1756 года]

Он должен был оправдаться по жалобе на его злоупотребления и написал: «Когда де Гаррига, в декабре 1756 года, объезжал коши, то старшины Енканей и Добхур дали ему в подарок девку, чтоб он, Гаррига, оставил их при Шульбинском заводе, а в аюкинской народ не посылал бы. По неимению пищи, старшины продали Девятияровскому мальчика и девочку, за которых он заплатил, как и в письме их на калмыцком языке значится, 2 быка, 2 кирпича чаю, кожу красную и четверик круп».

Рапорт Железинской канцелярии в Ямышевскую от 21 января 1756 года

В Железинской крепости сеяли ярицу, ячмень и овёс с 27 апреля по 3 июня, в Пяторыжском, Осморыжском, Татарском и Урлютюпском [форпостах] – с 27 апреля по 15 мая, снимали в Железинской – с 28 июля по 30 сентября.

[Из рапорта де Гарриги, февраль 1756 года]

К Чагырской крепости прибыл бухарец Абраимов, который объявил, что в канские волости прибыли китайские посланцы к Аблайсалтану, всего 30 человек, просить у него согласия, чтоб впредь никаких ссор и междоусобий не было; при посланцах имеется 30 верблюдов, навьюченных китайскими вещами для подарков. Посланцы объявили, что за ними идет 3000 человек взять в китайское подданство телеутские и саянские волости.

Письмо старшин, данное капитану Траубенбергу 17 ноября 1756 года

«Ноября 17 дня в Усть-Каменогорской крепости вступившие в протекцию Её Императорского Величества урянхайцы ведомства зайсана Булжугая[99], старшины Яикам и Дархур, ведомства своего мальчика и девку, именуемых Оргош и Жиргал Ебаковых, по неимению отца и матери и родственников и по невозможности пропитать их, подарили Луцкого полка капитану фон Траубенбергу в вечное услужение; а если кто в них будет вступаться, то нам, старшинам, речёного капитана объявлением своим от того очищать, о чём и зайсан Научат известен и засвидетельствовать может».

***

Точно таким же образом двое старшин подарили капитану Долгову мальчика, а сержанту Ердыкееву раненую бабу с сыном, «по сиротству их и по неимению пропитания», а регистратору Девятияровскому бабу с двумя малолетними сыновьями; поручику Степанову, по той же причине, зайсан Бату Менко подарил калмычонка.

[О выкупе из холопства, около 1756 года]

Тарский юртовский бухаретин Мирзали Шихов был допущен в калмыцкие коши для выкупа бухарцев из холопства. Он платил за холопов следующие цены: баба 40 лет – 12 руб.; бухарец 30 лет с бабою 30 же лет – мерин 1, жеребёнок 1 да денег 16 руб.; бурутка 7 лет – 6 руб.; бухаретин 34 лет –12 руб.; бухаретин 12 лет –1 мерин да денег 1 руб.; бухарка 12 лет –1 мерин и 2 жёлтые зендени; киргизка 40 лет –1 мерин и денег 6 руб.; бухарка 40 лет – 12 руб.; бухарец 15 лет –12 руб.; бурутка 17 лет – 12 руб.; бухарка 30 лет – 1 мерин, 1 кобыла, 1 жеребёнок да сукна 5 аршин; бухарка 25 лет – 1 кобыла, 1 жерёбенок и 1 суконный зипун; бухарка 16 лет – 12 руб.; бухарец 16 лет – 1 кобыла и 10 коп.; бухарка 40 лет – 12 руб.; девка 25 лет – серный сермяжный зипун[100]; киргиз – 10 руб.; бухарец 13 лет – 8 руб.

Выборный при таможне Сараханов, донёс, что капитан Траубенберг и другие чины получили от калмыков в братейства[101] золото, серебро и жемчуг и силой выменяли себе в услужение калмыков и калмычек. Траубенберг отпёрся от вымена серебра, золота и жемчуга, а на счет взятых в услужение калмыков написал: «Вступившие в подданство телеутский зайсан Бату Менка да уранхайские старшины Яикам и Дабхура* объявляли, что за разграблением от мунгальского войска несколько человек раненых и малолетних осталось в горах и по тогдашнему зимнему воздуху и по неимению у них одежды могут, как гладом, так и от морозов безвременно помереть, из которых некоторые и померли, а они, старшины, себе их взять не желают, потому что и кроме посторонних, но и особенными своими людьми, как пропитаться, знать не могут, ибо по тогдашнему к зиме от мунгал разбитию многие и безодёжны скитаться принуждены. По объявлению старшин в горы были посланы люди с санями и привезли раненых и не имеющих отцов и матерей, всего 20 человек, которые все были наги и оголодали так, что доброю пищею и восстановить было сомнительно. Из них 10 человек старшины взяли себе, а 10 отдано россиянам. Таким образом, эти люди были не вымененные, как показал Сараханов».

---

* Ранее встречалось – Дархур.

[Из рапорта Кузнецкой канцелярии генералу Риддеру 1757 года]

По тракту кузнецкими и кондомскими волостями зенгорские калмыки, при князце Матуре, во многолюдстве многих подгородным деревням разорение и людям убийство причинили и в полон побрали на 8070 руб. Китайского владения соёты и мунгалы, кроме выше показанного тракта, через сагайския волости, где прежде жительство имели зенгорского владения киргизы, в 1700 году под самый город Кузнецк во многолюдстве подходили и едва город не сожгли, подгородный Рождественский монастырь и церковь сожгли, всего на 9701 руб. 98 коп.

[Из документов 1757 года]

В сентябре 1757 года поручик Келер конвоировал от Лебяжьей до Ямышевской 260 человек новокрещённых калмыков.

***

30 августа калмычка, бывшая у телеутов, объявила в Катунской крепости, что теперь все телеуты находятся по разным местам для снискиванья себе на пропитание корня сараны.

***

10 октября сын боярский Максюков, находящийся при Кузнецкой канцелярии для сбора ясака с двоеданских калмыков, объявил, что зайсан Боохол[102] со своими подвластными объявляет себя быть в вечном Её Императорского Величества подданстве, а жить бы обще с двоеданскими татарами и ясак платить против их; теперь же в горах скрываются от страха от торгоутского зайсана Научата[103] и регистратора Девятияровскаго, затем, что они им угрожали и всякими побоями стращали, то ж и с торгоутскими калмыками на Волгу взять для житья неотменно хотели; Максюкову предписано стараться ласкательством привлечь Боохола в Бийскую крепость с немногими старшинами.

***

В 1757 году выписным казакам выдавалось жалованье за овёс, в месяц сотнику 75 коп., пятидесятнику 60, рядовому 44 1/3 коп.

В том же году выписные крестьяне слободы Орлово Городище отказались идти на службу на новую линию; послали команду из 1 офицера и 30 рядовых с инструкцией: старшин казачьих 6 человек поймав, заковать в ручные и ножные кандалы и выслать в Сибирскую губернскую канцелярию. Ишимской управительской канцеля-

рии велено выбрать вместо этих старшин других. Пятидесятники и десятники были выбраны другие, а старшиною Осинцов. Он повел 149 выписных казаков в Коркину для получения жалованья, но с дороги 52 человек убежало. Между тем Ишимская управительская канцелярия, по предложению военно-походной канцелярии, вновь назначила 188 человек и велела их выслать через 24 часа, не принимая никаких к отговору резонов.

Письмо Боохола, 1757 год

«25 сентября состоящие в горах зайсан Боохол со своими подвластными объявляем себя быть в вечном Её Императорского Величества подданстве и жить обще с двоеданцами татарами волостями и ясак платить против их неотменно желаем, что ж и ныне от того яко б отвергаемся и в горах укрываемся, то страха ради состоящего в Бийской крепости торгоутского зайсана Научата и регистратора Девятияровскаго, затем, что они нам угрожали и всякими побоями стращали, тож и с торгоутскими калмыками на Волгу взять неотменно хотели, а мы того не желаем и обще с ними жить, по привычке нашей, уже здесь, не хочем, отчего и побег в горы учинили, да и пред сим бы, когда нас г. полковник де Гаррига призывал, по его к нам склонности и оказанные милости, себя подвластными объявили, затем, что слышно нам от двоеданских старшин, Намки Малаева, Дарды Боочакова, Арильдея Мочакова, да вновь приписанных в ясак зайсана Кукшина Ямзынакова, с подвластными его, яко бы он, де Гаррига, человек милостивый и благосклонный, и во всём они им довольны и всегда таковых командиров желают, к чему и я, ревнуя с своими подвластными и видя сам от него, г. полковника, и милости, при том же не слыхав никакого к себе угрожения и нимало озлобления, прошу учинить по сему милостивое рассмотрение и дать на выход нашим из гор обнадежение, понеже мы егда не будем защищены от помянутого торгоутского зайсана, выход свой учинить, по вышепрописанным его угрозам, опасны, а желаем подлинно принесть к г. полковнику де Гаррига себя в подданство милостивой государыне объявить, в чём и подписуемся. Да ежели б и прежде он, г. полковник, был один в Бийской крепости, без его, Научата, то б мы уже давно приход свой усердно с желаемости, по его к нам угощениям, объявили; да вышеписанные зайсан Научат и регистратор Девятияровский угрожали меня и Намку Малаева, чего ради без ведома нашего ездил в город Куз-

нецк, и за то меня хотели голову заширить и заковать в железа и везти в Торгоутскую землю[104], и убояся я [и] Малаев того, дали им 4 соболя, которые стояли ценою 40 руб., да корову с телёнком, а прочие, страха ради, разбегались от Научата и Девятияровскаго; а кто что брал насильно у кого, при сём сообщён реестр.

Реестр: У зайсана Кукшина Мунчук взял 2 жеребцов, ценою 12 руб.; 15 овец, ценою 8 руб.; ещё на погоне отняли толмач Пётр торгоутский да Мунчук Басурман 32 коня, ценою 100 руб.; они ж взяли 2 коровы, ценою 5 руб. У Емзынакова они ж взяли шубу, выдрой опушена, ценою 6 руб. У Шеты Амина они ж взяли 6 лошадей, цена 30 руб.; 2 соболя, цена 8 руб.; 150 белок, цена 4 руб. 50 коп. У Келекея Сайдакова они ж взяли 1 коня, цена 10 руб.; лук с сайдаком и со стрелки, цена 3 руб. 60 коп.; 100 белок чистых, цена 3 руб.; 1 бобра, цена 1 руб. 20 коп.; 1 шубу козлину, цена 2 руб. У Тончи Обычинова они ж взяли 1 коня, цена 8 руб. У Кунды Кучина – 40 белок, цена 1 руб. 20 коп.; 1 соболя, цена 2 руб. 20 коп. У Басарлы Танжина – коня, цена 10 руб. У Шадалы Кобелеева – 4 коня, цена 4 руб. У Бутая Чеганакова – 1 кобылу, цена 3 руб. У Тарбалака Молодаваева – 2 коня, цена 11 руб. 50 коп.; 2 турки, цена 10 руб.; 3 котла железных, цена 3 руб. У Аючи Салтынакова взял зайсан Научат 1 корову с телёнком, цена 5 руб.; 1 соболя, цена 10 руб. У Тандыгана Негуртеева он же взял 1 корову с телёнком, цена 5 руб. У Исаны Чертачекова взял Бусурьжан 1 коня, цена 5 руб. У Бары Ширина взял Мунчук 2 коня, цена 10 руб. У Бакты Адокчика – 1 корову, цена 3 руб.; 1 шубу, крыту камкой, цена 4 руб. У Телбека Ширина взял Пётр-толмач 70 белок, цена 2 руб. 10 коп.; 1 овцу, цена 50 коп. У Бичирги Тарлакова взял Брут 1 корову, цена 4 руб.; 1 коня цена 5 руб. У Табасы Бакаева взял Мунчук 1 коня, цена 4 руб. У Ебалги Батлева взял Брут девку 8 лет да парня 17 лет (цены не означено. У Чемы Бурушкина взял Пётр-толмач 4 коня, цена 20 руб.; 100 белок, цена 3 руб.; 1 выдру, цена 20 руб. 50 коп.; 27 лошадей, цена 100 руб.; 2 быка, цена 10 руб.; 2 коровы, цена 15 руб.; 1 подстав камки лазоревой, цена 10 руб.; 1 турку, цена 4 руб. У Кидики Чукшчеева, у Буксюка Чуумчеева, у Чюкулы Машаева, у Болагаша Еботова Брут, Мунчук, Пётр-толмач взяли 40 лошадей, 8 коров, цена 170 руб. У Аданки Чуумчеева 1 зипун, цена 5 руб.; лук с сайдаком и со стрелки, цена 3 руб. У Арсака Чекырова, у Отка-

рагаша Чебешева, у Арбанака Егорлова Брут с товарищи взяли 20 лошадей, цена 100 руб.

***

В ноябре 1757 года выбежало в Усть-Каменогорск мингатов:

16 ноября – 21 мужского пола, 16 женского пола.

27 ноября – урунхайцев: 4 мужского пола, 5 женского пола; дербетский ноён – 1. Подвластных его: 9 мужского пола, 7 женского пола.

30 ноября – мингатов: 2 мужского пола, 2 женского пола.

В Семипалатинскую крепость выбежали 22 ноября 1 калмычка, в Лебяжью крепость 5 декабря 1 калмык.

[Документы 1757 года]

В декабре 1757 года у четырёх крестьян Колывано-Воскресенского ведомства Малышевой слободы деревни Кошкинской, бывших на промыслу в бору против станца Черемховой Забоки, в урочище Шадрина Сорга, киргиз-кайсаки отобрали 11 лошадей, 300 белок, 7 лисиц, 1 волка, 1 сохатину и пр.

***

[В] 1757 году солдатка Лукерья Погадаева нанялась на страду в Верблюжеском форпосте ведомства Чернолуцкой слободы у разночинцев Софроновых; хозяева украли у неё ключи [от сундука] и вынули оттуда деньги серебряною монетою 2 руб. и денежками 50 коп., четыре рубашки женских холщёвых ценою 2 руб. 20 коп., мужских – одна в 60 коп., портки в 25 коп., плат белый холщёвой, концы шиты красной бумагой105, в 20 коп., холста тонкого 15 аршин, каждый аршин по 8 коп. После этого солдатка пошла к мужу в Барнаульский завод (она шла к нему и была захвачена около Чернолуцкой слободы весной и нанялась на страду); на дороге в деревню Аксёнову её догнал один из Софроновых, бил её смертельно, выбил из уха серьгу серебряную в 50 коп., сорвал с грудей крест серебряный в 1 руб. да денег 5 руб.; да в доме крестьянина Анкудинова в деревне Красноярской тот же Софронов в безмерном пьянстве сорвал с её головы чепец с лентою золотою и с лепеснями красными голевыми 106; чепец отняли у Софронова, а ленту он не отдал; ценою лента с лепеснями была в 2 руб. 25 коп.; нанялась она на страду

за 1 руб. 50 коп.; а так как Софроновы дали ей одноконечную китайку в 2 руб., почему Софронов, считая за солдаткой 50 коп., удержал у себя её постель перинную, две подушки и холщёвой полог.

История двух русских пленных в Зенгории [1757 года]

Зайсан Бурут имел в холопстве мужчину Ашира и бабу Даулат, которые были признаны русскими, в детстве взятыми в плен во время нашествия Духара.

Показание Бурута: отец его ходил с зенгорцами, с ноёном Еренценом, на войну; это было назад тому 21 год, то есть в 1736 году; поход был в Моллорскую землю*, и в нём участвовало 3000 человек, в том числе и буруты**. Тогда много было взято пленных, и в том числе Ашир, которого отец Бурута и привёз в свой кош на урочище Акбаш-Нарин***. Года четыре спустя зенгорцы ходили и на союзников своих, бурутов, причём дядя зайсана Бурута Муллыш пленил бабу Даулат, а лет 6 назад, когда зайсан Бурут ездил в гости к дяде, последний подарил ему Даулат (она была тогда беременна. Бурут привёл ее домой и отдал замуж за Ашира.

Показание Ашира: он был пленён ноёном Духаром; с какого места, по малолетству не помнит; помнить себя стал, когда уже находился в холопстве в землице Крим-Трут у разных хозяев, ибо хозяева в той же землице друг другу его продавали. В той землице были неоднократно междоусобия; Ашира часто били и говорили: «Поганой ты кости российской!». Ашир находился тогда в безумии и не знал, что делать, и только искал случая, чтоб сыту быть. Оттуда Ашир был полонён в Дамбинскую землю и жил у хозяина Дандыха, а оттуда продан в землицу Хашегинскую и был у хозяина Батура, а от него подарен хотонам****, богатому человеку Мерзаму, у которого жил один год. Всего пленения были около 16 лет. Во время войны, когда все стали спасаться бегством, Ашир стал загонять скот, и тогда хозяин Мерзам отдал Аши-

---

* Страна Болор, лежащая к северу от Гинду-ку (прим. Г.Н. Потанина).

** То есть дикокаменные киргизы (прим. Г.Н. Потанина).

*** Это урочище находится где-нибудь в Алтае. Бурут был одним из 12 зайсанов народа теленгит, который и теперь кочует на Алтае и известен в русских географических сочинениях под именем алтайских калмыков (прим. Г.Н. Потанина).

**** Хотонами называются, кажется, жители Хотана (прим. Г.Н. Потанина).

ра зенгорскому демечи[107] Амунлыку, у которого жил до его смерти, а по смерти его достался зайсану Буруту, с которым в 1756 году и вышел в Бийск.

Баба Даулат показала: пленена нойоном Духаром в малых летах; находилась сначала у Духара, а потом при его сыне Абахан-хане, где и выросла и отдана замуж. От него была отдана фабриканту мунгальской породы, который плавил на заводе золото и серебро в урочище Гол, жила у него только год; во время войны он был убит, а Даулат была пленена калмыком и жила у демечи Муллыша, а от него брюхатая была отдана Буруту.

В Бийске кузнецкий разночинец Никифор Брагин признал в Ашире своего брата, а в бабе Даулат свою племянницу. По мнению офицеров и полковника Колобового, Ашир и Даулат имеют русский облик, но на Брагина не похожи. Брагин отвечал, что Ашир похож на его отца, который уже умер.

Набег Духара под Кузнецк был в 1710 году; с ним было 4000 чёрных и белых калмык. Им было разорено 8 подгородных деревень, в них 94 двора, 2 часовни, посеянные хлеба сожгли, людей побили и в полон побрали, скота отогнали 260 лошадей, 830 рогатых скотин, 949 овец, всего на 8070 руб.; в числе разорённых деревень были Митина и Бедарёва.

Буруту было 13 лет, когда привезли Ашира, а в 1757 году (в год показания) Буруту было 32 года, следовательно, от войны с Моллорской землёй прошло 19 лет, то есть она была ведена в 1738 году. А война с бурутами (когда пленена Даулат) должна относиться к 1744 году. От Бурута требовали, чтоб он вид на холопов представил; а так как он объявил, что вида у него не имеется, то общим мнением офицеров Бийской крепости было решено отдать Ашира и Даулат кузнецкому разночинцу Брагину.

Из тетради на расходы Амурсаны[108] при доставке его от Ямышева до Тары, а также его жены и племянника [1757 года]

В Ямышеве одна осьмуха вина 29 коп., в Омске вина 5 фунтов (?), каждый по 5 коп., морковь в Омске на 8 коп., в Таре на 1 коп., в Таре табаку курительного ¼ фунта на 3 коп., в Таре же баран без шкуры за 19 коп.

***

Из Омска посылали в Тару драгуна, чтобы купить в Таре на две шубы 2 лисьих лапчатых шубы и голь терновасильковую, но ни мехов, ни голи такого цвета не нашли, потому купили у следующих в Оренбург азиян 2 меха: один лисий лапчатый поношенный за 8 руб., другой беличий новый за 3 руб.; на крышу в Омской крепости в торгу у тарских купцов куплено целый конец голи зеленого цвета за 12 руб., шёлку пять мотушек, каждая по 7 коп., да на 4 рубашки и 4 портки холста тонкого 30 аршин с 1/2, каждый по 40 коп., за все 3 руб. 5 коп.; сапоги юфтенные одни за 1 руб. 20 коп.; для свозу их построены 2 коляски на ремнях, с крышкой и с заметной кожаной[109], издержано 3 руб. 30 коп.; железо, за неимением в продаже, употреблено казённое. Для служителей куплено в Таре шуб овчинных нагольных 13, по 1 руб. 70 коп., шапок 6, по 20 коп., сукна белого катунки на 20 пар 25аршин, каждый по 10 коп.; холста на 20 человек на рубахи и порты 60 аршин, по 4 коп., 119 аршин по 3 коп., 57½ аршин по 2 и по ¾ коп., всего 230 аршин; чарков 20 пар, каждая по 15 коп.

***

В 1757 году на пищу нойону Дундуку в августе куплена баранья туша за 30 коп., пшеничной муки 30 фунтов на 25 коп.

***

Прогонные деньги от Тобольска до деревни Пустынной на одну ямскую [гоньбу] на 682 версты (по 3 коп. на 10 верст) 2 руб. ½ коп. От деревни Пустынной до Омской крепости на 157 вёрст, на одну обывательскую [гоньбу] по деньге на версту[110], 78½ коп.

Куплено в Омске для кибитки Амурсаны: кожа чёрная 45 коп., сыромятная 45 коп.

***

В списке имения убитых крестьян деревни Прапорщиковой: у одного холста тонкого 650 аршин, ценою на 52 руб., денег 45 руб., пряников на 10 руб., железа 1½ пуда; шуба новая, крыта сермягою, зипун серый подпушной, войлок новый серый, кафтан китайчатый, турка, пистолет, лядунка с патронами, топор, опояска с ножом, епанча катаная белая, лошадь. У другого лошадь, седло, войлок серый, 3 зипуна серых, медный котёл, денег 4 руб. 50 коп., обутки с голенищами и опояска с ножом и ремнём.

***

Записная книга о кормовых деньгах азиатского старшины и его служителей в Барнаульском заводе, [по которой] с мая по 27 ноября

1757 года куплено: казенной соли по 1¼ коп., черкаского табаку, по 17 коп. фунт, ячных круп 25 коп. пуд, мяса говяжьего 30 коп. пуд, масла коровьего по 4 коп. за фунт, калачи по 1 деньге калач, молоко пресное ведро 7 коп., квас ржаной ведро 2 коп., мясо говяжье 40 коп. пуд, чаю кирпичного кирпич 1 руб. 25 коп., по 25 коп. за фунт, казённая соль пуд 40 коп., вина простого осьмуха на 29 ½ коп., масла коровьего 16 коп. фунт, круп ячных пуд 20 коп., вино простое ведро 2 руб. 34 ½ коп., свеч 1 деньга, крупа ячная 23 коп. за фунт, чай зеленой 40 коп. фунт, молоко пресное 6 и 4 коп. ведро, масло коровье 5 коп. фунт, мясо баранье пуд 40 коп., ведро молока 80 коп.

***

1758 году одна калмычка купила в Ямышеве одни чарки за 20 коп., чулки за 20 коп., рубаху белого полотна, поношенную, женскую 45 коп.

Из рапорта каптенармуса Долбилова, май 1757 года

О том, что он благополучно препроводил в крепость Орскую из Омска 40 новокрещённых калмыков; из Омска выехали 24 апреля, прибыли в Орск 20 мая.

***

Калмычка, холопка одного старшины, донесла, что калмыки провиант копят; вследствие этого предписано по всем крепостям Колыванской и Иртышской линии сделать в калмыцких кошах обыск, провиант отобрать и записать. Но только в Катунской крепости отобрано у 48 человек, у кого 1, у кого 4 четверика; этот провиант отобран и записан на приход. Во всех других крепостях излишнего хлеба не оказалось. Капитан же Сумароков, обыскавший Семипалатинскую крепость и форпосты её ведения, доносит, что у калмыков не только излишнего хлеба, но и выдаваемого им недостает; если в некоторых кибитках он и находил по четверику, то это количество принадлежало человекам 12 и 15, следовательно, «тут не только лишку нет, но и до термину достать неуповательно»[111]; у других же и по полугарнцу не имеется, а питаются, у кого есть дичинное мясо, иные ходят поблизости в крепости, сбирают по миру милостыню, работают у русских людей по их уменью, и теми русскими людьми бывают питаемы, и так до дачи провианта пробавля-

ются. О соединении же их и уходе к Амурсане Сумароков самым искусным действием разведывал, но ничего не оказалось.

Прошение о выкупе родственников, август 1757 года

Тарский юртовский бухарец Мурзалей Шихов испросил у генерала Риддера позволение выкупить из калмыцких кошей своих родственников, бухарцев мухамеданского* закона, и своих холопов, взятых в плен зенгорцами в Бухарии. 23 августа он выкупил одного пленного у старшины Дабхура за 1 мерина, 1 кобылу, 8 аршин чёрной камки, 10 аршин холста.

[О прошении толмача Дулепова, август 1757 года]

В бытность свою в Зенгории он женился там на дочери русского купца Выходцева и вышел с женою в Сибирь при после Угримове, а сестра его жены, дочь купца Мины Грека, Акулина, осталась в Зенгории. Ныне Дулепов признал ее в числе холопок у демичи Черги-Жапа и просит об её освобождении.

Показание мингатов, вышедших при старшине Гого Ердолове, ноябрь 1757 года

«Мингаты жительство имели при реке Таласе, в ведении зайсана Еркету, у которого было 2700 кибиток. Назад тому два года, по разорению зенгорской землицы, нападали на них китайское войско, киргиз-кайсаки и буруты; многие разбежались и были побиты; мы, собрався обще с телеутами и киргизами (?), пошли на прежние свои жилища в Алтай. В прошлом году опять напало китайское войско, и несколько телеутов и киргиз ушло в Россию, а мингатов мунгалы взяли в плен при ноёне Дундуке во 100 кибитках и держали при урочище [на] реке Нарыне**. Оттуда послали нас в урочище Хемыцык, где мы и зимовали с мунгальским войском. Сего (1757) году, в последнем вешнем месяце, мы с того Хемыцыка, которое от Усть-Каменогорска езды с месяц, в числе 37 человек бежали до урочища Башкуша, где и кочевали до первого осеннего месяца, а в сентябре, так как телеуты и киргизы вступили уже в российское подданство,

* Так в тексте.

** Следует читать Нарым.

то и они пошли в Россию. Назад тому 27 дней напали на них уранхайцы по ту сторону Бухтармы ночью и отбили всех лошадей; для сыску их мы пошли через пять дней пешие и ночью при реке Тус нашли тех уранхайцев и лошадей своих отбили. Уранхайцы бежали, а жён и детей своих оставили. Мингаты спрашивали у баб: «Кто у них старшина?» – оказалось, что племянник Анжина, Хоохой, который с Анжином кочевье имеет в двух местах за Иртышом, против Бухтармы; а где оный подлинно находится, в каком урочище, бабы не знают, потому что, когда уранхайцы с места на место перекочёвывают, то объявляют такия урочища, на которых не остановятся, чтоб укрыться от воровских шаек. Ныне при Анжине имеется не более 30 кибиток, в которых до 60 человек мужского пола; и все они вместе с Анжином не стоят, а по разным местам, и кибитка от кибитки не в близком расстоянии всегда находятся, для того, что иные уранхайцы бывают пешие и питаются сараною и марьиным кореньем; которые же имеют скот, те стоят по местам, где есть корм для скота и звериный промысел; когда же завидят многое число людей, то дают друг другу знать, собираются в одно место, и тогда Анжин идущих в Россию малыми партиями азиян разбивает и грабит. Мингаты пошли отсюда в Россию, и на реке Салкиту дней 7 назад напали на них уранхайцы, до 15 человек, и отбили лошадей. От Салкиту они шли 7 дней до урочища Печей, где и встретились с российскими людьми».

Показания выбегших уранхайцев 1757 года

«Жили они на реке Бухтарме, в ведомстве зайсана Гулчагуя[112]; в прошлом году в летнее время напало на них мунгальское войско и разбило, до 40 кибиток взяли в плен, отправили в свою землю, везли до озера Нор-Зайсана, и от того озера они в 5 человек мужского пола и 30 женского пола бежали в первом осеннем месяце; у Бухтармы стали переправляться на степную сторону Иртыша; при переправе встретили калмычонка, служившего у Анжина; Анжин стоит против Бухтармы, на реке Кокуголе, при нём 20 кибиток уранхайцев; на той стороне Иртыша на них напали уранхайцы, отбили лошадей и двух баб; тут же они видели Хоохоя, который с 7 кибитками переправился на правую сторону Иртыша, чтоб зимовать на урочище Ирень-Хабарги, по сю сторону Бухтармы».

По дальнейшим показаниям, однако, оказалось, что уранхайцы всё это наврали и в плену у мунгалов они никогда не были.

При Анжине имеется 23 человека, 80 лошадей, рогатого скота нет. У Хоохоя при 7 кибитках 120 лошадей, 6 коров, верблюдов 3. Как Анжин, так и Хоохой, в подданство к китайцам не пошли, а намерены по сю сторону Бухтармы пашню пахать, что и нынешнее лето производили.

***

28 июля 1757 года 6 русских промышленников самовольно пробрались чрез границу, Емельян Калугин с товарищами, и прошли 9 мая в степь из Царёва Кургана, между Кабаньей и Пресноизбною крепостями; между крепостями прошли ночью, воровски, на телегах; чтоб след был незаметен, дорогу переехали наискось и на третий день приехали к Ишиму, в 200 верстах от крепостей; жили тут только с неделю и возвратились с наловленною рыбой на 7 телегах, по 10 пудов в каждой. А 28 июня Калугин опять с 4 человеками поехал на то же место, где он оставлял своего сына и, забрав остальную рыбу, пудов 10, возвратился. В жилой уже стороне некоторые его товарищи остановились у озера Сухменей для рыбной ловли. Калугин показал, что он запретительные указы, чтоб отнюдь никто в степь за границы не ездил под жесточайшим наказанием, слыхал.

***

В декабре 1757 года у 4 крестьян Колывано-Воскре-сенского ведомства Ямышевской слободы деревни Кишнинской, бывших на промыслу в бору против станца Черемховой Забоки, в урочище Опадрина Согра, киргиз-кайсаки отобрали 11 лошадей, 300 белок, 7 лисиц, 1 волка и 1 сохатину.

Из обращений в Сибирскую губернскую канцелярию [1757–1758 годы]

Приказчик графа Петра Ивановича Шувалова, Яков Лисавин, просил о выдаче ему за отпущенное им в город Тару, в казённый кружечный двор[113], вино простое, за 6616 вёдер 3 осьмины, до 149 бочек, за каждую по 30 коп., с принятым им из тарского кружечного двора 5272 руб. 93 коп., достальных 2546 руб. ½ коп.

***

В августе 1757 года Матрёна Мезенцева, крестьянка Коркиной слободы, оставляла свои пожитки у поручицы Румян-

цевой на сохранение, потому что она с мужем имеют дом наедине, расстоянием от крепости Святого Петра, к слободе Коркиной, в 30 верстах, весьма плох, так, как хлебопашные избушки бывают, которой они часто оставляли пустой, отъезжая с хлебом, рыбой и другими припасами в крепость Святого Петра. Вещи: сарафан новый красный голевой 10 руб., лента золотая с ряской жемчужной китайского жемчугу, в подзоре серебряные ставки и с завязками красными голевыми 2 руб. 50 коп., чепец голевой красной с золотым прозументом 2 руб., цепочка серебряная 1 руб. 50 коп., плат гарнитуровый новый 1 руб. 15 коп., две трубки ленного тонкого холста, в коих мерою 34 аршина, 1 руб.

***

Барнаульского заводу Белоярской слободы деревни Думчевой крестьянин Кормин, деревни Шадринцевой крестьянин Шадринцев в августе 31 числа отправились в крепость Семипалатинскую для продажи съестных припасов, хлеба, масла, мыла; на дороге, у Коростелёвых и Камышиных озер, напал на них разбойник крестьянин (Белоярской слободы Касмалинской деревни) Григорий Леонтьев Сизиков, он же Попугайчонок, с товарищами, который за убийство содержался в Кузнецкой тюрьме. Разбойники обобрали крестьян и бросили пустые телеги. Из Семипалатинска послана команда, 22 человека, для поисков. Ведомость пограбленному скарбу у Шадринцева: винтовка с натруской 3 руб., седло с коврами и двумя войлоками 4 руб., шерстяная полсть 1 руб., 5 мешков пшеничной муки 8 руб. 75 коп., мешок толокна 1 руб. 60 коп., сумы дублёные перемётные 1 руб., 3 веревки воровинны по 8 сажен 30 коп., напарья железные 15 коп., долото 10 коп., 3 подпруги волосяные с пряжки 15 коп., 2 черезседельника ремённые 5 коп., узда ремённая 40 коп., недоуздок ремённый 15 коп. У Коршина: 2 пуда масла 3 руб., 2 пуда мыла 4 [руб.], 2 седла, 3 хомутинные намётки 1 руб., 3 подпруги волосяных с пряжки 15 коп., 1 пуд луку 30 коп., орехов кедровых 1 пуд 1 руб., полсть шерстяная 1 руб., рогож мочальных редных две 40 коп., волосяной аркан 15 коп., верёвок конопляных две 10 коп., войлок шерстяной 50 коп., 15 пудов ржаной муки 3 руб., 5 пуд яшной крупы 1 руб. 50 к.; сумы одни 60 коп.

***

В 1758 году в Тобольске для зенгорских калмык: шубы большой и средней руки поношенные по 1 руб. 20 коп., новые

по 1 руб. 50 коп., 1 руб. 70 коп., по 2 руб. 20 коп.; шапки по 15 и 17 коп.; чарки, десяток по 1 руб. 70 коп.; чулки пара по 14 коп.; бязи 1430 аршин на 49 руб. 45 коп. Под своз ко крепости Святого Петра на 4 лошадях ямских уездных, с выдачею на каждую 4 руб. 22 коп.

Из показаний мингатки Улюмжи [1758 года]

«Мингатского отоку, ведомства зайсана Золба. Прежде мингаты кочевали в 1500 кибитках на реке Иле; три года назад, весною, покочевали они в Алтайский камень и во время перекочёвки были взяты в плен киргиз-кайсаками».

[Письмо зайсана Бурута 1758 года]

Находящийся в Бийске в аманатах зайсан Бурут подал 24 января [1758 года] письмо на калмыцком языке о том, что он за своего сына просватал дочь зайсана Кутука и дал последнему калым, но Кутук ни дочери своей, ни калыму не отдаёт; а по их обыкновению, таковой калым, по умертвии жениха, возвращается или тоё невесту отдают. Кутук объявил, что по недостаточности и разорению возвратить калыма он не может. Бурут этим удовольствовался.

Бурутом дано Кутуку в калым: 1 маленькая девочка, 1 ружьё, 56 коров, меринов 7, выдра 1, бобёр 1, кож красных 4, белок 50, чаю 2 кирпича, бязь 1, яргак, баран, волк, жёлтой камки 1 аршин, кобыла 1, лошадь 1, годовой бык, баран, туш бараньих 6, шуба китайская, полукафтанье камчатное, китайки 2 конца, белых холстов 2 конца, сапоги, 2 аршина чёрной камки, белых мерлушек 10, чемодан юфтевый, ярган, постельные белые кошмы.

[Из донесения инженер-поручика Плутова 1758 года]

В 1758 году инженер-поручик Плутов был послан для описания озёр, рек и болот, находящихся в четырёхугольнике между Омском, озером Чаны, озером Карасуком и крепостью Железинскою. Целью этого описания было отыскание мест, удобных для поселения крестьян, отставных солдат и казаков. Поручик Плутов донёс, что от озера Чаны

до озера Карасук лес колками и дубровами имеется, и земля к хлебопашеству годная, от Карасука к Иртышу вёрст на 70 лежит пустая степь, на которой, кроме горьких и солёных озер, ничего нет.

Рапорт поручика Бутенёва 1758 года

Командирован был с тою же целью, как и Плутов. Он указывает годные к поселению места при озёрах Песчаном, Малом Баженовом, Большом Баженовом, Шипицыном, Бекишевом; все эти места находятся в 70, 80 и 100 верстах от вновь проектированной линии.

[Из рапорта Уксусникова 1758 года]

О том, что внутри линии, в 29 верстах к реке Ишиму, в урочище Шакши, селится деревня Тобольского подгородного дистрикта крестьянин Слободчиков с двумя братьями и детьми. Другая деревня селится в 30 верстах от крепости Святого Петра, на большой дороге при озере Полковничьем, заселяют её Тобольского дистрикта станца Агорадского крестьянин Анцыфоров и два сына его. Пашню они распахивают самовольно, объявляя, что присланы сюда от Ишимской управительской канцелярии. По справке же в Ишимской канцелярии оказалось: Тобольского дистрикта Агорадского и других станцов выборные из крестьян и разночинцев челобитчики Валандин и Налобин просили о дозволении за крайним прежних их пашенных земель и сенных покосов оскудением поселиться на приисканном ими месте у Красного Яра. Переселенцев в челобитной объявлено 122 двора, в них мужеского пола разночинцев 42, крестьян 244. Выборные показали, что на Красном Яру порожнее место есть по правому берегу Ишима от Кукушкина Яра до Быдина острова, длиною 60 вёрст, а поперек 1-й угол [от] Кукушкина [Яра] Сладкое озеро, 2-й за рекой Ишимом Камышловское займище; между ними Васькино озеро; шириною то место 60 вёрст; от Сладкого озера в длину до Белого озера к Петропавловской крепости; между ними озёра Кирпи да Залебяжье; от Белого озера поперек за Ишим до Белого же озера 60 вёрст к полуденной стороне, между ними озёра Горькое и Солоновское; из последнего течёт внутрь порожнего места, в Ишим, речка Солоновка; от Белого озера по заречной стороне в длину к Коркиной

слободе до Камышловского займища 60 вёрст; между ними высокая грива. В том порожнем месте пахотной земли до 500 десятин.

Уксуников* был послан для назначения мест поселения при крепостях и редутах, для разбивки улиц кольями. 6 августа он вышел из Петропавловска вниз и в 40 вёрст от крепости назначил поселение; затем он должен был идти на восток; но, поравнявшись с полуденной [стороной], он захотел промерять расстояние до неё, однако ж к тому не допустили великие непроходимые займища, которые начались почти от крепости Святого Петра, редута Болотного и от озера Белого и залегли до озера Таволожного. Посланные им люди для проведывания дороги в крепость Лебяжью также были остановлены великими займищами и Малою Камышловкою.

[Из рапорта Бутенёва 1758 года]

Он описал годные под поселение места на озере Алабуге, реке Тюкале, озере Колмакове, реках Яману и Кутерьме и озере Ике. Кроме этих мест, по показанию вожей и выборных от Абацкой слободы и старшины последней, годных к поселению мест между Тарской и Ишимской дистанциями, между Иртышом и Ишимом, старыми тарскими и ишимскими форпостами – нет; а на 40 вёрст от Ишимской линии, по причине великих займищ, пройти невозможно.

[Из рапорта капитана Шустова 1758 года]

Он назначил места к поселению: 1. От реки Ишима в 20 верстах при озере Селезнёве, в части крепости Становой, против редута Гагарья, от новой линии в 73 верстах, деревня в 20 дворов. 2. При озере Пенькове, против редута Саропульского, от Новой линии в 98 верстах, деревня в 10 дворов. 3. При озере Бутурлине, против редута Саропульского, от Новой линии в 98 верстах, село в 30 дворов. 4. В части крепости Пресновской и редута Третично-Пресного, от Новой линии в 86 верстах, при озере Ракитном, деревня в 40 дворов. 5. При озере Сладком, против редута Второпресного, от Новой линии в 80 верстах, село в 20 дворов. 6. При озере Драгунском деревня

* Так в документе: то Уксусников, то Уксуников.

в 10 дворов. 7. [При озере] Глубоком [деревня] в 10 [дворов]. 8. [При озере] Екунине [деревня в] 10 [дворов].

Оттуда по старой Тобольской линии до редута Верх-Суерского и, прошед его, поворота в степь от Новой линии, в 120 дворов: 9. При озёрах Сумных деревня 10 дворов. 10. Против редутов Пресного и Песчаного, за крайнею близостью к тобольным форпостам, мест не назначено.

Следуя от озера Щучья в часть Пресновской крепости: 11. При озере Орловом деревня в 10 дворов. 12. [При озере] Колмацком [деревня в] 20 [дворов]. 13. [При озере] Рямовом [деревня в] 10 [дворов]. 14. [При озере] Орловке [деревня в] 10 [дворов]. 15. [При озере] Дубынкине [деревня в] 10 [дворов]. 16. [При озере] Степном [деревня в] 10 [дворов].

[Из документа 1758 года]

В апреле 1758 года из Ямышевской таможни были выданы товары тарскому юртовского бухаретина Мурзалея Шихова приказчику Петру Бараханову, который должен отправиться в крепость Святого Петра, а оттуда в улусы Куляки и Кумары, 17 подставов голей разных цветов малой руки по 12 руб., 23 тюка китайки разных цветов, по 6 руб. тюк, 2 дабы зелёные по 2 руб., 1 кусок бархату красного 160 руб. 75 коп., бязей по 40 коп., 32 чалдара по 50 коп., 26 бязей красных по 1 руб., 15 лисиц-сиводушек и 8 выдр на 40 руб., 5 аршин сукна коркового, жёлтого, 2 коновата, за всё 25 руб., 1 кушак персидский 5 руб., 2 половинки сукна василькового 40 руб., 8 аршин сукна зелёного 8 руб., 30 юфтей кож красных 100 руб., 1 кафтан камчатный 5 руб., 18 фунтов квасцов 2 руб., 1½ фунта маржану 5 руб., 9 половинок сукна тридцатого[114] 230 руб., 2 половинки сукна шпанского 100 руб., 300 бязей одинаких 120 руб., 4 куска бархату китайского 80 руб., 49 тюней китайки, по 7 руб. тюнь, 40 юфтей кож красных, по 3 руб. 50 коп. за юфть, 10 фунтов маржану по 10 руб., 2 фунта шёлку персидского по 3 руб., 1 чин шёлку китайского 6 руб., 1000 игол 1 руб. 50 коп., 2 пуда квасцов 8 руб., 3000 корольков немецких синих 3 руб., 10 фунтов купоросу синего 2 руб. 50 коп., 500 аршин холста равного 25 руб., 300 аршин пестряди красочной нижегородской по 8 руб. [за] сто [аршин], 4 лисицы-сиводушки ветшалые недошлые по 2 руб.,

2 выдры 4 руб., 1 соломинка* 18 руб., один ус красной 10 руб., 10 лисиц с малыми сединами недошлых, по 2 руб. одна, 8 подставов голей разных цветов, по 15 руб., 1 канфа чёрная 20 руб., 3 канфы початых 45 руб., 22 аршина разных цветов сукна 30 руб., 8 остатков голей разных цветов 100 руб., 32 тюня китайки, по 6 руб. тюнь, 8 выдр 20 руб., 43 конца крашенины мерою 350 аршин 21 руб. 50 коп., 7 фунтов маржану 70 руб., 30 фунтов чернильного купоросу 3 руб., 20 фунтов бисеру 10 руб., 25 фунтов квасцов 2 руб. Всего на 2798 руб.

***

Мурзалей Шихов прибыл в октябре 1758 года из Киргизской степи в крепость Святого Петра и выгнал лошадей 50; лошади оценены были большею частью в 6 руб., 5 руб., 3 руб., 1 руб. 50 коп.; один мерин в 10 руб.

В 1759 году Мурзалей Шихов высатовал у киргиз 62 лошади, которые в Омской крепости были расценены таможенным целовальником от 8 руб. до 1 руб. 50 коп.

***

В июне 17 освидетельствовано и оценено в Омской крепости 146 лошадей, выведенных Мурзалеем Шиховым из Киргизской волости; самая дорогая 9 руб. 50 коп.

Показание двух выбегших мингат, 13 января 1758 года

«Мингаты, в числе 3000 кибиток, жили в ведении зайсана Елату при реке Нарыме; назад тому три года на них напали мунгальцы до 10000 человек и некоторых взяли в плен, другие разбежались. Белзе с сестрой, больные оспою, остались при речке Удени и жили с месяц. Выздоровев, они пошли вниз по Иртышу к уранхайцам и, дойдя до реки Курчюма, переправились с западной на восточную сторону Иртыша и были приняты уранхайским зайсаном Гулжухаем и жили выше реки Бухтармы у горы Мегин-Шали. Нынешним летом при этой горе на них напали мунгальцы, отбили скот, убили несколько женщин и детей; Белзе бежал к Анжину; дойдя до реки Толты, остановился на ней. 18 дней назад третично напали на него с товарищи мунгальцы, скот отбили и несколько человек убили и полонили для языку и спрашивали[115], где кочует Анжин».

* Так в тексте.

Из показаний уранхайцев, выбегших в Усть-Каменогорск 19 января 1758 года

Уранхайцы (3 человека) показали, что «они ведомства Анжина; назад тому 2 месяца и 20 дней мунгальцы убили Анжина и его жену, а Хоохой, его племянник, находится на реке Аблакетке, у урочища Розсыпей; при нём мужского пола 14 человек, женского пола 13 человек, лошадей 80; лошади худы и следует немалый их упадок».

Другие уранхайцы показали: «Они ведомства зайсана Гульжугая*, жили при реке Нарыне**. Когда зайсан пошёл в подданство, то часть уранхайцев осталась для забрания посевного хлеба; на них напало мунгальское войско, и только 10 человек из них успели скрыться в ущельях около Нарыма. Из них 4 умерло от горячки. Это было два года тому назад. В прошлом году весной они переправились за Иртыш и вышли против устья Бухтармы к реке Чёрной, где стоял старшина Хоохой в трёх кибитках. Анжин стоял тут же в близости. Назад тому 2 месяца и 20 дней Анжин с 4 человеками ездил на Бугун-Чугуляк, к мунгальскому войску, для воровства и отогнал 22 лошади. Мунгальцы тем же следом наехали на Анжина и его убили, а жену его и сына увезли живых. Хоохой перешёл тогда на правую сторону Иртыша, а по уходе мунгальцов с речки Чёрной, он паки перекочевал на западную сторону и дошёл до реки Аблакетки, до урочищи Розсыпи, где и чинит звериные промыслы. У его уранхайцев лошадей 80, быков 6, коров 4, верблюдов 2, оружие огненное и холодное, кольчуг 6. Хоохой говорил, что он хочет идти в русское подданство, но что, так как он чинил в Усть-Каменогорской крепости немалые злодейства, то не лучше ль ему идти в Семипалатную крепость или Шульбинский завод, где его злодейств не знают».

***

В Омске у секунд-майора Челюкина находилось к 1 января 1758 года 747 человек крещёных и некрещёных выбегших калмыков.

***

14 января в Усть-Нинский форпост вышел из-за реки Бии ясашный татарин Таутелеутской волости Чалаку от зайсана Намки и демечей Тарды и Ерелдея с письмом на калмыцком языке, в котором они просят о защите от мунгал и Боохола. Чалаку объявил также, что к зайсану

---

* Так в тексте – Гулжухай и Гульжугай.

** Так в тексте, нужно – Нарым.

Намки прислан с речки Семси саянский ясашный татарин с известием, что Боохол с мунгальским войском идёт на две дороги, чтоб взять в плен живущих в таутелеутских волостях ясашных татар.

***

Зайсанам Кукшину, Ивелю, Дандыгану и Далечам-Далде и Дрилдею бийский комендант послал письмо, в котором он приглашает их приблизиться к Бийской крепости.

[Из показания выбегшего калмыка Чечи, февраль 1758 года]

Чечи с двумя товарищи был для звериного промысла у крепости Чакырской и здесь был пойман русским разъездом 13 февраля, Он принадлежит к ведомству Омбы; волость их Канская стоит в вершинах Ануя, в ней кибиток со 100, людей мужского и женского пола до 300. Зайсан Боохол с отоком месяца два назад ушёл в мунгалы, в подданство к китайскому хану.

[Из показания калмыка Яла, 17 февраля 1758 года]

Ведомства Омбы, жил при нём в Канском урочище; при Омбе было 5 дючин, в каждом дючине по 40 кибиток и по демечею; два года назад, в половине лета, они с Омбою вышли в российские крепости. Сначала для корму лошадей они были помещены на Чарыше, под деревней Карповой, а потом переведены на реку Белую. По дороге из них 50 кибиток бежало от известия, что их всех хотят отвести в торгоуты[116]; об этом им сказывал зайсан Научат. Теперь Ял прибыл от старшин Чокы и Шодоя с просьбою вновь принять их в подданство России.

[Из показания сына боярскаго Максюкова, март 1758 года]

В бытность в каракальских волостях для сбора ясака в августе месяце старшины Кукшин, Намки, Дарды, Ирелдей и др. просили об удовлетворении их за взятки русских чиновников. Народ находился в собрании для сдачи ясаку в урочище Каюрлуке. Здесь на них напал Боохол и отнял ясак; впрочем, ясашная казна была отыскана, и толь-

ко увезён 1 мешок, в котором было 80 белок, 3 волка, 1 лисица, 4 соболя, всего на 80 руб. 80 коп.

Барабинская татарка Каробаш, вышедшая из плена, объявила, что она жила в волости Улеби. Назад тому 32 года, во время отлучки родителей на пашню, была взята в плен наехавшими киргизами.

[Из показания двоеданца Койбо, май 1758 года]

Бежал от мунгальского войска с реки Мекешери, от Бийска в 15 днях езды. При этой же реке прежде кочевали мунгальские платёжные жёлтые саяны. Река Мекешери течение имеет на восток, а во оную впала река Танчур, а вышли обе из каменю Атанчур, из озера. Да из каменю ж третья река Чуя течение имеет в Катунь-реку.

***

Выбегшим калмыкам, кроме провианта, выдавалось на мясо кормовых денег, некрещёным большим по 1 коп., малым от 10 лет по 1 деньге; крещёным большим и малым по 3 деньги; ноёну Шерину по 20 коп., прочим ноёнам по 10 коп., зайсанам по 5 коп., главному ламе по 10 коп., другому ламе по 5 коп.

Ноён Шерин отказался отдать оружие, уверяя, что в его торгоутах сомневаться нечего, что они подданные Её Императорского Величества издавна и зашли в Зенгорию только молиться великому бурхану[117].

В коше Шерина по описи оказалось 1156 кибиток, в них людей: больших, мужского пола – 2674, женского пола – 1963; малых (от 10 лет) мужского пола – 364, женского пола – 222. Всего 5223 человека.

Лошадей и жеребят 7800, верблюдов 3124, коров и телят 533, быков 3, овец и баранов 691, коз 159; всего 12310 голов.

[Из показания башлыка ясашных татар Акучая, 30 августа 1758 года]

По зарецкой стороне Бии, в камляжские и кузенские волости, пришло мунгальское войско, и ясашных татар тех волостей побрано в полон. До тех волостей от форпоста Усть-Нянского езды два дня.

***

Китайское войско захватило в плен башлыка Кимляжской волости Сербачи и есаула Икыша, башлыка Тележской волости Куюкпала.

***

16 сентября 1758 года зайсан Кукшин поехал из своих кибиток в Катунскую крепость, но, не допустя его до той крепости за 50 вёрст, напали на него мунгальские войска до 1000 человек и увезли в его кибитки, о чём зайсан Менко прислал в Бийск известие со своим сыном Насуном. Зайсан Намки ездил разведывать о мунгальском войске и искать ясашных двоеданцев татар до речки Наймы, вверх по Бие, по заречной стороне, по реке Сара-Кокчи Камляжской волости и наехал на есаула Чоко Килунчакова, который объявил: «Было у них 50 мунгальцев за поисками зенгорских калмык, войско их идёт по-за Катуни-реке вниз; ясашным татарам то войско обид и разорения не чинило».

***

В 1757 году, до августа месяца, в Усть-Каменогорске крещено 237 калмыков; некоторые по святому крещению снова обвенчались с жёнами, другие бросили прежних жён «по молодости их» и женились на других; да новокрещёных калмычек выдано замуж за казака 1, за крестьян 2.

***

В 1757 году, во время следования от Бийска до Ямышева, с 23 июля до 20 сентября, умерло калмыков мужского пола 132 человека, женского пола 142. От Ямышева до Омска умерло мужского пола 100 человек, женского пола 114 человек.

***

Тарскому воеводе было приказано: калмыкам, воспринимающим святое крещение, давать по 3 деньги в день да по четверику муки в месяц. В Усть-Каменогорске велено давать большим крещёным по четверику в месяц, а малолетним «в полы», а в дороге по 3 коп. в день, а чтоб от стужи изнурения не было, давать одежду. Демечи Уржин представил, что хотя и выдано ячменю, но, за неимением мяса и молока, а особенно соли, калмыки претерпевают нужду и от того опухли и впали в болезнь, а купить и выменять не на что, да и ячменю недостает, и от того приходят в слабость здоровья и от претерпенного гладу поправиться не могут и просят неотступно о прибавке провианта, о выдаче соли и мяса. Кроме того, не желающим креститься вовсе ничего не даётся.

***

8 сентября 1758 года выбежал десятилетний сын зайсана Кукшина, Тетек, который объявил: «Двадцать дней назад напала на их улус шайка мунгальцев. В улусе было 7 кибиток и 10 человек; всех их мунгальцы связали и увезли, скот разделили между собой. Отец этого мальчика, зайсан Кукшин, убежал в горы. Тетек с матерью был также увезен мунгальцами. На другой день Кукшин, собрав своих калмыков, напал на мунгальцев и отбил Тетека с матерью, а куда сам девался, неизвестно».

***

Зайсан Намки ездил с своими двоеданцами, в 9 человек, по реке Катуни и на реку Камчилу Таутелеутской волости, зайсана Кукшина, который объявил: «Мунгальское войско, 300 человек, при обратном шествии от вершин Иртыша в свои жилища, взяло его с семейством и подвластными; но через два дня Кукшин бежал и, собрав своих людей и людей брата Толдая, погнались за тем войском вверх по речке Семе и в вершинах ея, в каменистой и лесной теснине, отбили у мунгалов жену, детей, двух баб, несколько лошадей, скота и баранов, в то время, как мунгалы спали. Брат Кукшина, Ивель, был на промысле, на реке Юло, и некоторые из его спутников также были взяты в плен мунгальским войском. В этом войске до 300 человек да из Алтая по Чуе следует 200; обе партии соединились и ищут бежавшего от них сына Боохола, который, как слышно, скрывается в Каракальских урочищах, по реке Кенгелю, в лесах и камышах, а сам Боохол умер.

***

В сентябре в Керешскую волость приезжали китайского владения саянские люди, 7 человек, да Телеской волости двоеданцы, 60 человек, никаких обид не чинили, а спрашивали детей боохоловых; вскоре они уехали на своё становье, вверх по Катуни, в 2 днях езды. Татарин Кергешской волости, посланный для разведывания, нашёл на их становье, и они у него опрашивали, где кочуют старшины Дарда, Ерелдей и Намкей, которых они хотят взять в полон, а за что, не объявили. Намки кочует в 15 верстах от Усть-Нянского форпоста.

***

27 августа 1758 года на реку Слюдянку прикочевало 14 кибиток уранхайцев, в которых было мужского пола 17, женского пола

14, детей 9, с намерением вступить в подданство России. Волости они Омбы; при них 2 турки, луков 8, стрел 105, пороху 2 золотника, пуль чугунных 16, лошадей 60, российский сошник 1, выдр 4, лисиц 2, тюкавки 4, скребков 7, капоруль 11, ножниц 11, ножей 3, топоров 4. Полковник де Вильнёв думал, что они подъехали к крепостям для воровства и что «если б не запретительный ордер Фрауендорфа[118] распросу таковых с пристрастием не препятствовал, то б, конечно, уповаю, о воровстве и истинном их намерении выведать можно бы».

[Из ордера Фрауендорфа, октябрь 1758 года]

Выбегающих калмык в форпосты и крепости не впускать до спросу, что они за люди, и если не пожелают креститься, то не принимать впредь до ордера и отсылать от крепостей прочь, а ежели пожелают креститься, то принимать, какой бы нации кто ни был.

***

29 сентября из Ямышева в Омск отправлено 69 крещёных калмыков.

***

22 октября на Кузнецкую линию вышел уранхаец, который показал о себе, что он ведомства Омбы, был пленён мунгальцами на реке Гараголе, бежал и на той же речке подвергся нападению мунгальцев, но спасся бегством с 8 кибитками, при десятнике Манхулае, и скрывались по реке Харахоле, в степных местах. Нынешней весной стояли при реке Чемке, а теперь стоит на реке Челюле и хотел перекочевать на реку Балмле, но зимовать тут едва ли будет, потому что тут бывают снеги великие, а уйдет в Кан или на реку Елангу. Манхулай ездил на реку Черыш под российские жилища и угнал 20 лошадей.

***

19 октября выбегшая в Усть-Каменогорск калмычка Шюля показала, что она бурутка, жила в уранхайских улусах, при урочище Уйман, в 120 кибитках. Назад тому 3 года по разорении Зенгории и уходе зайсана Намжула в Россию, осталось 8 кибиток со старшиною Телтеем. Нынешней весной при речке Бирюль напало на них до 5000 кибиток киргиз-кайсаков, всех мужчин побили, а женщин взяли в плен.

[Документ 1759 года]

27 апреля 1759 года в крепость Бийскую прибыл ясашный старшина Кунегеш Иргелеков и объявил: «К живущим близ озера Телеского, не доходя до него 25 вёрст, волости Камляжской к ясашным старшинам Сербаче Иванову, Икышу и Коярту приезжал один мунгалец, присланный от китайского сборщика Кахты, который стоит за сбором ясака в телеских волостях, с приказанием, чтобы эти старшины живущих между ними пришлых зенгорцев, коих будет юрт до 50, отдали в ведение сборщика, на что старшины объявили, что они над теми зенгорцами не властны, и живут они сами собою; а ежели, де, они мунгальцам надобны, то бы взяли сами собою их. Мунгалец на это ответил рядовым калмыкам: «Коли вы тех мунгальцев не отдаёте, то отдайте руками своих старшин!». Получив отказ, мунгалец требовал, чтобы они приготовили алману 30 лошадей, а если они алману не отдадут, то будут все забраны в китайскую сторону».

Рапорт полковника Тюменева, январь 1759 года

При крепостях Покровской, Николаевской, Лебяжьей и Полуденной и при редутах их ведомства «вольно явившихся и самовольно поселившихся без отпусков не имеется, а в крепости Святого Петра справкою оказалось: Ишимского дистрикта крестьяне живут самовольно близ крепости Святого Петра 3 крестьянина Коркиной слободы, куда и подати платят бездоимочно». Один из них поселился здесь назад тому лет 6, другие позже, один построил избушку в 7, другой в 6 и 3-й в 27 верстах от крепости Святого Петра вниз по Ишиму. Живут здесь для рыбных и зверных промыслов. Сверх того, один из тобольских крестьян, из вновь пожелавших из Байкаловского станца, уже прибыл и поселился вниз по Ишиму у Долманова озера. Кроме этого, поселенцев не оказалось; только для промыслов из деревень Коркиной слободы приезжают крестьяне, живут в промышленных избушках по Ишиму и обратно уезжают по окончании промыслов.

[Из документа Колывано-Воскресенской канцелярии от 1 января 1759 года]

На запрос, нет ли поблизости к Кузнецкой Колыванской линии внутри мест под поселение, не занятых заводами и приписными к заводам крестьянами, отвечали, что свободных и лишних мест нет, ибо в это ж ведомство должно и имеет быть поселено пришлых, подлежащих в выселку сюда, в силу именного Её Императорского Величества указа, состоявшегося 1 мая 1747 года, Сибирской губернии и разных городов, коих в недосылке имеется, и неотменно присланы будут 400 семей, которым на поселение места вознадобится немало; к тому же из давно поселенных Бийской крепости крестьян многие, за занятием около тамошних мест военными командами довольно хлебопашества, из прежних своих жилищ выехали и поселились в ближние к заводам деревни, почему чаятельно и другие тамошние крестьяне то ж чинить будут. К тому ж в здешнем ведомстве крестьянам, по определению, учиненному в 1748 году бывшим над здешними заводами главным правителем г. Беером, с прочими членами велено к пропитанию надлежащихся при здешних заводах и рудниках горных и заводских служителей, мастеровых и работных людей (коих ныне имеется с лишком 800 человек, да и ещё в комплект определено быть имеет 500 человек) и для казённых лошадей фуражу хлебопашества приумножить и сеять оного втрое против прежнего, что ими и чинится; они ж крестьяне, в здешних местах имеющие пашни и земли, коими уже пользовались с заведения слобод более 30 лет, выпахались, оные оставляют и вновь распахивают по немалому числу, а иные затем и деревни прежние туне оставляют и, переезжая, в других местах селятся. И для тех обстоятельств оным крестьянам, а особливо когда вышеупомянутые пришлые сюда на поселение прибудут, то земель к распашеству в здешнем ведомстве наиболее потребуется; около ж Катуни и Бии, по определению ж преднаписанного генерал-майора Беера, для произведения военным командам хлебопашества, между оными живущими тамо крестьянами была посредственность, и с обеих бы сторон обиды не происходило, чрез нарочно посланных учинён отвод, и о том бывшим геодезии прапорщиком Старцевым сочинены чертежи; не в заводском же ведомстве, яко то от Чауска в Томском, а от Бийска в Кузнецком ведомстве, и от Тобольска к Семипалатной, Усть-Каменогорской и Кузнецкой линиям, около построенных разными военными командирами крепостей, к поселению удобные места есть ли, в Колывано-Воскресенской канцелярии неизвестно.

***

Ещё пожелало к поселению при Бии-Катунской крепости крестьян и разночинцев из Татмытской слободы 14 человек и при Петропавловской крепости той же слободы 1 разночинец.

[По рапорту Тюменева от 9 апреля 1759 года]

Велено было ему этих краснослободских поселенцев селить деревнями, а не однодворками вниз от крепости Святого Петра по Ишиму, не ближе 40 вёрст, не выше реки Барневки; однако ж отведённых под поселение земель Уксусниковым никому в крепости не известно, инженеров нет и указов, и отводить места под прибывающего поселенца было некому. Между тем тех поселенцев ниже по Ишиму в 40 верстах и ближе прибыло немалое число и селятся деревнями и однодворками.

Рапорт полковника де Вильнёва фон Фрауендорфу, май 1759 года

В 1759 году был пойман в бане беглый казак Нагибин. По спросе Нагибина, он показал, что жил внутри линии, на Карасуке, где остались и его товарищи, казак Волков и заводской крестьянин Михайла. Вследствие этого, по распоряжению фон Фрауендорфа, была послана туда команда яицких казаков в 25 человек, чтобы изловить беглецов. 18 мая команда вернулась в Ямышевскую крепость, и де Вильнёв в своем рапорте доносит о поисках казаков. Они пришли на речку Бурлу, в 175 верстах от Ямышевской крепости, нашли тут не беглого крестьянина, в Оби промышляющего рыбой. Он приехал на речку из Чеуского острогу и сказал казакам, что беглых никого не видел; команда, не полагаясь на его слова, сделала розыск, но в самом деле не найдя ничего, отправилась далее. Отъехав вёрст 17, когда ещё оставалось до Карасука вёрст 50, и на ней избушка, как показал Нагибин; один из казаков отъехал в сторону, сажен на 200, в колки напиться, как вдали заметил 4 лошадей и при них жеребёнка, а от них, верстах в 2 или 3, лошадей же целый табун, «которых он познавал единственно всех за степных, и в таком уповании к тому колку приехав ближе и внезапу усмотрел сидящих в оном двух человек и при них с припасами одну телегу, которые потому, де, и его увидели, встав на ноги, и смотрели на него, при-

чём он, сказав им «Бог в помощь», и спросил: «Какие, де, вы люди?». На что и объявили: «Мы, де, люди Божии». Из чего признав он, что подлинно какие ни есть шатающие, и поехал от них прочь, и немного их поминовав, то они выстрелили по нём из винтовки, точию не трафили». Казак догнал свою команду, она вернулась, но людей уже не было, разыскать их тоже никак не могли, а нашли только 4 лошади, 3 хомута и телегу с припасами, тут же нашли распаханной земли в длину и ширину сажен по 5, и от того колка верстах в 2 при другом колке распахано вдвое более, где и посеян ячмень, причём найдена борона железная, кирка, которой распахивали землю, и также открыли две печки, сделанные в земле, по-видимому, последней весны, однако ж, несмотря на 2 дневные розыски, не могли найти никого. Проехав на Карасук, нашли, что избушка сгорела от степного пожара, а сохранилась одна землянка. Затем вернулись в Ямышевскую крепость. В телеге же нашли крюков железных с поводками 4, без поводков 1, свинцу слиток 1, пуль 15, котёл медный, кирку, долото, пешню, топор, и, наконец, вещи из одежды и сбруи.

[Ведомость, составленная полковником де Гарригой в июне 1759 года]

Прибыло для поселения при Бийской крепости мужеского пола 51 и женского пола 37 душ. Из крестьян Тобольского и Ишимского дистриктов пожелало в Новую слободу на Красном Яру 91 человек мужеского пола.

Разночинцы и крестьяне Омской крепости и ведомства её деревень пожелали к населению в Усть-Каменогорской крепости на реке Берёзовке и Глубокой: деревень Родиной, Луговой, Хариной, Сыропяцкой, Усть-Заостровского форпоста, из самой крепости Чернолуцкой слободы деревни Зотиной, всего 24 семьи, в которых 107 мужеского пола и 77 женского пола душ.

[Из показания выбегшего бухаретина Нарупа, август 1759 года]

От роду 64 лет; в малолетстве был взят в плен зенгорцами и жил у калмыка Шарасина, которые отдал его ламе Лаврыну, а от него ламе Зундую в холопство, и у него был он 34 года. Потом были они разбиты ноёном Шерином и жили в разных камнях месяцев 8, а по-

том пошли в Россию, но на дороге были разбиты уранхайцами, Хоохоем с товарищи, 1 из них убили, а 3 взяли в плен и привезли на реку Укыр-Усун, в прошедшем годе, в декабре. И жил он в холопстве у уранхайца Убана 7 месяцев и от него, Убана, бежал по худому у них житью, а паче, опасаясь, что они варят в котлах под скрытом человечьи тела, а какие оные тела, заподлинно хотя и не знаю, только, как не видя взятых обще с ним 2 баб, о которых они объявили, яко б оне бежали, только тому статься нельзя, чтоб бежали, ибо платье с них было у них, а их нет, почему он надёжно положился, что они убиты и по претерпению, по неимению у них пищи, крайнего голода, съедены; да и ему б такой напрасной смерти не принять, бежал и шёл 10 дней через реку Бухтарму и вышел в крайнюю по Иртышу крепость. В следовании до упаду лошади питался сушёным мясом, которое им было украдено в тулуне, когда они за 8 дней до побегу были на охоте за маралом. Этого мяса достало на двои сутки. Когда же пала лошадь, то, отрезав у нее ногу и высуша, питался ею до самой крепости. В Лабанерской Ламат Жисе старшего ламы Зундуя было до 200 кибиток; жительство имели на сей стороне Или, при устье реки Талки. С Хоохоем уранхайцев было до 20 кибиток, в которых бойцу людей до 20 ж. Холопов у них было мужского пола 9, жёнок и малолетних 19, турок 14, луков 10, кольчуг 4, тигилеев 2. На них напали однажды киргизы, но они залезли и из ружей отстрелялись; киргизы угнали 30 лошадей; но в апреле уранхайцы поехали в киргизские улусы и отогнали 130 лошадей. После того дядя Хоохоя ездил под российские [крепости], но пригнал скота малое число. По возвращении его напали на них мингаты 30 человек и отбили всех лошадей. Мингаты прежде были зенгорского владения, а по разорении Зенгории ни в каком ведомстве не состоят, а живут сами собою, числом до 60 кибиток. В начале июля они намерены сделать отгон от русских крепостей, с западной стороны, после того сделать отгон от киргиз, а к зиме идти в Кан, в ясашные волости под Бийск, в русское подданство; но думая, что ясашные татары могут их, по знаемости, выдать русским, переменили это намерение и решились выйти в нижние иртышския крепости, где о их воровствах не известно. Оные уранхайцы кочёвку имеют таким образом: ежели все бойцы в кибитках, то местах в двух или в трёх, по разности, но близко друг от друга; а как, де, куда на промысел или для воровства лошадей отправятся, то и совокупятся все кибитки в одно место, а как прибудут оные обратно, то, де, и паки разойдутся в рознь.

[По рапорту Ямышевской канцелярии от 17 сентября 1759 года]

Усть-Каменогорская канцелярия в Ямышевскую канцелярию представила, что 27 августа определённый в Уваровском станце при казённом хлебопашестве вахмистр Жиляков в рапорте написал, что и «при том станце с 1750 года с первых лет в подъёме новой земли в урожае хлеб был с прибылью, а ныне, де, за выпашкою земель, уже по другой год насевный хлеб не с большою прибылью в урожае происходит, и на том лугу, где хлебопашество производится, за выпашкою земли, стала родиться трава осот и лебеда и хлеб в урожае задавливает, и оную траву выпахать и выполоть невозможно; а на том лугу под подъёмом залогу угодных земель к дополнению не довольно, а что было с выбором угодных мест сего лета 110 десятин под посев ржи выпахано и рожь посеяна, однако ж залогу десятин до 30 сыщется, а более уже той земли сыскать не надёжно. А что же, де, в силе предложений и диспозиции покойного генерал-майора Киндермана повелено ветхие земли назмить, и то, де, исполнение чинено быть имеет, егда время допустит, но однако ж, де, ту траву осот и лебеду по луговому месту не вывести, ибо, де, та трава осот на старой пахоте довольно родится, к тому же луговые земли к урожаю хлеба не так вечны против матери, и не более, де, как три хлеба в урожае добрых снимается, и за того, де, с выпашкою земель в Уваровском станце не повелено ль будет учредить пашню на речке Глубокой, где земли, годной к хлебопашеству, имеется довольно?»

Промемория из Сибирской губернской канцелярии Фрауендорфу 1759 года

«Оказавшихся с осмотру губернской канцелярии годных на поселение женского пола колодниц всего 43, для препровождения к Вашему высокородию отданы плывущему в иртышские крепости с провиантом квартирмейстеру Боголепову. И Ваше высокородие соблаговолили б тех жёнок и девок в назначенные Вами места определить на поселение с дозволением, ежели тех девок и жёнок кто пожелает взять в замужество, то дозволять только оседлым крестьянам и разночинцам, а не военнослужащим, дабы они не могли с мужьями из тех мест выбывать».

А Тарской воеводской канцелярии приказано: «Посланных напред сего в оную канцелярию для распределения на поселение присыльных жёнок, собрав, и самим воеводе и управителю персонально учинить осмотр, и кто из тех жёнок явится ниже 40 лет, оных отправить в Омскою крепость для распределения по выбранным Вами местам».

***

Девки и бабы были 19–40 лет, сосланы они были за следующие преступления: за зажигательство помещичих имений – 3; мужеубийство –16; детоубийство – 7; укрывательство воров – 4; воровство – 5; побег – 1. Вины не помещено – 5. За ложное показание на мужа –1.

Сообщение из Ишимской воеводской канцелярии Фрауендорфу от 11 октября [1759 года]

Девки и жёнки во оной канцелярии были пересмотрены и явившиеся к тому способных 33 при сём посланы (от 22 до 39 лет): за зажигательство – 4; отцеубийство – 1; убийство – 8; мужеубийство – 8; кражу – 2; бегство – 3; в порче травою и волшебными словами – 2; детоубийство – 3; блуд с отцом – 1; укрывательство – 1.

***

Из рапорта Ямышевской канцелярии видно, что на девках женились преимущественно казаки, а офицеры брали их «во услужение».

***

Апреля 2 1760 года в ведении Омской комендантской канцелярии состояло ссыльных девок и баб 39, в том числе 9 больных.

[Из показания урянхайца Тарки Букундеева 1760 года]

В ведомстве зайсана Омбы было 210 кибиток, жили при урочише Кан, пять лет назад вступили в подданство России. На пути к Бийску началась с ними смертность [от] оспы. Демеча Чухулай присоветовал для спасения от смерти возвратиться на старые места: «видно, что им в российской стороне воздух тяжёл», и 40 кибиток от Бийска ушло в Кан. Зимою пришло мунгальское войско, и 20 кибиток увели

в плен и отдали в ведение уранхайского зайсана Чадаки. Но пленники оттуда бежали; до Кана шли 3 месяца, и многие дорогой умерли, а в Кан вышло только 11 кибиток.

Доношение старосты Убинской деревни Иванова 1760 года

Просит дозволить оставаться на ночь на пашнях и держать стреноженных лошадей на воле, а не пригонять в общей пригон, где они оставались целое утро, пока разъезд не осмотрит окрестности, отчего лошади исхудали. Крестьяне деревни Убинской с 18 до 50 лет обязаны были каждое лето посеять на продажу в казну, кроме своего домашнего продовольствия и семян, ржаного и ярового хлеба по 2 десятины, а во время неурожая с каждого человека по 6 четвертей.

Письмо ялотуровского управителя Бокина Киндерману [1760 года]

При нём прилагается: экстракт, по силе Его превосходительства, генерал-майора фон Киндермана, сочинённый в канцелярии Ялотуровского дистрикта, из допросов оного дистрикта обывателей, которые хаживали в степь за промыслами. В допросах секретно порознь показали: Ялуторовского острогу разночинец Мартын Коклягин: «В прошлых, де, годах, а в котором за незнанием грамоте не помнит, токмо, де, тому ныне года с два, ходил, де, он Коклягин, в степь для хмелевых и звериных промыслов, от Ялотуровского острогу раза с четыре до Ишима-реки, прямо степью, не захватывая никакого жила называемого, до середнего хмелёвья, расстоянием, например, вёрст с двести, а та, де, дорога лежит от Ялотуровска на полдень чрез озеро горькое Травыкуль, и по оной, де, дороге имеется лес дубровой и чащи берёзовые колками, токмо, де, яланные места с перелесками небольшие, например, расстоянием от пяти до десяти вёрст и более, а тою, де, дорогою телегами и с возами можно идти без всякой нужды, понеже, де, дорога большая и гладкая, и по той же, де, дороге имеются болотные места и небольшие озёра, между ними расстояние, например, от десяти и до двадцати вёрст и менее. А как, де, оные озёра и болота называются, не знает; токмо, де, оная вода в пищу годная и трав по той дороге бывает довольное число, а до Ямышева, де, доро-

ги он не знает, понеже, де, далее того места не был. А в товарищах, де, с ним, Коклягиным, бывали Ялотуровского острогу Фёдор Каргаполь, Прокопий Мордихин». Прокопий Мордихин, Фёдор Каргаполь порознь сказали те ж речи, что и вышеозначенный Коклягин в допросе своём показал, а более не знают ничего, и до Ямышевской крепости дороги не знают, и ни от кого о той дороге не слыхали.

Пуховой слободы, та же и Усть-Щерская, крестьянин Андрей Зверев сказал: «В прошлых, де, годах, тому ныне лет с десять, ходил он для звериного промысла в степь Ялотуровского дистрикта, с Емуртлинской слободы, чрез озеро Медвежье на Ишим-реку и на Хамышлово озеро, не захватывая жилья прямо; до Итык-камня, например, езду будет от Емуртлинской слободы верховыми лошадьми дней двенадцать, а телегами четырнадцать, а та, де, дорога лежит на полдень, и по оной дороге имеются боры и камень, токмо, де, дорога хорошая и пространная, и телегами и с возами пройти можно без всякие нужды, а больших, де, рек, кроме Ишиму, не имеется, и по той же, де, реке имеются пресные озёра и болота, а по тем, де, озёрам и болотам вода добрая и в пищу годная, и трав по той дороге бывает довольное число, а между озёр имеется малое расстояние, и дальние вёрст между собою имеют как по три, по четыре версты, а как, де, оные озёра и болота званиями, не знает. И от того, де, Итык-камня до Ямышевской крепости дороги не знает, понеже, де, он далее того Итык-камня не бывал; токмо, де, он, Зверев, слыхал на промыслах Тюменского уезда Сангульских юрт от татарина Елчика, что, де, от означенного камня Итыка до Ямышевской крепости переезду только дней на пять, и места, де, добрые, и воды и травы довольно, но оный, де, татарин Елчик умер, а имеется, де, в тех же юртах товарищ его киргиз, который с ним, Елчиком, на промыслы езживал, а до Ямышевской, де, крепости он, киргиз, бывал ли, не знает».

Сангульских юрт татарин Иман Малатов, он же и киргиз, сказал: «В прошлых, де, годах, тому ныне будет четвёртый год, в летнее время ходил он, Иман, в степь для хмелевых промыслов до Ишиму-реки, прямо степью, не захватывая никакого жила, например, будет от Ялотуровского острогу в триста вёрст степною дорогою; а та, де, дорога лежит на полдень через озеро, а как его зовут, не знает; а по оной, де, дороге имеется лес дубровый и чащи берёзовые колками, а той, де, дорогою телегами с возами можно идти без всякой нужды; и до Итыка, де, камня в степи с татарином Ельчиком и ни с кем никогда не бывал; до Ямышевской, де, крепости он, Иман, дороги не

знает и ни от кого о ней никогда не слыхал. А имеются, де, кроме его, Имана, в тех же Сангулинских юртах* татары, прозваниями киргизы, четыре человека, а именами Итымкул Киргизов, Тешка Киргизов, Ермедь Киргизов, Алтыш Киргизов, токмо, де, в степь оные татары хаживали ль, не знает». Для допросу оных татар киргизов, по воле Его Превосходительства, генерала Киндермана, секретные о присылке тех допросов или точных копий в Тюменскую воеводскую канцелярию посланы из канцелярии Ялотуровского дистрикта секретные промемории, понеже оные юрты ведомы в Тюменскую канцелярию, а не в Ялотуровском дистрикте.

[Из донесения Шихова 1760 года]

В 1758 году отпущен был в улус к Кумаре-батырю и при последнем выезде из волости приведено лошадей 146 на 320 руб., рогатого большого скота 32 штуки на 55 руб., малых 33 на 17 руб., мелкого: овец и баранов больших 100 на 27 руб., малых годовых 95, в том числе козлов 3 на 13 руб. Мягкой рухляди: лисиц 509 на 230 руб., корсаков 479 – 110 руб. 60 коп., овчин больших бараньих 10 на 1 руб., волков на 37 руб. Товары эти выменены на русские, немецкие и иркетские товары. Да сверх того выменены на имя Фрауендорфа калмыцкий мальчик 7 лет за товары на 15 руб.; да на имя Симонова калмыцкая девочка 12 лет за товары на 20 руб. Да раньше работником выведено 62 лошади на 190 руб. Всего высатовано скота, мягкой рухляди и калмычат на 1084 руб.

***

1760 года, 6 мая, Алим Шихов отправился в степь для торгу; при нём товаров: китайки одноконечной разных цветов концов 205, китайки ламской тюней 36, по 8 руб. тюня, [китайки] торговой тюней 12, по 6 руб. тюнь, голей разных цветов, подставов 11, по 14 руб. подстав, маржану красного мелкого фунтов 6 1/2, по 6 руб. фунт, сукон немецких разных цветов половинок 10, по 14 руб. половинка, голи двоелишной, по 1 руб., китайской канфы чёрной 22 руб. кусок, бархату китайского чёрного 18 руб. кусок, 1 руб. 80 коп. аршин, дабы белой, 1 руб. кусок, сукна немецкого 60 коп. аршин, лисиц-сиводушек 1 руб. 50 штук, выдр больших, по 1 руб. 20 коп. каждая, малых по 50 коп., холста ровного, по 30 руб. 1000 аршин, крашени-

* Так в тексте: Сангульские и Сангулинские юрты.

ны синей по 2 ½ коп. аршин, чеканной крашенины 2 ½ коп. аршин, нежу синего полосатого 4 коп. аршин, сукна сермяжного 4 коп. аршин, хрящу толстого по 1 руб. сотня, сукна красного по 1 руб. аршин, полосатой нижегородской пестряди по 3 коп. аршин, сезямов шитых из армяжного сукна по 50 коп., красного кумачу 1 руб. 20 коп. конец, крашенины разных цветов 2 1/2 коп. аршин, кож юфтовых красных, по 2 руб. кожа, выдр средних по 80 коп., малых по 50 коп., крашенины пестрой по 2 1/2 коп. аршин.

[Документ 1760 года]

В июле 1760 года посыланный с партией прапорщик Утин привёл пойманных им в лесах, в избушках, двух российских человек. Они показали: «1. Зовут меня Козьма Афанасьев Некрасов, крестьянин Строгоновых, деревни Байналовой. В 1724 году возымел намерение, для приношения господу Богу моления, из дому своего ушёл в усть-янские чернораменные леса, где нашёл в построенных избах немалое число живущих таковых же беглых, труждающихся в молении господу Богу российских людей, с коими и совокупился. И бывший тут беглый священник Иов в чернцы меня постриг, и после того лет с 10 в тех лесах я в молении находился. Когда же велено этих беглых разыскивать и генералом Татищевым их 400 человек выведено, то я из оных лесов через степи, в обществе с демидовскими людьми, шедшими на Колывано-Воскресенский завод, на Обь-реку ушёл, по которой, не объявляясь нигде в жилых местах, при озере Петровском, под прикрывательством и на воспитании крестьянина Борового, кой при том озере жительство имел один, неподалеку от оного, в прикрытых лесах, в сделанной избушке, всего 24 года находился. И назад тому года с два, по смерти означенного прикрывателя моего, и что некому меня довольствовать стало, наехал на мою избушку чарышский крестьянин Щетников и повёл меня в уединённое крепкое место, и прибыли к падунам реки Убы в имеющуюся там избушку, в коей было российских живущих 2 человека, с коими мы в сообществе проживали с год, и на другой оные бывшие со мной товарищи, по недороду хлеба, отъехали в другие места, а я при той избушке остался и находился прошедшую зиму один, а в осеннее время незнаемых российских людей 3 человека приехало к оной моей избушке и имеющегося

у меня шкарпу, шубу, рубаху и прочее у меня обобрали и уехали паки обратно в ту сторону, от коей приезжали, и по том оборе меня я нынешнюю весну, убоясь такого и впредь грабительства, к спасению своего живота из той избушки отъехал и находился для прилагания господу Богу трудов в тех же урочищах, неподалеку по разным речкам и лесам, изыскивая оных отъеходших от меня товарищей. И в это моё по разным местам бытие назад тому недель с пять или более из тех отъехавших в прошедшую осень от меня товарищей трёх человек одного Василия Яковлева внезапно нашёл, который и объявил, что на их крайнюю избушку, набежав из крепостей российская военная команда, одного человека из товарищей, присовокупившегося к ним уже после их отлучения от меня, крестьянина Ивана Дурнева, захватили, и он пеший убежал, и идет якобы по-прежнему в дом свой, в жило, а другие, де, наши товарищи, два человека, Щетников и Гаврило Афанасьев, до приезду той российской команды уехали для рыбного промыслу, и более, де, уже он их не видал и, где находятся, якобы не знает. И объявя сие, оный Василий Яковлев от меня, не ведаю куда, ушёл, а я остался при том месте; и по том разлучении для печения припасу, не пошед я в среднюю нашу избу, при коей пашня распахана, паки я поехал к оставшей своей избушке, в которую прибыв, излучил молящего живущего, пришедшего после отъезду моего, Малышевской слободы крестьянина Ивана Наумова, и, по неимению у него припасу, отослал я его в написанную выше сего, в имеющуюся далее меня пустую избушку, при коей теми отлучившимися товарищами моими пашня распахана и хлеб насеян, во уповании в том, что иногда не прибыли ль во оную избушку те мои товарищи и готового припасу у них не имеется ль, то истребовать оного, кой и отбыл, да и я за ним же в тоё избушку, спустя время дни четыре, поехал; и как в оную прибыл, то прежних моих товарищей не залучил, а только находятся означенный посланный от меня Наум[ов] да другой незнаемый мною, по объявлению его, алейский крестьянин Фёдор, Иванов сын; а как по прозванию, не знает, и по том моём в тоё избушку прибытии оный алейский крестьянин Фёдор Иванов, не знаю для чего, ушёл в лес пеший, и того ж самого часу, не удався мне расседлать лошадей, здешняя военная команда, набежав на тоё избушку, меня и другого Ивана Наумова поймали, и по той нашей поимке об

том ушедшем до прибытия той команды в лес крестьянине Фёдоре Иванове оной команде мы объявляли, которого, также и других, не имеется ль где ещё, не сведущих нам в прикрывательстве, таковых же людей нарочно посыланные команды разыскивали, только нигде Иванова, так и других, никого найти не могли, и потому оная команда, сжегши тоё избушку, поворотясь обратно, и следовала сюда к крепости. А во означенную нашу бытность во оных местах пропитание имели, присевая разный хлеб, а неприятельских воровских людей и воинских собраниев нигде не видели, воровства и смертного убийства не чинили, и при выше писанном нас взятьи из имеющегося моего шкарпу командою ничего не захвачено, а что было, яко то: образ медный, лошадь, седло русское с потником, котёл медный, полог, топор, зипунов сермяжных два, шуба баранья, рукавицы, всё в целости забрано и сюда привезено».

2. Малышевской слободской крестьянин Иван Наумов показал: «Барнаульского ведомства, назад тому недель с шесть из своей деревни Кулунгинской, по сведению моему, для изыскания находящегося в молении чернца Кузьмы и к общему с ним житию, для приношения господу Богу моления, никому не сказав, отъехал... И при падунах убинских на избушку прибыл, в коей никого из живущих не изобрёл и, ночевав одну ночь, назавтра Кузьма Афанасьев прибыл и мне объявил, чтоб я, по неимению припасу, ехал вниз к пустой избушке, при коей распахана пашня, и во оной, буде есть припас, заготовить, а буде нет, дожидаться товарищей его и у оных надлежащее число того припасу взять. Я поехал и к избушке в другой день прибыл, никого людей не застал и хлеба готового не отыскал, ночевал тут, а назавтра три человека, речённые товарищи оного чернца, Иван Гаврилов да Василий, а чьи по прозванию, не знаю, ко мне в тоё избушку прибыли и, дав мне к пропитанию ячменю с пуд, паки уехали в леса. На другой день в ту же избушку прибыл ещё один человек на лошади, крестьянин Фёдор, и объявил, что шатался в разных местах по лесам в молении и следует в дом свой... Вскоре и означенный чернец туда приехал, и тако нас совокупилось три человека. И по том совокуплении ушёл оный Фёдор в лес, а я не расседлал ещё старческой лошади, как здешняя военная команда набежала на оную избушку, где меня со оным чернцом взяли; а что оный 3-й человек Фёдор в лес ушёл, то за сыском

его, так еще и других не имеется ли в прикрывательстве, разные команды посланы были, но никого нигде не отыскано. Кузьма его учил двоеперстию, в церковь не ходить[119]. У него взяты лошадь, седло, медный образ, котёл медный, рубах ветхих 4, сковорода, сермяжного сукна аршин, долото, коса, нож, мот пряжи».

***

Июня 3 дня, Томского ведомства Чеуского острога крестьянин Иван Дурнев показал: «Что он в феврале месяце 1760 года в своей деревне Кирзинской виделся с крестьянином Малышевской слободы деревни Мерецкой Данилой Ивановым Черновым, сговорился с ним уйти для моления господу Богу и уединённого жития в места на Убу и Ульбу реки. Через несколько времени тайно от родных, взяв с собою трёх лошадей и навьючив их припасами, отправились и повыше Шеманаевского станцу, верстах в 50, доехав до реки Убы, сделали сал и переправились, после чего следовали гористыми и каменистыми местами вверх по реке и при рассошках реки Убы в имеющие построенные небольшие две избушки прибыли, и во оных объявленных от того товарища моего Чернова двух человек нашли, которые о себе объявили, что они Кузнецкого ведомства чумышские крестьяне и зовут их одного Иван Щетников, другого – Василий Голов, что они имеют по Чумышу свои дома, а живут при тех местах для моления господу Богу уже года с три, сеют хлеб. Через несколько недель Василий Голов и Чернов, забрав в избушке рыбные ловушки: сети, жерлицы и уды с ружьями, отъехали, сказав, что едут для промыслу. Ранее я согласился с товарищем своим Черновым съездить домой, забрать всё имущество и семьи и ехать сюда. На другой день по отъезде товарищей я отлучился от дому и был пойман военной командой, Щетникова же не удалось захватить в избушке, бежал, найти его не могли, наши две избушки, водяная мутовчатая мельница сожжены командой, да она же захватила одни сошники, большой молот и 2 лошадей. Воровства и убийства не чинил». Однако ж Дурнова* жестоко били плетьми, не скажет ли чего ещё, но сказать более было нечего.

* Так в тексте: Дурнев и Дурнов.

[Из показания урянхайца Чеобу Хорина, март 1760 года]

В подданство вступил в 1756 году с зайсаном Омбо, но бежал от угроз зайсана Наугата в Кан. Услышав о набегах киргизов, он ушел оттуда на реку Белую, где скрывался с 30 человеками, да на Катуни уранхайцев Саянской волости при старшине Долдое 100 человек и поныне стоят, летним временем кочевать приходят обще с ними на реку Ебоган и в Кан и зимою кочуют около озера Кеньге и на речке Кумрюку. За 30 вёрст от них кочует зайсан Кувшин; зимою, а особливо летом, они с подвластными Кувшина часто видятся, на мену привозят хлеб, табак, серу горючую, селитру и железо, а у них берут соболей, лисиц, лосины и прочее. Из той селитры и серы они уж сами делают порох, а пули куют из железа. В июле Чеобо с саянским старшиной Долдоем, 13 числа, подбегал под Чакырскую крепость, одного мужика убили на покосе, а бабу и девку увезли в лог под маяком, где до закату солнца стояли, и при том над теми бабою и девкою Долдеевых 4 калмыка скверно наругались; потом напали на 3 других русских и, отбив лошадей, уехали в Камень; завидя русскую погоню, они бабу и девку бросили, сняв с них платье.

Рапорт полковника де Гарриги Веймарну[120], апрель 1760 года

«Февраля 20-го Вашего превосходительства ордером повелено: ежели есть у состоящих на здешних Кузнецкой и Колыванской линиях унтер-офицеров, капралов и прочих чинов молодых, читать и писать гораздо умеющих и часть арифметики знающих из офицерских детей, и кто к такой науке охотники окажутся, выбрав, сколько таковых найдётся, прислать в Омскую крепость при рапорте немедленно, которые, де, там инженерными офицерами и обучаемы быть имеют. Об этом было предложено во все роты, но, читать и писать гораздо умеющих и часть арифметики знающих и желающих к той науке, никого не оказалось».

4 апреля 1760 года Веймарн предписывал Тарской воеводской канцелярии всех живущих в Тарском ведомстве отставных драгунов, солдат и казаков с их семействами выслать в Омск «к поселению при линиях, для охранения при нужных случаях».

В июне Пелымская воеводская канцелярия представила Веймарну список отставных солдат, казаков и драгунов. Оказалось в Пелымском

ведомстве 11 человек семейных. Такие же списки Веймарн требовал и от других канцелярий. Тюменская канцелярия сообщила, что в Тюменском уезде и городе Тюмени отставных с 1752 года считается 21 человек, из них 13 женатых, из которых у 8 человек есть дети мужского пола. В уезде города Верхотурья отставных было 12, из них 9 женатых, из которых у 6 были дети мужского пола. В Ишимском дистрикте отставных было 23, из них 16 женатых, из которых у 11 – дети мужского пола. В Берёзовском уезде отставных 12, из них 10 женатых, из которых у 4 дети мужского пола. В Туринском уезде отставных 4, все женаты, но дети мужского пола только у 1. В Ялотуровском дистрикте отставных 59 челоек, из них 47 женатых, из которых у 17 дети мужского пола. Все они имеют лет по 40–70. В службе были по 25 и 50 лет. Живут все на пропитании у родственников своих, все дряхлы: у большей части зубов нет, ломота в костях, слепота, руками или ногами не владеют, раны, чахотка.

В 1760 году прибывших из разных мест на дистанцию Усть-Каменогорской крепости яицких казаков было 161 человек, у них было 319 лошадей.

Военно-походная канцелярия Веймарна сообщает Сибирской губернской канцелярии, что «на тамошних линиях воинских судов и следствий весьма умножилось, так что для производства оных, по малоимению в наличности обер-офицеров, и определять некого.

В 1760 году с Кузнецкой и Колыванской линий было назначено в некоторое секретное дело казаков 511 человек, из них 213 женатых, из которых у 147 или вовсе не было или не было детей мужского пола.

Луцкого полка поручик Ребровский был командирован для поимки беглых казаков Ямышевской крепости, Фёдора с товарищими, и заводских беглых. Пойманы казаки Волков и Нагибин и заводский мастер Лобин. При них взято лошадей 10, винтовок 3, рогатины 2, топоров 4, шуб 5, яга 1, кафтан 1, тапок 5, рубах 6, порт 6, сёдел 3, хомутов 2, сум 3, сковород 2, узд 6, долот 1, трубки 1, опоясок 3.

11 августа 1758 года через Ачаирский форпост следовала Яицкая тысячная команда, причём у живущих в форпосте казаков вытасканы с поля весь горох и репа без остатка, а у казака Грызова двух его боровов копьями закололи и увезли их в тороках. Бывшие при том разночинец Дорохов и казак Грызов объявили, «чего ради они такое разорение чинят». Но они, не глядя на их запрещение, а, желая по своему намерению ту репу и горох в мешки покласть, стращали из торок по Грызову стре-

лять; однако он, не убоясь того, за ними поехал в их казачий лагерь и об удовольствии просил их яицкого атамана. Атаман потребовал, чтоб он показал виноватых, и Грызов опознал 4 человек, а прочих, за многолюдством, опознать не мог. Кроме того, у другого казака они же украли на пашне 2 хомута, возжи, топор. Атаман послал в форпост есаулов освидетельствовать борова и поле, с которого вытасканы горох и репа; борова они смотрели, а на поле не поехали.

[Из показания уранхайца Шагмана, апрель 1760 года]

Ведомства зайсанов Хутука и Мамута, родом теленгут, жил на реке Катуни, при урочище Биш. Три месяца назад напали на них 20 человек киргизов и взяли в плен кибиток 20 да уранхайцев немалое число; чтоб не бежали, киргизы мужчин держат скованых в железах и связанных арканами.

[Генерал-майору] Веймарну от поручика фон Трейблута 20 апреля 1760 года

Сего числа драгун Девятовской, прибыв в форпост Ачаирской с ссыльными девками и бабами, мне представлял, что у оных, де, ссыльных имеется несколько малолетних детей, а идти не могут, а малолетних детей по малоимению подвод несут на руках, посадить некуда, и в следовании за тем, де, чинится великая остановка. Требует ещё прибавки подвод, «а оных малолетних детей их изыскиваются охотники при форпосте Ачаирской в приемыши, да и матери тех детей отдавать желают».

***

В июне баб и девок состояло в крепости Усть-Каменогорской 55, Семипалатинской – 2, Ямышевской – 1, Железинской – 6, Омской – 16; всего – 80.

***

Ссыльная девка Оксинья Иванова, присланная из Тобольска, принята в канцелярии генерал-майора Веймарна, но по свидетельству явилась больная: руки и ноги свело и глуха. И по требованию походной канцелярии, для определения в богадельню, послана в Тобольскую духовную консисторию.

[Из донесения 105 омских выписных казаков генерал-майору Веймарну 28 апреля 1760 года]

Присланным из Сибирской губернской канцелярии строжайшим указом велено, чтоб выписные казаки к выступлению в поход состояли в ежечасной готовности… «и состоим в ежечасной готовности, для чего у которых за упадком лошадей не было, то займывая у прочих, а некоторые и рогатого скота продавали и для того внезапного походу покупали лошадей и исправляли конской убор. Да служили ещё из нас в верхиртышских крепостях для конвоя выписных в подданство Её Императорского Величества зенгорских калмыков между Омской и Святого Петра крепостью. Да через всё лето находились для смотрения и караулу, дабы потаённого провоза соли не было на вновь отысканных ишимских озёрах. Да с прочими, находящимися в Тарском уезде крестьянами и разночинцами, состоящие в выписных казаках определены на казённую десятинную пашню, и определено на каждого действительного работника в трёх полях по 1 десятине, и по новости той земли, что оная не роспашная, велено в прошедшую осень каждому действительному работнику поднять по одной ¼ десятины, а нынешнею весной той земли поднять же под яровой хлеб, а паче под овёс, на всякого работника по 1 десятине. И нынешнею весною Омская управительская канцелярия всех выписных казаков без остатку выслала на службу. А понеже нам против прочих крестьян и разночинцев, которые не состоят в выписных казаках, в той определённой не малой пашне следует крайнее отягощение, а ежели иногда куда востребуемся к внезапному походу, то уже и для себя и пропитания жён и малолетних детей, за отлучкою от домов своих и собственной своей пашни принуждены будем отстать, а в казну Её Императорского Величества подушные деньги и прочие казённые подати неминуемо должны платить, от чего уже можем придти во всеконечное разорение и нищету, да и впредь на службе Её Императорского Величества неисправными быть».

Просят о сложении с них пашни.

Доношение тарского юртовского бухаретина Алима Шихова 1 мая 1760 года

В 1751 году, по выбору тарских юртовских бухарцев и татар, Алим Шихов был послан в Петербург для жалобы на насильное крещение татар бывшим митрополитом Сильвестром. По незна-

нию грамоты, Шихов взял с собою для переводов и записки приходу и расходу тарского юртовского бухаретина Вениямина Хансентова; для расходу же, причинённом по той бывши в Петербурге просьбе ходатайстве Алексею Шихову дано было от народа 800 руб. Но так как их оказалось недостаточно на издержки, то Шихов выпросил у народа верющее письмо на издержки из собственных средств до 5000 рублей. Он повёз с собою в Петербург зенгорских товаров на 4000 руб. Во время его ходатайства в Сенате и Синоде Шихов издержал, сверх данных ему народом 800 руб., 500 руб. собственных. В Сенате было определено составить в Тобольске комиссию для исследования этого дела. Получив из дому письмо, что оставленный им дома сын по причине чинённого ему притеснения бежал, Шихов просил отпуск домой и был из Петербурга уволен. Вместе с тем из Сената был послан в Сибирскую губернскую канцелярию указ, чтобы до начатия следственой комиссии бухарцев и татар, находящихся в Тобольске, Таре и Тюмени, не притеснять. Прибыв в Тару, Шихов объявил народу об издержанных им собственных 500 руб.; народ обещался уплатить деньги. Через год Шихов получил письмо от тобольского татарского головы Сабанакова, что оставшийся в Петербурге Сеитов* совсем издержался и требует для потребных в Петербурге издержек послать к нему денег или вместо него назначить другого челобитчика. Тарские татары и разночинцы взяли у Шихова еще 500 руб. и послали с ними в Тобольск, для соглашения с тамошними лучшими татарами, сына Алимова Мурзалея и бухаретина Тюлюк-Багу Тюлюк-Маметева. Алиму же Шихову татары и бухарцы дали вексель в 1000 руб. Посланные, однако, не могли получить согласия о новой посылке челобитчиков ни от Сабанакова, ни от лучших татар и с деньгами возвратились назад. Теперь Шихов догадывается, что издержанных им собственных его денег ему возвратить не хотят, потому что подписавшийся под векселем бухаретин Кучук Абреимов в Тарскую воеводскую канцелярию подал челобитную, в которой прописал, что будто бы издержанные им, Шиховым, 500 руб. издержаны не на их народные расходы и написаны в векселе напрасно, почему он, Абреимов, подписавшийся под тем векселем, имеет опасение, дабы ему от того векселя не прийти в крайнее разорение. Шихов просит производство следствия об этих деньгах приостановить до возвращения его из поездки по степи.

* Должно быть, видимо, Хансентов.

Из рапорта директора Ямышевской и Семипалатинской таможен Бушуева от 15 июня 1760 года

Продано в крепость Святого Петра муки ржаной 92½ пуда, круп яшных 2 пуда, 25 фунтов, холста 151 аршин, телег деревянных ветхих 40, одноколок 3; цены на эти товары: ржаной муки пуд 89 коп., круп яшных пуд 7¾ коп., холста аршин 2,3 коп., телега 30—50 коп.; сверх того проданы: крышка стамедная с шубы 20 коп., 11 епанчей суконных синих ветхих, красная епанча, 1 кафтан суконный и 1 кафтан сермяжный. Епанчи от 1 руб. до 20 коп. Епанчи ветхие дыроватые продавались по 50 коп.; всего товаров продано на сумму 36 руб. 81 коп.; пошлина с них 6 руб. 36 коп.

Промемория Сибирской губернской канцелярии, сентябрь 1760 года

Пойманный в Утяцкой слободе крестьянами Каракаинак Темирбек, выбежавший из Киргизской степи, объявил: «Волости он Мроткал; по смерти своего отца он был взят управителем каракалпаков Агуном Мракшахом, был с ним в свойстве, женат, есть дети. Лет 5 тому назад кайсацкая орда подбегала к каракалпакам и «причинила баталию отъёмом, а не боем, для того что они огнестрельным оружием и прочим ничем не бьются, только они, кайсачья орда, отнимают каракалпаков для того, что когда сколько человек отнимут, то оные каракалпаки их обратно выкупают, а до смерти их не бьют». В то время киргизы многих увели в плен; 3 года тому назад Мракшах послал его на озеро Таира для рыбной ловли с 3 человеками, где их взяли в плен киргизы.

[Из донесения Коллегии иностранных дел В Правительствующий Сенат 1 сентября 1760 года]

В 1-м и 2-м пунктах изложено содержание донесения Сибирского губернатора, тайного советника Соймонова[121], в Сенат. Так как сущность содержания донесения Соймонова повторяет Коллегия иностранных дел в своем донесении Сенату, на запрос последнего о мнении коллегии, то в 1-м и 2-м пунктах нет интереса.

3. Правительствующему Сенату Коллегия иностранных дел представляет, что китайцы, по истреблении с их стороны бывшего зенгорского народа, по случаю происшедшего в оном междоусобия и по занятии их зенгорских мест, оные места навсегда за собою утвердить стараются, о том никакого сомнения нет, ибо известно, что они, хотя уже и за несколько лет перед сим рассеяние зенгорского народа воспоследовало, однако ж и доныне там свои войска содержат и по всем с границ получаемым ведомостям заводят и разные поселения. А из полученных в Коллегии иностранных дел при рапортах от сибирского губернатора, то есть Соймонова, от 30 января и 28 февраля сего года, из их китайского трибунала листов видно, что уже они действительно завладели и бывшими напред сего в подданстве у зенгорских владельцев областями, то есть Малою Бухариею и Вадакшаном; а что до Малой Бухарии касается, то о занятии оной китайскими войсками подтверждается и сказкою высланных с китайской стороны в исходе прошлого года на здешнюю границу в Селенгинск двух россиян, а именно: города Тобольска купца Ивана Дмитриева, сына Евсевьева, и тарского разночинца Михаила Пелымского, которых они нашли в Малой Бухарии в неволе и, освободя, на здешнюю границу отправили; а они в Селенгинске показали, что не токмо в их ещё бытность в Малой Бухарии при китайских войсках все тамошние города, которых счисляется двенадцать, китайским войском были взяты, но они при том слышали, что присылаемыми главнокомандующему Жан-Жуну указами часто подтверждаемо было иметь поход и на Большую Бухарию и оную покорить. И для того ли или для другого предприятия, однако ж, в те занятые Малой Бухарии города, особливо в город Иркень, ставлено было весьма много провианта и пригонялось верблюдов, лошадей и прочего скота, что все они не только в Малой Бухарии, но и по дороге до самого Пекина видели. Они же, китайцы, и с киргиз-кайсацкою Средней Ордою, кочующею около Сибирских и Оренбургских линий, которая в подданстве Её Императорского Величества счисляется, а особливо с находящимся в оной орде владельцем Аблай-солтаном*, частые пересылки имеют и, переманивая оных киргиз-кайсаков от российских границ к кочеванию на зенгорских местах, ныне впусте оставшихся, заводимым с ним торгом, иногда делают им по разным случаям угрозы и притеснения, от чего те киргиз-кайсаки и действительно колеблются…

* Так в тексте.

4. Китайцы, продолжая пользоваться происшедшею для них удачею в разорении многочисленного зенгорского народа, который они, если бы в оном внутреннего междоусобия не случилось, едва ль в состоянии были бы и преодолеть; ныне, что далее, то больше в тамошней стороне сильными и для здешней стороны сомнительными соседями становятся; причём можно в рассуждении их и такое обстоятельство приметить, что по мере одерживаемых ими успехов в завладении и в завоевании находящихся в Великой Татарии областей[122], кажется они толь грубее и взмерчивее стали и в корреспонденции своей со здешней стороною...

5. По рассуждению же Коллегии иностранных дел видится, что хотя б китайский двор до того доведён был, чтоб зенгорские места оставить впусте, при всём том, для интересов Её Императорского Величества особливой из того пользы не предвидится, для того, что, как известно, зенгорские места пространные и особливо выгодные: то хотя ныне, когда те зенгорские места в китайском владении находятся, к кочеванию на оные киргиз-кайсаки Средней Орды всячески с их стороны и склоняются, и в том сколько ни колеблются, однако же страх китайского, как известно, тиранского владения в некоторых из них остаётся, и от того многие еще и несклонными к тому являются. А буде бы китайцы от оной земли отступились, наперёд угадать можно, чтоб Средней Орды киргиз-кайсаки все вообще и немедленно на оную перешли и тамошнею выгодностию переманили имеющуюся киргиз-кайсацкую орду, кочующую за Оренбургом. А из сообщения сих орд еще тягостнейшее соседство для здешней стороны произошло бы, какое было в рассуждении зенгорского народа, который, как был идолопоклоннического зловерья, толь меньше мог иметь скопа с находящимися на границах здешними подданными магометанами; напротив того, буде бы у киргиз-кайсак дошло до общего сообщения, таким образом, чтоб они, перешед на зенгорские места, сделались ни от кого не зависимыми и со всеми в Великой Татарии находящимися магометанами, соседними областями возымели обязательство, они столь сильными и для здешней стороны сделаться могли бы, чтоб всегда надобно было находиться в крайнем сомнении и о всех живущих при границах здешних подданных магометанах, которых в Сибирской и Оренбургской губерниях, причитая к тому и башкирцев, находится множественное число. Почему при всех сих обстоятельствах, сколько ни уваживалось бы усилование в тамошней стороне Китайского государства, однако ж больше сделать не можно, как токмо принять в рассуждение

другое сибирского губернатора Соймонова, обще с генералом Веймарном и бригадиром Фрауендорфом представлено о занятии от Усть-Каменогорской крепости при реке Бухтарме угодных к поселению хлебопахотных мест и о построении на оных в удобных местах крепостей, дабы тем толь лучше с тамошней стороны загородиться и, что не меньше нужно, предварить, чтоб китайцы оных не заняли и не возобновили прежних зенгорских владельцев претензий на крайние сибирские места.

6. И хотя напредь сего все бывшие зенгорские владельцы в чинённых к здешней стороне о занятии здешними городами и крепостьми будто им принадлежащих земель протестациях всегда отзывались, якобы в прежние времена границы между Всероссийской империей и их владением учинены были с теленгутами, им подчинённым народом, в близости тамошних мест кочевавших вдоль по реке Иртышу по Омь-реку, и будто там и засека была, а в другом месте под Кузнецким уездом за границу положена была Уэнь, или Чёрная Омь, которая впала в реку Обь, и притом поставлено было, чтоб сторон далее того не переходить, и будто на тех землях жили их люди, но с российской стороны, преступя оные границы, построены потом города Томск, Кузнецк, Красноярск и крепости по Иртышу и заводы; однако же со здешней стороны бывшим здесь затем зенгорским посланцам в 1735 году ответствовано, да и потом всегда при случаях в их сторону объявлено было, что в тех местах границ и засек и иных знаков никогда не бывало, а если б оные прежде сего чинены были, о том имело быть письменное на обе стороны утверждение, но к тому причины никакой не было, понеже в свете земля исстари к Российской империи принадлежит...

7. ...По сю сторону реки Иртыша места до самого озера Нор-Зайсана, через которое оная река протекает, почитались всегда принадлежащими ко Всероссийской империи, и потому кажется весьма нужно, упреждая могущее быть с китайской стороны занятие, как наискорее заступить линиею и сделанием в удобных местах крепостей те места от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телецкого озера... А если бы с их стороны произошла протестация, можно им на то тож самое ответствовать, что напредь сего ответствовано было зенгорским владельцам, с таким прибавлением, что хотя оные места доныне лежали и впусте, но сие, однако же, было потому только, что тамошние селения во оных еще нужд не имели; а как ныне те селения столь-

ко умножились, что жителей своих вмещать не могут, для того нужда настала заводить новые жилища....

8. Что же касается до представленного, помянутым же сибирским губернатором с прочими, переселения около Усть-Каменогорской крепости до двух тысяч человек из состоящих в ведомстве Тобольской провинции крестьян и разночинцев, то хотя Коллегия иностранных дел почитает и сие за дело весьма нужное, однако же как распоряжение в том от неё не зависит, почему всё то передаёт на рассмотрение Сената...

1 сентября 1760 года.

Подлинное подписал граф Михайла Воронцов.

[По рапорту майора Шанского от 7 сентября 1760 года]

В вершинах Ульбы беглыми русскими было посеяно несколько хлеба. Новые поселенцы в деревне Глубокой, не успевши обзавестись хлебопашеством, испросили позволение снять тот хлеб. Шанский доносит, что путь туда чрезвычайно затруднительный: гористый, со множеством переправ. На горах выпали уже снега; что хлеб, вероятно, высыпался от ветров или выклеван галками, которые и казённому хлебопашеству вред чинят. По рапорту к Шанскому Уткина, при избушках тех беглых людей было посеяно пшеницы, ярицы, ячменю, гороху, репы, конопли и льну до 10 десятин.

***

10 августа 1700* года из Усть-Каменогорской крепости майор Шанской донёс, что ему из деревни Прапорщиковой капрал Шанской рапортовал, что на улице у казарм присыльная девка Алёна Петрова ему обсказала, что она имеет в Усть-Каменогорской крепости объявить важность на крестьянку Дарью Иванову и имеет тому свидетеля, драгуна Шарапова. Девку Иванову и драгуна капрал в Усть-Каменогорской крепости за караулом прислал, и она была допрашивана и показала: «Сидели они с Шараповым и Ивановой на улице, и я говорила, что ссыльную жёнку Емильянову за блядовство команду имеющий в оной деревне капрал штрафовал плетьми». А Иванова говорила, что «у вас, де, присыльных, деньги дёшевы; вы, де, и монетами г... подтираете». Иванова отпёрлась, и свидетель отпёрся, и Петрова после очных ставок отпёрлась, и всё то затеяно на-

* Скорее всего, опечатка, нужно 1760 год.

прасно, за то, что Иванова сказала, что если бы у неё не ребенок, то она и других ссыльных в блядовстве поймала бы.

[О распоряжении сибирского губернатора от 7 октября 1760 года]

В нём он извещает генерала Веймарна, что их общее представление в Сенат уважено и получено согласие к переселению двух тысяч семей, и потому просит Веймарна прислать ему сведения об удобных для земледелия пунктах в местах: 1. От Бийской крепости до Колывано-Воскресенского завода для шестисот семей из Енисейского и Красноярского уездов. 2. По Бухтарме-реке около Усть-Каменогорска и от него по внутренней линии до Колывано-Воскресенского же завода, восьмисот семей. 3. Около Семипалатинска и от него вниз по правому берегу Иртыша, хотя бы и на 50 вёрст от реки, шестисот семей из подгородных Ялотуровского, Ишимского и Краснолуцкого дистриктов.

Прошение жены тобольской артиллерии канонёра Еркина Ульяны, Васильевой дочери, 23 ноября 1760 года

В прошлом 1758 году я, нижайшая, по сговору Ширванского пехотного полка за солдата Василья Иванова Кузлякина отдана была в замужство, с которым и жила полгода. А как по указу Вашего Императорского Величества велено те полевые полки вывести из Сибири в Россию, то помянутый муж мой, солдат Кузлякин, оставил меня в крепости Железной, где я, по отбытии его, жила три года, и как я после была беременна и родила сына, то на четвёртый год ямышевский заказчик Тимофей Седачёв сказал мне, нижайшей, будто бы прежний муж мой, вышеписанный Ширванского пехотного полка солдат Василий Кузлякин, помре, зазвав меня знатно по подговору вышеписанного канонёра Еркина, к себе в дом и, напоив меня пьяную, привёл в церковь и с вышеписанным канонёром обвенчал сильно. А по обвенчании с ним, Еркиным, я года четыре во всегдашних от него несносных побоях и различных изгонительствах, которых даже чрез всё бытие моё с ним не могла претерпеть, и сего убо году в июне месяце от него бежала и явилась Барнаульского ведомства в деревне Подкрушихе и оттуда прислана в Барнаульский завод к тамошней военной команде, а оттуда отправлена в Ямышевскую крепость, к вышеозначенному мужу моему, кано-

нёру Еркину. В бытность мою в Барнаульском заводе под караулом сказывал мне подпоручик Василий Чубаров, что вышеозначенный прежний мой муж, солдат Кузлякин, по отбытии его, Чубарова, остался в Москве ещё жив, и он его знает, да и в бытность мою за ним, Еркиным, были от прежнего моего мужа Кузлякина письма из Москвы, которые остались ныне, по побеге моём, у него, Еркина. Дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было меня, нижайшую, от помянутого мужа моего, канонёра Еркина, высочайшею Вашего Императорского Величества матернею милостию, по содержимым духовным регулам, как он всегда меня, нижайшую, несносными и преотягчайшими побоями утруждает, избавить и [к] мужу Еркину в крепость Ямышевскую не отправлять, а оставить здесь, в Колыванском заводе, у родственников моих, дабы я, нижайшая, чрез несносные и преотягчайшие от него, Еркина, всегдашние побои не могла вящее себя предать в напасть, и во усильном же меня, нижайшую, с речённым Еркиным также и о ложном объявлении, что прежний муж мой помре, заказчика вышеписанного Тимофея Седачёва исследовать и учинить с ним по указу Вашего Императорского Величества».

[По прошению томского купца Павла Воронова 1760 года]

В августе 1760 года приехал в Семипалатную крепость для торгу с киргизами томский купец Павел Воронов, пашпорт его, по обычаю, был отобран крепостным адъютантом, вахмистром Мозенцовым, для записки; окончив торговлю, Воронов пошёл за пашпортом к коменданту, подполковнику Тюменеву; Тюменев же, увидя его «с оною просьбою, перед окном и в сенях и на крыльце всякою непотребною и скверною матернею бранью и с великим криком бранил, называя плутом и вором, чего я ни от кого такой брани не слыхал». В сентябре месяце Воронов опять пришел к Тюменеву, уговорив караульных допустить его к нему, что было запрещено. Тюменев опять обругал его плутом, вором, «да ещё и бил меня своими руками и по щекам, и по голове, и по бокам, с которого я крика и брани и битья в тех сенях стоя, яко в неуме находился». 11 числа, во втором часу ночи, Тюменев уже сам послал за Вороновым двух караульных гренадёр, ещё обругал его, но не бил, выдал пашпорт и велел выехать из крепости. Донося обо всем этом Семипалатной таможне, Воронов прибавляет, что и «впредь для торгу в здешней крепости

с азиатскими народами, как мне, так и другому купечеству с товарами, в бытность его, г. Тюменева, приезжать уже опасно».

Рапорт Семипалатинской канцелярии от 13 апреля 1761 года

10 апреля вновь поселившиеся между Талицкого форпоста и Озерного станца на реке Берёзовке крестьяне Яков Ляпунов с товарищи донесли, что «ныне, де, приходит уже время вешнее и надлежит при той новой деревне на посев хлеба новые земли распахивать и на залоги к предбудущему году рожь сеять, а ярового, де, хлеба на те залоги по твёрдости новой заложной земли и по незнаемости оной к урожаю сеять при той деревне опасно, а желают оного ярового хлеба сеять на распаханные мягкие земли ведения Усть-Каменогорской крепости в деревнях Убинской и Прапорщиковой и в Шульбинском заводе», а потому и просят уволить их в те места.

Города Тюмени и Краснослободского дистрикта крестьяне и разночинцы пожелали на Красный Яр 65 человек мужеска пола.

***

Несколько крестьян, Денис Боровиков с товарищи, выселившихся к Усть-Каменогорской крепости 4 декабря 1761 года, обыскали себе место близ старицы Зевакиной.

21 декабря 1761 года Ялотуровского дистрикта крестьяне и разночинцы пожелали на Красный Яр, 61 человек мужеска пола.

[Из рапорта бригадира фон Фрауендорфа генералу фон Веймарну от 28 июля 1761 года]

Все обыватели Убинской деревни просили фон Фрауендорфа, чтоб перевести в их или Глубокую деревню из деревни Талицкой крестьян Ляпуновых, затем, что «они, Ляпуновы, имеют за собою кузнечное искусство; и что как в Убинской, так и в новой Глубокой и Прапорщиковой ни одного из крестьян, знающих кузнечного искусства, не имеется, и для, де, исправления к их надобности сошников, топоров, кос сенокосных и проч. ездить принуждены, по неблизкому расстоянию, в крепость Усть-Каменогорскую».

[Документы о переселении крестьян 1762–1763 годов]

15 февраля 1762 года города Тюмени, Туринска, Ялотуровска, Ишима из дистрикта* крестьяне пожелали в слободу на Красный Яр, 132 души мужеска пола.

22 июля 1762 года оттуда и туда же, за крайним их в пашенной земле и сенным покосным оскудением, 99 душ мужеска пола.

22 февраля 1763 года туда же 142 души мужеска пола.

Из деревни Убинской, где вновь выселившиеся крестьяне причинили недостаток земли, некоторые пожелали основать при Усть-Выдрихе новую деревню, 16 семей 38 душ.

* Так в тексте.

Раздел 2

СИБИРСКИЕ СЕЛЕНИЯ

Из ведомости о числе податных душ Кузнецкого ведомства по переписи 1723 года

В городе Кузнецке и ведомства его острогах и слободах разночинцев и крестьян и посадских людей по переписям 1719 и 1723 годов[1] написано 7154. Из того числа выключено дворян, детей боярских и служилых 580, подьячих 4, выведенных на прежние жилища 19, вдвое написанных 39, ясачных 9, приписано к заводам 1702, всего 2353. Осталось на окладе 4801; из них бежало 173, померло 1458, сгорело 124, отдано в рекруты 459, по делам сослано в ссылку 7, выведено в Колыванские заводы 4, повёрстано в казаки, солдаты и драгуны, за которых подушные деньги платятся раскладкою, 16, всего выбыло 2241; осталось 2560. После генеральной переписи вновь явилось и записано в подушный оклад 383 человека, из которых 4 выслано на прежние жилища, 18 бежало, 46 умерло, взято в рекруты 5. Всего, за всеми выключениями, остаётся податных душ 2870.

Дело, начатое с 23 декабря 1734 года, по доношению уртамского крестьянина Ромашёва

Он пишет, что послан был во Томскую воеводскую канцелярию с росписным списком от прикащика Астраханцева и с колодником Уртамского же острога, с дьячком Петром Скороходовым, арестованным за покражу в кабаке денег и вещей, но что в деревне Кожевниковой уртамской поп Дмитриев да уртамской подьячий Сорокин встретились с ним, и Сорокин взял у него письма, пересмотрел и доношение о Скороходове изорвал. Тогда Скороходов сказал, что ему «ехать в Томск не по што, да и не для чего», и уехал с попом и подьячим обратно в Уртам. Поэтому и просит не спрашивать себя более о колоднике, а виновных вытребовать в воеводскую канцелярию. По сему доношению сделано распоряжение, подписанное Яко-

вом Некрасовым, чтобы выслать в Томск в колодках Скороходова и Сорокина, а о присылке от попа объяснения просит монастырь. О высылке Скороходова и Сорокина послан был 23 числа указ в Уртам прикащику Астраханцеву, и Астраханцев ответил на это в январе 1735 года таким доношением, что «1-е, в указе это ложно; 2-е, оной, де, крестьянин Ромашёв у меня служит по найму, вместо служилого человека, и я ему наказал, чтобы он из пакета писем никому не отдавал; 3-е, что, де, оный Ромашёв добровольно отдал таковой пакет попу Дмитриеву, понеже у него, попа, взял серебряный крест под золотом, а подьячему Сорокину дал полтину денег, для того, чтобы помянутый Сорокин сему попу в оном не возбранял; и 4-е, что, де, я, Астраханцев, посылаю в воеводскую канцелярию при отписке Ромашёва и дьячка Скороходова, для подлинного допросу, а подьячего Сорокина в Уртаме удерживаю для того, что мне без него письменных дел вести невозможно; а ежели сыщется какова вина, то я повинен и сам оного Сорокина штрафовать без милости». Резолюция была на это за подписом Некрасова: «Послать указ Её Императорского Величества Астраханцеву, чтобы он прикащика подьячего Сорокина конечно выслал в Томск на своём коште в колодке под караулом, при донесении без всяких отговорок, не отписываясь». В самом этом посланном указе 17 января Астраханцеву сделан был предварительно выговор за то, что он Сорокина не прислал и что в своем донесении написал: «Ежели сыщется какая вина, то ты и сам оного Сорокина будешь штрафовать без милости; а то ты, Астраханцев, пишешь в своем доношении про дерзость немалую, что тебе писать не надлежало, понеже по указу Её Императорского Величества велено тебе оного Сорокина к следствию выслать в Томскую воеводскую канцелярию без удержания, а ты его, Сорокина, неведомо для чего удержал в Уртамску и явился тому указу ослушен и закрывая его воровство. В том же своем доношении пишешь, будто бы на него, Сорокина, Ромашёв показал напрасно, без следствия дела, яко бы какой философ за очью: за это будешь ты штрафован неотменно». И в этот же день, как послан означенный указ, допрашиваем был в канцелярии управляющим за воеводу Яковом Некрасовым попов сын Скороходов и показал, что он у целовальника из-за стойки никогда ничего не крадывал, а наговорил, де, на него поп Дмитриев прикащику Астраханцеву напрасно; но что, де, по этому доносу Астраханцев его, Скороходова, заклепал в колодки и хотел послать в Томск под караулом с крестьянином Ромашёвым; только того дня

его не повели, а повезли на другой день. И во время пребывания Скороходова в Уртамском остроге поп Дмитриев пришёл к Скороходову в дом с выборным старостой Ромашёвым Михайлом и сознался в своём неправом обвинении, и потому велел Ромашёву колодки снять с Скороходова, и что, де, эти колодки точно и сняли без ведома Астраханцева, который в тот вечер отправился в деревню Кожевникову; и потому он, Скороходов, и выборной Ромашёв, и Иван Ромашёв, караульный, и поп отправились к Кожевникову же, только Астраханцева там не застали; что, де, поп послал за ним нарочного, и как он приехал туда опять, поп рассказал ему о своем поклёпе напрасно, и Астраханцев уехал домой; что, де, после этого Скороходов 4 дня ждал от Астраханцева отповеди о поездке в Томск, но не получил; что, де, в это время поп с целовальником мирился и обещал ему заплатить за пропажу и отдал при Скороходове целовальнику пять рублёвых монет, а остальных денег просил подождать; что, де, в той же деревне подьячий Сорокин у Ромашёва писем никаких не бирал и не дарывал и не говорил, что в Томск ему, Скороходову, ехать не по что и не для чего, и что поп с сим, Сорокиным, его, Скороходова, от Ромашёва насилием не отбивали и в Уртамской острог не уваживали. За сим следует доношение Астраханцева от 19 января, при котором привезён в канцелярию Сорокин. 21 января Сорокин Яковом Некрасовым был допрашиваем и показал, что в декабре месяце, а которого числа не упомнит, был он точно в деревне Кожевниковой с прикащиком Астраханцевым для производства следствия о неотдаче целовальнику напойных денег конным казаком Дмитрием Кожевниковым и его дворовыми людьми и что в тот же вечер в деревню привезли Скороходова, но что он, Сорокин, в то время и никогда у Ромашёва посланных бумаг не смотрел и слов таких, что Скороходову ехать в Томск не по что и сам письма о Скороходове в руки не брал и Скороходова с собой в Уртам не увозил, но что в той же деревне поп Дмитриев, остановившись в доме крестьянина Пахомова, просил Ромашёва отдать ему пакеты с доношениями и распечатать и велел потом просмотреть ему, Сорокину, а дьячка Скороходова в Томск не велел высылать и говорил, что дьячок в краже денег невинен, что его оговорил он, поп, напрасно и что в той краже была вина его, попова, и обещал оные покраденные деньги и прочее, что покрадено, заплатить; токмо он, Сорокин, того пакета не распечатывал, а распечатал с позволения Ромашёва, упросивши его, сам поп, и что Ромашёв о Скороходове

пакет отдал сему попу добровольно, и за это поп дал ему, Ромашёву, от себя крест серебряный, под золотом, почему признавает он, Сорокин, что оной крест оный поп ему, Ромашёву, дал и доношение к себе взял, хотя укрыть виннокражей и подлинное свое воровство. И оное донесение и ныне имеется у попа Дмитриева». В заключение Сорокин добавил, что «он после этого уехал один в Уртам, а поп и дьячок и после него там оставались, стало быть, он, Сорокин, дьячка не увозил. А всё дело и все речи с попом были в доме Пахомова». За сим 24 января 1735 года к допросам представлен был прикащик Астраханцев и показал, что «заключил в колодки и послал в Томск с крестьянином Ромашёвым поповского сына Скороходова, по прошению в Уртамском остроге винной продажи целовальника, у коего украли денег 17 руб. 50 коп., да закладные перстни, серьги, кресты и прочее, и который подозревал в воровстве означенного Скороходова, а Скороходов совсем запёрся; что после сего распоряжения Ромашёв с колодником ещё приготовлялись к отъезду, а Астраханцев поехал за своей женой в деревню Десятову, но, по присылке нарочного от попа Андрея, воротился в Кожевникову деревню, потому что поп покраденные у целовальника деньги обещал отдать ему, целовальнику, но что когда Астраханцев увидел, что поп предлагает целовальнику только 5 рублёвых монет, и то на письме, и целовальник этого не хочет, и мир поэтому между ними не состоится, тогда велел неотложно вести колодника в Томск и уехал из Кожевниковой деревни домой в деревню Десятову, и как после сего поп взял у него бумаги и увёз с собой колодника, ничего не знает». Затем Астраханцев «снова повторяет, как в первом донесении, что «Ромашёву, служащему по найму, не велел никому отдавать посланных бумаг, а что Ромашёв отдал их попу Андрею добровольно, посему взял с него крест серебряной под золотом, и что бумага о Скороходове и ныне цела у попа Андрея». В заключение же Астраханцев, выпутывая себя, винит уже Сорокина: «а в оном доношении будто помянутого Сорокина удержал он, Астраханцев, для того, что, де, без него письменных дел править не возможно, а ежели, де, сыщется какая вина, то, де, он, Астраханцев, повинен и сам оного Сорокина штрафовать без милости, того ничего он, Астраханцев, оному Сорокину писать не велевал, а писал оной Сорокин, оправдывая самого себя, а руку он, Астраханцев, хотя и приложил, но, не прочитав, поверя ему, Сорокину, за безмерною своею болезнию». Что же касается до попа Андрея, то он дал такое донесение 14 января: что, де, «точно в де-

кабре прошлого года 17 числа был он с требой в деревне Кожевниковой и, зайдя в дом к Пахомову, встретил там подьячего Сорокина и Ромашёва с колодником; что тут Ромашёв сам стал просить Сорокина, чтоб он распечатал посланный с ним пакет прикащика и, вынув оттуда бумаги, изорвал их, что точно и сделал Сорокин, и он, поп, того не делывал и колодника у Ромашёва не отбивал, а Ромашёв сам оставил колодника в Кожевниковой, говоря, что целовальник поклепал его напрасно и что в Томск вести его поэтому не за чем. Того ради оный Ромашёв ему, Сорокину, вышепомянутый пакет распечатать и письмо и донесение о Скороходове изодрать велел».

Дело, начатое по донесению в Томскую воеводскую канцелярию томского боярского сына Панова, от 2 октября [1735 года]

Панов писал в донесении: «Сего 1735 года, по указу Её Императорского Величества из Томской воеводской канцелярии, ездил я, нижеподписавшийся, из Томска в Томский уезд, в Ачинский острог, для следствия по челобитью Басагарской волости новокрещённого ясашного татарина Аглыбаева, Кийской волости, на попа Никифора Иванова в грабеже, в бою и увечье. И будучи я на Чулымереке в остяцких юртах, на оного ж попа, Никифора Иванова, показали ясашные татары в обидах: 1. Что он, поп Никифор, с пономарём Ерлыковым брал с них, татар, грабежом, а именно Чигинской волости с Мукашёва зверьми: соболя да лосину, которых зверей он, Мукашёв, хотел отдать в казну Её Императорского Величества в платёж ясака; Басагарской волости у жёнки Анны Торгормовой коня светлокаурого да шубу козлиную; у Балакашева восемь горностаев; той же Басагарской волости у жёнок Таканака да Уюмача Катушевых взяли двух лошадей; да с них же, иноземцев, брали деньгами по 2 коп., а на какую, де, потребу оные кони, звери и деньги оные поп и пономарь с них брали, не ведают», и посему обиженные просили судоудовлетворения. 2. На оного же попа Никифора показал Кийской волости житель, ясашной татарин Сагандаев, что «в нынешнем 1735 году, в неделю святой Пасхи и в день вешнего Николина дня, оного попа сватья Арина, Иванова дочь, Капустина, ходя по деревне, при церкви сказывала на него, попа, духовное дело[2]; а сноха его, попова, Палагея, Петрова дочь, сказывала, что, де, он, поп, взяв её, Палагею, в замужество за сына своего малолетнего и растлив, он, поп, девство её, прижил с нею младенца; и о том, де, их извете он, Саган-

даев, с товарищи в Спасском селе прикащику Сеченову подали заручное известие и просили, чтоб, де, оное известие он, Сеченов, при доношении объявил в Томской воеводской канцелярии; но о том они не известны». За сим, с прописаньем настоящего донесения, следовала из канцелярии в Алексеевский монастырь промемория о допросе попа Никифора. Далее находится копия с следственного дела и самоё дело. Вот сущность ответов, деланных 22 октября: «1. Сватья попова Арина Иванова сказала, что она в Пасху и Николин день на попа Никифора никаких слов не говорила. 2. Сноха говорила то же и прибавила, что младенца прижил ей муж её. 3. Курчиковой волости ясашный новокрещённый есаул Сагандаев при допросах, по присяжной должности, сказал, что, де, я в неделю святой Пасхи, при церкви был, а у Авдотьи поповой на него, попа, духовного дела не слыхал и от снохи поповой на него, попа, слов никаких не слыхал и в Спасском селе Сеченову известия заручного не подавал и Якову Панову никаких речей не говаривал и письменного донесения не подавал, а в вешной Николин день при церкви не был, а был я в отъезде, ночевал три ночи за своею нуждою». (К сему допросу Сагандаев по своей вере знамя приложил[3], а знамя отписал вместо него, есаула, трапезник Иван Тимофеев. Дальше точно так же 12 человек спрошенных свидетелей совершенно отказались, что ничего не слыхали. Чем всё кончилось, документов нет.)

Книги записные города Томска церкви Богоявления [1735–1739 годов]

Старосты Клестова с 1735 года июля, что при той Богоявленской церкви на церковное строение и прочие церковные потребы в расходе денег. Всего в 1735 году 38 руб. 57 коп. В 1736 году 492 руб. 1 коп.*; в 1737 году 53 руб. 52 ½ коп.; в 1738 году 46 руб. 86 коп.; в 1739 году 72 руб. 31 ½ коп. Замечательнейшие расходы были в 1735 году в июле: за четыре безмена воску 2 руб. 20 коп., за два воза бересты 16 коп., за воз 10 коп.; за полведра церковного вина 2 руб.; за пуд пшеничной муки на просфоры 16 коп.; в августе: за пуд пшеничной муки для просфор 20 коп.; в сентябре: за 4 фунта воску 2 руб.; куплено моху две телеги, повреждённые углы мшили и за конопатку 30 коп.; за работу двух пудов мелких свеч 80 коп.;

* В этот год производилась поправка церкви (прим. Г.Н. Потанина).

в октябре: за пуд пшеничной муки 25 коп.; за пуд соли 21 коп.; за пять сажен дров (по 24 коп. сажень) 1 руб. 20 коп.; за десять сажен дров (по 20 коп. сажень) 2 руб.; за безмен воску 50 коп.; в ноябре: за десять сажен дров (по 20 коп. сажень) 2 руб.; за пуд муки пшеничной 21 коп.; за десть бумаги 10 коп.; архиерейскому подьячему дали священники с причетниками 10 коп.; за сажень дров 20 коп.; за пуд воску 9 руб.; заплачено полавочных денег 5 руб. 25 коп. В 1736 году в январе: за безмен воску 55 коп.; за 30 сажен дров 6 руб.; за железный заступ 7 коп.; за сланье свеч с пуда 40 коп.; за сланье двух пудов 83 коп.; два пуда муки (по 18 коп. пуд) 36 коп. и пуд муки 20 коп.; в марте: за 530 тесниц тёсу 19 руб.; за 100 брёвен 4 руб.; за 20 брёвен 60 коп.; за 11 брёвен больших 3 руб. 30 коп.; заплачено в апреле полавочных денег в год 5 руб. 25 коп.; в июне: за 4450 гвоздей крупных и средних 16 руб. 88 коп.; за пуд железа кришного 25 коп.; за 400 кирпичей 52 коп.; в июле: за 20 телег бересты 1 руб. 80 коп.; за три бревна долгих 60 коп.; за 12 листов жести 84 коп.; за сноску с берегу к церкви 100 тесниц работные 30 коп.; за 65 листов жести 4 руб. 55 коп.; за рытьё канала от церкви до реки 3 руб.; в августе: за два пуда пшеничной муки 50 коп.; плотникам за работу двух ворот 6 руб.; в октябре: за ¼ ведра вина 1 руб. 20 коп.; за рубку дров по 6 коп. сажень; за безмен воску 55 коп.; в ноябре: безмен воску 55 коп.; дано просвирнице в год за труды 1 руб.; за сосновые дрова (по 18 коп. сажень) 12 сажен 2 руб. 16 коп.; в декабре: вина церковного за ведро 4 руб.; за 5 сажен дров 1 руб.; от сланья свеч за 2 пуда 80 коп. В 1737 году в феврале: за безмен мёду на кутьи 25 коп.; в марте: трапезнику за год 70 коп.; за висячий замок с шишкой 20 коп.; за пуд воску 9 руб.; в апреле: за пуд муки 27 коп.; за переплёт и оболочку в бархате Евангелия 50 коп.; в мае: за пуд пшеничной муки 21 коп.; за внутренний замок к лавке 50 коп.; за переплёт Пролога 90 коп.; в июне: за пуд муки 27 коп.; за безмен воску 60 коп.; в сентябре: за безмен воску 60 коп.; за пуд муки 24 коп.; от сланья свеч с пуда 40 коп.; в октябре: за 10 листов белого железа 70 коп.; за 200 сапожных гвоздей 15 коп.; в ноябре: за безмен воску 70 коп.; за 2 сажени дров 40 коп.; в декабре: за полпуда соли 10 коп. 1 деньга; за три ведра церковного вина (ведро 3 руб. 50 коп.) 10 руб. 50 коп.; за безмен воску 80 коп.; за три сажени дров (по 21 коп. сажень) 63 коп. В 1738 году в январе: безмен воску 55 коп.; за пуд воску 9 руб.; за фонарь 10 коп.; в феврале: дрова сосновые по 30 коп. са-

жень и по 25 коп.; за десть бумаги 13 коп.; за безмен мёду 30 коп.; и так далее цены такие, как прежде, дровам, воску и муке, именно: дрова 25, 30 коп.; воску безмен 60, 62 коп.; мука 20, 25 коп.; полавошных платили 5 руб. 25 коп.; соли пуд 22 коп.; особенные расходы: за переплёт Следованной Псалтыри 1 руб. 20 коп.; за топор 20 коп.; за ведро вина церковного 6 руб. В 1739 году всё то же.

Книги записные города Томска церкви Богоявленской [1735–1739 годов]

Старосты церковного Алексея Матвеева, сына Клестова; в бытности его при означенной церкви старостою с 1735 года июля с 6 числа. Здесь значится приходу: в июле принятые от бывшего старосты Шумилова 250 руб. Всего же в 1735 году приходу 357 руб. 87 коп. В 1736 году 50 руб. 32 коп.; в 1737 году в приходе 41 руб. 95 коп.; в 1738 году в приходе 225 руб. 3 коп.; в 1739 году 73 руб. 49 коп.

Был ещё приход Богоявленской церкви от отдачи в наём келий, именно: в 1735 году в сентябре 1 числа отданы 3 келии вдовам, одна за 70 коп., другая за 50 коп., а третья за 40 коп. в год. В 1736 году отдана келья за 1 руб. 6 января; 1 мая отдана келья Акулине Борковской за 50 коп.; 1 октября отдана келья тоже за 50 коп. В 1737 году 3 апреля отдана келья той же Борковской за 50 коп. В 1738 году в марте отдано 4 кельи, три по 50 коп., одна за 1 руб.; в 1739 году в ноябре одна келья за 50 коп. Был приход от отдачи лавок в наём, именно: в 1735 году в июле отдано было 2 лавки по 10 коп. в неделю и три лавки по 5 коп. и выручено за них за разные сроки 5 руб. 82 коп. В августе отдано было 6 лавок по 10 коп. в неделю и 2 лавки на год по 4 руб.; выручено за все за них 13 руб. 95 коп. В октябре отдана лавка по 6 коп. в неделю, получено 12 коп.; в ноябре 4 лавки отдано было по 10 коп. в неделю, одна по 12 коп. в неделю и одна в год за 4 руб., да взято с клади Григория Перевалова, которая лежала под церковью[4], 60 коп. (всего 3 руб. 50 коп.). Итого в 1735 году с отдаточных лавок выручено 29 руб. 3 коп. В 1736 году в феврале отдано 4 лавки по 10 коп. в неделю, и получено на разные сроки 3 руб. 15 коп., да положена была кладь от купцов под церковь, взято 2 руб. (всего 5 руб. 15 коп.). В марте за 5 лавок, по 10 коп. в неделю, выручено 3 руб. 30 коп., да купцы клали товары под трапезой, отдали за 8 недель и три

дня 1 руб. 28 коп. (всего 4 руб. 58 коп.). В апреле 2 лавки, одна в 15 коп., другая за 5 коп., да 2 лавки годовых по 4 руб., да еще 3 коп. с одного [купца] за лавку (всего 11 руб. 42 коп.). В июне 3 лавки по 5 коп. и одна по 4 [коп.] в неделю (всего 1 руб. 75 коп.). В июле 2 лавки по 4 коп., одна в 5 коп. и одна в 10 коп. (всего 90 коп.). В августе и сентябре за 5 лавок по 10 коп. в неделю: за одну по 8 коп., за 2 по 5 коп., за одну 6 коп. и за годовую лавку 1 руб. (всего в августе 10 руб. 75 коп., в сентябре 3 руб. 40 коп.). В ноябре 2 лавки по 10 коп. в неделю, одна в 6 коп., одна в 15 коп. (всего 3 руб. 95 коп.). Всего в 1736 году с отдачи лавок церковных 41 руб. 90 коп. В 1737 году на лавках цены положены были такие же, как прежде, то есть в 5, 10 и 7 коп., и выручено в январе 1 руб. 50 коп., в феврале 8 руб. 27 коп.; в мае 80 коп.; в июне 1 руб. 70 коп.; в августе 2 руб. 15 коп.; в сентябре 5 руб. 64 коп., всего в 1737 году 20 руб. 60 коп. В 1738 [году] во все месяцы всего 14 руб. 98 коп. В 1739 году всего за лавки, по тем же ценам, 36 руб. 7 коп. Годовые лавки в последние два года шли, впрочем, уже по 3 руб. 50 коп. и по 3 руб.

В числе кортомящих лавки между множеством собственных имён поминаются прикащик Демидова швед Грайн, татарин Ибрагим, купцы приезжие, казанский татарин, портные, московский купец, тобольские татары, тобольской купец, тарский купец, приказчик Журавлёва, компанейщики (брали д ля клади место под трапезой и занимали его 20 недель), тулянин, иконники тобольские купцы, тобольский житель, Красноярского завода солдат, табачник казанец, татары, курченин, два володимирца, 5 тульских купцов, тобольские купцы и поляк.

[Обращение прихожан села Богородского, церкви Богоматери Одигитрии, 1 декабря 1736 года]

Прихожане (перечисляются 29 человек, с прибавкой и всех той церкви прихожан) согласно избрали и приговорили Екатеринбурского ведомства, Невьянской слободы, Богородской церкви попа Словцова, «чтобы за сим нашим, данным ему от нас, заручным приговором, быть у нас при церкви Богородицы Одигитрии в священнослужении; того ради Вашего преосвященства всепокорно просим, дабы указом Вашего преосвященства соблаговолено было сей наш приго-

вор принять и над нами милость показать». При сём приговоре есть и прошение попа Климента.

[Сообщение церковного старосты Алексея Мохнашина от 15 января 1738 года]

По указу Её Императорского Величества. В Томску, в Алексеевском монастыре, у заказных духовного правления дел[5] Томского города Богоявленской церкви церковный староста Алексей, Матвеев сын, Мохнашин, сказал, по святой евангельской непорочной заповеди, еже ей, ей! в правду: «В бытность мою при церкви Богоявленской, в кошелёк сбор бывает в торжественные и господние праздники, и собирается тех денег самое мало число, рубля по 2 и по 3 на год, а именно: в прошлом 1736 году собрано 3 руб., в 1737 году 2 руб., и оные деньги в расход употреблял на церковные необходимые нужды: на вино церковное, на просфоры и на воск, и на ладон, и на дрова церковные; а других доходов не бывает, и церкви Божией довольствоваться не от чего; и в том церковном оскудении и священнослужению бывает остановка; и ежели указом Её Императорского Величества собираемые в кошельке деньги на церковные потребы в расход запрещено будет употреблять, то и нам в священнослужении остановка будет. И в том оной Мохнашин сказал сущую правду; ежели что в вышеписанном сборе утаил, а мимо меня чрез кого донесено будет, и за то, по указам Её Императорского Величества, мне учинить. К сей сказке вместо старосты Мохнашина по его прошению дьячок Фёдор Буёнов руку приложил».

Промемория из Томской воеводской канцелярии в томский Алексеевский монастырь [26 января 1738 года]

В ней пишется, что «томской боярский сын Панов донёс из Каинского и Убинского форпостов, в которых находится с томскими служилыми людьми для обережи от неприятелей, что в прошлых годах, по указу Её Императорского Величества, имелось в них из духовных священников по одному человеку, а ныне тут священников уже с год не имеется, а служилые люди бывают в болезнях и имеют опасение, чтобы им не помереть без покаяния. Почему все и просят о присылке в форпост священника».

Воеводская канцелярия, с своей стороны, также просит об этом определении к Каинскому и Убинскому форпостам кого-нибудь из священников по принадлежности. Подписано секунд-майором Степаном Угримовым.

Указ Её Императорского Величества, самодержицы Всероссийской, из Тобольской архиерейской духовного правления комиссии в Томск закащику Богоявленской церкви священнику Михаилу Григорьеву[6] от 15 мая 1738 года

За подписом управителя Корташёва и управителя Кокоринова, за №176. «Понеже по многим отправленным с присланных Её Императорского Величества из Святейшего правительствующего синода письменных и печатных указов и форм к преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, из учреждённой от его архиерейства на исправление дел тех, что о духовности надлежит, комиссии, по всем его архиерейства епархии[7] заказным и не имущим заказного правления священнослужителям, дабы скорое и порядочное отправление чинилось от каждых священников с причетники, на свой приход обретающимся мужску и женску полу, всех чинов исповедавшимся и не исповедавшимся, и о раскольниках, где суть, и о прочем тому подобном, указом посланным должного отправления к совершенству не видится, но и подтверждение последне посланного марта 17 числа сего года о скорой же отвсюду присылке выше требуемых нами на четыредесятницу сегодную росписей[8] (как срок показан, а именно: по той четыредесятнице спустя 2 недели прислать), ниоткуда по ниже показанное число не прислано, с чего видно, что кому те дела отправлять предречёнными посланными указы повелено, усердия тщательного, по своевольным некием страстем, не прилагаемо было, не опасаясь показанных в оных указах штрафов: и того ради, по Её Императорского Величества указу и по приказу преосвященного митрополита и предречённой комиссии, определено: послать еще подтвердительные ко всем закащикам указы с таким повеленьем, ежели они, заказчики, после прежде посланных указов, требуемых на минувшую четыредесятницу сегодную прихожанам своим именных росписей и ведомостей с экстракты вскоре не пришлют, и о взыскании с неисповедников и раскольников, где суть, штрафов, и о репортовании о том тщательной поступ-

ки не употребят, то, для учинения надлежащей тем презирателем экзекуции, куда подлежат по должности, от предпоказанной комисии представлено будет письменно, с объявлением каждого закащика по усмотрению вины или небрежению. К сему каждому закащику и сие приложить определено: понеже на минувший 1737 год присланный от них, закащиков, таковые ж (какие и выше упомянуты) именные росписи, хотя во оной комиссии и приняты, но во многих по свидетельству явилось разное необстоятельство, приводящее в немалое сомнение к прикрытию суеверов, паче же потаённых раскольников, обо многих домов люди, ещё же иным живущим от приходских церквей в деревнях неблизких, яко бы все домовне, а инуде и всей деревни жители единого числа были на исповеди, из коих будто инии святых тайн причащались, друзие же из многой части людей, будто по духовниковой воле и по удержанию разных болезней, не причащались; а те росписи все за руками единых священников, а причетников как по силе печатного минувшего июля 7 числа, 1737 года, Её Императорского Величества указа повелено, ни на каких росписях подписок не изобретается: и ради неусомнительного вероятия каждому закащику своего ведомства, диаконов (где есть) и причетников собрав к себе, или где за дальностию расстояния какого доброго из священно- и церковнослужителей человека послав к ним, имеющиеся у них, закащиков, и у всех священников предпомянутого 1737 года таковые ж, каковы в комиссию присланы, оставшиеся именные росписи, им всем, диаконам и причетникам, объявить чтением, до каждого имени, со отметами, кто исповедался и святых тайн причастился, или кто того за чем не сподобился[9]. И по объявлении тех росписей у них, диаконов и причетников, взять верные сказки (под угрозой наказания градским истязанием за ложность), в такой силе, что того приходу, при коем они, диаконы и причетники, обретаются, поданные упомянутого 1737 года именные от священников их росписи сочинены праведно, также окончанием росписей, где показано раскольников и противляющихся Святой Церкви и крестящихся двоеперстно никого нет, так ли во всём истинно показано; а ежели покажут они, что так подлинно, то им велеть подписаться... Сказки, собрав все, прислать за предупомянутыми сегодными росписи вскорости. И где таковые противно живущие Святой Церкви есть, каждому закащику и приходским священникам увещательно Святым писанием обращать...». (Получен 22 июня.)

Указ из Сибирской воеводской канцелярии в Томск управляющему за воеводу господину Анненкову сего 1738 года июля 18 дня

«По указу Её Императорского Величества и по определению Сибирской губернской канцелярии, велено томского Алексеевского монастыря бывшего наместника Рафаила отпустить в Томск попрежнему; понеже по присланному из Томска подлинному делу, в свидетельстве о девке Ирине Ивановой, подписи его не явилось, да и допросом он, Рафаил, на увещании архиерейской канцелярии показал, что при том действии он не был и не слыхал и не подписывался; и о том к преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, послана промемория. Пётр Бутурлин. Июля 21 дня». (Получено через солдата Моложенинова августа 15 дня.)

Указ от Тобольского архиерейского казенного приказу в Томск закащику Богоявленской церкви попу Григорьеву, 28 июля 1738 года

За подписом казначея иеродиакона Павлуцкого. Повелевается высылать денег, собираемых с венечных памятей[10], по третям года и, между прочим, прибавляется: «А ежели тебе, закащику, того томского заказу священники с причетники в чём явятся противны и в платеже определённой дани ослушны, то тебе писать на них к Его преосвященству доношением немедленно; а прочие касающиеся по отправлении, по Её Императорского Величества указам, дела, кроме денежных сборов, повелено ведать томского Алексеевского монастыря архимандриту Лаврентию; а в денежном сборе и в смотрении государственного интереса над священно- и церковнослужители иметь тебе, закащику, полную власть и наблюдание крепкое». (Получ[ено] октября 26 числа).

[Документ от 10 августа 1738 года]

Домовой Его преосвященства митрополита Тобольского и Сибирского канцелярии от следственных дел подьячий Богдановский просил Томской монастырь, справясь, объявить ему по именам, сколько в монастыре служителей и служебников, то есть, стряпчих, подьячих, келейников, псаломщиков и проч., по чинам в переписи

написанных и не написанных, не обходя ни одного человека, для того что, по указу Её Императорского Величества, означенные монастырские служители требуются для некоторого следствия и произведения допросов. Ежели же таких монастырских служителей при монастыре никого, опричь поселян, не имеется, то колико их для всяких касающихся по указам отправления и денежных и хлебных сборов и других необходимых нужд надлежит быть при монастыре сем, без чего пробыть не может, показать именно». По сему написан был такой ответ: «По вышезначенному требованию, по силе Её Императорского Величества указу и по запросному письму за рукою от следственных дел тобольской домовой Его преосвященства канцелярии подьячего Богдановского, от томского Алексеевского монастыря в ответствии объявлено, что при оном монастыре служителей и служебников, опричь поселян, никого не имеется, а надлежало впредь оному монастырю довольну быть служительми и служебниками, а именно: псаломщиков 2, дьячков и пономарей 4, сторожей 2, келейников 3, лакеев 4, стряпчих 1, подьячих 2, комиссаров к приходу денежному 1, к приходу провиянта 1, к сбору подушных денег 1, подьячих 3, иконописцев 1, поваров 4, к варению квасов 4, хлебенных 3, конюшей 1, конюхов 5, скотников 4, овчарников 2, столяров 2, кузнецов 3, железного заводу горных мастеров 2, рудоплавов 3, плотников 8, кожевников 2, котельщиков 1, маляров 2, оловяннишников 1, мельников 3, засыщиков* 3, уставщиков неводных 3, кирпичников 3, каменщиков 2, скорняков 2, переплётчиков 1, приставов 4, закройщиков 1, портных 2, чеботников 2, оконщиков 1, истопщиков 4, водовозов 1, пастухов 4, тележных и санных мастеров 2, всего 104 человека. А наперёд сего, по нужде в послушании имели при оном монастыре в вышеявленном служении из гражданства наймом и из монастырских пашенных крестьян за платёж подушных денег». К сему делу приложена и копия инструкции, данной Богдановскому, за подписом Антония, митрополита, 8 июля 1737 года, за № 304. Состоит она из 9 пунктов и дана для того, что, «по указу Синода, от 5 апреля 1737 года, велено в Тобольской епархии переспросить всех монастырских служителей [и] служебников, что они у состоящих в прошлых годах 1730 и 1731 в верной Её Императорскому Величеству службе и по ней Её Императорского Величества высоким наследником присяге[11], все ли были и на присяжных листах подписались ли?». В 1 пункте

* Так в тексте.

исчисляются монастыри, которые должен был объехать Богдановский: «Ехать тебе из Тобольска в низовые Тобольской епархии монастыри, а именно: в кондинской Троицкой, в томской Алексеевской, кузнецкой Рождественской, в енисейской Спасской, в туроханской Троицкой, в красноярской Введенской, в лесинобирской (?) Спасской, в кашиношиверской Преображенской». В прочих пунктах разные подробности.

В доношении архимандриту Лаврентию от прикащика Пачинного села иеромонаха Климента от 20 октября 1738 года

Между прочим говорится, что «светской команды разночинец Фёдор Коленов распахал монастырской земли в прошлых годах немалое число, а в обитель хлеба не платил и против прочих разночинцев с посеянного на нынешний 1738 год на монастырской земле сжатого всякого хлеба пятого снопа не дал[12] и сказал: «Ежели, де, кто монастырский служитель приедет и будет оный хлеб брать насильно, который хотя, де, и на монастырской земле был насеянный, и оного, де, хлеба не дам, и будет меж нами великой грех, и похвалялся дракою». Монастырь отнёс об этом промеморию в воеводскую канцелярию, и воеводская канцелярия распорядилась, чтобы сосновский прикащик вычел у разночинца пятый сноп.

Книга денежного расхода томского Алексеевского монастыря [1738 года]

При бытности наместника иеромонаха Рафаила и казначея монаха Иоанна Колодезникова 1738 года с 1 января. Здесь замечательны расходы: в январе 10 числа выдано наместнику иеромонаху Рафаилу на прогоны до Тобольска 6 руб. 60 [коп.]; в марте 6 числа куплено к празднику Алексееву дню ягод черёмухи ½ пуда за 13 коп.; 9 числа за 3 кадочки деревянные, мерою по 3 ушата, заплачено 15 коп.; 11 числа за 3 безмена мёду пресного 95 коп.; за 1 фунт изюму 30 коп.; за 2 безмена конопляного масла 24 коп.; 12 числа куплено к празднику Алексееву дню из подвалу вина горячего 4 ведра, цена 4 руб., двойного вина ведро с осьмухой, цена 2 руб. 25 коп[13]; 23 числа за 2 решета дано 10 коп.; 24 числа за мешок свёклы 13 коп.; шерстобиту за битьё шерсти 10 безменов 20 коп.; куплено делий мережи[14] 50 сажен за 3 руб. 15 коп.; за 1 пуд

3 фунта хмелю 94 коп.; 25 числа выдано Алексеевского монастыря определённому для письма за подьячего, бывшему томскому дворянину Протопопову, марта от 10 числа до января месяца предбудущего 1739 [года], всего за 10 месяцев, 5 руб.; 26 числа за пуд хмелю дано 96 коп.; за 10 дестей бумаги 1 руб.; 27 числа повару Екимову с товарищем за труды, за готовление кушанья на день торжества Алексея, человека Божия, денег 1 руб. Дано 28 числа 1½ золотника шёлку для починки риз, 8 коп.; за 50 ложек деревянных в нижнем ряду[15] на монастырскую нужду 36 коп. (Дальше листы книги утрачены.)

Указ наш архиерейскому наместнику Рафаилу[16] (числа и № нет) за подписом митрополита Антония[17] [не позже 1738 года]

По прошению соборного попа Андрея Заводовского, в котором (от 13 октября) написал он: «Пожалован, де, я указом архиерейским на прежнее место, в Томскую волость*, в Нарымской уезд; а по прибытии меня в оную волость поп Проводников указ Его архиерейства уничтожил и в церковь меня, Заводовского, не допустил», почему и требовал повторительного указа: митрополит распорядился утвердить просителя в Томской волости, а Проводникова перевести в село Малышкино к Петропавловской церкви.

Указ из Тобольской архиерейской канцелярии Алексеевского монастыря архимандриту Лаврентию[18] от 30 августа, за № 469 [не ранее 1738 и не позже 1743 года]

За подписом приказного надзирателя Чекунова. В нём повелевается, чтобы архимандрит, объявивший архиерею о том, что священно-церковнослужительские дети и монастырские слуги, состоящие за монастырём в подушном платеже[19], вступили в купечество и ездят для того купечества по разным городам без ведома монастырской команды, но по пашпортам от Томской воеводской канцелярии, и бывают в отъездах года по два и по три, и что за них, как по настоящей подушной, семигривенной сбор, так и за умерших и выбылых душ, раскладные деньги и рекрутские наборы и подводная гоньба, взыскиваются все с томского монастыря, и от этого монастыр-

* Так в тексте.

ские крестьяне терпят разорение, нищету, возымел письменное сношение с Томскою воеводскою канцеляриею, дабы она таким лицам, подведомственным монастырю, сама от себя пашпорт давать не благоволила.

В Алексеевский монастырь честному отцу архимандриту Лаврентию доношение иеромонаха Климента от 17 сентября [не ранее 1738 и не позже 1743 года]

«1. Приказ Вашего преподобия о беглом рекруте Алексее Романовых, егда прибудет, не держать и оной приказ Андрею Отровину о зяте его, помянутом рекруте, ему, Отровину, и всем крестьянами, чтоб его не принимать и не держать, приказано. 2. Сего сентября 16 дня Томской воеводской канцелярии деньщик Леонтий Шилов с товарищи помянутого беглого рекрута выняли в Пачинском селе у крестьянина Андрея Отровина, у тестя его, и оный рекрут при сём в Томск и послан за нашим присмотром; и понеже доныне деньщиков указ гласит, где каких беглых рекрут найдут, то на их коште и присмотром провожать в Томскую воеводскую канцелярию, в отдаче которых надлежит и квитанцию требовать. А когда оного беглеца Романовых привели, при том он говорил: «Меня, де, нанимают монастырский крестьянин Григорий Тимофеевых посельного Климента убить до смерти, а дают, де, мне денег 10 руб., и в том просили у оного, Романовых, письмо в такой силе: егда, де, оного Климента убьёт, деньги, де, перед тобою, а ежели не убьёт, то деньги назад отдать», а оные речи говорил денщику Леонтию Шилову, и вторительно спрашивали при пачинском попе Фёдоре Рагозине и при денщике Леонтие Шилове с товарищи, при крестьянах выборных Алексее Гаврилове, Алексее Долгосееве, и он сказал те ж речи», почему и просит всё разыскать и решение учинить.

Ведомость о томском Рождественском девичьем монастыре [1739 года]

1. Монастырь Рождественской в Тобольском уезде при Томском городе над Томью рекою, при конце посада. 2. В монастыре каменных церквей не имеется, но токмо деревянная одна с трапезою; в ней 1 престол и ограда деревянная ж ветхая. А каменных келий не име-

ется ж, а деревянных келий 6; больница 1, длиною на 18, шириною на 4 сажени, все ветхие, а стоят порознь. В монастыре магазейнов, тако ж школ каменных и деревянных и никакого монастырского строения, кроме выше писанных келий, не имеется. 3. В монастыре против древнего установления надлежит быть настоятельнице игуменье, а ныне налицо настоятельницы не имеется. Монахинь 7, стары и дряхлы и ходить из келий не могут, в том же числе 1 очми не видит. 4. При монастыре бельцов: поп 1; церковников: дьячок 1, пономарь 1. Вкладчиков монастырских нет, но токмо живут в том монастыре 4 вдовы неимущие, для послужения больным монахиням. А денежного и хлебного жалованья прежде сего производилось им с прошлых лет по 1736 год: попу 5 руб., хлеба 6 четвертей; монахиням денег 6 руб., хлеба по 2 четверти каждой; а с 1736 года по 1740 год в даче им денежного и хлебного жалованья не было, и ныне нет, а пропитание себе имеют: поп от работы своей и от подаяния мирских людей; а понеже при оном Рождественском девичьем монастыре приходских дворов нет, то и доходу ему не имеется; а монахини питаются милостынею. 5, 6 и 7. А по требуемым 3 пунктам к тому Рождественскому девичьему монастырю других приписных монастырей и вотчин, и в даче земель, и никаких угод и рыбных промыслов, и окладных денежных доходов, и хлеба ничего не имеется. 8. В монастыре на 1738 год было в сборе церковных денег, а именно: из продажи восковых свеч прибыльных 2 руб.; прикладных 20 руб.; с местною свечою собранных 1 руб. 5½ коп.; всего в приходе 23 руб. 5½ коп. 9. Из тех доходов в расходе: куплено воску 1 пуд за 8 руб.; вина церковного ½ ведра за 4 руб. 50 коп.; за 10 фунтов ладана 3 руб.; трапезнику 1 руб.; куплено дров на 3 руб. для топленья церковной трапезы; куплено пшеничной муки на просфоры 4 пуда за 80 коп. Всего расходу в 1738 году 20 руб. 30 коп. За тем расходом к 1739 году в остатке 2 руб. 75½ коп. 10. За тем расходом в Коллегию экономии денег и хлеба, за скудостию монастырскою, не плачивали[20].

Доношение господину преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому [1739 года]

В присланном Её Императорского Величества Вашего преосвященства указе, писанном мая 12, а в Томску, в Алексеевском монастыре у заказных дел, полученном июля 20 числа сего 1739 года, под №108, написано: «Велено томской Богоявленской церкви попу Гри-

горьеву в требовании духовных росписей и в прочем, по силе указов от правления во всём во Алексеевском монастыре у заказных духовного правления дел, быть послушну, но [поскольку] доныне своих росписей он, поп Григорьев, в оной монастырь к заказным делам не подаёт, удержать его от священнодействия, и после оного Её Императорского Величества указу от помянутого попа Григорьева сегодние духовные приходу его росписи в томской Алексеевской монастырь принять, о чём минувшего октября 3 дня, в Тобольском к Вашему преосвященству доношением и рапортовано. А сего декабря 8 дня при сочинении экстракта оные приходу его, попа Григорьева, росписи у заказных дел свидетельствованы, и по свидетельству к приёму весьма явились быть негодны, понеже оказалось у него, попа Григорьева, в тех росписях, как в дворовом числе, так и в людях, немалая утайка, к тому не исповедавшимся, также и исповедавшимся и не причастившимся людям усмотрено в отметах против имен их немалое прикрытие, так что многие приходу его люди, по подлинному известию, не токмо чтоб исповедь и приобщение святой евхаристии повсегодно исполняли, но и в церковь к слушанию славословья Божия никогда не приходят, а в духовных его росписях таковы показаны у исповеди и святого причастия бывшими. Да в тех же его росписях немалое число томских разных чинов обывателей по отметам означено исповедавшимися токмо, а по совету духовника и будто за немощию непричастившимися, и то неправедно же, ибо болящему человеку еще наипаче, ради врачества, не токмо телесного, но и душевного, приобщение святой евхаристии в болезни есть нужно; в чесом опущении* и по указам неисполнение видно, что происходит по некоей страсти от томских пастырей, которые, угождая миру, о паствах своих творят небрежение. А понеже означенный поп и дети его, поп Андрей и пономарь Андрей же, в служении пребывают при одной церкви, и как отцу по детям, так и детям по отцу, о не исповедавшихся и не причащающихся людях всякие чинить укрывательства весьма есть сродно, зане, по сродству крови, один другому спорить в том и доносить не могут, а дьячок Бубнов исконный крест на себе изображает и с домашними своими сложением двоеперстным»[21]. Далее говорится о том, что поп Григорьев, избегая подачи к заказным делам метрик и особенно исполнения указа от 14 мая 1739 года, и чтобы всех, отмеченных не причастившимися, по совету духовников или по болезни, в следующие посты приобщить

* Так в тексте.

в соборной или монастырской церкви и наблюдать при этом, как они будут креститься: двоеперстно или троеперстно, и опасаясь выдать при этом своих укрываемых прихожан, просил себе пашпорта до Тобольска для представления туда порученных ему в собирание и заведывание денег с венечных памятей; но ему, требуя метрик, не выдали пашпорта, и он уехал из Томска в Тобольск тайно, под таким видом, якобы для отвозу венечных пошлинных денег, а самою вещию для домогательства к прикрытию приходских своих людей удобный способ приискать и без следствия оставить отмеченных не причастившимися за немощию и по совету духовников; ибо венечные деньги и книги возможно ему было послать и с прилучившимися в Тобольск ездоками; так как оные деньги из других заказов к Вашему преосвященству посылаемы бывают». Между прочим, в этом доношении, писанном от 5 декабря 1739 года, есть ещё такое место: «В городе Томске не токмо что средовечные и престарелые люди, но и малые дети, по научению родителей своих, крест на себе изображают сложением двоеперстным». На подлинном доношении подписался архимандрит Лаврентий.

Копия с указа Её Императорского Величества, самодержицы Всероссийской, из Тобольской архиерейской духовного правления комиссии закащику Алексеевского монастыря архимандриту Лаврентию, от 17 марта 1739 года

За подписом на подлинном управителя Кокоринова. Здесь пишется: «Преосвященному Антонию, [митрополиту] Тобольскому и Сибирскому, известно учинилось, что из новокрещённых народов многие, оставя воспринятую ими нашу православную веру, обращаются в прежнее свое суеверие, они, шайтаны или идолы мерзкие сделав, поклоняются им и от себя прикладывают им всякими пожитки и жертвы приносят зверями и всяким скотом, а особо ещё малых телят, у кого случатся, а буде нет, то где можно на своё время сыскав, не щадят своего имения, хотя и дорогою ценою покупая, закалывают и употребляют в жертву, кровь же скотинную вливают в воду и прочие тому подобные злочестивья творят; инии же, по невоздержанию своему на христианской закон во определённые посты, а наипаче в Великой [пост] едят мяса без всякой крайней нужды, хотя бы и довольность весьма рыбы и прочего, не противного посту, корму имели; ещё ж новокрещённым детям своим имя дают и назы-

вают по прежнему суеверию; умерших же погребают в лесах без отпевания христианского и установления; что ж ещё из них новокрещённых многие не токмо в дальности, но и в близости живущих, в церковь святую к слушанию славословия Божия не приходят и по христианскому долгу не исповедуются и святых тайн христовых не причащаются; и тако в прежнем своем нечестии пребывая, от православной нашей веры заблуждают. И того ради Его преосвященство приказал: из тоё архиерейской комиссии ко всем закащикам послать указы с таким повелением, дабы каждый закащик в ведомстве своем священникам и причетникам, дав им с сего указа точные, для частого ко известию читания, копии, учинил заказ накрепко, чтоб они имеющихся в приходе своём новокрещённых народов, какие б они ни были, ко всему христианскому исполнению, как церковь святая поучает, всеми мерами увещательно наставляли, погодно б исповедовали и святых христовых тайн приобщали, близко церквей живущих сподоблять с прочими христиане вкупе, а отдалённых весьма, которых за неудобством пути отнюдь до церкви святой достать не можно, к тем им, священником, велеть ходить с запасными святыми тайнами самим и сподоблять, поелико возможном посте со исповедию; а прежнее их суеверие всё чинить отнюдь им запретить, а именно: шайтанов бы не делали, а сделанные, где есть в потаях, объявляли б нескрытно, и кто с сей публики добровольно объявит собою и раскаяние тому скажет, то оного [от] телесного наказания можно свободить, токмо порукою соседнею укрепить, чтоб от того впредь такого дерзновения не было; а о потаённых шайтанах всякими способы выискивать или наведываться, и где найдутся, тех отбирать с запискою. А за вину тех, кто в чём явится подозрителен, по исследованию, снесшись с тамошними светскими командиры письменно, при их же братье новокрещённых публично с сожжением тех шайтанов (кроме куриозных (?), о которых должно прежде отписаться), по мере вины, на теле наказать; также которые хотя сами собою такого суеверия и не употребляют, но про то суеверия действо, каково бы оное ни было, ведая, не донесут или паче ещё в том и способ чинили, а особливо продажею в жертву их скота какого или иных каких вещей, по тому равномерно наказывать. Идеже прежних шайтанов, выисканных и истреблённых в попрание, имеются шайтанщики, о тех по тому ж каким образом возможно изведывать в том, не творят ли какой блазни новокрещённым к суеверству, и ежели

творят, то о том и что о всём выше показанном учинено будет, к Его архиерейству им, закащиком, тогда же, когда где что противное учинится, а по нужде о состоянии по обычаю о десятоначальничестве, не меньше дважды в год без всякого отрицания обыкновенно рапортовать; тако ж блюстися всем священнослужителям с причетники того, чтоб новокрещённым напрасных никаких обид и озлоблений отнюдь не чинить, опасаясь по указам жестокого наказания, но ещё придавать им всякий благочестия образ любви, дабы тем к Церкви святой они, новокрещённые, прилежное имели прибегание и в вере нашей утверждение. И закащику архимандриту Лаврентию о всём выше писанном чинить по сему Её Императорского Величества указу».

[Из донесения преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, архимандрита Лаврентия от 22 марта 1739 года]

Здесь, говоря о составлении именных репортов, о не бывших у исповеди и святого причастия, для взыскивания с них штрафов чрез светские команды, архимандрит замечает, между прочим, что «в подаче таких репортов и сочинений, за неимением при монастыре писарей из грамотных служителей, чинится остановка, а дьячки и пономари писать не умеют».

[Архиерейский указ архимандриту Лаврентию, данный в мае 1739 года]

Сего 1739 года, мая 11 дня, в присланном к нашему архиерейству из Томска от попа Григорьева доношении написано: «В прошлом 1737 году, в июне 21 числа, Томского ведомства в Уртамском остроге в ветхой Вознесенской церкви, в алтаре святой антиминс и Евангелие, неведомо каким случаем, на престоле сгорели, с которого, де, времени и доныне священнослужений во оной церкви исполнять невозможно, а имеющиеся прихожане токмо исповедываются, а приобщения святых христовых тайн лишаемы бывают, разве по нужде, страха ради смертного, сподобляются запасными дарами. А по силе, де, присланного от нашего архиерейства ко оному попу указа, в показанном Уртамском остроге, вместо оной обветшалой, построена

церковь во имя Вознесения Господня, а святого антиминса по священию её не имеется, а требовал показанный поп Григорьев, чтоб для освящения той новопостроенной церкви прислать святой антиминс, повелевается церковь соборне освятить и посылается антиминс». <…>

Промемория из Нерчинского горного начальства в Томскую воеводскую канцелярию от 26 сентября 1739 года

Елизар Назарьев надписал. Здесь, между прочим, на справку выведено: «В прошлом 1723 году, по именному Его Императорского Величества указу[22], велено перевести на серебряные заводы из Томска крестьян 200 семей, и в то число в 1724 году переведено и принято к заводу от посельщиков 174 семьи; а по приёме с 1726 года бежало из оных обратно семей с 15; и прошлого 1726 года, для сыску и отсылки оных беглецов, посланы от горного начальства в Томск заводские переведённые из Томска крестьяне Сергей Загаинов с товарищи; и означенный Сергей Загаинов доездом в горное начальство объявил, что из означенных беглых крестьян обыскал он в Томском уезде 7 семей, которых сыскав объявил в Томскую канцелярию, а оная канцелярия обещала выслать их к серебряным заводам, на коште держателей; токмо в высылке их по сие число не имеется; почему и просит сделать нужное распоряжение.

[Донесение архимандрита Лаврентия преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, от 5 декабря 1739 года]

Сего 1739 года, февраля 20 дня, в Томску, во Алексеевском монастыре у заказных духовного правления дел, Благовещенской церкви десятоначальник поп Степан Копылов[23], доношением предъявил: «Сего, де, 1739 года, февраля 11 дня, усмотрел он в Томску у Знаменской церкви, что священник Кастогаев венчал Тобольского гарнизона солдата Замятнина вторым браком на девке Марье Ивановой Валгуховой и что тот солдат имеет у себя первозаконную жену, которая и поныне жива; а по венчальной ли памяти венчал и заведомо ль оное учинил, оного он не ведает. И по тому его, десятоначальника, доношению, показанный поп Кастогаев допросом показал, что,

де, венчал оного солдата по венчальной памяти, данной Богоявленской церкви от попа Григорьева, а что, де, он, солдат, первозаконную у себя жену имеет, ведал. А солдат Замятнин допросами же показал: у богоявленского, де, попа Григорьева венчальную память он просил, чтоб ему на оной девке Марье жениться, и первозаконную свою жену ему сказывал, а он, де, поп Михаил Григорьев за то взял с него, солдата, денег три рубли и венчальную память приказал дать сыну своему, попу Андрею Михайлову[24], по которой, де, памяти и венчал, токмо, де, от него ничего ему, Кастогаеву, не дал, а поезжане, де, при нём, солдате, были томские обыватели, тысяцкий казачий сын Сапожников да боярин Елсов; а женился, де, он, солдат, того ради, что оная его первая жена, по отбытии его из Томска в солдатство, вышла замуж в третий месяц Чеуского острогу большой Кривощёковой деревни за крестьянина Нагибина, который первозаконную свою жену отдал замуж Томского ведомства Сослонской деревни за жителя за Елисея кузнеца. А Богоявленской церкви поп Григорьев допросом показал, что, де, про первозаконную жену показанного солдата Замятнина знал, а венчальной памяти давать сыну своему, попу Андрею, и подписывать вместо себя не приказывал и той ж церкви диакону Андрияну Дулепову писать не велел и с него, солдата, денег 3 руб. и нисколько не брал. А солдат с очной ставки сказал: егда, де, в показанное число трёх рублёв денег недостало, то он, солдат, для веры заложил ему попу, меденик да блюдо оловянное, на что и свидетеля предъявил, томского казачьего сына Сидорова. А дьякон Дулепов сказал, что про первозаконную солдатскую жену он знал же и закладную посуду, меденик и блюдо оловянное в дому у оного попа Григорьева он видел; а егда показанной при оной свадьбе боярин Елсов принёс к нему, попу, от него, солдата, денег 60 коп., и он, поп, принял, видел же; а венчальную память заставил его, дьякона, писать оного попа Михаила сын его, поп Андрей, и приказал чрез печатную форму прибавить речь: «Ежели имеется у него, солдата, первозаконная жена, чтоб не венчать. И для оного следствия и для расспросу посылал я, богомолец Ваш, по оного попа, Андрея Михайлова, и он, поп, учинился противен и к расспросу не пошёл, в котором следствии учинилась быть остановка. И сего 1739 года, марта 10 дня, показанный солдат отбыл из Томска в Ямышевскую крепость, понеже по указу велено ему явиться в команде своей мая к 1 числу, а незаконная его жена до указу отдана на расписку отцу её и зятьям с подпискою, чтоб ей

впредь с ним, солдатом, беззаконно не жить, из города не отъезжать, тако ж и ему, солдату, к ней в дом и никуды впредь не ходить и беззаконно не жить; и первозаконная его жена, Парасковья Клеменьтьева, ему, солдату, отдана, в чем он, солдат, и подписку учинил, чтоб ему с показанною первозаконною женою жить по-прежнему, а с незаконною женою впредь ему не жить и друг к другу в дом и никуды не ходить. И оная блудница, незаконная его жена, посажена была под караул до указу Вашего преосвященства. И сего марта 17 дня оной солдат первозаконную жену свою покинул, оставил в Томску и, возвратясь с пути, оную блудницу, подговоря, тайно из-под караулу увёз с собою в Ямышевскую крепость. А которые имелись при нём, солдате, поезжане, томские обыватели Иван Елсов, Иван Сапожников, также и тесть его, Иван Валгухов, и с детьми своими, которые про первозаконную его жену ведали ж и заведомо отдавали в замужество, требованы от Томской воеводской канцелярии к следствию промемориями, токмо Томская воеводская канцелярия таких и прочих касающихся в духовных делах не отдаёт и в следственных делах чинит остановку. А по известию, как в Томску, так и в уездах, слышно, что являются и другие такие многие, тако ж и с родственников своих берут за себя, о чём до Вашего преосвященства сего ж 1739 года, марта 18 дня, и писано доношением, токто* по оному доношению никакого указа в томской Алексеевской монастырь не получено. И о том что Ваше архипастырское благорассмотрение учинить соблаговолит?»

Указ Её Императорского Величества из архиерейской канцелярии [1730-е годы]

От 8 мая**, за № 291, за подписом приказного надзирателя Израилева, о ссылке в Томской женской монастырь в работу навечно присланной под караулом из Московской тайной конторы Нарвского драгунского полка драгуна Стародубцева падчерицы, девки Федосьи Ивановой, за некоторую её вину; о чём в оной Тайной конторе по делу явно. Предварительно, впрочем, как видно, ей по малолетству учинено наказание плетьми. (Получено октября 10 числа).

---

* Так в тексте.
** В документе год не указан.

Дело, начавшееся с донесением в Томскую воеводскую канцелярию [1730-е годы]

Прикащика Сословского острога* Кулаковского о том, что служилой человек Манжин в Сословской судной избе при многих свидетелях говорил на попа села Зеледеева Фёдора Евсевьева, будто оной поп в день коронации Её Императорского Величества[25] всенощного бдения и благодарственного молебна не служил. Кулаковской с этим доношением от 13 мая препроводил в воеводскую канцелярию самого Манжина под крепким караулом служилого человека. Воеводская канцелярия отнеслась 16 мая в Алексеевской монастырь с просьбою исследовать Алексеевской монастырь, [начальник] от заказных дел сообщил в Томскую воеводскую канцелярию промемориею 18 мая, что при допросах Манжин доказал подлинно на попа Евсевьева с причетниками и что посему поп будет в скорости отправлен в Тобольск к Его преосвященству.

При доношении великому господину, преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому [1740 года]

Препровождаются ведомости о томских монастырях: 1. Монастырь в Тобольском уезде, при Томском городе, над Томью-рекою, при конце посада. 2. В том монастыре каменных церквей не имеется, но токмо деревянные, одна с трапезою, в ней два престола и ограда деревянная ветхая. Деревянных настоятельских и братских келий 4; келарня и хлебная 1; больница 1, длиною на 27, а шириною на 8 сажен, все ветхие и стоят порозну; магазейнов 2 анбара ветхие, в которых имеются монастырские хлебные и харчевые запасы; за оградой монастырский дворец[26], строение ветхое, а в нём живёт конюх с домашними, 5 человек. При монастыре школ каменных и деревянных не имеется, учителей и учеников тоже нет. 3. В монастыре, против древнего установления, как надлежит быть, так и ныне налицо: настоятель, архимандрит Лаврентий, иеромонахов 3, в том числе один старец, и дряхл и весьма ножною болезнию скорбен и никуда из больницы не ходит; 2 стар и глух и ничего не слышит; иеродьякон 1, стар и дряхл, и правая рука скорчена и не владеет; монахов 3:

* Так в тексте, нужно Сосновского острога.

1 стар и дряхл и весьма ножною болезнию скорбен, а 2 старые же и дряхлы, которые в послушаньях обретаются, 1 казначей, 2 в житенной, 3 в келарской службе. 4. При монастыре бельцов: поп вдовый 1, стар и дряхл; дьяконов не имеется; церковников дьячков 2, 1 стар и дряхл; пономарь 1, вкладчиков монастырских 4 человека: все стары и дряхлы; работников крестьянских детей 6 человек, отставных офицеров и рядовых и прочих тому подобных не имеется. И как настоятелю, так и вышеупомянутым иеромонахам и монахам, и никому денежного и хлебного жалованья не производится, а питаются общею с братиею пищею в трапезе от окладного с монастырских крестьян отсыпного хлеба[27]. 5. К монастырю других приписных монастырей не имеется. 6. За монастырём вотчин в Томском уезде: село Починное с деревнями; в них, по переписным 190 года книгам[*], крестьянских дворов 31, а по свидетельству генералитета, показана 241 душа[28]. К тому селу и с деревнями по дачам земли с лесами и с болотами длиннику 20, поперешнику 15 вёрст, в том же числе сенных покосов на 6000 копён; сена ставится про монастырскую потребу по 3000 копён на год, а остаточная трава остаётся впусте, а в отдаче в оброк не бывает, потому что у всех томских обывателей сенных покосов довольно. В оном же Починском селе имеется 1 мельница, а в ней 1 жёрнов; построена на малой речке, а в зимнее время вымерзает; с которой платим в казну Её Императорского Величества оброку по 1 руб. на год, повсегодно сполна без доимки, а хлеб мелется только про монастырские нужды, а постороннего не бывает. Рыбных ловель имеется: четвёртой жеребей одного песка[29], купленного в 202 году[**], на котором рыбу неводят наёмными посторонними людьми, и та рыба употребляется на всю братию и на прочих; а в рыбной год, хотя оной рыбы и продаётся, и на те деньги покупаются мережи и проч., что надлежит на дело и починку невода; а жалованных земель, на которых бы рыбные промыслы были и прочие угодья, прежде сего в даче не было, и ныне нет. 7. В монастыре окладных оброчных денежных доходов (по приходо-расходочным книгам 1738 года) также за пустоши и земли с крестьян и никакого сбору не имеется, токмо сбирается по окладу с монастырских крестьян отсыпного хлеба, а именно: ржи 43 четверти, ярового 30 четвертей осьмипудных[30]. Монастырской пахоты пашен: ржи 11 десятин, сеется 13 четвертей осьмипудных; в умолоте, сверх семян, при-

[*] Имеется в виду 7190 год, или 1682 год.

[**] То есть в 7202, или в 1694 году.

плодного 66 четвертей; ярового 5 десятин, сеется всякого хлеба 10 четвертей, в умолоте сверх семян приплодного 23 четверти; обоего хлеба бывает в умолоте, сверх семян, приплодного 80 четвертей осьмипудных. Столовых припасов сбирается с крестьян по полу ¼ пуда масла коровьего повсегодно, а грибов, ягод, колёс, саней, вожжей и прочего по нынешний 1740 год в сборе не бывало. 8. В монастыре на 1738 год было в сборе денег: от продажи рыбы 107 руб. 83 коп.; за продажный монастырский скот 21 руб. 50 коп.; за прикладной монастырской двор 18 руб.; от продажи восковых свеч прибыльных денег 8 руб.; прикладных денег 5 руб.; церковных кошелёчных денег 1 руб. 61 коп.; на госпиталь 50 коп.; с местною свечою в торжественные храмовые праздники собрано, по городу ходили[31], 4 руб. 5 коп.; всего 167 руб. 34 коп.; хлеба ржи 110 четвертей; ярового 53 четверти; обоего 162 четверти осьмипудных. 9. Из тех доходов в расход употреблено на монастырь в 1738 году: хлебных припасов на братию и на прочих, которые в монастыре обретаются и временно приезжают монастырские крестьяне, тако ж и на дворец и на милостыню муки ржаной 722 пуда 25 фунтов; ярового всякого хлеба на братию и на корм лошадям 408 пудов. Денег в расходе: у тобольского посадского человека куплено 1½ пуда воску, заплачено 12 руб.; за 1½ ведра вина церковного 9 руб.; за ½ пуда ладана 4 руб.; на наём работников, за разные их работы 15 руб. 94½ коп.; дано за кузню кузнецам и на покупку гвоздей и за котельную работу монастырской посуды и прочего 5 руб. 4 коп.; наместнику на прогоны 6 руб. 60 коп.; куплено братии и работникам шуб, сукна, холста, чарков, шапок и рукавиц на 31 руб. 15 коп.; соли на 1 руб. 5 коп.; мёду на панихиды на 5 руб. 5 коп.; писчей бумаги, сюргучу, шёлкового тканцу на шнур на 4 руб. 39 коп.; за починку неводных лодок и на покупку к ним смолы и неводных мереж и верёвок и для покрывания рыбы рядных рогож и неводному уставщику за работу 39 руб. 10 коп.; на покупку кремнёв, серы горючей, брусьев и точил и прочего на 1 руб. 70 коп.; куплено у томских обывателей 4000 кирпичу за 4 руб.; куплено телег на 94 коп.; куплено хмелю для варенья пива на торжественные и храмовые праздники на 2 руб. 29 коп.; на мыло и на свечи сальные вышло 1 руб. 54½ коп.; на покупку масла конопляного 44 коп.; на огурцы 30 коп.; для необходимой нужды и в горн и кадило куплено угольев на 47 коп.; за работу от письма подьячим 6 руб.; за рыбную ловлю оброку 87 ¼ коп.; данных (?) денег 1 руб. 90 коп. Всех денег в 1738 году в расходе 153 руб. 81 коп.; за тем рас-

ходом к 1739 году в остатке 13 руб. 53½ коп.; монастырских крестьян отсыпного хлеба: ржи 149 пудов 15 фунтов, ярового 16 пудов 10 фунтов. За тем расходом в Коллегию экономии денег и хлеба, за скудостию монастырскою, не плачивали.

Промемория из Кузнецкой воеводской канцелярии в Томскую воеводскую канцелярию [1740 года]

Здесь пишется о 6 крестьянах Чеуского острога, препровождённых майором де Граве в Кузнецкую канцелярию, потому что оказались бывавшими в драгунских солдатских и рекрутских наборах, а один из них поселенцем. При допросах в канцелярии первый, Иван Медведев, показал: «Родом Исетского дистрикта Колчеданского острогу, из драгунских детей; от роду ему 70 лет; из той слободы взят был в драгуны и служил в драгунском полку и оттоль, назад тому 25 лет, бежал в здешнюю сторону и пришёл Томского ведомства в деревню Сосновскую». Второй, Василий Тюленев, показал: «Родом Куюровской слободы, из крестьян, и взят был в солдаты набору Бибикова и бежал из той слободы один и пришёл Томского ведомства в Чеуской острог, в деревню Ординскую, назад тому лет 30, а что беглый солдат, о том никто не ведал; и живёт, де, он, Тюленев, и поныне в той деревне своим двором». Третий, Василий Фёдоров: «Беленовской слободы деревни Кил, из крестьянства, от роду ему 60 лет, и взят был в солдаты набору Бибикова, из той слободы бежал в Томской уезд, в Чеуской острог, в деревню Канаргу, и живёт он в той деревне и поныне». Четвёртый, Варлам Сатонин, «родом был Беленовской слободы, из крестьян, из той слободы взят был назад тому лет двадцать в рекруты, в Тобольск, а в комплект определён не был, из Тобольска бежал и пришел в Томское ведомство, в Чеуской острог». Пятый, Илья Далматов, сказал: «Родом Абацкой слободы, государственный крестьянин, от роду ему 49 лет, а назад тому 23-й год взят был в рекруты и послан в Тобольск и с пути бежал и пришёл в Чеуской острог, в деревню Арду, и поселился своим двором». Последний, Кирил Ветошников, «родом прежде был города Тобольска, из посадских людей, из Тобольска послан в ссылку в город Томск, назад тому 20-й год, а из Томска ушел без пашпорта в прошлом 1739 году, в августе месяце, на речку Амус для работы у томского посацкого человека, Алексея Кругликова, у дела дощаника. А в переписных, де, князя Солнцева-Засекина книгах написаны

вышеписанные крестьяне по городу Томску в вышеписанным Чеуском остроге, а Ветошников к городу Томску». Предписывалось, до указу Сибирской губернской канцелярии, отпустить всех по домам, а между тем прошена Томская канцелярия навести справку, действительно ли эти люди записаны в переписных книгах?

Отрывок из дела на гербовых листах [1740 года]

Здесь говорится, что для сыску беглых крестьян и мастеровых и ссыльных людей в Томск, Кузнецк и прочие тамошние уезды отправлен в 1740 году из Екатеринбурга, при промемории из канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов, в Сибирскую губернскую канцелярию поручик Семён Сикорский, и с ним 4 человека солдат; и велено было делать этому Сикорскому вспоможение, как в поимке беглых, так и в привозе их в Екатеринбург. Сикорский объявил Томской воеводской канцелярии о следующих пойманных им лицах: 1) о Пармукове, бежавшем из Невьянской слободы в 1725 году и проживавшем в Верхотомском присуде[32] у посадского человека Кулешина; 2) о Туманаеве, бежавшем в 1723 году из Калиновской слободы и жившем в Сосновском присуде у крестьянина Ермолина; 3) о Селезнёве, бежавшем из Пышминской слободы, звавшемся в бегах Иваном Ворониным, жившем в Томске у дворянина Старицына 3 года, у отставных казаков Тарабукиных в Сосновском присуде тоже 3 года, жившем потом в том же присуде своим домом и с семейством с 1733 года (сбежал в 1727 году из посланных в Нерчинск на завод). При этом оказались бежавшими: 1) братья Красильниковы в Спасском селе; 2) Морозов в Сосновском присуде; все бежали с дороги. При разыскании оказалось, что все эти беглые в прошлых годах, а в которых именно, не упомнят, написаны в показанных местах жительства в подушный оклад по генеральный переписи, и, между прочим, один из Красильниковых за умершего отца своего, Еремея, а другой за умершего некоего Суходолина, Туманаев за небывалого Ивана Сухарева, Воронин вместо вдвое написанного Лапина. Так как эти лица оказались записанными в подушный оклад, то Сикорский и просил удержать их в Томске для платежа подушных и раскладочных денег и прочих податей. Далее Сикорский спрашивал еще о девяти пойманных лицах, бежавших из Екатеринбургских заводов, записаны ли они в подушный

оклад, и если записаны, то также удержать их в Томске, а в противном случае выслать в Екатеринбург.

Доношение в томский Алексеевский монастырь Пачинского села посельного иеромонаха Климента от 8 февраля 1740 года

«Сего 1740 года известно учинилось о беглом монастырском крестьянине Михайле Тимофеевых, который живёт в Томском уезде, Чеуского присутствия, в близости деревни Маньковой на реке Оре обще сына боярского Ивана Ярмакова с дочерью его, девкою Парасковьею, и Дементием Лазаревым в лесу». Поэтому просил сделать распоряжение, которое и написано на обороте за подписом Лаврентия: «Послать из томского Алексеевского монастыря нарочных посыльщиков и велеть им, сыскав оных в лесу потаённо живущих, сколько б их ни было, привесть под крепким караулом к заказным духовного правления делам немедленно; а буде при них имеются какие пожитки или скот, то от них не отбирать, но разве, по их воле, отдать, кому они в том поверят, с распискою, и между теми их пожитками усматривать накрепко, ежели сыщутся какие-либо письма, кроме крепостных, или книги[33], то, отобрав от них, опечатать и объявить к заказным делам без послабления».

[Из донесения иеромонаха Климента от 13 февраля 1740 года]

Доносит о том, что Пачинского села Предтеченской церкви поп Фёдор Исаев венчал без докладу, воровски, без венечной памяти, дядю своего разночинца Петра Яковлева на крестьянина дочери Ивана Раева.

[Из донесения преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, архимандрита Лаврентия от 14 февраля 1740 года]

Об освящении новостроенной в Уртамском остроге церкви Вознесения Господня, с возложением на престоле полученного от архиерея антиминса, и об окроплении августовскою водою Николаевской церкви в селе Кривощёковском, с возложением же антиминса. Первое сделано по указу мая 1739 года, полученному в Томске

28 ноября, за № 221, второе по указу июня, за № 244, полученному 17 декабря. В конце листа замечено: «Подлинное доношение за рукою отца архимандрита Лаврентия, Тобольского полку капрал Иван Бурманин принял».

Промемория Академии наук от профессора Герарда Фридриха Миллера[34] в томскую Алексеевскую обитель преподобному отцу архимандриту Лаврентию [8 марта 1740 года]

По Её Императорского Величества именному указу велено мне описать историю и географию всех сибирских стран, к чему, между прочим, потребно, чтоб иметь известие о томском Алексеевском и о девичьем Никольском монастырях[35], в которых годах, и по какому указу, и чьими трудами те монастыри построены, какие на то строение получены благословенные грамоты и в котором монастыре какое церковное строение и прочее мирское, и сколько при котором монастыре дворов монастырских, вкладчиков и прочих монастырских служителей, и какие за которым монастырём деревни, на каких урочищах и в каком расстоянии от города Томска, и в каждой деревне сколько дворов и мужеска пола душ по подушным переписным книгам, и по каким данным теми деревнями владеют? Чего ради требуется, чтоб соблаговолено было о том сочинить и ко мне прислать ведомость, при которой такожде сообщить копии с государевых грамот и указов и с архиерейских и митрополичьих грамот и с данных о земляных дачах, которые до вышеписанных монастырей касаются.

Gerard Fridrich Müller. Марта 8 дня, 1740 года.

Промемория из томского Алексеевского монастыря Миллеру от 19 мая [1740 года]

Выписавши сначала всю промеморию Миллера, архимандрит прибавляет: «И по силе присланной от Вас промемории о томских Алексеевском и о девичьем Рождественском монастырях ведомость сочинена и с подлинной государевой грамоты и с указу со списков, тако ж и с подлинной выписи и с митрополитской грамоты точные копии списаны, которая ведомость и точные копии посылаются при

сей промемории». Ведомость: «В Сибирской губернии, при Томском городе монастырь Алексеевский построен в прошлом 151 году (1643), по благословенной грамоте великого господина, преосвященнейшего Корнилия, митрополита Сибирского и Тобольского, и тоё грамоту в прошлом 1704 году покрали из церкви неведомые воры из казённой коробки, в которой были всякие монастырские крепости, а строили тот монастырь братскими трудами на заемные у томских градских людей деньги. В том монастыре церковь деревянная одна, со трапезою; в ней два престола: 1-й во имя Алексея, человека Божия, 2-й Казанской Богородицы, и ограда деревянная ж ветхая. В ограде монастырской строение: настоятельских и братских деревянных келий четыре, келарня и хлебная одна, больница одна ж, все ветхие, два амбара ветхие ж, в которых имеются монастырские хлебные и харчевые припасы; за оградою монастырской дворец, строение ветхое ж, монастырских вкладчиков 4 человека, все стары и дряхлы. Вместо служителей, работников монастырских, крестьянских детей 6 человек. За тем монастырём сколько приписных деревень и в них мужска полу душ прежде сего было и на каких урочищах состоят, о том показано в точной с подлинной выписки копии, которая посылается при сей ведомости. В тех деревнях, по переписным 790 года* книгам, написано крестьянских 31 двор, а по свидетельству генералитета показано 241 душа. А сколько в каждой деревне дворов, а в них мужеска полу душ, о том подлинно справиться не по чему, а показать нечего, для того что монастырей крестьяне и вкладчики в переписных подушных книгах показаны суммою; а хотя оные показаны и в деревнях, да не все, и те в прежних годах померли, а дети их живут в других деревнях и переезжают для житья из деревни в деревню, дворы их остаются пусты. Те монастырские деревни, в каком расстоянии от города Томска состоят, о том справиться не по чему ж; понеже из томского Алексеевского монастыря к тем деревням вёрсты не меряны, а из Томской воеводской канцелярии за известие в оной монастырь впредь для ведома, коликое число имеется до тех монастырских деревень вёрст, справки никакой не прислали. Девичий Рождественский монастырь построен в прошлом 717 году** (1671) по благословенной грамоте великого господина, преосвященнейшего Корнилия, митрополита Тобольского и Сибирского, а строен тот монастырь тщанием и трудами Томского

* Так в тексте, но, возможно, это опечатка и нужно читать 7190 года, то есть 1682 года.

** Так в тексте, в действительности должен быть 7179 год.

города казачьим головою Зиновьем Литосовым. В том девичьем монастыре церковь деревянная одна с трапезою; в оной один престол во имя Рождества Христова и ограда деревянная ж ветхая. В ограде монастырского строения келий 6, больница одна, все ветхие. Вкладчиков монастырских, служителей и крестьян и никаких приписных деревень и земель не имеется». На следующем листе находится распоряжение Лаврентия, от 8 марта, об исполнении требований Миллера, а пониже написано: «А 1740 года, марта 15 дня, по справке в томском Алексеевском монастыре прежние государевы грамоты и указы о владении монастырских крестьян и о земляных дачах и о прочем, в сыску явились, а благословенной грамоты архиерейской, по которой освящена во оном монастыре церковь Алексея, человека Божия, налицо не явилось». И того ж числа иеромонах Моисей сказкою объявил: «В прошлом, де, 1704 году покрали из церкви неведомые воры казённую коробку, а в той, де, коробке были всякие монастырские крепости, в том числе и оная благословенная архиерейская грамота была, и о той, де, покраже в Томскую канцелярию известное их челобитье записано. А в оном томском Алексеевском монастыре освящена церковь, и монастырь построен в прошлом 151 году*. К сей сказке иеромонах Моисей руку приложил».

Доношение 11 человек монастырских крестьян от 1 июля [1741 года]

Они писали: «В прошлом 1740 году, декабря 25 числа, томский разночинец Фёдор Истомин приехал в Пачинское монастырское село и, пришед нагло в дом к монастырскому крестьянину Ивану Пырсикову, стал искать вина с томским посадским человеком Безрядовым да с присыльным Семёном Корелой, а искал того, де, декабря 25 числа, а доводу никакого не было, и нашел у оного, Пырсикова, с ведро вина в подполье и унёс он, Истомин, с собою. 2**. И видя оного Истомина наглое нападение, монастырский крестьянин Мартынов стал его, Истомина, просить и разговаривать добровольно, дабы он показал свою милость, и за то выслан был вон на улицу нечестно и бит с товарищами своими

* То есть в 7151, или 1643 году.

** Пункт 1-й в тексте отсутствует.

дубьём и ногами топтан, тако ж и Пырсикова били же. 3. И того же числа в ночи оный Истомин с товарищами своими, с помянутыми Безрядовым и с Корелою, пришли в монастырскую судную избу нагло и выборного монастырского крестьянина Ивана Юрьева били же безвинно и, бивши, спрашивали, у кого вино есть, чтоб доводили друг на друга. 4. Оный же Истомин в деревне Тайменке у крестьянина Вагина везде искал вина, токмо не нашёл, а нашёл в печке меденик и, взяв оный меденик, вылив из него воду, понёс оный меденик насильно с собою. 5. И видя Вагин от Истомина обиду и наглое нападение, стал ему кланяться и просить слёзно, дабы он отдал возвратно меденик, и за то смучил с него, Вагина, нападкою и взял с него мешок пшеницы, а меденик отдал возвратно. 6. Да в прошлом 1740 году оный же Истомин дал монастырским крестьянам, Григорию Ильину с товарищи, в деревне Пальбихе, вина сидеть во весь год[36]; а рядил с них четыре ведра вина и, не дождавшись времени с оного Ильина, доправил за то вино денег 10 руб. 7. А сего 1741 года, в январе, оный Истомин подал на нас, означенных, доношение, будто мы его били 10 человек и отбили 17 руб. денег, а в выезду у них написано в Пачинском селе токмо полчетверти рубля. И то всё написал он, Истомин, ложно. 8. А по тому доношению в Томскую воеводскую канцелярию нас сыскали и допрашивали, и в допросах своих показали, что не токмо сего Истомина [не] били, но и в том селе, на которое он показал, не были и его, Истомина, не видали. 9. А в том деле содержали нас в Томской воеводской канцелярии под караулом пять недель, и решения никакого не учинено, и пошлин с того иску не взято, но токмо доправил с нас денщик ездовых денег 6 руб., да подьячий Воробьёв от допросу взял 5 руб., да подполковник и воевода г. Миклашевской 1 руб. 50 коп., да от переводу из караульной в тюрьму, а из тюрьмы в караульную тако ж денщикам и десятникам 3 руб. 11 коп. 10. Всего получено с нас нападками денег, как в канцелярии, и что взял с нас г. воевода, тако ж и разночинец Истомин, 25 руб. 61 коп., да мешок пшеницы весом 5 пудов, цена 1 руб. Того ради сим доношением в томской Алексеевский монастырь покорно просим, дабы повелено было сие доношение принять и обиду нашу и взятые с нас нападками деньги отыскать и впредь разночинцу Истомину в монастырскую вотчину не въезжать и нас не разорять».

Запись, за подписом подьячего Тоболкина с припиской сверху «копия», 1742 года

Продано масла коровьего 30 пудов, взято 30 руб.; жиру 1 ¼ пуда за 1 руб. 25 коп.; 1743 года продано ржи на Шегарке 29 пудов [за] 2 руб. 30 коп.; продано ржаной муки на Киргизке 300 пудов, взято 36 руб.; продано 500 муксунов, взято 10 руб. 50 коп.; продано 3 решета конопляного семени, взята гривна; июля 22 дня продано муки ржаной 69 пудов, 8 руб.; 10 сентября за 4 пуда масла отдано 6 руб. 40 коп.

В отходящей за 1742 год

Печатные указы рассылаются следующим, подчинённым томскому заказу, сёлам: Спасскому, Ярскому, Зеледеевскому, Сосновскому острогу, Иткаринскому селу, Кулакову, Пачинскому, Верхотомскому острогу, Усть-Сосновскому селу, Ирменскому, Колыванно-Воскресенскому заводу, Криволужковскому, Чеускому острогу, Илеревинскому острогу, Уртамскому острогу, Богородскому селу, Курчиновой волости, Никольскому селу, Казачаевой волости, Семилужному селу, Тутальской волости, Мелецкому острогу, Ачинскому острогу, Пышкинской волости, Кожевниковскому селу. А всего 26 селений.

Книга града Томского заказа духовного правления дел, записная приходящим указам, промемориям и подаваемым доношениям, духовным росписям и прочим делам, бытности закащика Богоявленской церкви священника Михаила Григорьева, сына Пушкарёва, 1743 года

Здесь под 10 числом января, № 8, записано доношение Илеревинского острога попа Ивана Иволинова о недостатках церковных треб и о скудости дворового числа и о переводе по прежде присланному из Тобольской архиерейской канцелярии, в прошлом в 1737 году, указу в Чеуской острог вторым попом и о прочем. Под 15 числом, № 15, доношение томского пробирного мастера Шарюмова Семилужного села на казачьего сына Фёдора Черноярова во взятии живомужной солдатской жены себе в жену, в родстве. В марте месяце, под № 96, записано доношение Зырянского села попа До-

рофея Иванова о выдаче ему денежного и хлебного жалованья на 1743 год и для отправления в Убинской и Каменный форпосты лошади. 29 числа, под № 81, записано доношение Зеледеева села священника Кирьянова и пономаря Солоникова Варюхиной деревни на жителей Бобарыкина и Кинозёрова с товарищи, об изгнании их священника из дома со святыми образы и о повреждении запрестольного креста. 18 июня, под № 43, записано доношение Нелюбинской деревни жены казачьего сына Казанцева, Авдотьи, «в напрасном смертном битье оным мужем и о блудном прижитии с сестрою его, девкой Авдотьей, младенца и о прочем». В августе 12 числе, под № 64, записана грамота благословенная преосвященного Антония, митрополита Тобольского и Сибирского. Июня дня сего 1743 года, под № 830, об окладе в городе Томске, вместо погорелой, новой Богоявленской церкви с двумя, Архангельским и Ильинским, приделами. Под 18 числа августа, № 66, доношение Усть-Сосновского селения казачьего сына Козина о сгорении в оном селе церкви Николаевской, в алтаре на престоле одеяния и срачицы, и о венчании попом Бубновым без венечной памяти и о прочем; под следующим числом, № 67, «определение управляющего закащичью должность священника Андрея Пушкарёва о следовании Усть-Сосновского села об обгорении престола и о прочем, Спасского села попу Ивану Шахову».

Промемория из Алексеевского монастыря к заказным делам за подписом наместника иеромонаха Авксентия[37] от 22 марта 1745 года

В ней пишется, что из присланных по указу консистории в монастырь при именном реестре 30 человек священнослужительских детей для обучения словенской грамоте[38], при разборе, явились некоторые возрастные и средовечные и грамоте неучёные, и к учению принять за средовечием неспособные, которые желают быть в подушном окладе за томским Алексеевским монастырём, а кто именно, гласит следующий реестр: «Богоявленской церкви дьячка Бубнова сын Иван 39 лет, дьячковской сын Пётр Меркулев 37 лет, Благовещенской церкви попа Бекишева сын Алексей, слеп, 29 лет, попа Гаврилова дети: Яков 44 лет, Александр 41 года. Выбылые в посад: дьячковский сын Пётр Меркурьев 22 лет; поповского сына Плотникова дети: Григорий 18 лет и Осип 15 лет.

Рапорт поручика Волкова 19 марта 1746 года

Для сыску раскольников, по определению Кузнецкой воеводской канцелярии, прибыл он в деревню Быкову (она же Тугозвонова, 8 дворов, жителей до 50 человек обоего пола); жители собрались в один двор и просили, чтоб Волков сам пришёл к ним. Волков пришёл и сказал, что едет в деревню Кабанову учить драгун, а до них ему дела нет. Когда крестьяне, поверив тому, вышли по домам, он ночью привёл команду и схватил главного учителя раскольничьего Терентия Быкова. А потом захватил раскольничьего попа, чернеца Никодима Иванова, жившего в хижине в лесу по Заломному протоку, ниже деревни Каламанки. Никодим объявил, что жительство прежде имел в Кержене, «и оттоль, де, вышел от погромления такого, как архиерей Питирим в той Кержене собирал тех керженцев вдвое перстом сложения креста». «А по осмотру моему в той деревне Быковой и избное строение сделано с перерубом и прорублено из одной в другую только одно окно, небольшому человеку в оное влезти невозможно, в которых живут в одной мужеску, а в другой женску пола». В реестре сказано, что Никодим пойман близ деревни Большой Речки по реке Лосихе. Кроме того, еще пойманы раскольники-перекрещеванцы, у коих был настоятель Данило Семёнов.

Книги города Томска Богоявленской церкви [1747–1749 годов]

Вновь определённых церковных старост всякому церковной казны приходу и приёму от бывшего старосты, с апреля 1 1747 года. Здесь значится, что с 1 апреля 1747 года до 1748 года собрано было в церковный кошелёк от подаяния прихожан 13 руб. 23 коп., на госпиталь 94 [коп.].

В 1748 году было собрано от подаяния в кошелёк и по главным праздникам на местную свечу 22 руб. 75 коп., на госпиталь 1 руб. 8 коп. В 1749 году собрано от подаяния в кошелёк и на местную [свечу] 33 руб. 2 коп. и на госпиталь 1 руб. 6 коп. Всего дохода в 1747 года с апреля месяца было: 35 руб. 60 коп., госпитальных 94 коп. В 1748 году 196 руб. 76 коп., госпитальных 1 руб. 9 коп. В 1749 году было приходу 115 руб. 78 коп., госпитальных 1 руб. 6 коп.

Промемория Сибирской губернской канцелярии от 11 мая 1748 года

В 1747 году было отправлено из Томска в Колыванские заводы провианта и фуража 1029 четвертей водным путём на 16 дощаниках, на которые дощаники положено было провианта и фуража, на каждый дощаник по 63 четверти, в том числе на один 84 четверти. Дощаники эти стояли при Томске 2 и при Чеуском остроге 18, но они уже стары, и потому велено вновь построить 20 дощаников для отвоза провианта в 1748 году. Прапорщик князь Чегодаев, определённый к покупке провианта, объяснил, что если вновь построить дощаники, вмещающие в себе по 50 четвертей, то под своз 10000 потребного провианта потребуется 180 дощаников и по завозной лодке к каждому; он был в Чеуском остроге и видел дощаники в Ярской и Алеуской слободах. Сибирской губернской канцелярии не известно, кто в ущерб казне построил такие маленькие дощаники, понеже дощаники везде обыкновенною постройкою бывают такие, что в оные грузится провианту по 500 четвертей, а не по 63 четверти; Мирович, кузнецкий воевода, предложил построить дощаники под груз в 1500 четвертей, но ему приказали выстроить 2 дощаника в 500, подобно иртышским, так как на Оби есть мели, и 15 больших лодок. К доношению Мировича приложена ведомость имеющемуся провианту в городе Кузнецке с обозначением цен, по которым он был куплен. В Кузнецке до 1 февраля 1748 года: мука по 65 ½ коп. четверть, ярица по 40–50 коп. четверть, ячмень по 30–45 коп. четверть, овёс 35–40 коп. четверть. В Берске покупки до 1 января 1748 года: мука 10 коп. пуд, крупа 15 коп. пуд, овёс 50 коп. четверть, ячмень 40 коп. четверть, ярица 40 коп. четверть; в Малышевой слободе по 1 января: мука по 10 коп. пуд, крупа 15–20 коп. пуд, рожь 72 коп. за четверть, овёс 50–60 коп. четверть; в Белоярской крепости: крупа 20 коп. пуд, рожь 70 коп. четверть, ярица 65 коп. четверть, ячмень 65 коп. четверть; в Колыванском заводе: мука 1 руб. 62½ [коп.] четверть, крупа по 2 руб. 50 коп. четверть, ярица по 1 руб. 10 коп. четверть. В городе Кузнецке и в подгородных деревнях стояла в январе месяце торговая цена: мука ржаная по 60 коп. четверть, крупа по 96 коп. четверть, рожь по 40 коп. четверть, ячмень по 25 коп. четверть, ярица по 36 коп. четверть, овёс по 20 коп. четверть. А Кузнецкого ведомства в острогах и слободах в речёном январе выше-

объявленному провианту и фуражу какая торговая цена состояла, о том в присланных рапортах и объявленных острогах не показано.

Показания казаков, сеявших в Омской крепости яровой хлеб, [1750 года]

Было посеяно ярицы 11 четвертей, ячменю 5 четвертей 4 четверика, овса 13 четвертей 4 четверика, явилось в прибыли, кроме семян, ярицы 11 четвертей, ячменя 4 четверти 5 четвериков, овса 12 четвертей 2 четверика; да ржи сеяно 6 четвертей 6 четвериков, а в прибыли явилось, кроме семян, 3 четверти и 4 четверика.

Из Омской управительской канцелярии, от 5 февраля 1750 года

Казённого хлеба было сеяно: ржи на 1 десятину 1 четверть, явилось 4 четверти 4 четверика, овса на 1 десятину 2 четверти, явилось 4 четверти.

Промемория из консистории преосвященного Сильвестра, митрополита Тобольского и Сибирского, 20 марта 1750 года

Ширванского пехотного полка сержант Василий Тулубьев, квартируя в городе Тюмени у разночинки Катерины Тверитиновой, лишил девства дочь её, Ирину, и жил с нею блудно. После того, поссорясь с матерью, перешёл на другую квартиру и стал присылать сватов сватать за себя дочь у матери, но мать отказала. Уговорясь с Ириной, он пришёл с двумя солдатами, когда матери не было дома, и увёл ее к попу, оттуда в церковь, где уже были другой поп, подьячий, три солдата да дворовый человек Тулубьева, Родион Дунаев. Когда приступили к венчанию, Тулубьев, вместо себя поставил своего дворового человека, и хотя девушка бежала, но её не отпустили, и один поп стал читать молитвы, а другой скорее венчать, а подьячий Лапин тут же читал и пел. За венчанье Тулубьев заплатил попу 5 руб., а подьячему 2 руб., и, не выходя из церкви, сам и окрутил, заплетая косы своими руками[39]. В третий день после венца Тулубьев, обрезав, взял хлеба печёного ломоть и увел её с собою одноё в баню, и совокупя к тому хлебу воск, печину, соль, волосов по части и обтирая с себя тем хлебом в бане пот, таким образом, наперво с правой руки, а потом с левой ноги, и скоблил с ног своих ножом ко-

жу, и взял с парёного веника три листа, и минал тот хлеб в одно место с печиною, воском, солью, волосами, со скоблённою с ног кожею и с парёного веника листьём, и сделал колобок; а после того в той же бане и с неё, жёнки Ирины, таким же образом пот особливым хлебом отирал и сминал по вышеписанному с печиною, воском, солью, волосами, веничным листьём и соскоблённою с ног её кожею, и сделав те колобки порознь и вышед из бани, на оные колобки, смотря в имевшуюся у него книгу, которую носил при себе сокровенно, неведомо чего шептал; а куды оные с волшебством хлебные колобки употребил, того она, Ирина, не знает. С Дунаевым жить ей Тулубьев не позволял, бил её, выспрашивая, не живёт ли с Дунаевым, уводил её в лес, привязывал к берёзе и читал свою волшебную книжку. Потом, наскоблив с хоромных углов стружек и положа оные с тележною с колеса грязью в тёплую банную воду, поил тем её, Ирину, насильно, также и вином с порохом и росным ладаном принуждённо паивал и, нашептав на воск и серу, на крест он лепил и носить ей, жёнке, велел. Он не выпускал её из дому, нарочно отлучал от неё Дунаева и всегда носил с собою её волосы, нашептав на них. От которого его волшебства такое сделалось приключение, что она чрез 10 недель и более без него, Тулубьева, когда его не видит, жить не могла и по нём тосковала и для того за ним, когда он с квартиры куда пойдёт или поедет, неоднократно, быв в безпамятстве, бегивала и драла на себе платье и на голове волосы; от которого, де, ей нечаянного приключения и тоски пользовал ее, Ирину, его ж, Тулубьева, человек, Никифор Васильев, давал ей, наговоря, с её волосов, кои она тайно по совету его у оного сержанта из кармана выняла, с которого, де, времени стало быть ей легче и тосковать по нём, Тулубьеве, она перестала. Она украла у него книжку и передала её священнику полковому, который доставил её в Тобольск». Определено: «Тулубьева лишить унтер-офицерского звания и сослать на покаяние в енисейский Спасский монастырь. Брак Ирины с Дунаевым расторгнуть, а Ирине велеть содержать 3 года покаяние; она как блудница заслуживала также монастырского заключения за то, что дерзнула, под уговором с оным Тулубьевым, яко бы за него самого в замужество итить к венчанию, и в девках жила с ним блудно, но понеже она навращена к тому по злодеянию того Тулубьева чародейством его и присушкою, а не по свободной своей воле, для таких резонов и за

претерпенные её чрез злые оного Тулубьева действа обиды, от посылки в монастырь свободить», но все-таки за её согласие без объявления матери на замужество оставить её без «духовного пастыря» невозможно.

Рапорт капитана Поршина от 10 апреля 1750 года

В городе Таре у вдовы Чередовой украли перевязку с ряскою жемчужною, серьги, перстень да колечко серебряное под золотом, бархат, что на шее носят с серебряным …* да пуговиц женских с сарафана под золотом двадцать.

Рапорт Томской воеводской канцелярии 31 июля 1750 года

Пало, с 26 июня по 12 июля, в селе Спасском и деревнях Ярской и Вершининой 18 лошадей и 7 коров; Чеусского острога в Кривощёковом селе пало 58 лошадей и 2 коровы.

Рапорт Томской воеводской канцелярии 21 августа 1750 года

В Верхотомском остроге, в селе Спасском и городе Томске упадка не было, а было упадок в ведомствах Кривощёковой слободы и Сосновского острога. Ведомства Сосновского острога, в деревнях Томиловой, Варюхиной, Мальцевой, Гутовой, Истоминой, Поломошнивой, Шубиной, Алабушной, Пашковой, Елизаровой, Чёрной, Чахловой, Поперечном Искитиме в июле месяце пало 26 лошадей, 3 коровы.

Рапорт Нарымской воеводской канцелярии 20 сентября 1750 года

В Нарымском ведомстве упадка не было.

---

* Так в тексте.

Рапорт Томской воеводской канцелярии 13 октября 1750 года

В разных деревнях Чеусского острога, с 11 по 27 июля, пало 94 лошади, 2 коровы. Пал этот скот в деревнях Малой Кривощёковой, Усть-Инской, Луговой, Криводановой; кроме того, в селе Кривощёкове [пало] 58.

Рапорт Тюменской воеводской канцелярии 16 октября 1750 года

В городе Тюмени, деревнях Мысовской и Антипиной упадок продолжался с 9 сентября по 17, пало 6 лошадей, 4 рогатой скотины.

Рапорт майора Дониуса 23 декабря 1750 года

Деревни Бурмистовой, слободы Царёва Городища, крестьяне Алексей Зудилов с женою, матерью и четырьмя детьми да шестеро детей Ивана Метеняева с матерью, Кузнецов с женою и двумя детьми, Иван Фунтиков с женою, Харитон Бурмистов с женою и записной раскольник Осип Бурмистов с женою, вместе с крестьянином Вахминым*, заперлись в его доме и объявили, что их гонят к троеперстному кресту, что они сгорят, живы в руки не дадутся. Едва военная команда приблизилась к их избе, как она загорелась, и хотя стали ломать двери и окна, но не могли, потому что они были заперты из стены в стену по два бревна; для зажжения было у них приготовлено много конопли и соломы.

Промемория Сибирской губернской канцелярии, август 1751 года

Нашебургского полку извозчик Пермяков показывает: «Знает, де, он государственное дело такое. Когда, де, он, Пермяков, был в команде морского флота капитана-командора Беринга[40] и в 1739 году находился с ним за акияном-морем и видел на Камчатке, на реке Апале, раковины с крупным добрым жемчугом, который, де, величиною напротив как грецкой горох, а иной, де, и помельче; да когда, де, оставлен он, Пермяков, был от Беринга при Авачинской кора-

* Всего 25 человек (прим. Г.Н. Потанина).

бельной гавани один с командою, с тутошними жители, и изыскал, живучи при той гавани он, Пермяков, один собою, при акияне-море, при урочищах Курильском и Кроноцком да Нижношамтальском, три места тумпасные разных цветов[41], а именно: белые, рудо-жёлтые и чёрные. Да когда, де, он, Пермяков, из команды Якутского полка капитана Лебедева в прошлом 1745 году отпущен был обратно в Тобольск к команде, то, де, следуя от Камчатки, под Якутским городом, а от Охотска, на Усть-Белой реке нашёл он, Пермяков, один, сам собою, руды серебряную и золотую, которые, де, руды имеются над самою тою Белой рекой в горах, и из тех, де, руд, от серебряной руды привёз он с собою в Тобольск, в прошлом 1746 году, на пробу менее фунта».

Колывано-Воскресенская канцелярия на уведомление об этой находке отвечала промеморией, что места эти находятся далеко, да и штейгеров при заводе недостаточно и потому послать для поверки некого. Канцелярия Главного правления сибирскими и казанскими заводами из Екатеринбурга промеморией сообщила, что по указу Правительствующего сената, 15 ноября 1723 года, на доношение генерал-майора Вилима Геннинга[42], велено с ворами и разбойниками, сказывающими при учинении экзекуции или взятье в солдаты о рудах, им сведомых, поступать за их вины по указам, а о сыске объявленных ими мест писать, кому надлежит, самих же воров для разведки не посылать, понеже от того происходят в проездах убытки, а воры то напрасно затевают, хотя тем избавиться от смерти.

Рапорт Томской воеводской канцелярии 11 сентября 1752 года

В городе Томске пало лошадей в июне 26, в Спасском присуде 27; в деревне Иштанской 13, Пушкарёвой 15, Горбуновых юртах 11, Кижировых юртах 1, деревне Большой Оешской 16; Малой Оешской 37, Подволошной 13, Тырышкиной 3, Умревинском 3, итого в июне 165. В июле: в городе Томске 33, в Чеусском остроге 8, Богородском селе 4, деревне Камчалы 9, Позняковой 5, Трубочевой 4, Жуковой 5, селе Николаевском 25, деревне Жуковой 13, Петровской 2, Карнауховой 25, Петлиной 18, Рыбаловой 10, Петлиной 10, Ставской 7, Жуковой 1, Иштанской 5, Каманако-

вой 4, Брагиной 3, Чагиной 7, Еловской 10, итого в июле 208; а всего в упадке лошадей 373.

Рапорт Томской воеводской канцелярии 25 октября 1755 года

От неизвестной болезни пало:

	Лошадей	Рогатого скота
В городе Томске в июне	7	1
в июле	13	–
В Чеусском остроге в июне	75	–
в июле и августе	481	15
В Сосновском остроге в июле и августе	183	–
В Богородском селе в июне	26	2
В Каинском форпосте в июле	70	–
Итого	855	18

Промемория Сибирской губернской канцелярии бригадиру Фрауендорфу 31 августа 1758 года

Из Сибирской губернской канцелярии послан указ в Енисейскую провинциальную канцелярию, чтоб желающих переселиться из Енисейской провинции к Бийской крепости крестьян и разночинцев, не исключая из того и выписанных казаков, с ружьями и со всеми их крестьянскими животы, на собственных их лошадях, изобрав способное к путеследованию время, отпустить. А тем, которые лошадей не имеют, велеть как возможно к тому переезду лошадьми исправиться, и когда исправятся, то также на поселение к Бийску выслать. Отправкою же 13 енисейских посадских, пожелавших к переселению, остановиться впредь до резолюции. А от Фрауендорфа положено промеморией требовать, чтобы переселенцы были поселены в удобных к хлебопашеству и сенным покосам и с лесными угодьями местах; чтобы они поселены были деревнями и однодворками, одной семье давать большой [участок] под дворовое строение, кроме огороду, конопляников и гумен, поперечнику 12 сажен; малой семье 8 сажен, а длиннику обоим по 15 сажен, да под огороды по 10, под конопляники по 20, под овины по 10 сажен, а поперечнику по тому ж числу, сколько и под дворовое строение быть надлежит. И на тех, назначенных под селитьбу местах, селиться приказать линиею в одной деревне, а не однодворками. А еже ль в тех местах, где одной деревне быть надлежит, на то число людей, сколько во оной селиться будет, земли будет недостаточно, в таком случае прочим место

под ту селитьбу назначить иное, токмо поблизости оной же деревни, над тою же рекою или речками и озёрами, и селиться приказать таким же манером, как выше показано, без всякой отмены; а для поселения однодворками отнюдь никому места не показывать и теми однодворками селиться накрепко запретить. Однако ж, усматривая при том, чтоб к поселению объявленных деревень земля была способна, дабы по такой способности и обширности мест ещё и другие тут впредь прибывающие селиться могли, чего ради, на каком расстоянии, как большей, так и средней и меньшей деревням быть и каким манером строиться надлежит, к тому при сей промемории в 3 номерах прилагаются чертежи.

Список выселившихся из Енисейской провинции в Бийскую крепость, 15 мая 1760 года, крестьян и разночинцев и выписных казаков

Мужеска пола	178 человек
Женска пола	128 человек
У них лошадей	118
коров	13
овец	1

Промемория из Колывано-Воскресенской заводской конторы, 30 сентября 1760 года

Сообщается роспись удобным к поселению местам, составленная в 1748 году геодезии прапорщиком Пименом Старцевым.

РОСПИСЬ

По реке Локтевке	Сколько дворов поселить и не поселить	
1. При устье речки Белой, коя впадает с правой стороны в речку Локтевку	10	Не поселено
2. На устье реки Колыванки, коя из озера Колывана	18	
3. На устье Курьи	25	

4. На Локтевке в мысу, пониже устья Курьи в 6 ½ верстах	20	Поселено
5. При месте, зовомом Озёрки, повыше оного, на правой стороне Локтевки	50	Поселено
6. В прилуке, пониже Озёрок, в 9 верстах. По оной реке Локтевке леса только по забокам, около неё пашенных мест, сенных покосов довольно; в той речке рыбы: щуки, хайрюзы, плотва, окуни, и во время того описания, по лесам в забоках довольно видели зверей маралов и лосей, также и коз.	15	Поселено
По реке Алею		
7. Вверх по оной на левой стороне в прилуке	40	Поселены
8. Вниз по Алею на правой стороне, пониже устья речки Поперешной 1 ½ версты, где уже поселились три двора крестьян, и называется деревня Шипунова	25	
9. Пониже Поперешной устья полверсты, в котором месте уже зачинает селиться крестьянин Агафон Быков	20	
10. Вверх, по правой стороне Алея, повыше №7 в 5 верстах	10	Не поселены
11. Вверх по Алею на правой стороне прямо коего места на степе несколько берез. И оные места, как пашнями, так сенными покосами, рыбными ловлями, хмелевьями довольные, а кои выше, оные гораздо плоше, ибо земли всё серые с песком и солонешные, редко где дерные	20	
12. Вверх по Алею на правой стороне в прилуке	30	Поселены
13. Где промышленная пустая избушка для рыбной ловли	20	Не поселены
14. Повыше речки Поспелихи в трёх верстах, близ переезда через Алей по дороге Медведеровской, где видно, что зачинают селиться, ибо при том месте был стан и лежат сохи	25	Поселены
15. При нижнем конце Красного Яру	30	
16. В прилуке реки Алея	10	Не поселены
17. Неподалеку озера Горького	20	Поселены
18. Выше Горького озера	26	Не поселены
19. В прилуке	20	
20. При дороге, лежащей из Колывана в Ямышевскую крепость	30	Поселены

21. В прилуке	15	Не поселены
22. В прилуке, а лес сосновый недалеко, ибо степные борки вблизости	20	
23. Близ реки Алея, где бор от Иртыша пришёл концом. Понеже по сие место довольные хмелевые угодья, рыбные ловли и множество разной птицы: лебедей, гусей, разных уток, по забоке звери маралы, лоси, козы, кабаны, медведи, волки, лисицы, только пашнями оные недовольны, а выше одни хмелевые угодные и сенные покосы и лесов довольство. В локтю Алейском, где ради рудника изба, оный повыше полверсты на яру	15 20	Поселены Поселены
24. Выше бору версты четыре	30	Не поселены
25. В мысу, пониже крутых логов	10	
26. Пониже устья речки Риги	20	Поселены
27. Выше устья речки Риги, прямо нижнего конца сопки	25	Не поселены
28. Близ верхнего конца сопки Усть-Янцевой	15	
29. При устье речки Усть-Янцевой	25	Поселены
30. При буераке. Ибо при оном немного повыше уже селиться зачинают, только в том месте не весьма способно, понеже их водой подмывает	60	Поселены
31. По Алею в мысу	10	Не поселены
32. Пониже устья речки Корбалихи, где один двор, деревня Буркова	9	Поселены
33. Прямо устья речки Гольцовой	20	Форпост св[ятой] Екатерины Не поселены
34. Прямо ключа под горами	10	
35. На устье речки Каменки	45	
36. Пониже речки Соешки	10	
37. На устье речки Шипунихи	15	
38. При устье речки Верхней Каменки	10	
39. На речки Каменке, при Пихтовской горе, близ Бригадирской шахты	30	Не поселены
На речке Малой Белой		
40. При дороге из Колывана на Пихтовский рудник, где бывало зимовье	5	
На речке Евтифее<в>ке		
41. При дороге из Колывана на Пихтовский рудник	8	
По реке Чарышу		
42. Пониже того места, где пришли к реке каменные горы	26	Поселены
43. Вверх на правой стороне Чарыша,	15	Поселены

где заимка Краснощёкова, в коей только два двора		
44. В деревне Харловой, в коей пять дворов	25	Поселены
45.Неподалеку от устья речки Марашхи	100	Форпост Казанской Богоматери
46. Повыше устья реки Белой	10	Не поселены
47. Повыше устья реки Ини, прямо островов, на коих сосновый лес; скотский выпуск изрядный, между реками пашни в долах есть и сенных покосов довольно, в Чарыше и Ине рыбы: таймени, кускучи, окуни, щуки, плотва… Выше того по Чарышу, при Чакырском руднике, токмо то место не весьма угодно, понеже сенные покосы сыскать можно, а пашенных земель с нуждою между гор в долах, только не будет ли от гор каменных хлебам от морозов вреда		Иньская защита
По реке Ине		
48. Повыше речки Чесноковки	20	Не поселены
49. При верхнем устье речки Тёгрёка, токмо оное далеко от жилых мест и опасно; когда же при том селить, то уже достойно быть крепости, ибо лесов, сенных покосов и пашенных мест довольно, в реке Ине рыба: кускучи, таймени, окуни, ельцы, изредка щуки; тако ж по оной реке довольно зверей: маралов, лосей, коз, медведей, волков и лисиц, тако ж и кабанов	30	Не поселены
По реке Белой		
50. На устье речки Рычкунихи, где зимовье бывало Рычкуново	20	Беловская защита
51. При устье речки Суетки	10	Не поселены
52. При переезде через Белую по дороге Чакырской	30	Белорецкой форпост
По реке Убе		
53. При верхней Плоской речке, токмо оное место ради крепости оставлено		
54. Выше того, при речке Красноярке	20	Не поселены
55. На устье речки Большой	50	
56. На устье речки Лосихи	20	
57. Пониже устья речки Шеманаши	20	Шеманаевский форпост
58. При устье речки Таловки	30	Не поселены
59. При устье речки Берёзовки-Золотарёвки, на коей станец Елец	10	Красноярский форпост

60. Вниз по Убе, на правой стороне	20	Не поселены
61. В деревне Убинской	16	
62. При озере Колыване, на речке Верхней Колыванке, коя впадает в озеро Колыван. Да при нижней, где оная пошла из Колывана. Пашни по речкам Колыванке, Хорьковке и Поперешной, тако ж и сенные покосы, а рыба в озере есть, и звери бывают	20	

[Документ 1760 года]

24 апреля 1760 года в Омской управительской канцелярии на очной ставке проситель, разночинец Фёдор Оконишников, и ответчик, писчик Пётр Бекишев, показали: «1. Оконишников в октябре 1759 года у писчика Бекишева из казённых денег 25 руб. для выкупа у поручика Терского сына своего, Фёдора, и на народские расходы, не бирал, и сын его в закладе у поручика Терского не бывал, а жил только по просьбе моей, для обучения грамоте; а в январе 1760 года, при смене из старост и учёте его народом, Бекишев стал на него просить у бывшего управителя Козьмы Куличкина, и Куличкин по наусильному приказанию и стращал стегать плетьми. Убоясь таких угроз, за неимением своих [денег], заложа сына своего родного Фёдора поручику Меньщикову в 25 руб. и отдал их писчику Бекишеву. 2. Бекишев в 1759 году был в наймах у омских разночинцев для собрания подушных денег, ибо он, по указу Тарской воеводской канцелярии, к оному сбору определён писчиком и сбирал те деньги добропорядочно и, собрав всё сполна, в сентябре из них, по просьбе, Оконишникову, выборному старосте, на народские издержки давал и обратно получал рублей по 100 и более, и когда Оконишников стал сменяться, то от 25 руб., остававшихся за ним в долгу, отпёрся, но Куличкиным был без всякого пристрастия принужден уплатить».

Рапорт Чернолуцкой конторы от 29 мая 1761 года

По просьбе крестьянина Чернолуцкой слободы Матвея Проскурякова велено взыскать с некоторых жителей Чернолуцкой слободы, якобы поборных его, Проскурякова, денег 8 руб. 74 коп. да долговых 2 руб. Жители, собранные в Чернолуцкой судной конторе, объявили

сказкою, что «крестьянин Матвей Проскуряков, назад тому лет пять, был у них по выбору старостою, и какие с них искались по мирским раскладкам поборы, то они ему и отдавали, а потом, по смене его из старост, был в том считан, на котором, сверх того, что оный Проскуряков не по христианской совести, но плутовскими вымыслами его, утраченных им из прогонных денег, кои им приняты из Тарской воеводской канцелярии за перевозку провианта денег немалого числа, кои и поныне на нём состоят, но поборных еще причлось 12 руб., за кои, по приговору мирскому, чрез выборного Дмитрия Семёнова, взыскано тогда ж с него, Проскурякова, только рублей с 8; а чтобы он за народских людей заложил своих денег рублёв почти с 10, и то он явно своим ложным вымыслом просьбу производит напрасную, а не точию ему тогда за нас заложить свои деньги собственные рублёв почти до 10, чего в здешней слободе и лучшие крестьяне толикого числа не имеют, а он состояния весьма последнего, и тех ныне написанных от него на нас в ложном его челобитье денег платить не повинны».

КОММЕНТАРИИ*

Раздел 1. СИБИРСКО-КАЗАХСКОЕ ПОРУБЕЖЬЕ В РЕТРОСПЕКТИВЕ XVIII в.

[1] Ордой в XVIII в. называли этнотерриториальное формирование тюркоязычных народов, которые после распада Золотой Орды в конце XV – начале XVI в. объединились в Казахское ханство (Қазақ хандығы). Со временем в составе ханства сложилось три родовых союза, или юза, этнотерриториальные объединения, ныне известные как Старший (Улы), Средний (Орта) и Младший (Киши) жузы. В XVII–XVIII вв. в состав всех трёх жузов входило до 112 племён, родов и поколений, объединявших до 2–3 миллионов человек. Казахские жузы кочевали на обширной территории от Тобола и Иртыша на севере до Ташкента на юге, от р. Эмиль на востоке и до Сыр-Дарьи на западе. Каждый из жузов возглавляли ханы, которые вместе с султанами, главами родовых объединений, составляли высшую прослойку казахского населения. Ханы и султаны считались потомками Чингисхана, или чингизидами, и именовались ак-суйек (ак-сыик), то есть белая кость. Родовую знать – кара-суйек (чёрная кость) фомировали те, кто не принадлежал к чингизидам, но возглавлял казахские роды или поколения, это бии, баи, батыри.

Будучи достаточно самостоятельными, владетели жузов, отдельных

---

* Составлены по: *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсаков. СПб., 1867; *Потанин Г.Н.* О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1868. Кн.2, пагинация 5; *Он же.* В юрте последнего киргизского царевича (Из поездки в Кокчетавский уезд) // Русское богатство: Ежемесячный литературный и научный журнал. СПб., 1896. №8; *Беликов Д.Н.* Старинные монастыри Томского края. Томск, 1898; *Моисеев В.А.* Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М.: Наука, 1983; *Он же.* Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991; *Он же.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке. (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998; *Он же.* Россия – Казахстан: Современные мифы и историческая реальность: Сб. научных и публицистических статей. Барнаул, 2001; *Миллер Г.Ф.* Статьи о древностях сибирских // *Миллер Г.Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т.1; *Шерстова Л.И.* Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII – XIX веках. Томск, 1999.

поколений и родов всё же ежегодно собирались на совещания, на которых избирали старшего хана, обсуждали вопросы о том, где зимовать и летовать, с кем воевать, а с кем добиваться мирных отношений.

[2] *Киргизской волости ведомства Аблая…* – На кочевых территориях Младшего и Среднего жузов, принятых в российское подданство в 1730–1740 гг., сложилась административно-территориальная система, основу которой составлял аул – ряд кровно-родственных семей во главе со старшиной (аксакалом). Несколько аулов образовывали волость, в которую входил кочующий на определённой территории казахский род (поколение). Эти волости, объединявшие кочевое казахское население, именовались киргизскими, в отличие от тех, на которых проживало русское население. Во главе «киргизской» волости стоял султан, по имени которого волость и была известна. По Уставу о сибирских киргизах, утверждённому 22 июля 1822 г., административно-территориальная система в Северном Казахстане включала аулы (от 50 до 70 кибиток), которые объединялись в волости (10–12 аулов), те, в свою очередь, формировали округа (15–20 волостей). Аулы управлялись старшинами, волости – султанами, а для управления округом из среды казахских султанов-чингизидов избирался старший султан.

Аблай (1711–1781), сын Коркем Уали-султана, был султаном одного из самых влиятельных в Среднем жузе аргынского поколения (рода), позже, в 1771–1781 гг., избирался ханом Среднего жуза. В 1739 или 1740 г. в Орской крепости принял присягу на верность России. Неоднократно участвовал в военном ополчении, отражая нападения джунгаров. Во время военных столкновений с джунгарами в 1741 г. попал в плен, а получив в 1743 г. свободу, продолжал воевать с захватчиками и добился победы, освободил от джунгарского влияния столицу Казахского ханства Туркестан и др. территории.

Сын хана Аблая Вали также был ханом Среднего жуза. Однако старший сын Вали Губайдула, объявленный после смерти отца ханом, был арестован русскими властями (по подозрению в попытках найти поддержку в Китае) и сослан в Берёзов, именно тогда институт ханства среди казахов был упразднён. Другой сын хана Вали и его младшей жены Айханым, Чингиз Валиевич Валиханов, поступил на русскую службу. Его сын Чокан Чингизович Валиханов (1835–1865), правнук хана Аблая, стал видным исследователем и общественным деятелем.

[3] Киргиз-кайсаками русские называли народ, кочевавший на территории современного Казахстана. Самоназвание Қазақ, которое, по свидетельству И. Казанцева, произошло от каз-ак (белая гусыня) – легендарной прародительницы казахов, русские переиначили в кайсак

или казак, а для отличия от русских казаков называли казахов киргиз-казаками или киргиз-кайсаками.

[4] Имелась в виду российская императрица Елизавета Петровна (1709–1761), дочь Петра I, царствовавшая в 1741–1761 гг.

[5] Галдан-Чирин, правильно Галдан-Церен (Цэрен), сын главы Джунгарского ханства Цэван-Рабдана и его первой жены, хошоутской княжны Кюнгу. Унаследовал ханский престол после смерти отца в 1727 г., стал хунтайджи, то есть правителем Джунгарского ханства. Находился на ханском троне до самой смерти 13 сентября 1745 г.

[6] Колывано-Воскресенские заводы, в состав которых входило до 100 предприятий по добыче и обработке руд, цветных и драгоценных металлов, были созданы в 1720–1730-х гг. на территории Алтая российским предпринимателем А.Н. Демидовым. В 1747 г. они были переданы от Демидовых в казну и стали собственностью Кабинета Его (Её) Императорского Величества. Для управления кабинетской собственностью в 1747 г. был создан округ Колывано-Воскресенских горных заводов, во главе которого находилась канцелярия, или контора, Колывано-Воскресенского горного начальства. Со времени создания Колывано-Воскресенский округ входил в состав Тобольской провинции Сибирской губернии, позже – в Тобольскую губернию, а в 1779 г. в ходе реформирования управления Сибирью был преобразован в Колыванскую область. Для охраны кабинетской собственности была построена Колывано-Воскресенская военная линия.

[7] Зайсан Омба (Омбо) был главой канских калмыков (телеутов), алтайских кочевников. В 1755–1756 гг., во время сопротивления ойратов маньчжурским захватчикам, поддерживал нойона Амурсану, возглавил ополчение алтайских племён против войск цинского богдыхана, в феврале 1756 г. не пропустил через свои владения цинское посольство к казахскому султану Аблаю. Ранее этого, в январе 1756 г., от имени всех алтайских этнических объединений Омба просил императрицу Елизавету Петровну принять их в русское подданство, просьба была удовлетворена в мае 1756 г. Менее чем через год, 9 февраля 1757 г., Омбо умер.

[8] *…о слышании им от калмык в Кану…* – Имеется в виду Канская, или Кан-Каракольская, землица, алтайская территория, населённая телеутами (калмыками). Население Канской землицы, находившееся под влиянием ойратского рода чорос, было инкорпорировано в систему Джунгарского ханства, на него распространялось административно-податное деление на дючины, джунгарская социальная иерархия (зайсаны, демичи, шуленга); канские зайсаны собирали алман с двоеданцев, например с бельтирских татар, от имени джунгарского хана.

[9]*…шли для купечества в Ургу…* – Ургой называлась ставка, резиденция, того или иного кочевого ойратского владетеля. В данном случае, речь о «столице» Джунгарского ханства, поселении, устроенном джунгарским ханом для проживания в нём в зимнее время. В летнее время хан кочевал подобно другим соплеменникам.

[10] *…зенгорский владелец…* – глава Зенгории, именуемой также Зенгорской, или Зюнгорской, землицей. Это Джунгария, Джунгарское (Ойратское) ханство – возникшее после распада Монгольской империи государственное образование монголоязычных народов ойратов (в составе торгоутов, хошоутов, дербетов, чоросов, хойтов и др.). В русских документах ойраты были известны как калмыки, калмаки, чёрные калмыки. В XVII в. Джунгарское ханство занимало Джунгарскую равнину (на северо-западе современного Китая), а также земли от Алтая до Тобола. В первые десятилетия XVII в. часть ойратов (до 300 тыс. чел., преимущественно торгоуты) перекочевала на Волгу, где было создано объединение волжских калмыков. В 1720–1730-х гг. джунгарский хан Галдан-Церен подчинил своему влиянию казахов Старшего и Среднего жузов и простёр свои владения до Тибета, включая Ташкент и Бухару. В середине XVIII в. Джунгарское ханство было уничтожено в результате маньчжурского (китайского) завоевания.

[11] Алексей Михайлович Сухарев служил сибирским губернатором в 1743–1754 гг. Выступил с инициативой построить военные укрепления от Семипалатинска до Телецкого озера для обороны от возможных нападений со стороны Джунгарского ханства, впоследствии – Сибирская военная линиия.

[12] Христиан Теофил (Христиан Деофилиус, Крестьян Дифилиус) Киндерман, выходец, предположительно, из остзейского дворянства. С 1726 г. служил в чине секунд-майора в 63-м пехотном Углицком полку, затем в Выборгском драгунском, Ярославском драгунском, Ростовском драгунском полках. В конце 1730-х гг. произведён в чин бригадира, в 1741 г. – генерал-майора. В конце 1744 г. был назначен командующим войсками на Сибирской военной линии и занимал эту должность до самой кончины в 1752 г.

[13]*…учреждено по Уйской и Оренбургской линии, тако ж и по Тобольской линии…* – Пограничье российских и казахских территорий в XVII–XVIII вв. было отмечено укреплёнными Оренбургской линией (от Каспийского моря по р. Уралу до Илецкого городка) и Сибирской линией, которая протянулась на 1502 версты от Елабужского форпоста в Зауралье до алтайских территорий близ Усть-Бухтарминской крепости. Сибирская линия включала в себя несколько менее протяжённых линий, например Иртышскую, Кузнецкую, Тобольскую и др. Вдоль

Сибирской линии и её отдельных участков были выстроены крепости, устроены форпосты, кордоны, маяки (сигнальные вышки), выложены секретные знаки из прутьев, чтобы заметить следы незаконного прохождения через «границу». В укреплениях и форпостах размещались воинские команды, пехотные линейные батальоны, артиллерийские батареи и роты Сибирского казачьего войска, призванного противодействовать набегам джунгар и казахов.

[14] Сказка – разновидность делопроизводственной документации в России в XVII–XVIII вв., представлявшая собой запись устного показания несудебного характера, деловое объяснение, отчёт о случае или происшествии.

[15] Неплюев Иван Иванович (1693–1773), выходец из новго-родского дворянства, окончил Петербургскую морскую академию, изучал навигацию и судостроение в Венеции и Испании. В 1720 г. по личному назначению Петра I стал командиром над строившимися морскими судами в Петербурге. Позже служил посланником в Османской империи, в 1742–1758 гг. – наместником Оренбургского края, с 1760 г. был сенатором, дослужился до чина тайного советника. В 1893 г. в Петербурге была издана книга «Жизнь Ивана Ивановича Неплюева, им самим описанная».

[16] Барабинские татары – тюркоязычное население, занимавшее территорию вдоль р. Оми, в южной части Западной Сибири. В XVI в. были данниками сибирского хана Кучума, а после разгрома его русскими платили дань (ясак) русским властям, в первой половине XVIII в. одновременно были данниками джунгарских ханов.

[17] *…платёж подушных денег…* – обязанность мужского населения России из низших непривилегированных сословий выплачивать денежные суммы, взимавшиеся с каждого человека, «с души», в пользу государства.

[18] Разночинцы – категория российского населения XVIII–XIX вв., включавшая тех, кто оторвался от своей среды и не принадлежал ни к одному из официально учреждённых сословий; может рассматриваться как свидетельство разрушения сословного строя в России.

[19] Ясашные волости – сибирские и казахские территории, населённые кочевыми народами, которые платили ясак, то есть натуральный налог в пользу Российского государства в виде пушного зверя или крупного рогатого скота, лошадей, баранов. Пушнина, по тогдашнему «мягкая рухлядь», собиравшаяся в виде ясака в XVII–XVIII вв., обеспечивала до половины всей суммы российских государственных доходов. В 1760-х гг. был ликвидирован институт ясач-

ных сборщиков, сбор и доставка пушнины в казну были переданы в руки князьцов и старшин этнических групп.

[20]*…прибыли в Кумандинскую волость…* – место обитания кумандинцев, алтайской этнической группы, кочевавшей в северных предгорьях Алтая, в нижнем течении Бии и Катуни.

[21]*…таутелеутских ясашных татар…* – Тюркоязычная этническая группа, именовавшаяся русскими как белые калмыки. Самоназвание теленгет, телеут. Занимались охотой и звероловством на территории вдоль р. Наймы на Алтае, кочевали по направлению к территории Джунгарского ханства, в состав которого были инкорпорированы; одновременно платили ясак в пользу Российского государства.

[22]*…живут в бегах у двоеданцев…* – Двоеданцами назывались тюркоязычные народы Южной Сибири, находившиеся в российском подданстве и вносившие ясак в пользу государства, а в то же время вынужденные платить дань джунгарским или другим азиатским владетелям.

[23]*Дайте, де, нам китайку…* – Так назывались плотные, чаще синие хлопчатобумажные ткани из Китая. По сведениям Г.Н. Потанина, который опирался на данные Г.Ф. Миллера, китайские ткани были широко распространены в Сибири и ценились гораздо выше более грубых бухарских хлопчатобумажных тканей и тем более русских холстов.

[24] Алман, дань, с барабинских татар взималась, по сведениям Г.Н. Потанина, в пользу джунгарских ханов вплоть до 1752 г.

[25] Беер, правильно – Беэр Андреас Венедиктович, служил в чине бригадира начальником Тульских оружейных заводов. В 1744 г. повелением императрицы Елизаветы Петровны был назначен во главе комиссии для обследования алтайских рудников Демидовых, подтверждения наличия в них серебро- и золотосодержащих руд. По результатам обследования высказал предложение о передаче демидовских предприятий в казну, о переводе их на добычу и выплавку серебра. В 1747 г. стал первым начальником Колывано-Воскресенских заводов, переданных от заводчиков Демидовых во владение российских императоров; находился на этой должности до 1751 г. и дослужился до чина генерал-майора.

[26] *...и доходили близ бугров…* – Имелись в виду курганы, или «могильные холмы», насыпанные над древними захоронениями на обширной территории между Обью и Иртышом. В XVII–XVIII вв. были распространены грабительские раскопки курганов, которые производились самовольными раскопщиками, бугровщиками, в поисках золотых и серебряных предметов и монет. О некоторых из сохранившихся курганных находок впервые написал Г.Ф. Миллер, изу-

чавший старинные могилы во время путешествия по северо-казахским и южно-сибирским территориям в составе 2-й Камчатской экспедиции в 1734 г.

[27] Обозначены различные категории населения: дети боярские – выходцы из измельчавших боярских родов, находившиеся на государственной службе и занимавшие в сибирских городах и крепостях высокие административные и военные должности; конные казаки – служилые люди, набранные из казаков и выполнявшие воинскую службу (при своих конях и амуниции) за денежное и хлебное жалованье; чацкие мурзы – этническая группа тюркоязычного населения Сибири, бывшая в XVI в. союзником хана Кучума, а после его разгрома русскими ставшая военным союзником Русского государства, позже служили за денежное жалованье, не платили ясак, привлекались к военной службе и охране границ, к исполнению некоторых дипломатических поручений; эуштинские татары – этническая группа, эушта, или юшта, обитавшая по берегам Томи, близ Томска, привлекавшаяся томскими властями к военной службе; выезжие белые калмыки – представители этнической группы теленгутов (телеутов), перешедшие на русскую службу.

[28] *…за хлебное жалованье служат с пашен…* – Речь о том, что с середины XVII в. многим служилым людям в сибирских крепостях, получавшим ранее плату за службу деньгами или зерном, были выделены земли для самостоятельных посевов и выращивания хлеба.

[29] Улус – держание, владение податными людьми одного рода, кочевавшими на той или иной территории, объединение родовых союзов.

[30] Нойон – потомственный глава ойратского племени, улуса, входивший в высшую прослойку джунгарского общества. Зайсаны представляли жалованную часть джунгарской знати, они управляли отдельными подразделениями улусов (аймаками, десятками, двадцатками).

[31] Абулхай-хан, правильно Абулхаир Мухаммед Гази-Бахадур-хан, сын Айтак-султана, относился к младшей ветви казахов-чингизидов. В 1731–1748 гг. (по другим сведениям, в 1718–1748 гг.) был ханом Младшего жуза. В 1723–1725 гг. организовал военное сопротивление казахов джунгарским войскам, но потерпел поражение: джунгары захватили принадлежавшие казахам города Ташкент, Туркестан и Сайрам, взяли в плен жену и мачеху Абулхаир-хана, а самого хана вынудили отступить на северо-запад, в степь. В 1726 г. Абулхаир-хан участвовал в собрании представителей всех трёх казахских жузов, на котором было создано единое ополчение, стал его старшим военначальником. Соединенными силами казахи нанесли поражение джунгарам, отстояли свою политическую независимость, но возвратить захваченные джунгарами

родовые земли в Семиречье не смогли. В 1730 г. Абулхаир-хан первым из казахских владетелей обратился к российской императрице Анне Иоанновне с просьбой о подданстве и 10 октября 1731 г. подписал акт о добровольном вхождении Младшего жуза в состав Российской империи. Узнав об этом, джунгарский хан Галдан-Церен возвратил Абулхаир-хану его жену и других пленников и изъявил желание быть с ним «в дружбе, а не в войне» (позже Абулхаир вёл переговоры о заключении брака своей дочери с сыном джунгарского хана). Абулхаир погиб в сражении против ополчения султана Барака, который, по сохранившимся сведениям, собственноручно убил раненого хана. Преемником Абул-хаира, ханом Младшего жуза, был в 1748–1786 гг. его старший сын Нуралы, затем, в 1786–1791 гг., другой сын Жармухамбет.

[32] Абуль-Мамет-хан (Абилмамбет-хан), правильно – Абулмамбет, сын Болат-хана, в 1734–1771 гг. был ханом Среднего жуза. В августе 1740 г. подписал «присягу четырёхсот», в числе 400 представителей Младшего и Среднего жузов подтвердил своё подданство России, носившее, по мнению В.А. Моисеева, номинальный характер. Стремился получить поддержку джунгарского хана Галдан-Церена и после поездки в Джунгарию в 1745 г. добился от правителя Джунгарии передачи ему во владение города Туркестана.

[33] Барак-салтан, сын Турсун-хана, один из родовитых владетелей Младшего жуза. Не имея ханского звания, оказывал большое влияние на жизнь казахов. Участвовал в войне с Джунгарий в 1741–1743 гг. и вынужден был вслед за ханом Абулмамбетом послать своего сына Шигая в Джунгарию в качестве заложника (как признание подданничества по отношению к Джунгарскому ханству). Впоследствии вплоть до смерти джунгарского хана Галдан-Церена поддерживал с ним политические и торговые отношения. В 1743 г. был принят в русское подданство. Враждовал с ханом Младшего жуза Абулхаиром и в 1748 г. во время военного столкновения вблизи р. Тургай убил раненого Абулхаира. Судом биев Барак был оправдан, но приговорён к выплате компенсации семье убитого. В 1749 г. Барак получил приглашение стать ханом Старшего жуза, однако неожиданно скончался в апреле 1750 г. (по некоторым сведениям, он вместе с семьей был отравлен своими противниками).

[34]*…бывший в Башкирии возмутитель вор Карасакал…* – В 1740 г. самозванный хан Карасакал, или Карахан, настоящее имя Минлигула Юлаев, возглавил движение башкир против строительства русских укреплений на Оренбургской военной линии. Надеялся на поддержку Абулхаир-хана, но не получил её, и восстание было подавлено.

[35] *…вымогать, под искусным приласканием, от имеющих там разных землиц пленников, также и их народу от подлых людей…* – то есть получать информацию от людей низших сословий, рабов, холопов.

[36] *…провианта с казённой десятинной пашни…* – то есть урожая, снятого с государственных земель, обработка которых входила в число обязательных крестьянских повинностей.

[37] *На винокуренных каштаках, кои имеются в Тобольской ратуше и у подрядчиков и у откупщиков…* – В XVII – первой половине XIX в. изготовление алкогольных напитков в Сибири осуществлялось как подрядным способом владельцами небольших предприятий, каштаков (по В.И. Далю, «шалаш, балаган в лесу, где тайком сидят хлебное вино»), так и через систему винных откупов, когда государство передавало частным лицам за определённую плату право организовывать производство, а также закупать и сбывать алкоголь.

[38] Леонтий Дмитриевич Угримов в 1731 г. был назначен во главе российского посольства в Джунгарию, имевшего целью добиться от джунгарского хана прекращения сбора алмана (дани) с сибирских двоеданцев, договориться о возвращении русских пленных, заключить договор о торговле. Посольство находилось в Урге (резиденции) Галдан-Церена с апреля 1732 г. до марта 1733 г. Практически все цели были достигнуты, подписано важное соглашение о беспошлинной торговле купцов с обеих сторон, о выдаче русских пленных.

[39] *Прибыли, де, из Урги купцы бухаретин Мулла Назаров с товарищи…* – Выходцы из Средней Азии, именовавшиеся бухарцами, бухаретинами, приезжали в Сибирь торговать. В 1701 г. они получили официальное разрешение селиться в сибирских городах. В 1760-х гг. Екатерина II даровала бухарцам право на самоуправление (на томской земле, в частности, были созданы Большая и Малая бухарские инородные управы, административные единицы, в ведении которых находились выходцы из среднеазиатских территорий).

[40] Еркецкими (иркецкими) товарами, или иркетчиной, называли хлопчатобумажные ткани, которые производились в Яркенде, по-русски Иркет, и доставлялись в Сибирь бухарскими купцами.

[41] Перечислены товары русско-бухарской торговли, в том числе зендель (или зендень) – хлопчатобумажная ткань зелёного, красного, жёлтого и синего цвета, производимая в Джунгарской Бухаре. Лучшей по качеству считалась одноголовная зеньдень шириной ¾ аршина и длиной до 8–9 аршин (кусок одноголовной зендени служил мерой при меновой торговле в Джунгарии); двойная зендень была шириной в 1 аршин и длиной около 12 аршин. Шанская зендель (от слова шан, по-калмыцки – казна) использовалась при сборе дани с подвластного

джунгарам населения. Корсак, небольшая степная лисица, которая привозилась во множестве из Джунгарии. Корсачья шкурка у казахов служила в качестве меновой единицы вместо денег, как одноголовная зендень в Джунгарии. Хамом, по сведениям Г.Н. Потанина, называли хлопчато-бумажные ткани, различные по качеству и цене. Самые простые, или однопортишные хамы, были чёрные. Васильковые, зелёные и алые хамы изготовлялись только в Кашкаре и были известны как кашкарские хамы. Самые лучшие, шанские хамы, длиной от 12 до 13 аршин, были зелёного, красного и жёлтого цвета, этими хамами в Бухаре собирали дань в пользу джунгарских ханов. Выбоина, выбойка, по-бухарски басма, некрашеная, но лощёная и с рисунком хлопчатобумажная ткань. Кушак, или бухарский кушак, длинный пояс (до 2–2,5 аршин), вытканный красными и васильковыми полосами или с шахматным рисунком. Занавесы, или занавесы выбойчатые, – раскрашенные особыми рисунками хлопчатобумажные ткани, производимые в Яркенде и Ташкенте, которые высоко ценились в Сибири.

[42] Перечислены те товары, которые были запрещены в купеческой торговле и составляли монополию государства.

[43] Контайша – титул главы Джунгарского ханства, верховного собственника всех земель, обладавшего большой властью (также хунтайши, хунтайджи).

[44] *Году Гильмогой…* – Согласно циклическому восточному календарю это год Огненной Змеи, или 1737 г.

[45] *…дан был прочётный указ…* – вид открытого листа, особая грамота на право беспошлинного провоза товаров.

[46] *…таможенному уставу 207 года…* – Речь о постановлениях 7207 г. (1698–1699 гг.) о сибирско-китайской торговле и о воспрещении торгующим привозить товары в Сибирь, минуя таможенную проверку в городе Верхотурье, а также об учреждении таможенных застав на других торговых путях в Сибирь.

[47] Имелась в виду российская императрица Анна Иоанновна, находившаяся на российском троне в 1730–1740 гг.

[48] Названы члены джунгарского посольства Лама-Даши, Науруз-Казы и Авасбай, отправившиеся в 1740 г. в Петербург для официального удостоверения почтения джунгарского хана Галдан-Церена российской императрице Анне Иоанновне. Прибыв в российскую столицу ко времени кончины царицы, джунгарские послы находились в Петербурге около 4 лет, присутствовали на торжествах коронации Елизаветы Петровны в 1741 г.

[49] Просили помощи, поддержки (от французского *secours* – помощь, толчок, удар).

[50] *Абулхаир-хан…* (см. сноску 31).

[51] Камнем называлась скалистая местность в верховьях р. Бухтармы, в южной части Алтайской горной системы.

[52] Кутуйгулин – телеутский нойон, в 1755–1756 гг. участвовал в движении сопротивления маньчжурским войскам, захватившим Джунгарию. В январе 1756 г. обратился к русским властям о принятии его народа в русское подданство.

[53] Сагайский и Бельтирский роды – этнические группы, обитавшие в бассейне р. Абакан, позже слившиеся с хакасами.

[54] Цебен-Доджи, младший сын джунгарского хана Галдан-Церена, известный также как Цебен-Доджи Намжин; после смерти отца был избран ойратскими владетелями летом 1746 г. главой Джунгарского ханства под именем Аджа-хана. Правил до мая 1750 г., когда был схвачен недовольными его правлением зайсанами, ослеплён и сослан в Малую Бухарию, в г. Аксу, где вскоре скончался.

[55] Варфоломей Валентинович Якоби (1687–1769), выходец из обрусевших поляков. Солдатом, а с 1714 г. – офицером участвовал во многих военных кампаниях в России; в 1739 г. в чине бригадира был назначен на пост коменданта г. Селенгинска, возглавлял пограничную администрацию Восточной Сибири. В 1769 г. незадолго до кончины вышел в отставку в чине генерал-поручика. Его сын Иван Варфоломеевич Якоби, выпускник сухопутного кадетского корпуса, начинал службу при отце в Восточной Сибири, участвовал в урегулировании российско-китайских отношений. С 1783 г. возглавлял Иркутское наместничество; за злоупотребления по службе был предан суду, под которым находился около 10 лет, скончался в 1803 г. в возрасте 77 лет.

[56] *…войной, которую вел Галдан-Чирин с Аббакарымом…* – Правитель Кокандского ханства, который в различных источниках и документах именовался как Абды-Карым, Абдулкаримбек, Абдул-Керим-бий, Абд ал-Карим-бек, в 1745 г. подвергся нападению джунгарского хана, отбил его и нанёс поражение джунгарскому войску.

[57] Нойон Септень – командующий джунгарскими войсками в военном походе против Кокандского ханства; скончался в 1745 г.

[58] *...под абдакарымский город…* – город Коканд, центр владений Абды-Карыма.

[59] *Бичаган-Цаган 13 лет…* – наследник джунгарского трона (см. сноску 54).

[60] *…тысячи с три дымов …* – то есть дворов, или семей, обложенных податью, данью в пользу того или иного правителя.

[61] Иван И. Крафт, полковник, затем – бригадир, в 1752–1757 гг. – командующий Сибирским корпусом.

[62] *…ясашных остяков…* – этническая группа, населявшая Среднее Приобье и занимавшаяся охотой и рыболовством. Самоназвание – «чумылкуп» (Васюган, Парабель, Тым), «шошкум» (Обь), «суссекум» (Кеть), совр. название – селькупы. Платили ясак Русскому государству с начала XVII в.

[63] *…воровской самояди…* – Имелись в виду самоеды как собирательное определение северных нерусских народов, не подчинявшиеся русским властям и не платившие ясак.

[64] *…духовных дел заказчика…* – Заказчик – церковный администратор, глава заказного духовного правления, которые начали открываться в сибирских городах в начале XVIII в. Заказчики, по свидетельству Д.Н. Беликова, заботились о хозяйственном развитии заказов, церковных округов в составе епархии, о постройке новых церковных зданий, о побуждении жителей к материальной поддержке церквей. В их обязанности входили также сбор с церквей денег в пользу архиерейского управления и отсылке их по назначению, обеспечение церковных служителей казённым денежным и хлебным содержанием. Они же должны были следить за тем, чтобы во вверенных им церквах совершались все богослужения, а также вести «неослабное наблюдение» за поведением священнослужителей и во время служб, и в повседневной жизни. После преобразования в 1806 г. заказных духовных правлений заказчики были переименованы в присутствующих духовных правлений.

[65] Речь о российской императрице Елизавете Петровне.

[66] *…Заячьего году…, в Куричьем году…, Барсова году…* – Согласно древнекитайскому циклическому календарю (получившему распространение у других народов Азии), каждому году было присвоено название определённого животного. Годы 12-летнего цикла сменяли друг друга по строго определённому порядку: год барса, зайца, дракона, змеи, лошади, овцы (или барана), обезьяны, курицы, собаки, свиньи, мыши, коровы.

[67] …1½ перца муки… – Эту непонятную фразу можно истолковать двояко: либо это неразборчиво написанные, а затем неправильно набранные слова «пуда муки» или «гарнца муки»; либо пропущено слово «фунт» и речь о покупке полутора фунтов молотого перца, перечной муки.

[68] Голь – китайская шёлковая ткань; голь двуличневая – ткань с отливом, с игрой.

[69] Акинфий Никитич Демидов (1678–1745), горнозаводчик. Унаследовав горные заводы отца на Урале, построил несколько новых железоделательных заводов, а с 1726 г. начал разработку рудных залежей Алтая; построил Колывано-Воскресенский, затем Барнаульский медеплавильные заводы, основал горнопромышленное производство в Сибири.

[70] *…по нынешней ревизии…* – то есть по 2-й переписи податного населения России мужского пола, проводившейся в 1744–1745 гг. Сведения её считались действительными вплоть до следующей 3-й ревизии 1763 г.

[71] *…дербеты живут вверх по Иртышу…* – Монголоязычное этническое объединение, входившее в состав Джунгарского ханства.

[72] Дебачи – чоросский князь, сын нойона Намджина, один из представителей боковой ханской ветви ойратской знати (именовался также, как Табачи, Дебечи, Даваци). В 1752–1753 гг. вместе с хойтским нойоном Амурсаной возглавил переворот в Джунгарском ханстве, свергнул с престола Ламу-Эрдэни-Батур-хунтайджи и стал ойротским ханом. Однако потеряв поддержку Амурсаны, не смог противостоять центробежным тенденциям в Джунгарском ханстве и оказать сопротивление маньчжурским войскам. В 1755 г. Джунгарское ханство было разгромлено маньчжурскими военными силами, а хан Даваци (Дебачи, Тебачи) был отправлен вглубь Маньчжурской цинской империи, где ему был дарован титул князя, дана возможность видеться с цинским императором.

[73] *…Чири-Дундуковы дети ныне, де, оба бурханами…* – стали проповедниками ламаизма.

[74] *…посланы они от самого владельца, из его собственного отоку…* – Оток – объединение родственных групп или кочевавших на определённой территории родов, находившихся в зависимости от одного владетеля. Одновременно это объединение имело значение военной единицы, которая выставляла определённое количество снаряжённых воинов в войско джунгарского хана.

[75] Перечислены товары: сукно шлёнское – ткань, изготовленная из шерсти шлёнских овец, завезённых при Петре I в Россию из Силезии; шанская бязь – плотная хлопчатобумажная ткань, которая в Бухаре шла на выплату дани (от калмыцкого шан – казна); чалдар – белая некрашеная, но лощёная хлопчатобумажная ткань. По сведениям Г.Н. Потанина, в Сибирь обычно вывозилась такая ткань средней руки, кусками по 9 аршин. Бязь – это тот же чалдар, но не лощённый и более толстый. Ценилась так же, как чалдар.

[76] *…во установлении на полковых дворах доброго анштальту…* Создание должного порядка, хороших условий, от немецкого anstalt – заведение, учреждение.

[77] *…от времен Великого Белого царя доныне, купцы наши в пожелаемый ими город, не имея термину, свободно ездили…* По всей видимости, имелось в виду разрешение свободной торговли джунгарских купцов на русской территории, данное грамотами Петра I,

подписанными им 26 ноября 1721 г. и 21 сентября 1724 г. в ответ на просьбы джунгарского хана Цэван-Рабдана поддержать его в противоборстве с китайцами.

[78] *…наших уранхайцев двух аймаков…* – то есть родового союза у ойратов и подчинённых им кочевников.

[79] *…по вымолоте явилось зёрен по 11 и по 12…* – собрали урожай в 11–12 раз больше посеянного.

[80] *…старшина бурут Инигимов…* – Родом из бурутов, кочевников, соседствовавших с джунгарами и воевавшими с ними в 1744 г.

[81] Названы должности, которые исполнялись казаками как общественная повиннность: бурмистр – выборный глава поселения; ларёшник – сборщик пошлин с продажи из ларей вина или соли; целовальник – человек, собиравший подати и исполнявший другие государственные обязанности и приносивший при вступлении в должность присягу целованием креста; отчётчик к таможенным и питейным сборам – составлявший отчёт о денежных сборах на таможне или при продаже алкогольных напитков.

[82] *…кузнецкие выписные казаки находятся у расчищения черни…* – Заняты прокладкой дороги через пихтовые леса с мощным травяным покровом.

[83] Риддер, генерал, начальник Колывано-Воскресенской пограничной линии.

[84] Лама-Доржи, старший сын джунгарского хана Галдан-Церена, свергший с ханского престола своего младшего брата Цебен-Доджи (Цевен-Доржи) и провозглашённый в 1750 г. главой Джунгарского ханства под именем Лама-Ирдене-Батур-хунтайджи (Лама-Эрдэни-Батур-хунтайджи). (В данном документе ханский титул хунтайджи передан как контаита). Убит в своей урге 12 января 1753 г. заговорщиками, нойонами Даваци и Амурсаной.

[85] *…Цебек-Доржи-Намжи…* – Джунгарский правитель, именовавшийся также как Цеван-Доржи-Намжи или Цебен-Доджи (см. сноску 54).

[86] Утук – то же, что оток (см. сноску 74).

[87] Сильвестр (в миру Стефан Главацкий (Гловатский)) (?–1760) окончил Киевскую духовную академию, служил преподавателем, затем ректором Киевской духовной семинарии. Приняв монашеский постриг, в 1742 г. возведён в сан архимандрита, в 1749 г. хиротонисан в сан митрополита Сибирского и Тобольского. Возглавлял Сибирскую епархию до 1755 г., когда был переведён на суздальскую кафедру в сане митрополита Суздальского и Юрьевского.

[88] *…приводит их в свою магометанскую веру, и, совративши, обрезывает в тот магометанский закон…* – С середины 1740-х гг.

барабинские татары отказывались от шаманизма, подвергались обрезанию, совершая таинство посвящения в мусульманство.

[89] Буктуш – зайсан одного из алтайских этнических групп, участвовал в ополчении против маньчжурских завоевателей в середине 1750-х гг.

[90] *…Китайское правительство требовало выдача Омбы и сына его Болота, вступивших в русское подданство и еще прежде того вступивших в китайское подданство, и были поэтому от богдыхана разными знаками жалованы…* – Богдыхан, глава китайской Цинской империи, пытался путём контроля внутренних дел в Джунгарии добиться перераспределения политического и военного влияния в Центральной Азии в свою пользу. Согласно договорённости цинского посольства и российских властей, достигнутой в 1731 г., в случае войны между Китаем и Джунгарией Россия могла принимать джунгарских беженцев, но должна была выдавать китайской стороне джунгарских владетелей.

[91] Томас де Вильнёв (1715–1794), уроженец Франции, с молодых лет находился на военной службе в России, служил в чине полковника в Ямышевской крепости, был командующим Колывано-Воскресенкой военной линией. Последние годы жизни служил комендантом Томска, здесь же скончался и был похоронен.

[92] *…В прошлом 1744 году посланным от Кузнецкой канцелярии дворянином Мельниковым…* – Фёдор Мельников был послан на разведку с толмачом (переводчиком) и двумя казаками разведать, нет ли у джунгарских владетелей намерения напасть на российские селения. Однако разведчики не были пропущены в Горный Алтай согласно приказаниям зайсана Боохола.

[93] Франц И. де Гаррига (Дегаррига) в 1750-х гг. был командующим войсками на Колывано-Воскресенской военной линии.

[94] Василий Алексеевич Мятлев (?–1766), выходец из старинного дворянского рода, в 1754–1757 гг. был губернатором Сибирской губернии, отозван с поста в связи с началом Семилетней войны, участвовал в морском походе против прусского короля Фридриха II, дослужился до чина адмирала. Его сын Пётр (?–1833) был сенатором, внук Иван (1796–1844) – поэтом-юмористом.

[95] *…показано телеских порубежных…* – телесы, этническая группа южно-алтайских народов, кочевавших близ Телеского (Телецкого) озера.

[96] *Близ Кузнецкой линии, за Телеским озером, стоит мунгальского войска 70000…* – В 1753–1755 гг. маньчжурские (мунгальские) войска вели военные действия против джунгар и их вассалов; в марте 1755 г. они

угрожали алтайским кочевникам и, двинув военные силы в верховья Катуни и Бухтармы, требовали от них подчинения цинским властям.

[97] *…прошлого лета китайцы Зенгорского владения жёлтых саян всех без остатку в плен взяли, молодых увели, а старых изрубили…* – В ходе завоевания Джунгарского ханства маньчжуры нападали на джунгарских данников, в 1754 г. они напали на жёлтых саян (предков современных тувинцев) с целью принудить их платить дань, а также захватить пленных и превратить их в рабов.

[98] *...овёс на брунь не вышел...* – не дал колоса, не начал колоситься.

[99] *Урянхайцы ведомства зайсана Булжугая…* – тюркоязычные кочевники Алтая, самоназвание – теленгиты. В середине XVIII в. они подразделялись на 12 колен, в каждом из которых был свой зайсан (князь). Урянхайцами их называли кузнецкие татары, в русских документах они не имели общего названия. Кочевавшие по р. Аблакетке (Аблайкетке) и Нарыму именовались урунхайцами, обитатели верховьев Чарыша и Кана звались канскими и каракольскими калмыками, позже – горными, или алтайскими, калмыками. Они платили дань соболями Джунгарскому ханству, в 1756 г. после разгрома Джунгарии китайскими войсками вступили в российское подданство. Они привозили в Колыванский завод, в Бикатунскую крепость, позже в Усть-Каменогорск соболей, а также овчины, пригоняли скот.

[100] *…серный сермяжный зипун…* – верхняя крестьянская одежда из грубого сукна кустарной выделки жёлто-сероватого цвета.

[101] *…получили от калмыков в братейства…* – возможно, то же, что в бранство – то есть в возмещение долгов

[102] *…зайсан Боохол…* – по-другому Бокол, глава урянхайцев, который из опасения нападения маньчжурской армии в январе 1756 г. обратился к русским властям о принятии его народа в российское подданство. Однако, получив русское подданство, в 1758 г. бежал со своим улусом к китайцам.

[103] *…торгоутского зайсана Научата…* – Речь о князе этнического объединения, входившего в состав Джунгарского ханства.

[104] *…везти в Торгоутскую землю…* – то есть на территорию кочевий торгоутов – хребет Зайр, или Сауры, а также долины р. Каратал, Кок-Су, Талас.

[105] *…концы шиты красной бумагой…* – вышиты красными хлопчатобумажными нитками.

[106] *…чепец с лентою золотою и с лепеснями красными голевыми…* – женский головной убор, украшенный лентой и лоскутками красной китайской шёлковой ткани.

[107] Демичи (демечи, дэмчи) – джунгарские сановники, входившие в верховное административное управления хана, ведавшие покорёнными народами, а также наблюдавшие за домом хана.

[108] Амурсана (1722–1757), глава хойтского племени в Джунгарском ханстве. В 1751–1753 гг. поддерживал чоросского нойона Даваци (Дебачи), участвовал в убийстве джунгарского хана Ламы-Доржи и в передаче ханского престола Даваци. Не получив от нового хана требуемого им контроля над алтайской частью Джунгарского ханства, Амурсана несколько раз пытался военной силой воздействовать на хана Даваци, использовал поддержку китайцев, затем казахского султана Аблая. В 1755 г. Амурсана со своими воинами поддерживал нападение маньчжурских войск на Джунгарию, и некоторые местные ойратские владетели встречали его «с молоком и вином», надеясь, что он сможет устранить внутриджунгарские междоусобицы. И действительно, когда китайцы захватили Джунгарию и вывезли вглубь страны последнего джунгарского хана Даваци, Амурсана организовал вооружённое сопротивление завоевателям, поддержанное алтайскими зайсанами Омбой, Гулчухаем, Боохолом. Но, терпя поражения, в 1757 г. Амурсана прекратил сопротивление и обратился за помощью к русской стороне. Его приняли в Семипалатинске, а затем отправили через Ямышевскую крепость в Тобольск, где Амурсана подхватил оспу и скончался в сентябре 1757 г. В ответ на требование китайских властей о выдаче им Амурсаны или его праха, труп бывшего нойона был отправлен в Селенгинск, где после освидетельствования китайцами был предан земле.

[109] *...с крышкой и с заметной кожаной...* – имеется в виду замет, поперечная полоса для запора дверцы в возке.

[110] Гоньба – почтовая и транспортная служба в России, которая выполнялась ямскими охотниками, ямщиками, за особую плату или обывательскими подводами, как исполнение повинности податного населения, бесплатно или за небольшую плату.

[111] *…до термину достать неуповательно…* – нет надежды достичь требуемого условия.

[112] *...ведомстве зайсана Гулчагуя…* – По-другому, Гулчухай, глава алтайских урянхайцев, кочевавших в верховьях Иртыша и в долине Бухтармы; в 1755–1757 гг. выступил с 300 воинами в поддержку антиманьчжурского сопротивления, организованного Амурсаной.

[113] Казённые кружечные дворы (винные магазины) стали открываться в Сибири в XVII в. для розничной продажи алкогольных напитков и получения доходов в государственную казну.

[114] *…9 половинок сукна тридцатого…* – сукна русского изготовления, шедшего на продажу в Китай.

[115] *…полонили для языку и спрашивали…* – взяли в плен, чтобы выведать нужные сведения.

[116] *…их всех хотят отвести в торгоуты…* – По первоначальному соглашению алтайского зайсана Омбы и русских властей принятых в русское подданство людей Омбы предполагали переселить на Волгу, где проживали калмыки, или торгоуты. Впоследствии от этих планов отказались.

[117] *…зашли в Зенгорию только молиться великому бурхану…* – молиться Будде.

[118] Карл Иванович Фрауендорф (по др. сведениям – Карл Львович), бригадир, позже – генерал-майор, в 1757 (или 1758) – 1760 гг. был начальником Омской военной линии, командующим Сибирским корпусом; в 1765 г. с учреждением самостоятельной Иркутской губернии был назначен первым губернатором. Скончался в 1767 г.

[119] *…учил двоеперстию, в церковь не ходить…* - вовлекал в староообрядчество.

[120] Иван Иванович Веймарн (1718–1792), генерал-поручик (генерал-майор), командующий войсками Сибирской военной линии в 1760–1763 гг.

[121] Фёдор Иванович Соймонов (1692–1780), московский дворянин, выпускник навигацкой школы, участник Северной войны, исследователь гидрографии Белого и Каспийского морей. Состоял в кружке А.П. Волынского, в котором обсуждались вопросы государственного устройства, осуждалось засилье иностранцев в окружении императрицы Анны Иоанновны. После ареста и казни организатора кружка Соймонов был приговорён к наказанию кнутом и каторжным работам, которые в течение 1740–1742 гг. исполнял на Охотском солеваренном заводе. После освобождения руководил комплексной Нерчинской экспедицией, в 1757–1763 гг. был сибирским губернатором, затем – сенатором.

[122] *…в завоевании находящихся в Великой Татарии областей…* – Так именовались территории бывших татаро-монгольских владений в Средней Азии, населённые мусульманами.

Раздел 2. СИБИРСКИЕ СЕЛЕНИЯ

[1] *По переписям 1719 и 1723 годов…* – Имеется в виду 1-я ревизия, перепись податного населения России, начатая в 1719 г. В течение нескольких следующих лет происходило уточнение и дополнение первоначальных сведений ревизии, а также перепись отдельных категорий населения, отдельных территорий страны.

[2] *…сказывала на него, попа, духовное дело…* – обвиняла в государственной измене: произнесение «Слово и дело государево» или сокращённой части этой формулы означало донесение властям о злых противоцарских умыслах (система такого обвинения существовала со времён царствования Михаила Фёдоровича Романова, с первой половины XVII в., до 1760-х гг.).

[3] *…по своей вере знамя приложил…* – поставил знак (подпись), выражавший его волю.

[4] *…взято с клади Григория Перевалова, которая лежала под церковью…* – Как видно, в томской Богоявленской церкви были подвалы, они сдавались в аренду торговцам для хранения товаров, продававшихся на базаре близ церкви (совр. пл. Ленина).

[5] *…у заказных духовного правления дел…* – названы учреждения, создаваемые с начала XVIII в. в городах и уездах для управления церковным причтом, церковной и духовной жизнью православного населения определённой части той или иной епархии, именуемой округом или заказом. Руководили такими учреждениями заказчики, как правило, настоятели монастырей или священники соборных храмов. Действовали до 1806 г., когда были преобразованы в духовные правления.

[6] Священник Михаил Григорьевич Пушкарёв в 1733–1738 гг. был помощником томского заказчика, настоятеля Алексеевского монастыря иеромонаха Рафаила. Со смещением последнего с должности в 1738 г. был назначен временно на место заказчика (церковного администратора). По прибытии в Томск нового настоятеля Алексеевского монастыря Лаврентия, ставшего одновременно и заказчиком, был уличён в злоупотреблениях и отстранён от священничества, однако с отъездом Лаврентия из Томска вновь стал заказчиком. По сведениям Д.Н. Беликова, отличался грубостью и жестокостью по отношению к подчинённому ему духовенству. В ряде документов М.Г. Пушкарёв значился как Михаил Григорьев, и Д.Н. Беликов ошибочно полагал, что это два разных человека, занимавших последовательно должность заказчика (см.: Беликов Д.Н. Томские старинные духовные начальники (заказчики). Томск, 1906. С.17, 22–23).

[7] *…по всем его архиерейства епархии…* – Сибирская православная епархия была создана в 1620 г. Сто лет спустя, в 1727 г., она была разделена на Тобольскую и Иркутскую епархии.

[8] *...требуемых нами на четыредесятницу сегодную росписей…* – Имелись в виду исповедные росписи, ведомости о тех, кто должен был ежегодно к началу Великого поста (четыредесятнице) исповедоваться и причаститься, а также и о тех, кто избегал этого, придерживаясь старообрядческих канонов.

[9] *…кто исповедался и святых тайн причастился, или кто того за чем не сподобился…* – Церковное руководство пыталось выявить тех, кто избегал церковных таинств из-за своей принадлежности к старообрядчеству.

[10] *Повелевается высылать денег, собираемых с венечных памятей…* – Указано на обязанность духовного заказчика (церковного администратора) собирать и отправлять в епархиальное управление денежную плату с новобрачных за оформление документов о браке (венчании).

[11] *…велено в Тобольской епархии переспросить всех монастырских служителей [и] служебников, что они у состоящих в прошлых годах 1730 и 1731 в верной Её Императорскому Величеству службе и по ней Её Императорского Величества вы-соким наследником присяге, все ли были и на присяжных листах подписались ли…* – Речь о том, что сразу после кончины в ночь с 18 на 19 января 1730 г. 15-летнего императора Петра II, внука Петра I, на престол решением Верховного тайного совета была возведена племянница Петра I Анна Иоанновна, герцогиня Курляндская, которой 1 марта 1730 г. присягали по всем российским церквам и соборам. Будучи бездетной, она 17 декабря 1731 г. подписала указ, согласно которому российские подданные присягнули «в верности наследнику, которого Её Императорское Величество назначит». Позже, в 1740 г. наследником престола был провозглашён двухмесячный мальчик Иван, сын племянницы императрицы Анны Леопольдовны и её мужа, брауншвейгского принца Антона-Ульриха.

[12] *…с посеянного на нынешний 1738 год на монастырской земле сжатого всякого хлеба пятого снопа не дал…* – Крестьяне, селившиеся на монастырских землях, обязывались выплачивать в пользу томского Алексеевского монастыря пятую часть урожая, пятый сноп.

[13] Горячим вином в XVII–XVIII вв. называлась водка, при этом простое вино было крепостью около 20 градусов, двойное горячее вино – 37–45 градусов.

[14] *…куплено делий мережи…* – куплено сетчатой ткани для невода.

[15] Речь о торговле различными товарами в Томском посаде на берегу Ушайки (совр. пл. Ленина).

[16] Иеромонах Рафаил в ноябре 1733 г. был назначен наместником томского Алексеевского мужского монастыря и заказчиком (начальником) Томского правления духовных дел. В 1738 г. по секретному делу, сведений о котором не сохранилось, Рафаил был смещён с настоятельской должности и остался в монастыре как рядовой монах, по другим сведениям – покинул Томск.

[17] Антоний (Нарожницкий) (?–1748), уроженец Малороссии (Украины), окончил Киевскую духовную академию, с 1730-х гг. и до самой смерти находился на тобольской кафедре в сане митрополита Сибирского и Тобольского.

[18] Архимандрит Лаврентий, прибывший из Туруханского монастыря, был назначен настоятелем Алексеевского монастыря в 1738 г., одновременно управлял Туруханским и Енисейским монастырями, часто бывал в отлучках, а в 1743 г. вернулся в Туруханский монастырь.

[19] *…состоящие за монастырём в подушном платеже…* – Речь о крестьянах, селившихся на монастырских землях, обрабатывавших их и отдававших монастырю 5-ю часть урожая; монастырь, в свою очередь, выплачивал за этих крестьян все положенные государством платежи в казну.

[20] *…в Коллегию экономии денег и хлеба, за скудостию монастырскою, не плачивали…* – В начале XVIII в. при Синоде, государственном органе управления церковной жизнью России, была создана Коллегия экономии, ведавшая всеми российскими монастырями, и в пользу которой монастыри и монастырские крестьяне должны были вносить немалую плату.

[21] *…дьячок Бубнов исконный крест на себе изображает и с домашними своими сложением двоеперстным…* – то есть молится как старообрядец.

[22] *В прошлом 1723 году, по именному Его Императорского Величества указу…* – по указу Петра I.

[23] *Благовещенской церкви десятоначальник поп Степан Копылов…* – священник, который руководил церквами своей десятины (сельской или городской территории), помощник заказчика духовных дел (церковного администратора) на месте. Со временем эти обязанности были переданы благочинным, главам церковных благочиний.

[24] По сведениям Д.Н. Беликова, томский священник и заказчик (церковный администратор) Михаил Григорьев (Пушкарёв) назначил своего сына Андрея (в документах именовался и Михайловым, и Пушкарёвым) на священническую должность (а временами даже

и исполняющим обязанности заказчика), тот же, пользуясь покровительством отца, злоупотреблял своим положением.

[25] *…в день коронации Её Императорского Величества…* – речь о коронации на царство Анны Иоанновны, состоявшемся в 1730 г.

[26] *…за оградой монастырский дворец…* – так называли помещение, в котором селились работники и останавливались на ночлег приезжавшие в Томск монастырские крестьяне.

[27] *…от окладного с монастырских крестьян отсыпного хлеба…* – зерно, которое монастырь получал с закреплённых за ним крестьян.

[28] *…по свидетельству генералитета, показана 241 душа…* – Имеются в виду сведения 1-й ревизии (переписи податного населения России), начатой в 1719 г. и продолжавшейся для уточнения данных до 1727 г.

[29] *Рыбных ловель имеется: четвёртой жеребей одного песка…* Алексеевский монастырь владел четвёртой частью (жеребием, паем) рыболовных угодий на отмелях Томи или Оби.

[30] Принятая в начале XVIII в. мера сыпучих тел – четверть, вмещавшая 8 пудов (128 кг).

[31] По сведениям Д.Н. Беликова, в XVIII в. монахи Алексеевского монастыря ходили по городу «со свещею» и собирали подаяния в пользу монастыря.

[32] *...проживавшем в Верхотомском присуде…* – в округе Верхотомского острога.

[33] *…ежели сыщутся какие-либо письма, кроме крепостных, или книги…* – имелись в виду документы и книги, отнесённые церковными властями к «старообрядью» (выражение Д.Н. Беликова) и запрещённые официально.

[34] Герард Фридрих Миллер (1705–1783), историк и археограф, член Петербургской Академии наук, в 1733–1743 гг. участвовал во 2-й Камчатской экспедиции, собирал письменные и вещественные источники о Сибири.

[35] Речь о Богородице-Алексеевском мужском монастыре и расположенном рядом Христорождественском женском монастыре, который по названию монастырской церкви во имя святителя Николая иногда именовался Никольским.

[36] *…вина сидеть во весь год…* – то есть разрешалось производство спирта в течение всего года, без перерывов.

[37] Иеромонах Авксентий служил настоятелем Алексеевского мужского монастыря в 1743–1746 гг., при нём в монастыре была открыта духовная школа, первое учебное заведение в Томске.

[38] Речь об исполнении повеления сибирского митрополита Антония (Нарожницкого) о присылке в Томск сыновей священников для обучения их в учреждаемой духовной школе. Духовное училище при Алексеевском мужском монастыре было открыто в 1746 г.

[39] *…сам и окрутил, заплетая косы своими руками…* – Традиционно обряд окручивания проводили женщины, близкие к новобрачной: после венчания они заплетали её волосы в две косы (вместо одной девичьей), укладывали косы вокруг головы, покрывая их платком.

[40] Витус Ионассен Беринг (1681–1741), выходец из Дании, офицер русского флота, организатор и руководитель экспедиции по обследованию пролива между Азией и Америкой, названного его именем. В 1733–1741 гг. был начальником 2-й Камчатской экспедиции, скончался во время зимовки на острове, ныне носящем его имя.

[41] *…три места тумпасные разных цветов…* – месторождения минералов.

[42] Вилим Геннинг, правильно Георг Вильгельм Геннин (1676–1750), голландец по происхождению, организатор горно-металлургического производства в России, в 1720-х гг. – начальник горных заводов Урала.

РЕДКИЕ ИЛИ ЗАБЫТЫЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ XVIII в.*

Азям – крестьянский кафтан халатного покроя из домотканого сукна.

Алман – побор, налог.

Аманат – заложник.

Антиминс – пелена на церковном престоле, на которой совершается освящение святых даров.

Аргамак – порода рослых и быстрых в скачке верховых лошадей.

Армяк – верхняя одежда из толстой шерстяной ткани халатного покроя.

Архимандрит – титул настоятеля монастыря, высшее монашеское звание.

Аршин – мера длины, равная 4 четвертям (71,12 см).

Атаман – начальник в казачьих войсках и казачьих селениях.

Ахун – мусульманский богослов, наиболее чтимый мулла.

Балда – большой молот, кувалда.

Барка – деревянное плоскодонное речное судно для перевозки грузов.

Бастион – военное укрепление пятиугольной формы, воздвигавшееся по углам крепостной ограды.

Басурман (бусурман) – неверный, нехристианин, чаще мусульманин или другой неправославный.

Батырь – старейшина (у тюркоязычных народов).

Башлык – начальник, голова, атаман.

Безмен – мера веса, равная 2,5 фунтам (1023 г).

Белец – человек, живший в монастыре, но не принявший монашеский постриг.

---

* Составлено по: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: Репринт. М.: Русский язык, 1989–1991. Т.1–4; *Словарь* русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984–2005. Вып.1–15; *Словарь* народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / Под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой. Томск: Водолей, 2002.

Бригадир – офицерский чин в русской армии XVIII в., средний между полковником и генералом.

Бурхан – божество или его скульптурное изображение из меди или серебра.

Вахмистр (вахтмистр) – унтер-офицер кавалерии в русской армии.

Верста – мера длины, равная 500 саженям (1,066 км).

Вершина – здесь: начало, исток реки.

Веща (вещь) – здесь: поступок, случай, дело, событие.

Взмерчивый (возмерчивый) – чванный, зазнавшийся.

Винокурня – заведение по изготовлению хлебного (горячего) вина (спирта).

Воевода – управляющий городом или округом.

Возжи (вожжи) – верёвочные или кожаные поводья, пристёгнутые к удилам запряжённой лошади для управления ею.

Вож (вождь) – зачинщик, уставщик, предводитель.

Волость – административно-территориальная единица, входившая в состав уезда или округа.

Вор – бунтовщик, изменник, преступник.

Воровать – плутовать, обманывать, а также красть, похищать чужое.

Гарнитуровый – сделанный из плотной шёлковой ткани; от гарнитур, искаж. гродетур (gros de Tours), – шёлковая ткань.

Гарнец (гарц) – мера сыпучих тел, равная 1/8 четверика (3,28 л).

Годовщик – работник, нанятый по договору на год.

Гривна – монета достоинством в 10 коп.

Дабы – чтобы, для того чтобы.

Де (дескать, мол) – частица, обозначающая вводные слова другого, передачу чужих слов.

Деньга – медная монета достоинством в полкопейки, две полушки.

Десятина – мера земельной площади, равная 2400 квадратным саженям (1,09 га).

Десть – мера или счёт писчей бумаги (24 листа).

Домовне (домовные) – домовладельцы.

Доношение – донесение, рапорт начальству.

Достальной – остальной, оставшийся, последний.

Дощаник – речное плоскодонное судно, большая лодка.

Драгун – воин-кавалерист, действовавший как в конном, так и в пешем строю.

Дьякон (диакон) – низшее духовное звание, помощник священника в совершении церковных служб.

Дьячок – низший церковный служитель.

Евхаристия – причащение, причастие в церкви.

Егда – когда, в то время как.

Елань – обширная прогалина в лесу, безлесная равнина.

Елико – сколько, насколько, в какой мере.

Епанча – широкий безрукавный плащ, бурка, выделанная из войлока.

Есаул – офицерский чин в казачьих войсках, первый по старшинству после атамана.

Жерлица – закидная уда на щук с крючком на проволоке, чтобы щука не перекусила.

Жило – жильё.

Забока – берег, край, обочина.

Займище – место, занятое под распашку, под покосы; в др. значении – пойма, обширное место, подтопляемое половодьем, или же заболотившееся мокрое пространство, покрытое кустарником.

Зарез – говяжье мясо, часть шеи с горлом в туше убитого животного.

Застава – заграждение на дороге для проверки проезжавших, взимания пошлины.

Зипун – верхняя крестьянская одежда из толстого сукна.

Золотник – мера веса, равная 1/96 фунта (4,25 г).

Игуменья – настоятельница женского монастыря.

Идеже – где, в каком месте.

Идолатр (идололатр) – идолопоклонник; от французского idolatrique – идолопоклонство.

Иеромонах – монах в сане священника.

Изневага – неволя, принуждение, насилие.

Инуде – в ином, в другом месте

Кадь – чан, полубочка, вмещающая до 4 четвериков, то есть до 100 с лишним литров.

Калым – выкуп за невесту.

Кам – шаман.

Камка – шёлковая китайская цветная ткань с узорами.

Камчатый (камчатный) – из камки сделанный.

Канонёр (канонир) – рядовой 2-го разряда в артиллерии (выше гандлангера и ниже бомбардира).

Канфа – китайский атлас.

Капрал – младший командирский чин.

Каптенармус – должностное лицо в армии, ведавший хранением и выдачей продовольствия и оружия.

Кармазин – тонкое сукно алого цвета; кармазинный – ярко-алого, багряного цвета.

Келарня – монастырская кладовая, хранилище монастырских запасов.

Келейник – прислужник игумена или архиерея.

Керочка (кирочка) – орудие для разбивания и обтёсывания камня.

Китайчатый – сшитый из китайки, хлопчатобумажной ткани из Китая.

Коликий – сколь великий, сколь многий.

Компамент (кампамент) – военный лагерь, лагерное расположение войск (от французского campement).

Конец – здесь: условная единица измерения, штука ткани.

Конжектура (конъюнктура) – предположение, соображение, догадка (от латинского conjectura, через польское konjektura).

Коноват – шёлковая ткань, из которой изготовляли фаты, покрывала.

Консистория – учреждение в системе православного церковного управления с административными и судебными функциями.

Королёк – здесь: частица, зерно чистого металла, выплавленное в горне или с помощью паяльной трубки.

Кортомящий – снимающий в аренду, от кортом – наём, аренда.

Кош – здесь: обоз, лагерь, стоянка.

Кошма – войлок из овечьей шерсти.

Кошт – иждивение, содержание, пропитание.

Кумач – хлопчатобумажная ткань красного цвета.

Ладон (ладан) – смола, используемая как ароматическое курение во время церковных служб.

Ландкарта – географическая карта (от немецкого Landkarte).

Лошак – полуконь, потомство осла и кобылы.

Лядунка (ладунка) – зарядница, патронница, патронташ.

Магазин (магазейн) – здесь: склад, амбар.

Марьяны – алые крупные бусы китайского изготовления.

Маржан – смолистое вещество, возможно, то же, что марена, красильный корень, из которого изготавливали бусы алого цвета.

Меденик (медяник) – медный котелок для нагревания воды.

Мерлушка – выделанная шкура ягнёнка.

Мулла – священнослужитель и духовный судья у мусульман.

Мурза – титул знати у тюркских народов.

Мягкая рухлядь – пушной товар, пушнина, меха.

Наведываться – осведомляться.

Нагольный – сшитый из шкур кожей наружу и не покрытый тканью.

Надолбы – вкопанные стойки, тумбы, на которые накладывались (нарубались) поручни или лежни.

Наипаче (паче) – тем более, особенно.

Напредь (напред) – прежде чего, сперва, сначала.

Народский – народу, миру свойственный или принадлежавший.

Нарочный – посланный с особым поручением, гонец.

Настоятель – начальник монастыря; старший священник приходской церкви.

Обер-офицеры – категория военнослужащих, занимавших среднее место между унтер-офицерами и штаб-офицерами, офицеры ниже майорского чина.

Обусурманить – превратить в бусурмана (басурмана), то есть мусульманина.

Оный – тот, который.

Оргамак, см. аргамак.

Ордер – письменное приказание, предписание.

Осьмуха – здесь: осьмая, то есть восьмая доля штофа вина, – стакан, две чарки.

Острог – город или селение, являвшееся укреплённым пунктом.

Отъезжий – отдалённый.

Очью – наречие: с глазу на глаз; за очью – за глаза, в отсутствие заинтересованного лица.

Падун – порог или крутой перекат на реке.

Паки – опять, снова, ещё.

Палаш – холодное оружие с прямым длинным широким обоюдоострым лезвием.

Палисад – оборонительное сооружение из толстых брёвен, заострённых кверху.

Парча – плотная шёлковая ткань, вытканная золотыми или серебряными нитями.

Паче – больше, сверх чего-либо; вернее, точнее.

Пестрядь (пестрядина) – льняная или хлопчатобумажная ткань из разноцветных ниток.

Плакат – паспорт для податных сословий.

Подлый – неродовитый, из низших сословий.

Подстав (подстан) – нижняя часть женской рубахи.

Подьячий – низший чин административной службы, приказной служитель, писец в суде.

Полуденный – южный.

Понеже – потому что, так как.

Портамент – временное устройство в военных укреплениях и маяках; от итальянского portamento – перенесение.

Посадские – жители посада, городского предместья, составлявшие особую категорию городского населения.

Прапорщик – самый младший офицерский чин.

Премьер-майор – штаб-офицерский чин, соответствующий подполковнику.

Приказчик – наёмный служащий у купца или в торговом заведении.

Превосходительство – почётный титул, форма обращения к генералу, сановникам 4-го и 3-го класса по Табели о рангах.

Приличить – уличить, изобличить, доказать чью-то вину.

Прилук – берег речной луки, залива.

Прогон – повёрстная плата за проезд на лошадях, находившихся в ведомстве государственной почтовой связи.

Прозумент, искажённое позумент, – золотая или серебряная тесьма, золототканая лента, оторочка.

Промемория – записка, выписка, выдержка из журнала, представляемая на утверждение вышестоящего начальства; от латинского memoria – память.

Просфора – круглый хлебец из крутого теста, используемый в христианском богослужении.

Протори – издержки, расходы, убытки, изъян.

Прочётный – к ошибке в счёте или прочёту относящийся.

Псаломщик – церковный служитель, читавший псалмы по усопшим.

Пуд – мера веса, равная 40 фунтам (16,38 кг).

Рассошка (рассоха, рассоша, рассошь) – место слияния рек, приток, рукав реки.

Редут – полевое военное укрепление в виде многоугольника, окружённого валом и рвом.

Рентерея (рентерия) – казначейство; по-немецки Rentamt.

Рогатка – продольный брус с вдолбленными накрест палисадинами или частоколинами, который устанавливался для преграды на дорогах.

Рудоищик – тот, кто занимался поиском руд.

Ружник – священник, получавший ругу, содержание от церковного прихода деньгами, хлебом и пр.

Рухлядь, см. мягкая рухлядь.

Рыжик – масличное растение.

Сажень – мера длины, равная 3 аршинам (213, 36 см).

Сайдак (саадак) – набор вооружения конного воина, включавший лук и стрелы.

Сал, салы – связанные в ряд камышовые пуки, используемые как небольшой плот.

Салтан, см. султан.

Сатовка – меновая торговля русских с казахами.

Сезям, см. азям

Секунд-майор – младший штаб-офицерский чин.

Селетовый (селетний) – сего лета.

Сермяга – грубое некрашеное сукно кустарной выделки и верхняя одежда из него.

Сиятельство – титулование князей и графов с прибавлением местоимения его, ваше, их.

Сказка – документ делопроизводства с записью устных показаний свидетелей или очевидцев событий.

Слобода – большое торговое или промышленное поселение.

Служилые люди – категория населения, занятого военной службой.

Сороки – способ счёта сразу по 4 десятка; так считали меха, например, соболей: на полную шубу требовался один сорок, или сорочек, то есть 40 шкурок.

Сотник – начальник сотни, войскового подразделения в казачьих войсках.

Сохатина – лось.

Срачица – здесь: нижнее белое покрывало на церковный престол, знаменующее собой плащаницу (в которую было обёрнуто тело Христа при положении во гроб).

Стамедный – изготовленный из стамеда, шерстяной косонитной ткани.

Станица – большое казачье селение.

Станец – здесь: военный лагерь, бивуак, временное жилище, построенное с военно-оборонительными целями.

Стряпчий – здесь: повар, кашевар.

Султан – глава родового объединения, представитель высшей прослойки казахского населения.

Таган – железный обруч на ножках, используемый для приготовления пищи на огне.

Тканец – тесьма.

Толмач – устный, словесный переводчик.

Торица – сорное растение

Торока – ремешки позади седла для пристёжки.

Точию – только, лишь, не более того.

Трапезник – церковный староста или церковный сторож.

Трафить – попадать, поражать, угодить во что-то (от немецкого treffen).

Третьяк – конь, достигший трёхлетнего возраста.

Тулун – кузов или кошель, часто из кожи, для хранения продуктов питания или воды.

Туне – попусту, без пользы, без причины.

Турка – ружьё, короткий широкодульный дробовик.

Тюкавка (тюкалка) – колотушка, боёк.

Тюнь – тюк, связка китайской ткани.

Убо – потому что.

Унтер-офицер – звание младшего командира из солдат.

Урочище – участок, отличающийся от окружающей местности (лесок среди поля, кочкарник на лугу и т.д.).

Ушат – небольшая кадка с ушами.

Форпост – передовой караул, пикет, охранная стража.

Фунт – мера веса, равная 96 золотникам (409,5 г).

Фураж – корм для лошадей в воинских частях.

Холопы – категория зависимого населения, сложившаяся в результате пленения, продажи за долги или преступления того или иного человека.

Хрящ – самый толстый грубый холст.

Чалдар (чандар) – конские латы.

Чарки – кожаная мягкая обувь.

Четверик – 1) мера земельной площади, равная четверти десятины (0,27 га); 2) мера сыпучих тел, равная 8 гарнцам (26,24 л).

Четверть – 1) мера длины, равная 4 вершкам (17,77 см); 2) мера земельной площади, равная половине десятины (0,545 га); 3) мера сыпучих тел, равная 8 четверикам (209, 9 л).

Шпанский – испанский.

Штаб-офицер – старший офицерский чин, находящийся при штабе полка.

Штейгер – мастер рудничных работ.

Экстры – здесь: чрезвычайные обстоятельства; от немецкого extra – специально, особенно.

Экстракт – сжатое изложение сути документа; от латинского extractum – извлечённое, вытянутое.

Юрта – передвижное жилище кочевников.

Юфть – сорт мягкой выделанной кожи.

Яга – шуба или тулуп халатного покроя из жеребячьих или козлиных шкур; часто надевали в дорогу или на охоту.

Ялань, см. елань.

Ямская станция – учреждение, обеспечивавшее перевозку пассажиров в конных экипажах и повозках по почтовому тракту.

Яргак (ергак, ярган) – тулуп из короткошерстных шкур (жеребячьих, пыжиковых и др.).

Ярица – яровая культура (овёс, ячмень или рожь).

Ярмарка (ярмонка) – место периодической торговли, годовой торг, съезд торговцев.

Ясак – подать, налагаемая Русским государством на сибирские народы.

Ясырь – невольник, пленник, раб.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абахан, нойон 152
Аббакарым (он же Абды-Карым, Абдулкаримбек, Абдул-Керим-бий, Абд ал-Карим-бек), правитель Кокандского ханства 86, 259
Абдураам, джунгарский посланец 113
Абзис, телеут 97
Аблай, султан 13, 21, 23, 28, 38, 67, 68, 70, 82, 91, 95, 105, 106, 116, 122, 145, 190, 250, 151, 265
Аблязов, поручик 39, 72, 85
Абраимов (Абреимов) Кучук, бухарец 145, 188
Абулхай, правильно Абулхаир Мухаммед Гази-Бахадур, хан Младшего жуза 13, 21, 38, 67, 70, 255, 256, 259
Абулхаир-хан, см. Абулхай
Абуль-Мамет (Абилмамбет Абулмамет), правильно Абулмамбет, хан Среднего жуза 38, 90, 256
Абышаков Тойга, татарин 41
Аваз-бай (Авасбай), купец, джунгарский посол 21, 56, 57, 58, 61, 62, 258
Авдотья Ивановна, дворовая 136
Авксентий, иеромонах 234, 270
Аглыбаев, ясачный татарин 202
Аджа-хан, см. Цебен-Доджи Намжин
Адрианов Александр Васильевич, публицист, исследователь Сибири 11
Адыл-бай, бухарский торговец 62
Ажаланай, киргиз 120
Азарутов Иван, пограничный дозорщик 75, 76, 77
Азат, казах 68
Аим, казашка 106
Айд-Бака, купец 115
Айтак, султан 255
Айханым, ханская жена 250
Акимбек, судья 72
Акимов, военнослужащий 73
Акмурзин Бекберда, султанский посланец 106
Акулина, драгунская жена 116
Акулина, купеческая дочь 155
Акучай, татарский башлык 166
Албуков, барабинский татарин 116
Александров Яков, дворянин 47, 49
Алексеев Василий, крещёный казах 105
Алексей, тобольский житель 115
Алимбет, казахский батырь 67, 95, 105, 106
Амула-хан, джунгарский владетель 143
Амунлык, демечи 152
Амурсана, нойон 13, 152, 153, 154, 251, 261, 265
Андаров Итбакмас, татарин 42
Анжин, урянхайский владелец 156, 157, 163, 164
Анкудинов, крестьянин 150
Анна Иоанновна, российская императрица 256, 258, 266, 268, 270
Анна Леопольдовна, правительница Российского государства 268
Анненков, воевода 210
Антоний (Нарожницкий), митрополит Сибирский и Тобольский 13, 208, 210, 211, 213, 215, 217, 219, 220, 223, 228, 234, 269, 271
Анцыфоров, крестьянин 160
Арбанак Егорлов, двоеданец 150
Арильдей Мочаков, старшина 148
Арсеньев, полковник109
Астраханцев, приказчик 198–200, 202
Афанасьев Гаврила, крестьянин 181
Афанасьев Кузьма, старообрядец 182, 183
Афонасий, тарский житель 72
Ашир, джунгарский холоп 151, 152
Аюжаков Иптыш, есаул 75, 76

Бадай, князец 127
Байдаков Бартай, житель канского улуса 129
Бакаев Табаса, двоеданец 149
Бакты Адокчик, двоеданец 149
Бакунин Михаил Александрович, политический ссыльный 10
Бакчараков, ясачный татарин 72
Балакашев, ясачный татарин 202
Барак, султан 38, 120, 256
Бараханов Пётр, приказчик 162
Барашев, драгун 32
Барбагаш, калмык 129
Бартаев Биляк, телеут 129
Басин В.Я., историк 12
Батлев Ебалга, двоеданец 149
Батур, зайсан 51, 151
Башлыков Пётр, священник 144
Баяр, сборщик алмана 41, 108
Беер, правильно Беэр Андреас Венедиктович, начальник Колывано-Воскресенских заводов 35, 63, 93, 99, 102, 171, 254
Безрядов, посадский 231, 232
Безсонов, казачий пятидесятник 108
Безсонов, каптенармус 119
Безсонов, тарский разночинец 74
Бекберды, казах 106
Бекишев, священник 234
Бекишев Алексей, поповский сын 234
Бекишев Пётр, писец 247
Бекишев Фёдор, сын писчика
Беклемишев, майор 74, 83, 87, 88, 89
Белевцев, капитан 104
Белзе, мингат 163
Беликов Дмитрий Никанорович, историк, профессор 260, 267, 269, 270
Белокрылов Яков, крестьянин 99, 100
Белоусов, поручик 104
Белявин, поручик 94
Беляев Ник.. казак 119
Березоваков Никита, крестьянин 128
Березоваков Яков, крестьянин 128
Беринг Витус Ионассен, мореплаватель 240, 271
Бердюгин, казак 23, 32, 98
Беседный, вахмистр 142
Бибиков, чиновник 226
Бинбель (Чинбиль), зайсан 86, 87
Бичаган-Цаган, наследник джунгарского трона 86, 259
Бобарыкин, крестьянин 234
Бобрищев-Пушкин, военнослужащий 89
Бобровский, майор 41
Богдановский, подьячий 210, 211, 212
Боголепов, квартирмейстер 175
Бодянский Осип Максимович, историк, издатель
Бока Демечин, зайсан 137
Бокин, ялуторовский управитель 177
Болагаш Еботов, двоеданец 149
Болат, хан Среднего жуза 256
Болот, сын зайсана Омбы 138, 263
Боохол (Бакол, Бокол), зайсан 103, 147, 148, 164, 165, 168, 263, 264, 265
Бопа, киргизская жена 120
Борковская Акулина, томская жительница 205
Боровиков, поручик 119
Боровиков Денис, крестьянин 196
Боровой, крестьянин
Ботой, калмык 130
Боугитин, телеутский башлык 81
Боштин, кондомский старшина 134
Боян, калмык 129
Брагин Андрей, выходец из Кузнецка 72
Брагин Никифор, кузнецкий разночинец 152
Бражинский, приказчик 107
Бражников Григорий, слободской староста 43
Бражников Семён, казак 119
Брут, приближённый торгоутского зайсана 149, 150
Брызгалов, крестьянин 84
Бубнов, дьячок 216, 234, 269
Бубнов, священник 234
Бубнов Иван, сын дьячка 234
Буенов Федор, дьячок
Букин, драгун 32
Буктуш, зайсан 137, 263
Булжугай, зайсан 145, 264
Булычёв, разночинец 32
Бурманин Иван, капрал 229
Бурмистов Осип, старообрядец 240
Бурмистов Харитон, крестьянин
Бурут Чекугалин, зайсан 137, 151, 152, 159
Бурушкин Чема, двоеданец 149

Бусурьжан, приближённый зайсана 149
Бутенёв, поручик 160, 161
Бутримов Алексей, сын боярский 140
Бутурлин Пётр, служащий 210
Бушуев, директор Ямышевской и Семипалатинской таможен 189
Бызов, капрал 72, 73
Быков, бийский крестьянин 35
Быков, капитан 30, 31, 82, 118, 122
Быков Агафон, крестьянин 244
Быков Терентий, старообрядец 235

Вагин, крестьянин 232
Вакулин Алексей, дворянин 45
Валандин, тобольский житель 160
Валгухов Иван, томский житель 222
Валгухова Марья Ивановна, томская жительница 220, 221
Вали, хан Среднего жуза 250
Валиханов Чингиз Валиевич, ханский сын 250
Валиханов Чокан Чингизович, исследователь и общественный деятель 6–8, 250
Василий, старообрядец 182
Васильев Григорий, майор 112
Васильев Никифор, дворовый человек 238
Вахмин, крестьянин 240
Веймарн Иван Иванович, командующий войсками Сибирской линии 184–187, 192, 194, 196, 266
Вендейг, полковник 106
Верхотуров, купец 72, 83
Вершинин, капрал 65, 69
Ветберх, капитан 136
Ветошников Кирилл, посадский 226, 227
Винокуров Иван, тарский пятидесятник 100
Водеников, драгун 32
Возмилов Андрей Еврасьевич, писец 137
Волков, казак 172, 185
Волков, поручик 235
Волков Савва, капрал 85, 96, 102, 104
Волохов Иван, тобольский житель 72
Волынский Артемий Петрович, государственный деятель 266
Воробьёв, верхотурский воевода 55, 57
Воробьёв, подьячий 232
Воронин Иван, см. Селезнёв
Воронов Василий, томский житель 130
Воронов Павел, купец 195
Воронцов Михаил Илларионович, государственный деятель 193
Выходцев, купец 155
Вяземский Ефим, русский пленный в Джунгарии 83

Гаврилов, священник 234
Гаврилов Александр, сын священника 234
Гаврилов Алексей, крестьянин 214
Гаврилов Иван, старообрядец 182
Гаврилов Яков, сын священника 234
Галдан-Чирин, правильно Галдан-Церен, джунгарский хан 13, 25, 26, 37, 38, 41, 42, 49–54, 56, 60, 61, 63, 64, 75, 76, 79, 80, 81, 83, 85, 86, 87, 139, 251, 252, 256, 257, 258, 259, 262
Ганбай Тарас, калмык 129
Гаррига де Франц (Дегаррига), командующий войсками Колывано-Воскресенской линии 139, 140, 143–145, 148, 173, 184, 263
Гасфорд Густав Христианович, западно-сибирский генерал-губернатор 7
Геннинг Вилим, правильно Геннин Георг Вильгельм, специалист в области горно-металлургического производства 241, 271
Герцен Александр Иванович, публицист, политический деятель 9
Гоголев, каптенармус 143
Годжа, зайсан 86
Голов Василий, крестьянин 183
Граблёнов, помощник губернатор 140
Граве де (Дегграве), полковник 71, 88, 140, 226
Грайн, приказчик 206
Гран, полковник 143
Гречищев Евгений Ксенофонтович, инженер-путеец 12
Григорьев Михаил, см. Пушкарёв М.Г.
Грызов, казак 185, 186
Грязев, кузнецкий воевода 139, 141
Губайдула, хан 250
Гулчугай (Гулчухай, Гулчагуй, Гулжухай, Гульжугай), зайсан 137, 156, 164, 265
Гусев Иван, заводской крестьянин 129
Гутковский Карл Казимирович, полковник 7

Дабачи, зайсан 137
Дабхур, старшина 155
Давыдов, драгун 82, 103, 121
Давыдов Степан Алексеевич, поручик 136
Далечам-Далда, зайсан 165
Далматов Илья, крестьянин 226
Даль Владимир Иванович, лексикограф 257
Дандыган, зайсан 165
Дандых, джунгарский владелец 151
Даралдай (Дарылбай), джунгарский сыщик 103, 104
Дарбажи, калмык 129
Даргай, калмык 129
Дарды (Дарда) Боочаков, старшина 148, 165, 168
Дархур (Дабхур), старшина 145, 146
Даулат, джунгарская холопка 151, 152
Дебачи (Табачи, Дебечи, Даваци), чоросский князь 103, 104, 261, 265
Дебедень, сборщик алмана 41
Де Вильнёв Томас, полковник 13, 139, 169, 172, 263
Девлет-Кильдеев (Колдеев), капитан 27, 50
Девлет-Гиреев, капитан 66
Девятияровский, регистратор 57, 144, 145, 147–149
Девятовский, драгун 186
Демидов Акинфий Никитич, горнозаводчик 99, 206, 251, 260
Демидовы, горнозаводчики 254
Деркемов Юсуп, зайсан 128
Джанбек Тархан, казахский владетель 67
Дипенбрук, капитан 122
Дмитриев Андрей, уртамский священник 198–201
Дмитриев Иван Евсевьевич, купец 190
Дмитриенко Надежда Михайловна, историк, профессор 22
Добхур, старшина 144
Долбилов, каптенармус 154
Долгов, капитан 145
Долгосеев Алексей, крестьянин 214
Долдой, старшина 184
Долчи, калмык 129
Дониус, майор 240
Дорохов, казачий сотник 31, 65, 66, 68
Дорохов, разночинец 185
Дота, калмык 26
Доулада, джунгарский подданный 114
Дрилдей, зайсан 165
Дулепов, толмач 155
Дулепов Андриян, диакон 221
Дунаев Родион, дворовый человек 237, 238
Дундук, нойон 153, 155
Дурнев (Дурнов) Иван, крестьянин 181, 183
Духар (Зухарь), князец 86, 87, 127, 151, 152
Дюрен (Дюрень), сборщик ясака 34, 35

Ебога, башлык 136
Ебусуков, башкир 84
Евгоштин Пётр, слободской староста 43
Евсевьев Фёдор, священник 223
Екатерина II, российская императрица 257
Екимов, повар 213
Елату, зайсан 163
Елба Васка, татарин 127
Елизавета Петровна, российская императрица 251, 254, 258, 260
Елисей, кузнец 221
Елсов Иван, томский житель 221, 222
Елчик (Ельчик), татарин 178
Емелев Кирило, служилый человек 71
Емильянова, ссыльная 193
Емзынаков, двоеданец 149
Енканей, старшина 144
Епанешников, капрал 116
Ерали, султан 67
Ергиль, джунгарский подданный 114
Ердолов Гого, старшина 155
Ердыкеев, сержант 145
Ерелдей (Ирелдей), демечи 164, 165, 168
Еренцен, нойон 151
Ерлыков, пономарь 202
Еркету, зайсан 155
Еркин, канонёр 194, 195
Еркина Ульяна Васильевна, жена канонёра 194
Ермолин, крестьянин
Ерофеев, сотник 32
Ерунтей, князец 140
Етигар, бухарский торговец 130

Жан-Жун, китайский военачальник 190
Жармухамбет, хан Младшего жуза 256
Жиляков, вахмистр 175

Жиргал Ебакова, урянхайская девочка 145
Журавлёв, торговец 206

Заводовский Андрей, священник 213
Загаинов Сергей, крестьянин 220
Замощиков, дворянин 45
Замятнин, солдат 220, 221
Замятнина Парасковья Клементьевна, солдатская жена 222
Зап, зайсан 120
Заровнятный Иван, сын боярский 44
Зашитурин, сибиряк 97
Зверев Андрей, крестьянин 178
Земляных Максим, крестьянин 83
Зенго Бутуй, нойон 89
Зенков Герасим, толмач 85
Зенков Иван, казак 119
Золба, зайсан 159
Зорин, полковник 28, 47, 64, 69, 70, 82, 86–88, 111
Зудилов Алексей, крестьянин 240
Зунду Зомсу, джунгарский посланец 51, 54, 56, 58
Зундуй, лама 173, 174

Ибрагим, приказчик 206
Иван Антонович, малолетний наследник царского престола 268
Иванов, убинский староста 177
Иванов Дорофей, священник 234
Иванов Никифор, священник 202, 203
Иванов Никодим, старообрядец 235
Иванов Фёдор, крестьянин 181, 182
Иванова Дарья, крестьянка 193, 194
Иванова Ирина, томская жительница 210
Иванова Оксинья, ссыльная 186
Иванова Палагея Петровна, кийская жительница 202
Ивель, зайсан 165, 168
Иволинов Иван, священник 233
Израилев, государственный служащий 222
Иконников Яков, крестьянин 128
Икыш, старшина 167, 170
Ильмеш, казах 23
Ильин Григорий, крестьянин 232
Ингежа, калмык 129
Инигимов, старшина 120, 262
Иов, беглый священник 180
Иптыш, есаул 76
Ираим-бай, купец 62
Исаев Фёдор, священник 228
Истомин Фёдор, разночинец 231, 232
Итигечев Акучай, старшина 134
Иткара, казахский владетель 68
Иштевлеть, казах 68

Кабаев Кулметь, татарин 41
Казанцев, казачий сын 234
Казанцев И., исследователь 250
Казанцев Лазарь, солдат 119
Казанцева Авдотья, казачья жена 234
Кайгородов Николай Гаврилович, разночинец 136
Калугин Емельян, промысловик 157
Камалай-Ходжа (Каманай-Ходжа), бухарский купец 55, 62
Камка, зайсан 82
Кандаров (Кондырев) Кирил, крестьянин 130
Капустина Арина Ивановна, кийская жительница 202, 203
Каракаинак Темирбек, уроженец волости Мроткал 189
Карасакал, см. Минлигула Юлаев
Каратаев Агыдот, есаул 42
Карахан, см. Минлигула Юлаев
Карачинцев (Карачинцов), капитан 64, 90
Каргаполь Фёдор, ялуторовский житель 178
Каробаш, барабинская татарка 166
Карташёв, секретарь 106
Кастогаев, священник 220, 221
Катакулов Кутук, ясачный сборщик 76
Катакулов Мамант, ясачный сборщик 76
Катан, житель канского улуса 129
Катанаев, драгун 32
Катанаев Георгий Ефремович, казачий офицер, исследователь 9, 11
Катушев Таканак, ясачный татарин 202
Катушев Уюмач, ясачный татарин 202
Кахта, сборщик ясака 170
Качай (Кача), калмык 25, 128, 129
Келе, калмык 129
Келер, поручик 147
Келеш (Келиш, Келишей) Буянтунов, калмык 25, 129
Келеш-Дзюгулту, писец 97
Кенеман, майор 73, 134
Кечек Матвей, бухарский торговец 130

Кидак, сборщик алмана 108
Кижнер Давид Моисеевич, сотрудник Томского государственного университета 22
Кимык Яманаков, зайсан 137
Киндерман Христиан Теофил, командующий войсками на Сибирской линии 10, 26, 28, 35, 40–43, 46, 47, 49, 50, 63, 64, 71, 74, 77–79, 82, 83, 85–89, 93, 95, 97, 98, 99, 102, 105, 106, 107, 108, 112, 115, 116, 120, 121, 123, 124, 125, 132, 133, 135, 142, 175, 177, 179, 252
Кинозёров, крестьянин 234
Кирьянов, священник 234
Киселёв Василий, слободской староста 43
Кирилов Фёдор, тобольский купец 45
Кириш Григорий, сибиряк 97
Киргизов Алтыш, татарин 179
Киргизов Ермедь, татарин 179
Киргизов Итымкул, татарин 179
Киргизов Тешка, татарин 179
Кирпичёв, крестьянин 84
Клестов Алексей Матвеевич, церковный староста 203, 205
Климент, иеромонах 212, 214, 228
Климент, священник 207
Климент, ссыльный 214
Кобелеев Шадала, двоеданец 149
Коби (Кобяй), калмык 129
Кобун, калмык 129
Кожевников Дмитрий, казак 200
Козин, казачий сын 234
Козлов Иван, тарский разночинец 101
Коиндарка Мондрачков, кузнецкий князец 140
Койбо, двоеданец 166
Коклягин Мартын, разночинец 177, 178
Кокоринов, чиновник 208, 217
Кокоринов Иван, заводской работник 130
Кокшик, зайсан 137
Коленов Фёдор, разночинец 212
Колосов Евгений Яковлевич, отставной поручик артиллерии 10
Колженяев, бельтир 76
Колмогоров, туринский купец 53
Колобовой Семён, подполковник 137, 139, 141, 142, 152
Колодезников Иоанн, монах 212
Колочи, калмык 129
Коочак, татарин 34
Копылов Степан, священник, 269
Копытов Юда, солдат 98
Копышак, канский башлык 136
Корела Семён, присыльный 231, 232
Коркем Уали, казахский султан 250
Кормин (Коршин), крестьянин 158
Корнилий, митрополит Сибирский и Тобольский 230
Корнильев Михайла, тобольский купец 44
Коярт, старшина 170
Красильниковы, беглые 227
Красовская Елена Николаевна, сотрудник Томского государственного университета 22
Крафт (Крофт) Иван И., бригадир 88, 90, 120–122, 142, 259
Кругликов Алексей, посадский 226
Крупеников, таможенный комиссар 51
Крюков Владимир Михайлович, писатель 5
Куер, калмык 129
Кузлякин Василий Иванович, солдат 194, 195
Кузнецов, крестьянин 240
Кузнецов Дмитрий Львович, историк, преподаватель 11
Кукшин (Кувшин) Ямзынаков, зайсан 148, 149, 165, 167, 168, 184
Кулаковский, приказчик 223
Кулаш Кутеремов, башлык 140
Кулешин, посадский 227
Куличкин Козьма, управитель канцелярии 247
Кулматаев Булат, есаул 42
Кумара-батырь, казахский владелец 179
Кумышев Алексей, житель Барабинской волости 42
Кунегеш Иргелеков, старшина 170
Курай, калмык 129
Курень Кучин, калмык 79, 80
Куруска, татарин 34
Кутагулин, зайсан 34
Кутес, барабинский житель 143
Кутлубай, казахский бий 91
Кутузов, подпоручик 135
Кутук Кутуйгулин, зайсан 72, 137, 159, 259
Кучин Кунда, двоеданец 149
Кучум, сибирский хан 253, 255
Куюкпал, башлык 167
Кызлаков, ясачный татарин 73

Кюнга, жена джунгарского хана 251

Лаврентий, архимандрит 210, 212–214, 217, 219, 220, 223, 228, 229, 267, 269
Лаврын, лама 173
Лазарев, сержант 56
Лазарев Дементий, беглый 228
Лама Даша, правильно Лама-Даши, джунгарский посол 58, 112, 115, 258
Лама-Ирдене-Батур-Контаита (он же Лама-Доржи, Лама-Эрдэни-Батур-хунтайджи), джунгарский хан 125, 261, 262, 265
Лапин, подьячий 237
Лапин, податной 227
Лебедев, капитан 241
Лебедев, подполковник 57
Лебёдкин, копиист 41
Ледов Ева, ясачный сибиряк 93
Лисавин Яков, приказчик 157
Литосов Зиновий, казачий голова 231
Лихачёв, сборщик ясака 95
Лобин, заводской мастер 185
Лопотников, казачий атаман 95
Лорих фон, чиновник 140
Лосев Матвей, казак 119
Ляпунов Яков, крестьянин 196
Ляпуновы, крестьяне 196

Макин Бурнат, татарин 42
Максимов, казак 9
Максимов, протопоп 93
Максюков, толмач 72
Максюков Иван, сын боярский 140, 147, 165
Макшеев, геодезист 31
Малатов Иман, татарин 178, 179
Малжак, калмык 26
Мальцов Пётр, крестьянин 116, 117, 122
Мамут, зайсан 186
Мамьек, глава кан-каракольских калмыков 72
Манаев Елисей, крестьянин 128
Манаев Иван, крестьянин 128
Манданов, татарский князь 91
Манжин, служилый человек 223
Манхулай, десятник 169
Мартынов, крестьянин 231
Мар-Хамка, купец 115
Масдаков, бельтирский башлык 76
Маслов Иван, томский житель 130
Матур-Таши, князец 127, 147
Машаев Чюкула, двоеданец 149
Маюгаш Меолоков, башлык 75
Медведев Антон, соляной подрядчик 107
Медведев Евсевий, соляной подрядчик 107
Медведев Иван, драгун 226
Межов Владимир Измайлович, библиограф 11, 20
Мезенцева Матрёна, крестьянка 157
Мельников Лев, дворянин 141
Мельников Фёдор, служащий Кузнецкой канцелярии 139–141, 263
Мельчугов, капрал 138
Мендикеев, драгун 143
Меникин Алексей Антонович, тарский воевода 99
Менку (он же Менко, Бату Менка), зайсан 26, 114, 146, 167
Мергень, джунгарский подданный 114
Мерзам, джунгарский владелец 151
Меньшиков, ямышевский служилый 71
Меньщиков, поручик 247
Меркулев Пётр, дьячковской сын 234
Меркурьев Пётр, дьячковский сын 234
Метеняев Иван, крестьянин 240
Миклашевской, воевода 232
Миллер Герард Фридрих, историк, член Петербургской Академии наук 13, 229, 231, 254, 270
Мина Грек, купец 155
Минлигула Юлаев (он же Карасакал, Карахан), башкирский повстанец 38, 256
Мирзоев Владимир Георгиевич, историк, исследователь 5
Мирович, кузнецкий воевода 236
Михайла, заводской крестьянин 172
Михайлов Андрей, см. Пушкарёв А.М.
Михайлов Иван, мастеровой 73, 83
Могильников Осип, писец 137
Мозенцов, вахмистр 195
Моисеев Владимир Анисимович, историк, профессор 6, 12, 256
Моисей, иеромонах 231
Молодаваев Тарбалак, двоеданец 149
Моложенинов, солдат 210
Молоков, управитель дистрикта 44
Мольбердеев Кучук, есаул 83
Мордихин Прокопий, ялуторовский житель 178
Морозов, беглый 227

Мохнашин Алексей Матвеевич, церковный староста 207
Мракшах Агун, управитель каракалпаков 189
Мукашёв, ясачный татарин 202
Мулжан, калмык 130
Мулла Науруз (он же Назаров), купец 51, 62, 257
Муллыш, демечи 151, 152
Мунчук Басурман, приближённый торгоутского зайсана 149
Мурзалей Алимов, татарин 188
Мурзин, капитан 74
Мясников Григорий, тарский посадский 99
Мятлев Василий Алексеевич, сибирский губернатор 139, 140, 263
Мятлев Иван Петрович, поэт 263
Мятлев Пётр Васильевич, сенатор 263

Набразкин, бухарский торговец 130
Нагибин, казак 172, 185
Нагибин, крестьянин 221
Назарьев Елизар, служащий 220
Найман-бай, киргизский владетель 120
Налимов, крестьянин 84
Налобин, тобольский житель 160
Намджин, нойон 261
Намжул, зайсан 169
Намки (Намкей) Малаев, зайсан 148, 149, 164, 165, 167, 168
Наруп, бухарец 173
Насун, сын зайсана 167
Наумов Иван, крестьянин 181, 182
Науру Хаза, правильно Науруз-Казы, джунгарский посол 58, 258
Научат (Наугат), зайсан 145, 147, 148, 149, 165, 184, 264
Начин, зайсан 86
Нацаганам, торговец 97
Неворотов, приказчик 144
Некрасов Козьма Афанасьевич, крепостной Строгановых 180
Некрасов Яков, управляющий Уртамским острогом 199
Нелюбов, майор 31, 33, 63
Неплюев Иван Иванович, наместник

Оренбургского края 13, 31, 43, 67, 68, 81, 105, 106, 116, 253
Нехорошков Тимофей, заводской работник 130
Николаев Максим, разночинец 136
Нияз-бай, купец 62
Новосёлов, капитан 31, 135
Новосёлов Иван, тобольский полицмейстер 44
Номин, тобольский житель 97
Нуралы, хан Младшего жуза 256
Оконишников Фёдор, разночинец 247
Оконишников Фёдор Фёдорович, сын разночинца 247
Октем, башлык 143
Омба (Омбо), зайсан 25, 26, 72, 91, 96, 102–104, 117, 122, 128–130, 137, 138, 165, 169, 176, 184, 251, 263, 265, 266
Оргош Ебаков, урянхайский мальчик 145
Ороха-бай, купец 62
Осинцов, старшина 148
Отровин Андрей, крестьянин 214

Павлуцкий, иеродиакон 210
Павлуцкий Яков (Иаков), полковник 23, 26, 28, 40, 47, 49, 63, 64, 71, 73, 74, 79, 82, 84, 85, 89, 90, 91, 95, 96, 99, 102, 104, 105, 109, 110–112, 123
Паклин, сержант 80
Панов Яков, боярский сын 202, 203, 207
Пармуков, беглый 227
Парфентьев, полковник 109
Пахан-Шамамень Мурза, казахский владетель 109
Пахомов, уртамский крестьянин 200–202
Пекарский, майор 46, 48
Пелымский Михаил, разночинец 190
Первов, обдорский житель 95
Перевалов Григорий, купец 45, 205, 267
Переводчиков, капитан 119
Пермяков, возчик 240, 241
Петрова Алёна, ссыльная 193
Пётр, толмач 149
Пётр II, российский император 268
Пётр I, российский император 251, 253, 261, 268, 269
Питирим, архиерей 235
Плаутин, инженер-капитан 90
Плотников, поповский сын 234
Плотников Григорий, поповский внук 234
Плотников Михайло, крестьянский сын 130
Плотников Осип, поповский внук 234

Плутов, инженер-поручик 159, 160
Погадаева Лукерья, солдатка 150
Подзоров, прапорщик 26, 112, 126
Подольский Пётр, винокур 45
Пойлов, казак 33, 72
Поленов, пятидесятник 95
Поливанов А., майор 141
Поливанов, поручик 91
Полстовалов, дворянин 91
Пономарёв, служилый 73
Попов, прапорщик 96
Портнягин Афонасий, крестьянский сын 130
Поршин, капитан 239
Потанин Григорий Николаевич, исследователь, общественный деятель 5–21, 86, 100, 114, 122, 127, 151, 240, 254, 258, 261
Потанин Иван, тарский разночинец 14, 99, 100
Потанин Николай Ильич, казачий офицер 8
Походяшин Максим, посадский 45
Почекуев, разночинец 89
Праздников, переводчик 95
Преснецов, посадский 71
Проводников, священник 213
Проскуряков, поручик 28
Проскуряков Матвей, крестьянин 247, 248
Пузин, капрал 65
Пушкарёв Андрей Михайлович, пономарь 216
Пушкарёв Андрей Михайлович (он же Михайлов Андрей), священник 216, 221, 234, 269
Пушкарёв Михаил Григорьевич (он же Григорьев Михаил), священник 208, 210, 215, 219–221, 233, 267, 269
Пушкарёв Фёдор, соляной подрядчик 107
Пырсиков Иван, крестьянин 231, 232
Пятков Николай, капрал 119

Рагозин Фёдор, священник 214
Раев Иван, крестьянин 228
Раздыков С.З., историк 12
Рафаил, иеромонах 210, 212, 213, 267, 269
Ребровский, поручик 185
Ремезов Иван, крестьянин 97, 116
Ремезов Семён, крестьянин 116
Рескин, сержант 26
Ретюнская Екатерина Юрьевна, музеолог 22
Риддер, генерал 123, 140, 147, 155, 262
Романов Михаил Фёдорович, русский царь 267
Романовых Алексей, рекрут 214
Ромашёв, солдат 65
Ромашёв Иван, уртамский крестьянин 200
Ромашёв Михаил, крестьянин 198–202
Родионова Татьяна Валерьевна, музеолог 22
Ростовский, поручик 28
Румянцева, поручица 157
Рудов Данила, толмач 41, 42
Рукан-бай (Русан-бай, Урасан-бай), купец 57, 58
Рыжиков Иван, казак 119
Рыхлевский Пётр, приказчик 100
Рябов Иван, заводской крестьянин 130

Сабанаков, татарский голова 188
Савельев П.С., публикатор 9
Сагалаев Андрей Маркович, историк, профессор 5
Сагандаев, есаул 202, 203
Сайготин Герасим, ясачный 117
Сайдаков Келекей, двоеданец 149
Салажук, калмык 129
Саламатов Яков, пограничный дозорщик 75, 76
Салдык (Сандык), зайсан 86, 87
Салтынаков Аючи, двоеданец 149
Самангуль, телеут 97
Сам-Мурза, сын казахского владетеля 109
Самойлов, подполковник 89, 135
Сапожников Иван, томский житель 221, 222
Саранчин Иван, капрал 116
Саранчина Авдотья, капральская жена 116
Сараханов, служащий при таможне 146
Сатонин Варлам, рекрут 226
Свашевский Ст., служилый человек 71
Сгибнев, капрал 65
Седачёв Тимофей, ямышевский заказчик 194, 195
Сезянов, обдорский житель 95
Селезнёв (он же Воронин Иван), беглый 227

Селтов, тарский мулла 132
Семёнов Данило, старообрядец 235
Семёнов Дмитрий, крестьянин 248
Семёнов (Тян-Шанский) Пётр Петрович, географ, путешественник 8
Сенотрусов, драгун 96
Сепер-бай, купец 62
Септень, командующий джунгарскими войсками 86, 259
Сербачи (Сербач) Иванов, башлык 167, 170
Сергеев, капитан 106
Серебренников Фёдор, крестьянский сын 130
Серебров, казачий голова 90
Серебряников (Серебреников), сотник 98, 122
Сеченов, приказчик 203
Симонов, служащий 179
Скуратов, тарский разночинец 74
Словцов, священник 206
Сидоров, казачий сын 221
Сизиков (Попугайчонок) Григорий Леонтьевич, крестьянин 158
Сикорский Семён, поручик 227
Сильвестр (Главацкий), митрополит Тобольский и Сибирский 132, 187, 237, 262
Ситников, капрал 85
Скороходов Пётр, дьячок 198–200, 202
Слободчиков, крестьянин 160
Соболев Савва, вахмистр 37, 40, 80, 85
Соймонов Фёдор Иванович, сибирский губернатор 189, 190, 192, 266
Соколов Михайло, караульный 128
Солоников, пономарь 234
Солнцев-Засекин, князь 226
Соловьёв, поручик 106
Сорокин, подьячий 198–202
Софроновы, разночинцы 150, 151
Старицын, дворянин 227
Стародубцев, драгун 222
Стародубцева Федосья Ивановна, ссыльная 222
Старцев, прапорщик 171
Сташкеев, майор 78, 81, 98, 135
Степанов, поручик 145
Строгановы (Строгоновы), бароны 134, 180
Сулейман, купец 62
Сулуча, казашка 106
Сумароков, капитан 154, 155
Сундук, бухарец 122
Сура, калмык 129
Сурсун, теленгит 114
Сухарев Алексей Михайлович, тобольский губернатор 13, 26, 31, 81, 93, 102, 106, 125, 131, 252
Суховых Степан, томский житель 129
Суходолин, податной 227
Сухотин, полковник 119, 120, 125
Сыромятников, ямышевский комиссар 51

Табурчин, бельтир 76
Тайгаин Василий, обдорский князец 93
Тайда, калмык 129
Талаков, служилый татарин 116
Танбын-Батырь-Датжи (Танбы-Батырь-Датжи, Тангын-Батыр-Дамжи), калмыцкий владетель 85, 86, 87
Тангустай, князец 127
Тандыган Негуртеев, двоеданец 149
Танжин Басарлы, двоеданец 149
Тарабукины, казаки 227
Таракановский, прапорщик 96
Тараторин Иван, слободской староста 43
Тарда, демечи 164
Тарка Букундеев, урянхаец 176
Тарлаков Бичирга, двоеданец 149
Тархай Чюхай Часманов, сборщик алмана 135, 135
Тарханов Ренжен, есаул 117
Тарьягар, калмык 129
Татар-Хотон-Тохтохули (Недер), тарский житель 97
Татьяна, выбежавшая из плена 120
Тахмоча, бельтир 76
Тверитинова Ирина, тюменская жительница 237, 238
Тверитинова Катерина, тюменская жительница 237
Тебендей, джунгарский башлык 64
Текутьев, поручик 136
Телтей, старшина 169
Темир Кожи, калмык 130
Терский, вахмистр 117
Терской, поручик 247
Тетек, сын зайсана 168
Ештей Чеглеков, башлык 143
Тимофеев Иван, трапезник 203
Тимофеевых Григорий, крестьянин 214
Тимофеевых Михаил, крестьянин 228

Тоболкин, подьячий 233
Толдай, таутелеутский владелец 168
Томилов Яков, майор 44
Тонча Обычинов, двоеданец 149
Торган, калмык 129
Торгормова Анна, жена ясашного татарина 202
Трапезников Максим, солдат 129
Траубенберг фон, капитан 145, 146
Трейблут фон, поручик 186
Третьяков Василий, прапорщик 101
Туголуков Ф., солдат 119
Туегум, калмык 129
Тукуй, пятидесятник 103
Тулубьев Василий, сержант 237– 239
Туманаев (он же Сухарев), беглый 227
Тунба, нойон 88
Тургей, назвавшийся киргиз-калмыком 89
Турсун, хан Младшего жуза 256
Туюк, башлык 143
Тыжда Енисеев, ясачный 93, 94, 95
Тыжнов Иннокентий Иванович, историк 12
Тюлемзей, калмык 129
Тюленев Василий, солдат 226
Тюльбар, джунгарский подданный 114
Тюлюк-Багу Тюлюк-Маметев, бухарец 188
Тюменев, полковник 170, 172, 195, 196
Тюрень, джунгарский башлык 120
Тюро, сын зайсана 138

Убан, урянхаец 174
Угримов Леонтий Дмитриевич, российский посланец в Джунгарии 50, 51, 54, 55, 155, 257
Угримов Степан, майор 208
Угрюмов, майор 72
Уксусников (Уксуников), военнослужащий 160, 161
Уксусниковы, крестьяне-поселенцы 172
Уктеев Буруль, житель Барабинской волости 42
Улюмжа, мингатка 159
Уметь, сын казахского владетеля 68
Урдоков Урбек, татарин 120
Уржин, демечи 167
Устюжанин Афанасий, тарский казак 99, 100
Устюжанин Фёдор, тарский житель 99, 100, 101
Утджа, зайсан 86
Утин, прапорщик 180
Уткин, служащий 193

Фёдор, ямышевский казак 185
Фёдор, крестьянин 182
Фёдоров Василий, солдат 226
Федосья, пленная 23
Филимонов, сержант 126, 131
Фома, верхотурский житель 115
Фрауендорф Карл Иванович (Львович), командующий войсками Сибирской линии 13, 169, 172, 175, 176, 179, 192, 196, 242, 266
Фридрих II, прусский король 263
Фунтиков Иван, крестьянин 240

Хабан, калмык 91
Хабанаев, сибиряк 97
Халиндарь, купец 115
Хансентов (Сеитов) Вениямин, тарский житель 188
Харлов Иван, заводской житель 129
Харлов Осип, заводской житель 129
Харьянда, джунгарский посланец 113
Хашхабай, купец 85
Хоохой, урянхайский старшина 156, 157, 164, 174
Хотола, командующий джунгарскими войсками 86
Хотонов Цой, назвавшийся киргиз-калмыком 89
Хотоц, джунгарский холоп 89
Хохряков, капрал 116
Христофоров Филип, тарский житель 100
Хрущёв, капитан 94
Хрущов Александр Петрович, генерал-губернатор Западной Сибири 10
Худой Берди, казах 23
Худоногов Кирил, пограничный дозорщик 74
Хурумза, казашка 106
Хутук, зайсан 186

Цебен-Доджи Намжин (он же Аджахан, Цебек-Доржи-Намжи, Цевен-Доржи, Цеван-Доржи-Намжи), глава Джунгарского ханства 80, 103, 125, 131, 259, 262
Церень (Церен) Уруков, зайсан 137
Цуцулак, джунгарский подданный 114

Цэван-Рабдан, джунгарский хан 251, 262

Чадаки, зайсан 177
Чайлыш, ханский сын 86
Чадыр, калмык 25, 26, 129
Чажагу, калманка 129
Чалаку, ясачный татарин 164
Чанеси, калмык 129
Чапгарак, бельтир 76
Чебешев Откарагаш, двоеданец 150
Чеганаков Бутай, двоеданец 149
Чегодеев (Чегодаев), прапорщик 117, 236
Чекула Иркин, татарин 42
Чекунов, служащий 213
Чекыров Арсак, двоеданец 149
Челюкин, майор 164
Ченка, калмык 81
Чеобу Хорин, урянхаец 184
Черги-Жап, демичи 155
Чередова, вдова 239
Черемнов Кирил, крестьянин 128
Чернов Данила Иванович, крестьянин 183
Черноярoв Фёдор, казачий сын 233
Черных, вахмистр 23
Чернышевский Николай Гаврилович, писатель, политический ссыльный 10
Черняк Эдуард Исаакович, историк, профессор 22
Чертачеков Исана, двоеданец 149
Чечи, калмык 165
Чингис-хан, основатель Монгольского государства 249
Чоко Килунчаков, старшина 165, 167
Чубаров Василий, подпоручик 195
Чукалы Ирынеев, татарский князь 92
Чукшчеев Кидик, двоеданец 149
Чунгу, джунгарский подданный 114
Чуров Никифор, берёзовский князец 93
Чуумчеев Аданка, двоеданец 149
Чуумчеев Буксюк, двоеданец 149
Чухулай, демечи 176

Шагман, урянхаец 186
Шадринцев, крестьянин 158
Шайтанов Александр Дмитриевич, хорунжий 16
Шанский (Шанской), майор 193
Шанской, капрал 193
Шапочников, кузнецкий воевода 33, 72, 74, 77, 81
Шарапов, драгун 193
Шарасин, калмык 173
Шарюмов, пробирный мастер 233
Шахов Иван, священник 234
Шашков Серафим Серафимович, историк, публицист 11, 15–17
Шейкин, солдат 72
Шелигин Пётр, рудоискатель 35
Шерин, нойон 166, 173
Шерстова Людмила Ивановна, историк, профессор 12, 22
Шестаков, военнослужащий 138
Шета Амин, двоеданец 149
Шибаев Василий, крестьянин 83
Шигай, султанский сын 256
Шилов Леонтий, канцелярист 214
Шиловский Михаил Викторович, историк, профессор 5, 13
Шипунов Карп, крестьянин 99, 100
Ширин Бара, двоеданец 149
Ширин Телбек, двоеданец 149
Шихов Алим (Алексей), торговец 179, 187, 188
Шихов Мирзали (Мурзалей), бухарец 146, 155, 162, 163
Шишков, поручик 78
Шкоцкой, слесарь 32
Шленьев Фёдор, разночинец 119
Шодаев, ясачный татарин 72
Шодой, старшина 165
Шорохов, казак 33, 72
Штокман фон, генерал-майор 68
Шубин Иван, заводской крестьянин 130
Шувалов Пётр Иванович, граф 157
Шульгин Иван, казак 74
Шумилов, церковный староста 205
Шустов, капитан 161
Шюля, бурутка 169

Щапов Афанасий Прокопьевич, историк, исследователь 10
Щетников Иван, крестьянин 180, 181, 183

Энден фон, военнослужащий 137, 138

Юлберс, казах 82
Юрьев Иван, крестьянин 232

Ядринцев Николай Михайлович, публицист, общественный деятель 10, 11, 20
Яикам, урянхайский старшина 145, 146
Якоби Варфоломей Валентинович, бригадир 84, 259
Якоби Иван Варфоломеевич, иркутский наместник 259
Яковлев Михайло, работник 129
Яковлев Василий, крестьянин 181
Яковлев Пётр, разночинец 228
Ял, калмык 164
Ярган, казахский владетель 116
Ярмаков Иван, сын боярский
Ярмакова Парасковья Ивановна, дочь сына боярского
Ярышкин, купец 53

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абакан, река 259
Абаканский острог 25
Абацкая слобода 24, 33, 123, 161, 226
Абацкий форпост 88
Аблакетка (Аблайкетка), река 164, 264
Авачинская гавань 240
Агорадский станец 160
Аевская слобода 47
Азия, часть света 8, 260, 271
Айбиренский форпост 37
Атык-Камень, гора 32
Акбаш-Нарин, урочище 151
Акса (Аксу), город 72, 83, 259
Аксёнова, деревня 150
Алабуга, озеро 161
Алабушная, деревня 239
Алдарова, деревня 42
Алей, река 96, 99, 108, 120, 244, 245
Алейская, деревня 75
Алейский станец 89, 102
Алейский форпост 137
Алеуская слобода 236
Алтай (Алтайский камень, Камень), горная система 6, 72, 99, 128, 140, 151, 155, 159, 168, 184, 251, 252, 254, 259, 260, 263, 264
Америка, часть света 17, 271
Амус, река 226
Антипина, деревня 240
Антоново зимовье 92
Ануй, река 99, 165
Ануйская крепость 137
Апала, река 240
Арда, деревня 226
Аремшянская, река 44
Артынска Подволожна (Артынская), деревня 92
Астрахань, город 85, 87
Атанчур, гора 166
Атей, правильно Алей (см.)
Ачаирский форпост 25, 40, 185, 186
Ачинский острог (Ачинск, Ачинской) 21, 36, 89, 121, 202, 233
Аютинские юрты 91

Баган, озеро 133
Байкаловский станец 170
Байканская крепость 82
Байналова, деревня 180
Байхан, озеро 124
Балмле, река 169
Барабинская волость 41, 42, 83, 84, 92
Барабинская степь 92, 108, 125, 133
Барашково, урочище 41
Барнаульский завод (Барнаул) 74, 95, 117, 120, 121, 150, 153, 158, 194, 195, 260
Барневка, река 172
Басагарская волость 202
Башкирия, российская территория 38, 256
Башкуш, урочище 155
Бедарёва, деревня 152
Безрукова, деревня 24, 97, 116
Безруковский форпост 88
Бекишево озеро 160
Белая, река 128, 165, 184, 243, 246
Беленовская слобода 226
Белое море 266
Белое озеро 160, 161
Белорецкий форпост 246
Белоярская крепость (Белоярский острог или форпост) 25, 49, 84
Белоярская слобода 83, 158, 236
Белый Камень, урочище 41
Белый Уюс, река 86, 87
Бельтирская волость 79, 136
Берёзов, город 37, 93–95, 142, 250
Берёзовский уезд 93, 185
Берёзовка (то же Золотарёвка), река 101, 173, 196, 246
Берская слобода 84

Берский острог 25, 83
Бетеинский форпост 24, 30, 31, 37
Бийская крепость (то же Бийск, Бикатунская крепость, Катунская крепость) 25, 49, 73, 77, 78, 89, 90, 121–123, 127, 137, 138, 147, 148, 152, 154, 159, 165–167, 170–174, 176, 194, 242, 243, 264
Бийская слобода 25
Бикатунская крепость (Бии-Катунская крепость, Бикатунский форпост) см. Бийская крепость
Бирюль, правильно Бирюля, река 169
Биш, урочище 186
Бия, река 33, 35, 72, 77, 78, 80, 99, 120, 121, 164, 166, 167, 171, 254
Богородское, село 206, 233, 241, 242
Большая, река 246
Большая Бухария, среднеазиатская территория 190
Большая Оешская, деревня 241
Большая Речка, деревня 235
Большая Урга, см. Урга
Большерецкий форпост 24, 37
Большие Кулачи, деревня 40
Большое Баженово озеро 160
Боровое, озеро 32
Брязгово зимовье 92
Булатково зимовье 92
Бунгурская, деревня 127
Буркова, деревня 245
Бурла, река 172
Бурлуки, урочище 98
Бурмистова, деревня 240
Буторино зимовье 92
Бутурлино, озеро 161
Бухария (Бухара), джунгарская территория 155, 252, 257, 261
Бухтарма, река 103, 108, 156, 157, 163, 164, 174, 192, 194, 259, 264, 265
Быдин, остров 160
Быкова (то же Тугозвонова), деревня 235

Вадакшан, джунгарская территория 190
Варюхина, деревня 234, 239
Васюган, река 260
Вачайская слобода 120
Верблюжеский форпост 150
Вергетская, правильно Кергешская волость (см.)
Венеция, средиземноморская республика 253
Верх-Лагульская, деревня 24
Верхнее Хмелёвье, урочище 32
Верхнечерковская, река 24
Верхний Утяк, река 24
Верхний Утяцкий форпост 30
Верхняя Каменка, река 245
Верхняя Колыванка, река 247
Верхосузунская, деревня 130
Верхотомский острог 89, 233, 239, 270
Верхотурье, город 37, 45, 48, 134, 142, 185, 258
Верх-Уерский форпост 24
Верх-Яицкая крепость 32
Волга, река 19, 87, 140, 147, 148, 252, 266
Вологодская губерния 8, 16
Воровская (Варовская), река 31, 40
Восточная Сибирь, североазиатская территория 259
Восточный Туркестан, среднеазиатская территория 7
Вторая Кузенская волость 78
Вятка, город 121

Гарагол, см. Харахол
Глубокая, деревня 193, 196
Глубокая, река 138, 173, 175
Глубокое озеро 162
Глухая Старица, урочище 41
Гол, урочище 152
Гольцова, река 245
Горбуновы юрты 241
Горный Алтай, см. Алтай
Горькое озеро 104, 160, 244
Грачи, урочище 41
Гутова, деревня 239

Дания, королевство 271
Десятова, деревня 201
Джунгария (Джунгарское ханство) 7, 12, 13, 18, 41, 42, 49, 59, 61, 62, 64, 72, 79, 80, 82, 83, 85–87, 89, 96, 121, 135, 138, 140, 142, 151, 155, 166, 169, 174, 251, 252, 254, 256–260, 263–266
Джунгарская равнина 252
Драгунское озеро 161
Долманово озеро 170
Долоин Карагал, урочище 41
Долонь-Карагай, поселение 134
Дубынкино озеро 162

Думчева, деревня 158

Ебоган, река 184
Евтифеевка, река 245
Ейский форпост 37
Екатеринбургский завод (Екатеринбург), 134, 227, 228, 241
Екунино озеро 162
Еланга (Елангай), река 26, 130, 169
Елабужский форпост 252
Елейская волость 78, 136
Елец, станец 246
Елизарова, деревня 239
Еловская, деревня 242
Емуртинский форпост 24
Емуртлинская слобода 178
Енисейск, город 36, 37, 86, 87, 142
Енисейская губерния 134
Енисейская провинция 142, 242, 243
Енисейский уезд 194
Еркен, см. Яркенд

Железинская (Железная) крепость 24, 27, 28, 31, 37, 40, 49, 65, 66, 68, 69, 106, 107, 121, 125, 144, 145, 159, 186, 194
Жукова, деревня 241

Зайр (Сауры), горный хребет 264
Залебяжье озеро 160
Заломный проток 235
Западная Сибирь, североазиатская территория 7, 8, 253
Звериная Голова, урочище 81, 82, 135
Зевакина, старица 196
Зеледеево (Зеледеевское), село 223, 233, 234
Зенгорская землица (Зенгория, Зюнгорская земля), см. Джунгария
Змеевский рудник 73, 102, 124, 137
Зов, город 142
Зотина, деревня 173
Зудиловская, деревня 24
Зырянское, село 233

Изылбашская станция 40, 119
Ик, *озеро 161*
Иковский форпост 24
Иконникова, деревня 78, 96, 128
Илеревинский острог 233
Илецкий городок 252
Или (Ила), река 89, 120, 159, 174
Иня, река в Горном Алтае 246
Ирбит (Ирбить), поселение 55, 59, 60
Ирень-Хабарги, урочище 156
Иркет (Иркень), см. Яркенд
Иркутск, город 35, 36, 97
Иркутская губерния 266
Иркутская провинция 53, 101, 134
Ирменское, село 233
Иртыш, река 6, 11, 26, 29–33, 40, 64, 65, 68, 79–82, 91, 92, 99, 103, 108, 113, 116, 120, 124, 129, 133, 156, 160, 161, 163, 164, 168, 174, 192, 194, 245, 249, 254, 260, 265
Иса, правильно Иша (см.)
Испания, европейская монархия 253
Иссык, река 8
Исецкая (Исетская) провинция 43, 47, 109
Исетский дистрикт 226
Истомина, деревня 239
Итиберская волость 72, 73, 78, 81
Иткаринское, село 23
Иткульское зимовье 92
Итык-камень, гора 178
Ичинское зимовье 92
Иша, река 76, 77, 79, 104
Ишим, река 29, 31, 32, 78, 79, 81, 82, 84, 120, 157, 160, 161, 170, 172, 177, 178
Ишим (Ишимск), см. Коркина слобода
Ишимский дистрикт 31, 33, 45, 98, 116, 123, 142, 170, 173, 185, 194
Ишимское Хмелёвье, урочище 32
Иштанская, деревня 241

Кабаковская защита 137
Кабанова, деревня 130, 235
Кабанья крепость 157
Казанский форпост 137
Казанской Богоматери, форпост 246
Казань, город 121
Казахское ханство 249, 250
Казахстан, правильно Республика Казахстан 16, 250
Казачаева волость 233
Казымская волость 93
Каинский форпост (Каинск) 89, 91, 143, 207, 208, 242
Каламанка, деревня 235
Каларская волость 136
Калачёва, деревня 127
Калиновская слобода 227
Калиский форпост 25, 92
Калмыково зимовье 92

Каманакова, деревня 241
Каменка, река 96, 128, 245
Каменный форпост 234
Камень, см. Алтай
Камляжская (Кимляжская) волость 78, 167, 170
Камчалы, деревня 241
Камчатка, дальневосточная территория 240, 241
Камчила, река 168
Камышиное озеро 158
Камышинское озеро 81
Камышловка, река 79
Камышловское займище (то же Камышловые Займища) 32, 161
Кан, река в Горном Алтае 264
Кан (Кан-Карагай, Канская, Кан-Каракольская землица, Каракал), см. Каракальская волость
Канарга, деревня 226
Канская волость (на Алтае) 127–130, 165
Канский острог (Красноярского ведомства) 25
Канское урочище 165
Карагалинская (Каргалинская) волость 83, 84, 92
Каракальская волость (то же Кан, Кан-Карагай, Кан-Каракольская землица на Алтае) 25, 26, 33, 34, 81, 82, 88, 108, 135, 169, 174, 176, 177, 184, 251
Каракальские урочища 168
Карасульский острог 25
Карасук, озеро 159, 160, 172, 173
Карасья защита 88
Каратал, река 264
Карачерская волость 78
Каргайское зимовье 92
Каргатский (Каргацкий) форпост 36, 89, 92
Каргинская волость 78
Карнаухова, деревня 241
Карпова, деревня 165
Касмалинская, деревня 158
Касмалинский бор 84
Каспийское море 252, 266
Катунская крепость, см. Бийская крепость
Катунь, река 78, 99, 121, 140, 166–168, 171, 184, 186, 254, 264
Качюсова, деревня 100, 101
Кашкарагальский форпост 88
Каюрлук, урочище 165
Кенгель, река 168
Кеньге, озеро 184
Кергешская (то же Кергенская, Кереш-ская) волость 78, 143, 168
Кержень, поселение 235
Керексу, река 122
Кеспы, горы 121
Кетский (Кецкой) острог 37, 134
Кижировы юрты 241
Кийская волость 202
Кил, деревня 226
Киргизка, река 233
Киргизская волость 163
Киргизская степь 91, 163
Кирзинская, деревня 183
Кирпи, озеро 160
Китайское государство (Китай, Китайская империя, Маньчжурская империя, Цинская империя) 13, 75, 191, 250, 252, 254, 261, 265
Кишнинская, деревня 157
Кожевниковское (Кожевниково), село 198, 200, 201, 202, 233
Коканд, город 8, 9, 259
Кокандское ханство 259
Кокса (Кок-Су), река 128, 264
Кокугола, река 156
Колмаково озеро 161
Колмацкое озеро 162
Колчеданский острог 226
Колыван, озеро 243, 247
Колыванка, река 243, 247
Колывано-Воскресенские заводы, горнопромышленный округ 25, 26, 35, 63, 73, 93, 96, 100, 139, 236, 251, 254
Колыванская область 251
Колыванский завод (Колывань, Колыван, Колывано-Воскресенский завод) 20, 25, 36, 49, 73, 75, 89, 91, 96, 99, 102, 108, 111, 120, 121, 128, 130, 137, 180, 194, 195, 233, 236, 244, 245, 260, 264
Комлямская волость 73
Кондинский улус 88
Кондома, река 143
Копёел, урочище 40
Корбалиха, река 245
Коркина слобода (то же Ишим, Ишимск) 24, 33, 45, 46, 48, 79, 97, 98, 116, 134, 148, 157, 158, 161, 170, 197
Коркинский форпост 31, 32, 88
Коростелёво, озеро 158

Коряковское озеро 124, 133
Коряковский (Коряков) форпост 24, 40, 108, 111, 125
Космала, река 74
Космалинская, деревня 74, 75
Космалы, урочище 74
Кошкаргайская, деревня 24
Кошкинская, деревня 150
Краснолуцкий дистрикт 194
Краснослободск, поселение 45, 48, 142
Краснослободский дистрикт (уезд) 45, 47, 48, 196
Краснощёкова заимка 246
Красноярка, река 246
Красноярск (Красноярский), город 36, 37, 61, 86, 89, 120, 125, 142, 192
Красноярск (на Волге) 87
Красноярская, деревня 150
Красноярский станец 99, 101
Красноярский уезд 194
Красноярский форпост 137, 246
Красный Яр, приишимская территория 32, 160
Красный Яр, урочище в бассейне реки Алей 41, 173, 196, 197, 244
Красный Яр, приволжское место 85, 87
Криводанова, деревня 240
Кривое Озеро, урочище 41
Криволужковский острог 233
Кривощёково (Кривощёковское), село 221, 228, 239, 240
Крим-Трут, джунгарское владение 151
Кроноцкое урочище 241
Крутые Лога, зимовье 92
Кузедеева, деревня 25
Кузнецк (Кузнецкий), город 25, 33, 35, 36, 44, 45, 61, 72, 77, 78, 89, 90, 114, 123, 126, 134, 139, 141–143, 147, 148, 152, 192, 198, 227, 236
Кузнецкий уезд 120, 126, 192
Кукуйская защита 88
Кукушкин Яр, приишимская территория 160
Кулаково, село 233
Кулебинская (Кулебкинская) волость 42, 84, 92
Кулунгинская, деревня 182
Кулунда, река 84
Кумандинская волость 33, 35, 72, 73, 77, 78, 120, 254
Кумрюку, река 184
Кунаватская волость 93
Курган, река 25
Курильское урочище 241
Куртамышская крепость 82
Курчикова (Курчинова) волость 203, 233
Курчюм, река 163
Курья, протока 243, 244
Кутерьма, река 161
Кутурлинский форпост 37
Куюровская слобода 226
Кяхта, торговое поселение 52

Лабанерская Ламат Жиса, поселение 174
Лебяжий редут 110
Лебяжий станец 104
Лебяжий форпост 125
Лебяжье озеро 24, 124, 133
Лебяжье Озеро, урочище 40
Лебяжья крепость (защита) 31, 123, 147, 150, 161, 170
Локтевка, река 243, 244
Лондон, город 9
Лосиха, река 100, 101, 235, 246
Луговая, деревня 173, 240
Любанская волость 83, 84
Любейская волость 42, 92
Лютевка, деревня 75
Ляпинская волость 93

Маинская, деревня 24
Максимово озеро 24
Малая Белая, река 245
Малая Бухария, джунгарская территория 190, 259
Малая Камышловка, река 161
Малая Кривощёкова, деревня 240
Малая Оешская, деревня 241
Малое Баженово озеро 160
Малороссия (Украина), юго-западная часть Российской империи 269
Малышевская (Малышева) слобода 25, 49, 84, 100, 130, 144, 150, 181, 183, 236
Малышкино, село 213
Мальцева, деревня 239
Мангазея, город 37
Манькова, деревня 228
Маньчжурская империя, см. Китайское государство
Марашиха, река 246
Марково озеро 24
Марятная, деревня 130

Мегин-Шали, гора 163
Медвежье озеро 178
Мекешери, река 166
Мелеский (Мелецкий) острог 89, 233
Мерецкая, деревня, 183
Митина, деревня 152
Моллорская земля (Болор), центрально-азиатская территория 151, 152
Монастыри, урочище 99
Монгольская империя (Монголия) 138, 252
Моревское озеро 24
Москва, город 11, 17, 52, 54, 128, 195
Мраская волость 136
Мроткал, волость 189
Мысовская, деревня 240

Наджианское ханство 103
Назарово зимовье 92
Найма, река 78, 167, 254
Нарым, город 37, 94, 134, 142
Нарым, река в Горном Алтае 108, 155, 163, 164, 264
Нарымский уезд 213
Наэунгат, урочище 96
Невьянская слобода 206, 227
Невьянские заводы 134
Нелюбинская, деревня 234
Ненга, река 34
Нерчинск, город 227
Нехоловский форпост 37
Нижнее Хмелёвье, урочище 32
Нижнечерковская, река 24
Нижний Новгород, город 121
Нижношамтальское урочище 241
Николаевская крепость 137, 170
Никольск, город 8
Никольское (Николаевское), село 233, 241
Новая слобода 173
Новикова, деревня 120
Новопостроенный форпост 25
Новосёлов станец 92
Нор-Зайсан, озеро 156, 192

Обдорск (Обдорен), поселение 93, 95
Обдорская волость 93
Обь, река 49, 74, 84, 94, 99, 113, 121, 128, 172, 180, 192, 236, 254, 260, 270
Овчинниково зимовье 92
Озёрки, урочище 41
Озёрный станец 196
Октяшева (Октешева) волость (улус) 135, 136, 143
Омская крепость (Омск) 7, 8, 10, 15, 24, 26–33, 37, 40, 47, 49, 63, 65, 66, 71, 74, 81, 91, 111, 118, 124, 125, 135, 138, 152–154, 159, 163, 164, 167, 169, 173, 176, 184, 186, 187, 237
Омутная, деревня 24
Омь, река 92, 192, 253
Опадрина Согра, урочище 157
Ординская, деревня 226
Оренбург, город 46–48, 64, 67, 82, 153, 191
Оренбургская губерния (Оренбургский край) 191, 253
Орловка, озеро 162
Орлово озеро 162
Орлово Городище, слобода 147
Орская крепость 154, 250
Орь, река 228
Осиновы Колки, зимовье 92
Османская империя 253
Осморыжский форпост 25, 145
Осьмой Рыжко, урочище 40
Оташевская защита 88
Охотск, поселение 241
Ошмарина, деревня 127
Ошутный форпост 88
Оя, река 76

Пальбиха, деревня 232
Парабель, река 260
Пачинское (Пачинное, Починное, Починское), село 21, 212, 214, 224, 228, 231, 233
Пашкова, деревня 239
Пекин, город 84, 85, 190
Пелым, поселение 37, 142
Пеньково озеро 161
Песчаное Озеро, урочище 40
Песчаное озеро 81, 160
Петербург, российская столица 8, 115, 187, 188, 253, 258
Петлина, деревня 241
Петровская, деревня 241
Петропавловская крепость (Петропавловск) 160, 161, 172
Петровское озеро 180
Печей, урочище 156
Пимская волость 117
Пихтовская гора 245
Пихтовский рудник 245

Плоская, река 246
Подвологина, деревня 92
Подволошная, деревня 241
Подкрушиха, деревня 194
Подпускной станец 104, 116
Познякова, деревня 241
Покровская крепость 170
Полковничье озеро 160
Поломошнива, деревня 239
Полуденная крепость 170
Поперечная (Поперешная), река 129, 244, 247
Поперечный Искитим, село 239
Поспелиха, река 244
Правская, деревня 24
Прапорщикова, деревня 138, 153, 193, 196
Предеинские озёра 32
Пресновская крепость 161, 162
Пресногорьковская станица 123
Пресноизбная крепость 157
Провский форпост 88
Пустынная, деревня 124, 153
Пустынский форпост 24
Пуховая (то же Усть-Щерская) слобода 178
Пушкарёва, деревня 241
Пышкинская волость 233
Пышминская слобода 227
Пятой Рыжко, урочище 40
Пяторыжская станица 123
Пяторыжский форпост 145

Ракитное озеро 161
Резино зимовье 92
Рига, река 245
Розсыпей, урочище 164
Рогервик, крепость 67
Родина, деревня 173
Россия (Российская, Всероссийская империя) 5, 13, 16, 39, 51, 52, 61, 64, 68, 70, 75, 79, 80, 140, 142, 155, 156, 165, 169, 173, 176, 192, 194, 250, 253, 254, 256, 259–261, 263, 265, 269–271
Русское государство 255, 260
Рыбалова, деревня 241
Рычкуниха, река 246
Рычкуново зимовье 246
Рямово озеро 162

Сагайская степь 89
Сайрам, город 255
Салкиту, река 156
Самарово, село 142
Сангульские (Сангулинские) юрты 178, 179
Сара-Кокчи, река 167
Саянская волость 184
Саянский острог 25
Святого Петра, крепость 98, 158–163, 170, 172, 187, 189
Святой Екатерины, форпост 245
Северная Азия, североазиатское пространство 6
Северный бор 84
Северный Казахстан 12, 13, 250
Селезнёво озеро 161
Селенгинск, город 84, 190, 259, 265
Селлиярский форпост 25
Сема, река 102, 168
Семилужное, село 233
Семипалатинская (Семипалатная, Семипалатинск) крепость 8, 13, 21, 24, 27–29, 32, 37, 39–41, 44, 47, 49, 50, 52–57, 59, 62, 64, 65, 71, 74, 79, 88, 98, 99, 103, 105, 107, 108, 112–114, 121, 122, 124, 125, 134, 138, 150, 154, 158, 164, 186, 194, 195, 252, 265
Семса, река 165
Семиречье, среднеазиатская территория 8, 256
Семиярский станец 41, 64
Семиярский форпост 125
Семь Палат, см. Семипалатинская крепость
Сетковское, зимовье 92
Сибирская губерния 46, 61, 106, 110, 133, 191, 230, 251, 263
Сибирь, североазиатская территория 5–10, 12, 13, 16, 17, 19, 20, 40, 45, 46, 50, 52, 53, 59, 67, 86, 112, 134, 141, 142, 155, 171, 194, 254, 257, 260, 261, 265
Силезия, прусская территория 261
Сладкое озеро 160, 161
Слюдянка, река 168
Соешка, река 245
Солёное озеро 143
Солёный Поворот, урочище 40
Солоновка, река 160
Солоновское озеро 160
Сосвинская волость 93
Сослонская, правильно Сосновская (см.)

Сосновская, деревня 221, 226
Сосновский острог 35, 223, 233, 239, 242
Спасское, село 203, 227, 233, 234, 239
Спуск, урочище 40
Среднее Приобье, сибирская территория 260
Средняя Азия, азиатская территория 5, 257, 266
Ставская, деревня 241
Становая крепость 161
Степное озеро 162
Суерская, слобода 24
Суета, река 91
Суетка, река 246
Сумные озёра 162
Сургут, город 37, 93, 94, 117, 142
Сухменей, озеро 157
Сыр-Дарья, река 249
Сыропяцкая, деревня 173

Табачное, урочище 41
Таволожное озеро 161
Таира, озеро 189
Тайменка, деревня 232
Талас, река 155
Талица, река 45
Талица, урочище 41
Талицкая, деревня 196
Талицкий форпост 196
Талка, река 174
Таловка, река 246
Таловский станец 120
Танчур, река 166
Таптыш, река 76
Тара (Тарский), город 23, 28, 33, 36, 41–43, 45–48, 80, 83, 97, 99, 104, 107, 110, 111, 132, 134, 138, 142, 152, 153, 239
Тарский уезд 43, 47, 125, 133, 157, 187, 188
Тарский форпост 88
Тарышкино зимовье 92
Татарка, урочище 40
Татарский форпост 145
Татмыцкая (Татмытская) слобода 47, 172
Таутелеутская (Телеутская) волость 33, 34, 78, 117, 137, 139, 164, 168
Ташкент, город 249, 252, 255
Тёгрёк, река 246
Теки, озеро 65
Тележская волость 167
Телеская волость 168
Телецкое (Телеское) озеро 21, 78, 79, 82, 143, 170, 192, 252, 263
Теренинская волость 42, 83, 84, 92
Теренниская, Теретинская, правильно Теренинская волость (см.)
Тибет, горная страна 252
Тобол, река 29–32, 78, 79, 81, 110, 136, 249, 252
Тобольск, город 27, 28, 36, 37, 39, 40, 44–48, 51–62, 66, 67, 71, 89, 90, 93, 98, 102, 106–108, 111, 115, 121, 122, 124, 125, 132, 134, 142, 153, 158, 171, 186, 188, 190, 212, 217, 223, 226, 238, 241, 265
Тобольская губерния 251
Тобольская провинция 109, 133, 142, 193, 251
Тобольский дистрикт 45, 46, 48, 49, 160, 173
Тобольский уезд 214, 223
Толта, река 163
Томилова, деревня 239
Томск (Томской), город 8, 10, 16, 17, 21, 35, 36, 44, 45, 50, 61, 62, 84, 86, 87, 108, 110, 115, 120, 128, 142, 192, 198–203, 205, 207, 208, 210, 214, 215, 217, 220–223, 226, 227, 229, 230, 234–236, 239, 241, 242, 255, 263, 267, 269, 270, 271
Томский уезд 128, 202, 220, 224, 226
Томь, река 214, 223, 228, 255, 270
Тонда, река 143
Торгоутская земля, кочевая территория 149, 264
Травыкуль, озеро 177
Травяное озеро 81
Трунуская волость 41
Трубочева, деревня 241
Тузедеевский форпост 143
Тунуская (Тунуйская) волость 42, 83, 84, 92
Туражская волость 83
Туринск, город 37, 45, 142, 197
Туринский уезд 48, 185
Тургай, река 256
Туркестан, древняя казахская столица 250, 255, 256
Турума, станец 92
Тус, река 156
Тутальская волость 233
Тутджедебы, горы 121

Тым, река 260
Тырышкина, деревня 241
Тюкала, река 161
Тюменский уезд 47, 178, 185
Тюмень, город 36, 45, 48, 134, 185, 188, 196, 197, 237, 240
Тянь-Шань, горная система 8

Уба, река 25, 99, 100, 101, 180, 183, 246, 247
Убинская, деревня 177, 196, 197, 247
Убинское зимовье 92
Убинский острог 25
Убинский форпост (Убинская застава) 50, 62, 74, 101, 116, 137, 138, 207, 208, 234
Уварово, урочище 41
Уваровский станец 99, 175
Угецкая, слобода 45
Угуйская, деревня 41
Ударково, урочище 41
Удень, река 163
Удошова, деревня 97
Узкозаостровский форпост 40
Уй, река 29, 32
Уйман, урочище 169
Уйская крепость 32
Укыр-Усун, река 174
Улеби, волость 166
Ульба, река 89, 183, 193
Умревинское, село 241
Ундостанская земля (Индия) 142
Урал, российская территория 260, 271
Урал (Яик), река 29, 32, 252
Урга, резиденция джунгарских ханов 25, 34, 51, 52, 53, 54, 72, 73, 81, 83, 86, 87, 103, 112, 120, 128, 135, 252, 257
Урлютюп, урочище 40
Урлютюпский форпост 145
Уртамский (Уртам, Уртамск) острог 21, 89, 198, 199, 200, 201, 219, 228, 233
Урунхайская волость 137
Ускозаостровская станция 40
Усламинская, деревня 24
Услашинский форпост 88
Усть-Белая (то же Белая), река 241
Усть-Бухтарминская крепость 252
Усть-Выдриха, деревня 197
Усть-Заостровский форпост 173
Усть-Инская, деревня 240
Усть-Каменогорская (Усть-Каменогорск) крепость 20, 24, 27–29, 32, 41, 44, 47, 49, 50, 73, 83, 85, 87, 89, 90, 99, 100, 101, 107, 108, 111, 115, 118, 119, 121, 122, 125, 138, 145, 150, 155, 164, 167, 169, 173, 185, 186, 192–194, 196, 264
Усть-Лагатский форпост 88
Усть-Малокызацкая, деревня 24
Усть-Нинский (Усть-Нянский) форпост 164, 166, 168
Усть-Сосновское, село 233, 234
Усть-Тартаский (Усть-Тыртаский) форпост 20, 37, 92
Усть-Тартирский форпост 24
Усть-Теша, деревня 99
Усть-Суерская, слобода 24
Усть-Уйская крепость 32
Усть-Янцева, река 245
Усть-Янцева сопка 245
Утяцкая слобода 189
Утяцкий форпост 24, 31
Ушайка, река 45, 269
Уэнь, см. Чёрная Омь

Фирсова, деревня 24
Фирсовский форпост 88
Франция, европейская держава 263

Хамышлово озеро 178
Хан-Сары, селение 91
Харахол (Гарагол), река 169
Харина, деревня 173
Хашегинская землица 151
Хемыцык, урочище 155
Хорьковка, река 247
Хотан, центральноазиатская территория 151
Хохлово, зимовье 92

Царёв Курган, форпост 157
Царёво Городище (Царское Городище), форпост 24, 136, 137, 240
Центральная Азия, центральноазиатское пространство 6, 263
Цинская империя, см. Китайское государство

Чабашу, река 75
Чаган Махана, река 75
Чагина, деревня 242
Чагырская (Чакырская) крепость 145, 165, 184

Чагырский (Чакырский, Чанырский) рудник 25, 91, 99, 124, 128, 129, 130, 246
Чайская (Чейская) волость 42, 83, 84, 92
Чалдатский форпост 88
Чаны, озеро 159
Чар, урочище 108
Чарыш (Черыш), река 25, 89, 100, 128, 165, 169, 245, 246, 264
Чарышская заимка 129
Чаусский (Чауск, Чеуский) острог 21, 35, 36, 83, 84, 89, 92, 171, 172, 183, 221, 226, 227, 233, 236, 239–242
Челюл, река 169
Чемка, река 169
Чесноковка, река 246
Черемхова Забока, урочище 41
Черемховая Забока (Затока), станец 144, 150, 157
Черемшанка, река 84
Черлаковский форпост 25, 40, 65
Чёрная, деревня 239
Чёрная, река 164
Чёрная Омь (Уэнь), река 113, 192
Чёрная Речка, урочище 40
Чернолуцкая (Черночуцкая) слобода 28, 29, 31, 33, 47, 144, 150, 173, 247
Чернорецкий (Чернорецкой) форпост 24, 40, 91, 125
Черноярское, урочище 40
Чернявский станец 104
Чёрный Колок, урочище 88
Чигинская волость 202
Чулым, река 121, 202
Чулышман, река 35
Чумак, река 84
Чумыш, река 183
Чуя, река 166, 168

Шабин Дабаг, горный хребет 75
Шадрина Сорга, урочище 150
Шадринск, поселение 31
Шадринцева, деревня 158
Шакши, урочище 160
Шара Чамыген, урочище 130
Шараба, урочище 89
Шегарка, река 233
Шелкалская волость 78
Шеманаевский станец 183
Шеманаевский форпост 137, 246
Шеманаша, река 246
Шерапская, деревня 127
Шерская волость 136
Шипицыно озеро 160
Шипуниха, река 245
Шипунова, деревня 244
Шубина, деревня 239
Шульба, река 99
Шульбинский бор 108
Шульбинский завод (форпост) 41, 73, 90, 108, 116, 137, 144, 164, 196

Щучье озеро 162

Эмиль, река 249
Эркеле-Хайсун, урочище 96

Юганская волость 117
Южная Сибирь, североазиатская территория 254
Юло, река 168
Юсская волость 78
Юсский форпост 24

Яик, см. Урал
Якутск (Якутский), город 101, 241
Ялуторовск (Ялотуровск, Ялотуровский острог) 45, 46, 48, 136, 177, 178, 197
Ялуторовский (Ялотуровский, Ялутуровский) дистрикт (уезд) 31, 46–48, 136, 142, 177–179, 185, 194, 196
Яману, река 161
Ямышевская крепость (Ямышев, Ямышево) 13, 14, 21, 24, 27, 28, 30, 32, 40, 49, 51–57, 59, 60, 62, 70, 74, 79, 84, 89, 90, 98, 107, 108, 110–113, 118, 122, 124, 125, 132, 147, 152, 154, 157, 167, 169, 172, 173, 177, 178, 185, 186, 194, 195, 221, 222, 244, 263, 265
Ямышевское (Ямышево) озеро 102, 104, 111, 124, 133
Яркенд (Еркен, Иркень, Иркет), город 72, 83, 190, 257
Ярская слобода 236, 239
Ярское, село 233

СОДЕРЖАНИЕ

О документальной публикации Г.Н. Потанина в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских» (Н.М. Дмитриенко, Т.В. Родионова) 5

Раздел 1. Сибирско-казахское порубежье в ретроспективе XVIII в. 23

[Из рапорта вахмистра Черных 1743 года] 23

[Из показания казака Бердюгина, 11 мая 1743 года] 23

[Из письма султана Аблая к Павлуцкому, август 1743 года] 23

Экстракт о числе форпостов, крепостей, людей в них и артиллерии, 25 августа 1744 года 24

Письмо к Галдан-Чирину, 5 октября 1744 года 25

[Из донесения Павлуцкого Киндерману 1745 года] 26

[Из рапорта Павлуцкого Киндерману 1745 года] 28

Донесение Павлуцкого Киндерману 1745 года 28

Рапорт воеводе Шапочникову казаков Шорохова и Пойлова 1745 года 33

О числе находившихся в разных местах нерегулярных войск [1745 год] 35

По указу Её Императорского Величества инструкция вахмистру Савве Соболеву [1745 года] 37

Реестр, при каких местах определены Киндерманом почтовые дворы, защиты, маяки и прочие построить [1745 года] 40

[Из рапорта майора Бобровского Киндерману 1745 года] 41

Промемория из Сибирской губернской канцелярии в военно-походную [канцелярию] генерала Киндермана от 21 января 1745 года 42

Промемория Сибирской губернской канцелярии, 23 января 1745 года 47

[Из документа от 26 января 1745 года] 49

Доношение Павлуцкого Киндерману, 26 января [1745 года] 49

Промемория Киндерману из Сибирской губернской канцелярии, февраль 1745 года 49

Рапорт капитана князя Девлет-Колдеева, 9 февраля [1745 года] 50

Промемория из Сибирской губернской канцелярии в военно-походную канцелярию Киндермана, март 1745 года ... 50
Из рапорта Павлуцкого Киндерману, март 1745 года ... 63
[Рапорт Павлуцкого Киндерману о получении ордера от 1 марта 1745 года] ... 63
Из рапорта Павлуцкого Киндерману от 20 марта 1745 года ... 64
Экстракт, учинённый в Сибирской губернской канцелярии об обидах, нанесённых киргиз-кайсакам, 31 марта 1745 года ... 64
О донесении Павлуцкого, 2 апреля [1745 года] ... 71
[Прошение тобольских служилых людей к генерал-майору Киндерману, 7 июня 1745 года] ... 71
[Из рапорта Аблязова от 22 июня 1745 года] ... 72
Из рапорта кузнецкого воеводы Шапочникова, июль 1745 года ... 72
Показание разночинца Пономарёва, июль 1745 года ... 73
[Из рапорта Павлуцкого, июль 1745 года] ... 73
Доношение Павлуцкого Киндерману 2 июля 1745 года ... 74
Промемория из Красноярской в Кузнецкую канцелярию [от 5 июля 1745 года] ... 75
Рапорт Киндерману кузнецкого воеводы Шапочникова, август 1745 года ... 77
[Из рапорта Шапочникова, 10 августа 1745 года] ... 77
Рапорт премьер-майора Сташкеева генерал-майору Киндерману от 29 сентября 1745 года ... 78
Рапорт кузнецкого воеводы, октябрь 1745 года ... 79
Донесение Павлуцкого Киндерману, ноябрь 1745 года ... 79
Сказка Итиберской волости башлыка Боугитина, приложенная к рапорту Шапочникова, 8 декабря 1745 года ... 81
Письмо Неплюева от 16 января 1746 года ... 81
[Из рапорта Зорина, 17 февраля 1746 года] ... 82
[Из донесения Павлуцкого от 25 февраля 1746 года] ... 82
Рапорт Быкова, март 1746 года ... 82
Сказка купца Верхотурова, апрель 1746 года ... 83
[Из рапорта Беклемишева, апрель 1746 года] ... 83
Показание барабинских волостей есаула Кучука Мольбердеева, май 1746 года ... 83
Рапорт Павлуцкого от 19 августа 1746 года ... 84
Из рапорта бригадира Якоби, сентябрь 1746 года ... 84
Рапорт Павлуцкого Киндерману 8 сентября 1746 года ... 85
[Сообщение о беженцах из Джунгарии 1746 года] ... 85
Из рапорта полковника Зорина, 5 октября 1746 года ... 86
Рапорт полковника Зорина генералу Киндерману от 5 октября 1746 года ... 87
Рапорт Киндерману полковника Крафта от 3 февраля 1747 года ... 88
[Из рапорта Зорина, 28 февраля 1747 года] ... 88

[Из рапорта Зорина от 27 марта 1747 года] ... 88
[Из рапорта де Граве, 1 мая 1747 года] ... 88
Рапорт Бобрищева-Пушкина, июнь 1747 года ... 89
[Из рапорта Павлуцкого, июнь 1747 года] ... 89
Рапорт инженер-капитана Плаутина от 4 июня 1747 года ... 90
Рапорт Павлуцкого от 17 июня 1747 года ... 90
Рапорт Крофта, июль 1747 года ... 90
[По показанию калмыка Хабана, сентябрь 1747 года] ... 91
[Из рапорта Павлуцкого, октябрь 1747 года] ... 91
[Из рапорта Павлуцкому поручика Поливанова из Колывани, ноябрь 1747 года] ... 91
[Из рапорта Павлуцкого от 17 ноября 1747 года] ... 91
Опись назначенным на карте Барабинской степи построенным зимовьям, почтовым станцам и деревням [1748 года] ... 92
Промемория Сибирской губернской канцелярии 1748 года ... 93
Письмо Аблай-салтана Павлуцкому [1748 года] ... 95
Из рапорта Павлуцкого 1748 года ... 96
Письмо зайсана Омбы ... 96
[По промемории Сибирской губернской канцелярии, январь 1748 года] ... 97
Промемория Сибирской губернской канцелярии от 22 января 1748 года ... 97
Из рапорта Сташкеева, февраль 1748 года ... 98
Промемория Сибирской губернской канцелярии от 3 марта 1748 года ... 98
[Из донесения Павлуцкого от 9 марта 1748 года] ... 99
[Из рапорта Павлуцкого от 13 марта 1748 года] ... 99
Промемория Сибирской губернской канцелярии, 14 марта 1748 года ... 101
[Из рапорта в Правительствующий Сенат от 17 марта 1748 года] ... 102
[По рапорту Павлуцкого от 9 апреля 1748 года] ... 102
Рапорт Волкова Павлуцкому, май 1748 года ... 102
Рапорт поручика Белоусова [май 1748 года] ... 104
[Из рапорта Волкова Павлуцкому, 9 мая 1748 года] ... 104
Из рапорта капитана Белевцева от 26 мая [1748 года] ... 104
Письмо Неплюева к Киндерману, июль 1748 года ... 105
Доношение Киндермана в Правительствующий Сенат от 12 июля 1748 года ... 105
[Из донесения Павлуцкого Киндерману, сентябрь 1748 года] ... 105
[По показанию Бекберда Акмурзина, сентябрь 1748 года] ... 106
Письмо Неплюева к Киндерману 26 сентября [1748 года] ... 106
Сообщение в Соляную контору от 5 ноября 1748 года ... 107
[Из рапорта Кнндерману из Тарской канцелярии, декабрь 1748 года] ... 108
[Из рапорта Ямышевской канцелярии от 15 декабря 1748 года] ... 108

Ведомость Сибирского гарнизонного драгунского полка о полковнике Якове Павлуцком, коя сочинена сего 1748 года, декабря 25 дня 109
Письмо зенгорского владельца, привезённое из Урги прапорщиком Подзоровым в 1749 году 112
Из рапорта в Главную провиантскую канцелярию [1749 года] 115
Письмо Киндермана к Аблай-султану, май 1749 года 116
[Из сообщения Колыванской заводской конторы, 4 октября 1749 года] 117
Промемория Сибирской губернской канцелярии, ноябрь 1749 года 117
Рапорт [Быкова] в Сенат 1750 года 118
Промемория из Сибирской губернской канцелярии в военно-походную канцелярию [1750 года] 118
[По прошению казаков Изылбашского станца 19 февраля 1750 года] 119
[По рапорту полковника Сухотина от 6 апреля 1750 года] 119
[По рапорту полковника Сухотина, август 1750 года] 120
[Из рапорта Крафта, август 1750 года] 120
[Из рапорта Крафта, август 1750 года] 120
Указ из Военной коллегии от 31 августа 1750 года 120
[Из рапорта Крафта, сентябрь 1750 года] 121
[Из рапорта Крафта, 9 сентября 1750 года] 122
Рапорт капитана Дипенбрука (Diepenbrough), октябрь 1750 года 122
Рапорт [Быкова] в Сенат, ноябрь 1750 года 122
Рапорт в Правительствующий Сенат от ноября 1750 года 124
Из рапорта Сухотина от 13 ноября 1750 года 125
[Из промемории Сибирской губернской канцелярии от 28 ноября 1750 года] 125
[Обращение сибирского губернатора А.М. Сухарева к джунгарскому владетелю, отправленное из Тобольска 29 апреля 1751 года] 125
[Из донесения в Правительствующий Сенат от 8 мая 1751 года] 132
Промемория митрополита Сильвестра Киндерману, июнь 1751 года 132
Доношение в Правительствующий Сенат от 4 ноября 1751 года 132
[По Указу из Правительствующего Сената от 13 ноября 1751 года] 133
Доношение Правительствующему Сенату от 19 ноября 1751 года 134
Рапорт подполковника Кенемана, 30 декабря 1751 года 134
Указ Сената Киндерману, 26 марта 1752 года 135
Рапорт подполковника Самойлова, август 1752 года 135
Из рапорта капитана Ветберха, декабрь 1752 года 136
[Сообщение о женитьбе незаконнорожденного Максима Николаева летом 1753 года] 136
Донесение подполковника Колобового [1754 года] 137
Промемория Сибирской губернской канцелярии, 6 апреля 1754 года 142

[По указу из главной Соляной конторы в военно-походную канцелярию бригадира Крафта от 28 июня 1754 года] 142
[Из рапорта подполковника Колобового, сентябрь 1754 года] 142
[Из донесения Тарской воеводской канцелярии, январь 1755 года] 143
Рапорт полковника Грана, январь 1755 года 143
Рапорт полковника де Гарриги, январь 1755 года 143
[По рапорту Тарской воеводской канцелярии от 20 ноября 1755 года] 144
Показания разных обывателей, сеявших в Железинской крепости яровой хлеб [в 1756 году] 144
[О рапорте регистратора Девятияровского, январь 1756 года] 144
Рапорт Железинской канцелярии в Ямышевскую от 21 января 1756 года 145
[Из рапорта де Гарриги, февраль 1756 года] 145
Письмо старшин, данное капитану Траубенбергу 17 ноября 1756 года 145
[О выкупе из холопства, около 1756 года] 146
[Из рапорта Кузнецкой канцелярии генералу Ридеру 1757 года] 147
[Из документов 1757 года] 147
Письмо Боохола, 1757 год 148
[Документы 1757 года] 150
История двух русских пленных в Зенгории [1757 года] 151
Из тетради на расходы Амурсаны при доставке его от Ямышева до Тары, а также его жены и племянника [1757 года] 152
Из рапорта каптенармуса Долбилова, май 1757 года 154
Прошение о выкупе родственников, август 1757 года 155
[О прошении толмача Дулепова, август 1757 года] 155
Показание мингатов, вышедших при старшине Гого Ердолове, ноябрь 1757 года 155
Показания выбегших уранхайцев 1757 года 156
Из обращений в Сибирскую губернскую канцелярию [1757–1758 годы] 157
Из показаний мингатки Улюмжи [1758 года] 159
[Письмо зайсана Бурута 1758 года] 159
[Из донесения инженер-поручика Плутова 1758 года] 159
Рапорт поручика Бутенёва 1758 года 160
[Из рапорта Уксусникова 1758 года] 160
[Из рапорта Бутенёва 1758 года] 161
[Из рапорта капитана Шустова 1758 года] 161
[Из документа 1758 года] 162
Показание двух выбегших мингат, 13 января 1758 года 163
Из показаний уранхайцев, выбегших в Усть-Каменогорск 19 января 1758 года 164
[Из показания выбегшего калмыка Чечи, февраль 1758 года] 165
[Из показания калмыка Яла, 17 февраля 1758 года] 165

[Из показания сына боярскаго Максюкова, март 1758 года] 165
[Из показания двоеданца Койбо, май 1758 года] 166
[Из показания башлыка ясашных татар Акучая, 30 августа 1758 года]....166
[Из ордера Фрауендорфа, октябрь 1758 года]....169
[Документ 1759 года]....170
Рапорт полковника Тюменева, январь 1759 года....170
[Из документа Колывано-Воскресенской канцелярии от 1 января 1759 года]....171
[По рапорту Тюменева от 9 апреля 1759 года] 172
Рапорт полковника де Вильнёва фон Фрауендорфу, май 1759 года....172
[Ведомость, составленная полковником де Гарригой в июне 1759 года] 173
[Из показания выбегшего бухаретина Нарупа, август 1759 года] 173
[По рапорту Ямышевской канцелярии от 17 сентября 1759 года] 175
Промемория из Сибирской губернской канцелярии Фрауендорфу 1759 года....175
Сообщение из Ишимской воеводской канцелярии Фрауендорфу
от 11 октября [1759 года]....176
[Из показания урянхайца Тарки Букундеева 1760 года]....176
Доношение старосты Убинской деревни Иванова 1760 года 177
Письмо ялотуровского управителя Бокина Киндерману [1760 года]....177
[Из донесения Шихова 1760 года]....179
[Документ 1760 года]....180
[Из показания урянхайца Чеобу Хорина, март 1760 года]....184
Рапорт полковника де Гарриги Веймарну, апрель 1760 года....184
[Из показания уранхайца Шагмана, апрель 1760 года]....186
[Генерал-майору] Веймарну от поручика фон Трейблута 20 апреля 1760 года....186
[Из донесения 105 омских выписных казаков генерал-майору Веймарну
28 апреля 1760 года] 187
Доношение тарского юртовского бухаретина Алима Шихова 1 мая 1760 года 187
Из рапорта директора Ямышевской и Семипалатинской таможен Бушуева
от 15 июня 1760 года
Промемория Сибирской губернской канцелярии, сентябрь 1760 года....189
[Из донесения Коллегии иностранных дел в Правительствующий Сенат
1 сентября 1760 года]..... 189
[По рапорту майора Шанского от 7 сентября 1760 года] 193
[О распоряжении сибирского губернатора от 7 октября 1760 года] 194
Прошение жены тобольской артиллерии канонёра Еркина Ульяны,
Васильевой дочери, 23 ноября 1760 года 194
[По прошению томского купца Павла Воронова 1760 года]....195
Рапорт Семипалатинской канцелярии от 13 апреля 1761 года....196

[Из рапорта бригадира фон Фрауендорфа генералу фон Веймарну от 28 июля 1761 года] 196
[Документы о переселении крестьян 1762–1763 годов] 197

Раздел 2. Сибирские селения 198

Из ведомости о числе податных душ Кузнецкого ведомства по переписи 1723 года 198
Дело, начатое с 23 декабря 1734 года, по доношению уртамского крестьянина Ромашёва 198
Дело, начатое по донесению в Томскую воеводскую канцелярию томского боярского сына Панова, от 2 октября [1735 года] 202
Книги записные города Томска церкви Богоявления [1735–1739 годов] 203
Книги записные города Томска церкви Богоявленской [1735-1739 годов] 205
[Обращение прихожан села Богородского, церкви Богоматери Одигитрии, 1 декабря 1736 года] 206
[Сообщение церковного старосты Алексея Мохнашина от 15 января 1738 года] 207
Промемория из Томской воеводской канцелярии в томский Алексеевский монастырь [26 января 1738 года] 207
Указ Её Императорского Величества, самодержицы Всероссийской, из Тобольской архиерейской духовного правления комиссии в Томск закащику Богоявленской церкви священнику Михаилу Григорьеву от 15 мая 1738 года 208
Указ из Сибирской воеводской канцелярии в Томск управляющему за воеводу господину Анненкову сего 1738 года июля 18 дня 210
Указ от Тобольского архиерейского казенного приказу в Томск закащику Богоявленской церкви попу Григорьеву, 28 июля 1738 года 210
[Документ от 10 августа 1738 года] 210
В доношении архимандриту Лаврентию от прикащика Пачинного села иеромонаха Климента от 20 октября 1738 года 212
Книга денежного расхода томского Алексеевского монастыря [1738 года] 212
Указ наш архиерейскому наместнику Рафаилу (числа и № нет) за подписом митрополита Антония [не позже 1738 года] 213
Указ из Тобольской архиерейской канцелярии Алексеевского монастыря архимандриту Лаврентию от 30 августа, за № 469 [не ранее 1738 и не позже 1743 года] 213
В Алексеевский монастырь честному отцу архимандриту Лаврентию доношение иеромонаха Климента от 17 сентября [не ранее 1738 и не позже 1743 года] 214
Ведомость о томском Рождественском девичьем монастыре [1739 года] 214

Доношение господину преосвященному Антонию, митрополиту
Тобольскому и Сибирскому [1739 года] 215
Копия с указа Её Императорского Величества, самодержицы Всероссийской,
из Тобольской архиерейской духовного правления комиссии закащику
Алексеевского монастыря архимандриту Лаврентию, от 17 марта 1739 года....217
[Из донесения преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому,
архимандрита Лаврентия от 22 марта 1739 года] 219
[Архиерейский указ архимандриту Лаврентию, данный в мае 1739 года]....219
Промемория из Нерчинского горного начальства в Томскую воеводскую канцелярию,
от 26 сентября 1739 года....220
[Донесение архимандрита Лаврентия преосвященному Антонию,
митрополиту Тобольскому и Сибирскому, от 5 декабря 1739 года]....220
Указ Её Императорского Величества из архиерейской канцелярии
[1730-е годы] 222
Дело, начавшееся с донесением в Томскую воеводскую канцелярию
[1730-е годы] 223
При доношении великому господину, преосвященному Антонию,
митрополиту Тобольскому и Сибирскому [1740 года]....223
Промемория из Кузнецкой воеводской канцелярии в Томскую воеводскую
канцелярию [1740 года] 226
Отрывок из дела на гербовых листах [1740 года]....227
Доношение в томский Алексеевский монастырь Пачинского села
посельного иеромонаха Климента от 8 февраля 1740 года 228
[Из донесения иеромонаха Климента от 13 февраля 1740 года]....228
[Из донесения преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому
и Сибирскому, архимандрита Лаврентия от 14 февраля 1740 года] 228
Промемория Академии наук от профессора Герарда Фридриха Миллера
в томскую Алексеевскую обитель преподобному отцу
архимандриту Лаврентию [8 марта 1740 года]....229
Промемория из томского Алексеевского монастыря Миллеру
от 19 мая [1740 года]....229
Доношение 11 человек монастырских крестьян от 1 июля [1741 года]....231
Запись, за подписом подьячего Тоболкина с припиской сверху
«копия», 1742 года....233
В отходящей за 1742 год....233
Книга града Томского заказа духовного правления дел, записная приходящим
указам, промемориям и подаваемым доношениям, духовным росписям
и прочим делам, бытности закащика Богоявленской церкви священника
Михаила Григорьева, сына Пушкарёва, 1743 года....233

Промемория из Алексеевского монастыря к заказным делам за подписом наместника иеромонаха Авксентия37 от 22 марта 1745 года 234
Рапорт поручика Волкова 19 марта 1746 года 235
Книги города Томска Богоявленской церкви [1747–1749 годов] 235
Промемория Сибирской губернской канцелярии от 11 мая 1748 года 236
Показания казаков, сеявших в Омской крепости яровой хлеб, [1750 года] 237
Из Омской управительской канцелярии, от 5 февраля 1750 года 237
Промемория из консистории преосвященного Сильвестра, митрополита Тобольского и Сибирского, 20 марта 1750 года 237
Рапорт капитана Поршина от 10 апреля 1750 года 239
Рапорт Томской воеводской канцелярии 31 июля 1750 года 239
Рапорт Томской воеводской канцелярии 21 августа 1750 года 239
Рапорт Нарымской воеводской канцелярии 20 сентября 1750 года 239
Рапорт Томской воеводской канцелярии 13 октября 1750 года 240
Рапорт Тюменской воеводской канцелярии 16 октября 1750 года 240
Рапорт майора Дониуса 23 декабря 1750 года 240
Промемория Сибирской губернской канцелярии, август 1751 года 240
Рапорт Томской воеводской канцелярии 11 сентября 1752 года 241
Рапорт Томской воеводской канцелярии 25 октября 1755 года 242
Промемория Сибирской губернской канцелярии бригадиру Фрауендорфу 31 августа 1758 года 242
Список выселившихся из Енисейской провинции в Бийскую крепость, 15 мая 1760 года, крестьян и разночинцев и выписных казаков 243
Промемория из Колывано-Воскресенской заводской конторы, 30 сентября 1760 года 243
[Документ 1760 года] 247
Рапорт Чернолуцкой конторы от 29 мая 1761 года 247
Комментарии 249
Редкие или забытые слова и выражения XVIII в 272
Именной указатель 281
Географический указатель 294

Научноеи здание

ПРОСТРАНСТВО СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА И СИБИРИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ XVIII В.

(ПО ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ ПУБЛИКАЦИЯМ Г.Н. ПОТАНИНА)

Редактор Н.А. Сидорова
Компьютерная верстка Т.В. Дьяковой

Подписано к печати 28.12.2012 г. Формат 60x84 1/16.
Печ. л. 19,6; усл. печ. л. 18,3; уч.-изд. л. 18,8.
Тираж 300. Заказ №

ООО «Издательство ТГУ», 634029, Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1.